

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации
Научно-исследовательская словарная лаборатория

НА КРЫЛЬЯХ СЛОВА

Материалы международной заочной научной конференции,
посвященной юбилею доктора филологических наук,
профессора С.Г. Шулежковой

Магнитогорск 2015

УДК 81
ББК Ш 10
Н 119

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
Челябинского государственного педагогического университета
Л.А. Гликина

Доктор филологических наук, профессор
Череповецкого государственного университета
Е.В. Грудева

На крыльях слова : материалы междунар. заоч. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / Науч.-исслед. словарн. лаб., каф. РЯОЯиМК ; гл. ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова ; чл. редколл. : С.А. Анохина, И.С. Клинова, Е.П. Соколова, Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. – 420 с.

ISBN 978-5-7114-0534-4

Сборник, приуроченный к юбилею доктора филологических наук, профессора Магнитогорского государственного технического университета С.Г. Шулежковой, включает около 70 научных статей, в которых рассматриваются различные аспекты истории славянских языков, фразеологии, крылатологии, лексикографии, лингвокультурологии. Круг обсуждаемых лингвистических проблем отражает сферу научных интересов юбиляра. Авторы сборника – ученые из 7 стран мира (России, Германии, Польши, Сербии, Словакии, Украины, Хорватии).

Сборник адресован ученым-филологам, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется языкознанием.

Фото **В.И. Шустикова**
Макет **А.А. Осиповой**

УДК 81
ББК Ш 10

ISBN 978-5-7114-0534-4

© Авторы статей, 2015

*Для великих дел необходимо
неутомимое постоянство*

Я К ВАМ ПИШУ...
(поздравительные слова юбиляру)

Как известно, юбилей – всегда неожиданность для коллег, друзей и... для самого юбиляра. Однако юбилей профессора Светланы Григорьевны Шулежковой воспринимается особенно сложно... Ощущение такое, что Светлана Григорьевна где-то только на этапе золотой середины. С одной стороны, сделано очень много, и все со знаком золотого достоинства. Меня впечатлило уже первое знакомство с ее работами по устойчивым словосочетаниям в языке южноуральских официально-деловых документов XVIII в. Уже тогда, в конце 70-х гг. XX века, почувствовал: автор – глубокий профессионал! Затем, в 1995 году, появилось «крылатое исследование». *Крылатое* во всех смыслах: оно отражается не только в названии ее докторской диссертации («Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие») но и в той импликационной энергетике, которая оказывает благотворное влияние на соратников по фразеологическому цеху – коллег по созданной Светланой Григорьевной научной лаборатории, многочисленных аспирантов, чьи работы оригинально развивают идеи Учителя, на фразеологов, работающих далеко за пределами Магнитогорска. Причем в сфере ее научных интересов одна из приоритетных областей фразеологии – историческая идиоматика. С ее легкой руки развивается новая ветвь этой дисциплины – крылатология. Имя профессора Светланы Григорьевны Шулежковой известно любому студенту-филологу, так как в каждом университете настольными книгами стали учебные и монографические пособия по старославянскому языку. В мир старославянского языка будущих филологов вводит не только учебник и хрестоматия, но и такие увлекательные издания, как «От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений», «Фразеологический словарь старославянского языка». Коллеги из разных вузов России благодарны Светлане Григорьевне за неоценимый подарок – «Историю лингвистических учений». Все, кто познает тайны образной речи, не мыслят своего научного поиска без словарей, созданных нашим юбиляром: «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» (в соавторстве с В.П. Берковым и В.М. Мокиенко), «Словаря крылатых

выражений из области искусства», «Русско-польского словаря крылатых слов» (в соавторстве с В.М. Мокиенко и В. Хлебдой). А чего стоит увлекательное исследование об источниках 1500 крылатых слов и выражений «И жизнь, и слезы, и любовь...»! Оно интересно и ценно для всех (журналистов, филологов, студентов, педагогов, школьников), поскольку приобщает к этическим ценностям, прививает художественный вкус, формирует остроумную русскую речь, навсегда внедряя в языковое сознание каноны русской этнокультуры. Незабываемы научные симпозиумы, организованные проф. С.Г. Шулежковой.

Сегодня у прекрасного ученого, доктора наук, профессора юбилей. Встречает его Светлана Григорьевна в прекрасной научной форме. Всегда стройна, изящна и элегантна. Всегда доброжелательный собеседник, вдумчивый и терпеливый коллега, добрый и отзывчивый человек, глубокой *интеллигентности* которого не нанесли ущерба ни должности, ни звания, ни время.

Николай Федорович Алефиренко (г. Белгород, Россия)

**Профессору Светлане Григорьевне Шулежковой
к ЮБИЛЕЮ**

Глубокоуважаемая Светлана Григорьевна!

Преподаватели и студенты института славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнста Морица Арндта сердечно поздравляют с юбилеем Вас – выдающегося ученого, одного из виднейших российских исследователей-русистов. Нам особенно приятно поздравлять Вас, потому что Ваш университет и нас связывает многолетняя дружба и сотрудничество в области филологии.

Вашему перу принадлежат фундаментальные монографии и словари, которыми пользуются русисты многих стран. Среди них книга «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие»; дважды изданный «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка»; словарь «И жизнь, и слезы, и любовь...»; «Фразеологический словарь старославянского языка»;

очерки о судьбах библейских крылатых выражений «От земли обетованной к небесам обетованным» и мн. др.

Особенно значителен и плодотворен Ваш вклад в изучение и словарное описание русской литературной речи. Начав свой исследовательский путь с изучения памятников старой русской письменности, Вы неизменно приходили к классической и современной русской литературе. Вы создатель известной во всей Европе школы Крылатологии, ставшей патриархом многих лингвокультурологических и лексикографических исследований. Мощным итогом Вашей неистощимой творческой активности стали Ваши книги и словари, которые значительно обогатили арсеналы современной русистики.

Ваши труды, известные не одному поколению филологов, внесли неоценимый вклад в науку о русском языке, снискали своей основательностью, оригинальной трактовкой фактов почет и уважение коллег и учеников. Мы выражаем слова благодарности за Ваш вклад в нашу общую науку и с нетерпением ожидаем Ваших новых статей и книг.

По случаю Вашего славного юбилея примите наши самые теплые и искренние поздравления и заверения в глубочайшем уважении.

От всей души желаем доброго здоровья и благополучия Вам и Вашей семье! Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag!

От имени преподавателей и студентов института славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнста Морица Арндта

Харри Вальтер (г. Грайфсвальд, Германия)

**НАШЕЙ КРЫЛАТОЙ СВЕТЛАНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ
ШУЛЕЖКОВОЙ**

Светлана Григорьевна Шулежкова могла бы стать прекрасным прототипом героини романа или повести о жизни и ежедневном подвиге русской женщины – ученого, педагога, матери, жены... Ее славные три четверти века совпали с глубокими потрясениями в жизни страны: Великая Отечественная война, разрушенные семьи

и дома, великие стройки, распад Советского Союза... И все-таки – живая Россия, которую Светлана Григорьевна бесконечно любит!

Сильный, волевой характер С.Г. Шулежковой выковала сама жизнь. Маленькая шуплая девчушка из казахстанского детдома, золотая медалистка, увлеченная в равной мере математикой и филологией, она стала отличницей на «истфиле» ЧГПИ, поступила в аспирантуру к профессору Г.А. Турбину и оказалась первой диссертанткой по историческому лингвокраеведению XVIII века на Южном Урале. Хотя всю свою трудовую жизнь Светлана Григорьевна проработала в Магнитогорске, она духовно осталась навсегда родной Челябинскому педагогическому. С.Г. Шулежкова участвовала в грантах РГНФ по лингвистическому источниковедению, в радиобеседах по русскому языку, была одним из самых блестящих оппонентов и рецензентов Челябинского диссертационного совета.

Подлинным триумфом научной жизни стала докторская диссертация С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», опубликованная монография по которой была одной из первых работ, определивших выделение крылатологии как особого направления лингвистики. С.Г. Шулежкова являлась соавтором «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» (Москва, 2000; Магнитогорск, 2008–2009), организовала уникальную Научно-исследовательскую словарную лабораторию, которая работает почти 15 лет. Огромную роль в развитии крылатологии и фразеологии сыграли организованные под руководством С.Г. Шулежковой три Международных симпозиума по русской лексикографии и фразеографии, в которых приняли участие ученые из 15 стран.

Наш юбиляр тесно сотрудничает с учеными-славистами Германии, Польши, Болгарии, Словакии, Украины и др. государств. Желаем успеха в работе над совместными проектами!

В чем секрет уникальности и успешности нашего юбиляра? Коротко ответить трудно. И все-таки – это редкий сплав:

- жесткой самодисциплины, самоконтроля и ответственности;
- чувства коллективизма как «материнской основы» в любом деле;
- невероятной отваги в самых острых ситуациях борьбы «за други свои и за правду»;
- бесконечной щедрости души (бескорыстно делится идеями, мыслями, знаниями);
- и, пожалуй, самое редкое качество – удивительная способ-

ность эмпатии, сопереживания, ей дано свыше ощущение сопричастности судьбе других людей, она готова немедленно подключиться, помочь, восстановить справедливость.

Коллеги, студенты, аспиранты отвечают Светлане Григорьевне глубочайшим уважением, теплом и благодарностью. Не в этом ли счастье?

Дорогая Светлана Григорьевна!

Филологи Южного Урала сердечно поздравляют Вас с красивым большим юбилеем! Alma mater (ЧГПУ) искренне гордится заслугами своей талантливой выпускницы. Доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы, Вы стали замечательным профессионалом, плодотворно работающим, востребованным вузовским педагогом. Ваши учебные пособия по истории русского языка, старославянскому языку, Хрестоматия по старославянскому языку, общему языкознанию и истории лингвистических учений получили признание в России и Западной Европе. Вы стали подлинным ученым, преданным отечественной науке.

В юбилейный день мы желаем нашей дорогой, любимой и поистине крылатой Светлане Григорьевне:

- ❖ Крепости и молодости духа и тела!
- ❖ Новых научных побед!
- ❖ Успешного завершения работы над словарем старославянского языка!
- ❖ Тепла и благополучия в Большом и малом доме!

Спасибо, дорогая Светлана Григорьевна, что Ваш полет продолжается! Мы все желаем Вам еще долго-долго оставаться крылатой!

С любовью и благодарностью – Ваши челябинские коллеги.

*От имени коллектива кафедры русского языка и методики
обучения русскому языку Челябинского государственного
педагогического университета Лидия Андреевна Глинкина,
Наталья Владимировна Глухих*

Я к Вам пишу. Сегодня не могу молчать, потому что даже из моего прекрасного далёка видно: огней так много золотых на улицах Челябинска... И неудивительно: празднует не только Магнитогорск, но и вся область. Да что там область! Москва, Горький – далее везде... И, конечно, Киев, откуда есть пошла наша дорогая Светлана Григорьевна Шулежкова.

Не был, не состоял, не участвовал, не привлекался – это не о ней. Была, есть и будет скромной и великой труженицей, преданной науке и добру человечеству; состояла, состоит и будет состоять в партии самоотверженных педагогов и лексикографов; участвовала, участвует и будет участвовать в работе комиссий, советов, редколлежий; привлекалась на симпозиумы, конференции, конгрессы, в творческие коллективы и сама организовывала, организовывает и будет организовывать их. Все могут короли и Светлана Григорьевна, каждый раз ставящаяся перед собой планку все выше, и выше, и выше и заставляющая восхищаться плодами рук её.

Поэтому, дорогая Светлана Григорьевна, сегодня брызги шампанского – на Ваш синенький скромный платочек, миллион, миллион алых роз – к Вашим ногам.

Пусть всегда будет солнце для Вас улыбающимся, пусть всегда будут небесно чистыми глаза Ваших родных, пусть всегда будут заботиться о своей научной маме Ваши ученики, пусть всегда будете Вы!

*Из Украины с любовью –
Людмила Петровна Дядечко (г. Киев)*

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КОСТРОМСКИХ КОЛЛЕГ

Глубокоуважаемая Светлана Григорьевна!

Костромская научная фразеологическая школа сердечно поздравляет Вас с юбилеем!

Желаем Вам здоровья, профессиональных успехов, новых достижений в научном творчестве, радости и благополучия.

Высоко ценим Вас как одного из ведущих отечественных Ученых в области фразеологии и фразеографии, крылатологии, общего языкознания и истории лингвистических учений, как высококвалифицированного Филолога, добросердечного, строгого, справедливого и мудрого Наставника научной молодежи, как внимательного, чуткого, эмоционального Собеседника.

С большим удовольствием читаем Ваши книги и словари, искренне проникнутые любовью к Слову, насыщенные яркими и оригинальными фактами, глубокими размышлениями.

Восхищаемся Вашим огромным трудолюбием, бескорыстным служением российской Науке, отличными организаторскими способностями, равнодушным отношением к работе, коллегам, ученикам.

С признательностью, костромские коллеги:

*Алина Михайловна Мелерович,
Мадина Александровна Фокина,
Ирина Юрьевна Третьякова,
Александр Евгеньевич Якимов*

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДРУГУ И О ДРУГЕ

Проходят годы и десятилетия. И в какой-то момент хочется оглянуться на прошедшее и что-то понять и оценить в нем.

Жизнь соединяет людей иногда мгновенно, позволяя им познакомиться, а потом разъединяет их в пространстве, но оставляет нетронутыми прочные нити обнаружившейся их духовной близости.

сти. И ты понимаешь, что давнишнее как будто случайное знакомство и было настоящим судьбоносным для дружбы навсегда.

Помню в деталях нашу с Вами, дорогая Светлана Григорьевна, встречу в 1965 году... Написала это и вдруг только сейчас поняла, что нынешний 2015 год – это не только Ваш личный юбилейный, славный и достойный с каждым прожитым и с каждым последующим годами, но и юбилейный для нашего полувекового (!) знакомства и, самое главное, для нашей дружбы, которая шла и идет с нами вместе... И помогает разделить радость и выстоять в подчас сложных ситуациях.

Знакомство с Вами состоялось на всероссийской конференции в Череповце – на одном из первых фразеологических форумов. Потом было много разных общих для нас с Вами конференций и симпозиумов: фразеологических, лексикографических, лексикологических, по истории языка – в разных городах, столичных и периферийных, многих заграничных. И, конечно, это незабываемые, продуманные, подготовленные, интересные Магнитогорские симпозиумы...

Вы, Светлана Григорьевна, неустанно познаете новое в том направлении науки, которому остаетесь верной всю свою творческую жизнь. Ведь благодаря Вашей докторской диссертации (свидетелем защиты которой я была как один из официальных оппонентов) родился даже новый термин *крылатология* (от «старинного» названия *крылатые слова* для объекта Вашего яркого научного исследования). И его охотно приняли заинтересованные ученые. Ваша верность давнишнему увлекательному исследованию узнаваемых и воспроизводимых выражений из произведений искусства разных жанров привела к тому, что из этого выросли Ваши замечательные, оригинальные диссертация, монографии, словари.

Неслучайно опыт прошлой лексикографической работы позволил Вам создать такой же, как и Вы сами, преданный начатому лексикографическому труду коллектив Научно-исследовательской словарной лаборатории в Магнитогорском вузе. Именно Вашему энтузиазму в поиске, сборе копий дорогих и редких старославянских памятников обязан тот фонд текстов на старославянском языке, который является гордостью, опорой, источником увлекательных словарных статей для «Фразеологического словаря старославянского языка».

За Вашими научными работами всегда хочется, приятно, полезно следить и опытным, и начинающим исследователям, потому

что это образцы серьезных, детально проработанных и выверенных результатов тонкого, умелого проникновения в тайны текста, слова, фразеологизма. Всегда это ответственно реализованный научный труд, исполненный в настоящем научном стиле. В изящной, увлекательной манере, на прекрасном русском языке доходят до читателей убедительные выводы из проведенных Вами наблюдений.

Этому учите Вы, Светлана Григорьевна, и своих учеников, многие из которых стали верными Вашими сподвижниками в нелегкой деятельности настоящего вузовского научного работника.

Как творческий преподаватель-ученый Вы создали очень удачные по содержанию, достоверности и форме учебные пособия по старославянскому языку, по истории лингвистических учений. К счастью, в родном Магнитогорском вузе не без Ваших усилий введен и преподается курс, связанный с историей языкознания, важный для развития кругозора и для выработки умения сознательно анализировать сложные пути становления, развития человеческой мысли при постоянном стремлении человека постичь уникальность членораздельной способности общаться и выражать информацию. Энциклопедически полно, ясно и с глубоким уважением к ученым прошлого и настоящего освещаются в таком учебном пособии этапы того, как внимательные к языку умы стремились объяснить эту способность. Выбор Вами формы подачи сведений служит и образовательно-просветительским целям самого текста пособия, и решению увлекательных задач-вопросов по соответствующим разделам. А желающий *слышать* и *услышать* слово учебника лучше понимает и усваивает материал и начинает интересоваться проблемами лингвистики.

Вы, Светлана Григорьевна – верный и надежный спутник в жизни тех, кому посчастливилось вместе с Вами, удивительным человеком, жить (семья), работать (коллеги), дружить (люди разных возрастов из разных уголков земли).

Смелая и принципиальная, не оглядывающаяся на формальный ранг человека, наша Светлана Григорьевна принимает во внимание только конкретную ситуацию другого, когда этот другой нуждается в поддержке, и приходит на помощь. Это замечательная (и не часто встречающаяся) черта Настоящего Человека.

Дорогая Светлана Григорьевна! Так много хочется сказать Вам и о Вас в Ваш праздник... Так тепло и часто (как, безусловно,

и все, кто знает и ценит Вас) думаю о Вас – с благодарностью за то начало и продолжение нашей человеческой и научной дружбы...

Искреннее пожелание самого доброго и благополучного во всем и надолго Вам и Вашим близким. И напомним очень простой, но глубокий по смыслу польский фразеологизм-пожелание: *STO LAT!*

Ваша Лариса Яковлевна Костючук (г. Псков, Россия)

Сотрудники кафедры славянской филологии и Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета и члены Фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов присоединяют свой голос к многочисленным поздравлениям в адрес Юбиляра – **профессора Светланы Григорьевны Шулежковой.**

Мы знаем Вас, дорогая и глубокоуважаемая Светлана Григорьевна, как неутомимого ценителя, знатока и исследователя русского языка и культуры в широком лингвистическом контексте. На этом поприще Вами сделано так много, что одно перечисление Ваших трудов составило бы само по себе целую книгу.

Ваше имя стало известно всем русистам с конца 1960-х годов, когда Вы опубликовали свои первые работы по древнерусской лексике и фразеологии. В них и в своих последующих фундаментальных трудах Вы убедительно доказали, что лексическая и фразеологическая система русского языка подчиняются строгим структурным и семантическим закономерностям. Сформулировав их и продемонстрировав их действенность на многих ярких примерах, со вкусом и любовью извлеченных из многочисленных текстов, Вы предвосхитили многие инновативные идеи современной отечественной и европейской лексикологии, фразеологии и крылатологии. Ваши же словари, в которых теоретические идеи получили новаторское практическое воплощение, стали и продолжают оставаться образцом креативной современной лексикографии, не имеющей аналогов в лексикографическом пространстве.

Именно благодаря Вашим, Светлана Григорьевна, усилиям, Вашей убежденности в необходимости такого дела, как словарное описание русского Слова во времени и пространстве, оно было

поднято на высокий государственный уровень, став ведущей темой научных исследований Магнитогорского университета. Будучи Основательницей известной Магнитогорской Лексикографической Школы, Вы воспитали целую плеяду талантливых учеников и последователей, развивающих Ваши продуктивные идеи. В их трудах создается значимая лингвистическая модель описания динамических процессов, характерных как для современного русского языка, так и его древнейшего состояния – модель, которая позволяет раскрыть общие закономерности этих процессов.

Вашими усилиями создан Магнитогорский лексикографический центр, который излучает идеи и создает новаторские словари, подобно нашему Межкафедральному словарному кабинету им. Б.А. Ларина. Благодаря Вашим усилиям и коллективному труду Ваших сподвижников и учеников Магнитогорская лексикография стала флагманом нашей русистики. Мы благодарны Вам за это многотрудное Деяние.

Вы, Светлана Григорьевна, являетесь инициатором и участником многих конференций и симпозиумов, проходивших под Вашей эгидой во время Вашего многолетнего служения русистике в Магнитогорском университете. Ваши отечественные и международные лексикографические научные проекты породили немало инициатив, привлекли в русистику молодежь.

Именно благодаря Вашим, Светлана Григорьевна, усилиям, Вашей убежденности в необходимости Крылатологии как одной из неотъемлемых составляющих общей лингвистики и русистики, ее изучение было поднято на высокий научный уровень, став ведущей темой исследований не только в Магнитогорском университете, но и во многих других лексикографических и фразеологических центрах.

Мы, ленинградские/петербургские лексикографы и фразеологи, имели счастливую возможность наблюдать за Вашей инициативной и энергичной научной и организаторской деятельностью. Благодаря Вашим усилиям и коллективному труду Ваших сподвижников Магнитогорская и Петербургская лексикографические и фразеологические школы работают в постоянном контакте и научном взаимодействии. Мы благодарны Вам и за это объединительное Деяние, продолжающее дружеские связи наших Учителей и предшественников.

Мы желаем Вам, дорогая Светлана Григорьевна, многих лет счастливой жизни, доброго здоровья, неугасимой крылатологиче-

ской энергии и творческого горения для воплощения в жизнь все новых и новых планов и проектов, которые неустанно рождает Ваша ищущая мысль.

МНОГАЯ-ПРЕМНОГАЯ ЛЕТА!

*Ваши Валерий Михайлович Мокиенко и
Петербургские друзья и коллеги-слависты,
русисты и лексикографы Межкафедрального
словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина
Санкт-Петербургского университета
и члены Фразеологической комиссии при
Международном Комитете славистов*

Мы со Светланой Григорьевной познакомились давно. Даже точно не помню, где. Знаю, что это было на какой-то конференции и, слушая ее выступление, я сразу поняла, что это исследователь, имеющий огромный багаж знаний, и, что является весьма важным, ученый, который эти знания умеет передавать своим коллегам. И делает это с увлечением.

Когда я читаю работы Светланы Григорьевны, перелистываю ее словари, я во всем чувствую ясный и четкий план, совершенную организацию текста, ясно сформулированную мысль.

Общаться со Светланой Григорьевной очень легко. Она умеет слушать, всегда интересуется, чем коллеги занимаются, над чем работают. И, как все великие люди, радуется чужому успеху.

Дорогая и уважаемая Светлана Григорьевна, от всего сердца поздравляю Вас с юбилеем, желаю Вам здоровья, благополучия и еще много творческих успехов!

Желька Финк (г. Загреб, Хорватия)

«ПОСВЯЩЕНИЕ В АЛЬБОМ...»

Такое бывает нечасто: всего несколько встреч, неслучайных, правда, но коротких, в конференционной спешке, – и чувство глубокой,

прочной, неподдельной связи, понимание друг друга с полуслова. А когда люди, скорее всего, немногословны, как мы со Светланой Григорьевной, – полуслово особо весомо.

Наша первая встреча состоялась ровно 20 лет тому назад на чешской земле, в Оломоуце, во время симпозиума «Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры», вторая – год спустя в Польше, когда Опольский университет организовал достопамятную конференцию «Фразеология и религия». Названия этих двух научных встреч образуют и определяют пространство, в котором мы со Светланой Григорьевной находили общий язык как в чисто профессиональном, так и в духовном, этическом, человеческом отношении. А так как, по словам Николая Добронравова, ничто на земле не проходит бесследно, эти две встречи (за которыми последовало еще несколько других – в Щецине, в Минске, еще и еще раз в Ополе) оставили свой заметный, неизгладимый след не только в моей личной памяти, но и, смею утверждать, в нашей отечественной фразеологии. Книга профессора С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», первое издание которой, тогда только что вышедшее, я получил из рук Светланы Григорьевны в Оломоуце, ободрила и меня, и еще нескольких польских фразеологов, показывая нам, что путь от фразеологии к крылатологии возможен, краток и перспективен, а филологическая крылатография открывает в словарном деле вообще новые пространства. С искренней благодарностью вспоминаю инициативу Светланы Григорьевны издать в 2003 году в соавторстве с Валерием Михайловичем Мокиенко толково-переводной «Русско-польский словарь крылатых слов» (2003), настоящий лексикографический полигон; без этого опыта в польской переводной лексикографии и металексикографии последних десяти лет многое бы и не случилось. И хотя научный кругозор профессора С.Г. Шулежковой чрезвычайно широк, нам в Ополе особо полюбились крылатологические и крылатографические работы Светланы Григорьевной, бережно хранимые в библиотеке нашего словарного кабинета.

Всем нам, опольским фразеологам-лексикографам, профессор Светлана Григорьевна Шулежкова запомнилась как требовательный, в высшей степени компетентный, опытный и мудрый специалист – и в то же время на редкость скромный, сдержанный и отзывчивый человек.

Спасибо Вам за все посеянное Вами – не только на родную ниву – разумное, доброе, светлое. Крепкого Вам здоровья. Многая лета, Светлана Григорьевна!

Войцех Хлебда (г. Ополе, Польша)

Так держать!

Светлана Григорьевна, а для нас Света, Светочка, наш Светоч. 50 с лишним лет мы видимся с ней только летом на наших встречах – встречах выпускников историко-филологического факультета 1962 года (мы собираемся ежегодно!). К сожалению, нас становится все меньше. В этом году пришли на встречу лишь 7 человек. Но Света, как бы занята ни была (у нее работа, дети, внуки), всегда находит время приехать из Магнитогорска в Челябинск. Потому что чувство дружбы, коллективизма у нее одно из главных. Светлана Григорьевна – большой ученый, Почетный профессор Магнитогорского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы – недостижимый образец для нас, однокурсников, среди которых и вузовские преподаватели.

Выдержка из анкеты 2012 года: «Институт мне дал все, я обязана ему всем, что есть у меня. Здесь у меня самые лучшие друзья, которые все 5 лет заботились обо мне, и я пытаюсь возвращать этот долг всю жизнь». А этот долг – знания, которые получила от своих лучших педагогов – профессоров Г.А.Турбина, Л.А. Глинкиной, она возвращает в десятках научных трудов (чего стоит только «Большой словарь крылатых слов и выражений», составленный вместе с российскими учеными В.П. Берковым и В.М. Мокиенко и содержащий более пяти тысяч единиц на 1300 страницах, – словарь, известный в Европе!)

Из воспоминаний однокурсниц, которые жили вместе в общежитии.

Людмила Журавлева: Меня связывает со Светланой Григорьевной более полувека жизни и две общественно-политические формации. Мы вместе учились в родном ЧГПИ, но не только. Мы вместе жили в общежитии. Я была свидетелем, как рождался талантливый ученый.

День начинался с зарядки, а потом все строго по режиму. Ни минуты праздности. Занятия, занятия, занятия! У нас кабинеты работали до 23 часов. Именно в это время мы выходили из института очень часто. У Светы была страсть к занятиям. Мы, подруги, не переставали восхищаться Светой и старались ей подражать. В это время мы строили коммунизм и пели: «Жить и верить – это замечательно. / Перед нами небывалые пути. / Утверждают космонавты и мечтатели, / Что на Марсе будут яблони цвести». (Боже, какими мы были наивными!) Мы учили Кодекс строителя коммунизма. И я всегда думала, что при коммунизме люди будут именно такие, как Света, которая свято следовала завету из Морального Кодекса: человек человеку – друг, товарищ и брат.

Света с ее безграничной верой в людей и добрые идеалы, бескорыстием и полной самоотдачей, с удивительной верностью дружбе – лучшее дитя нашего светлого прошлого. Мы любим ее, гордимся ею и завидуем Магнитогорскому университету. Мы радуемся Зениту действительно талантливого Ученого, прекрасного педагога, любящей матери и бабушки, надежного друга.

Желаем Светлане Григорьевне трудоспособного долголетия. Бесполезно ей желать другого: будет работать до конца жизни. Но для этого нужно здоровье. Здоровья! Здоровья! Здоровья! И новых книг!

Лидия Курбатова: Светлана – очень дорогой и близкий мне человек, моя подруга студенческой юности. Мы прожили вместе в комнате общежития почти 5 лет. Сколько было радости, счастья от общения с ней! Сколько было поведано девичьих секретов, сколько спето песен! Как мы говорили и мечтали о будущем! Жизнь разлучила нас. Я уехала с мужем, военным, на Дальний Восток, потом в Пермский край. Но мы всегда все знали друг о друге – теперь уже в письмах. Нашей дружбе сегодня 58 лет. И самым большим подарком для меня был приезд Светы ко мне на золотую свадьбу. Спасибо тебе, Светочка, за верность дружбе, за твое большое доброе сердце. С юбилеем тебя!!

Людмила Конькова: Я помню Светлану по учебе на курсах ФПК в Ленинграде в 1970-е годы. Жили мы в разных комнатах в общежитии на Васильевском острове, но каждое утро Света заходила за мной и мы вместе делали зарядку. К учебе относилась она очень ответственно, много времени просиживала в библиотеках, а потом активно выступала на семинарах и конференциях; доклады ее были

интересными, своеобразными, вызывающими большой отклик у слушателей ФПК. Организованности и целеустремленности Светланы можно только позавидовать! Так держать!

Зайкова М.А., ветеран кафедры русского языка ЧГПУ: А я помню, как в 1960-е годы мы со Светой бегали вместе на зарядку в детский парк, когда она училась в аспирантуре (я жила тогда в районе горбольницы). Меня потрясло также то, как в 2000-м году, будучи у Светланы Григорьевны на 60-летию в Магнитогорске, я узнала, что она по утрам бежит 3 километра. Какая воля!! Это в 60 лет!!! Еще позднее: в 2008 году в санатории «Урал» отдыхали в одно время со Светой. И опять она в 6 утра на берегу озера делает зарядку и купается. И так всю жизнь. Поэтому Светлана всегда в прекрасной физической форме, в свои семьдесят пять она выглядит так же, как в 60. И так же мобильна – сколько поездок за год? Об этом спросите у нее.

В этот серьезный юбилей мы, однокурсники, шлем тебе, дорогая Светочка, уважаемая Светлана Григорьевна, самые теплые наши чувства, и пусть не остывает твой комсомольский задор! Новых целей, задач и успешного их решения на новых жизненных просторах. Здоровья и счастья в семье!

«Светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг твой и солнца!»

Твои однокурсники

МАЛЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ, МИРОВОЙ НАУЧНОЙ ВЕЛИЧИНЕ – С.Г. ШУЛЕЖКОВОЙ

Есть люди, встретить которых на жизненном пути – большая и редкая удача.

Нам повезло! В нашей жизни есть Вы, СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА, – Большой Ученый, Большой Учитель, Огромной Души Человек и маленькая женщина. За Вашими хрупкими плечами сегодня стоит уже целая армия учеников.

Ваши стойкость, сила характера, воля, целеустремленность, исследовательский и управленческий талант, высочайший профессионализм ведут нас по жизни с того момента, когда мы пришли

впервые на Ваши курсы старославянского, истории и теории языка, фразеологии, аспирантские семинары.

Ваша требовательность, неугасающая вера в наши силы и способности не позволяют нам успокаиваться, останавливаться на достигнутом, пасовать перед жизненными трудностями.

Удивительно, но нелегкое сиротское детство и юность каким-то образом не научили Вас приспосабливаться и «прогибаться под изменчивый мир», НО напротив, сформировали острое чувство справедливости по отношению к другим людям, самоотверженность, честность и неуспокоенность.

Спасибо судьбе, проведению и Вам за то, что в нашей жизни есть ВЫ и наука, которую Вы для нас открыли!

Здоровья, новых творческих побед и новых воспитанников!

Ваши преданные ученики

Светлана Григорьевна Шулежкова – это гордость нашей кафедры, это ученый, имеющий высочайший авторитет среди коллег и студентов, это мудрый и тонкий человек с богатым жизненным опытом и твердым, волевым характером.

Главное качество Светланы Григорьевны – постоянное стремление вперед, к достижению цели, но не личной, корыстной, а обязательно коллективной, объединяющей людей и преумножающей их творческие способности. Она человек-созидатель, творец, преобразующий мир вокруг себя и людей в этом мире. Там, где она, людям живется светлее, с ней легче переносятся невзгоды, потому что она всегда протянет руку помощи. Нужно уметь, как она, не только сочувствовать в беде, но и искренне радоваться успехам других.

Рядом со Светланой Григорьевной мы, несмотря на свой уже многолетний педагогический стаж, до сих пор чувствуем себя учениками: стремимся познать секреты ее мастерства, применить разработанную ею методику в своей преподавательской деятельности, преклоняемся перед научной эрудицией блестящего лектора – нашего Учителя Светланы Григорьевны.

А у нее по-прежнему, как и в годы молодости, много учеников. К ней интуитивно тянутся студенты, как было когда-то и с нами. Постоянно вспоминаем с коллегами фразеологический кру-

жок, организованные Светланой Григорьевной поездки на первые в нашей жизни научные конференции. Это было начало нашей взлетной полосы, как говорил профессор Л.А. Заманский о студенческих годах. Светлана Григорьевна помогла нам так разогнаться на старте, что нам по силам стало и поступление в столичную аспирантуру, и защита диссертаций, и многое-многое другое.

Сегодня Светлана Григорьевна руководит научной школой, имеет много последователей не только в России, но и за рубежом.

Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации высоко ценит и любит Вас, Светлана Григорьевна! С юбилеем! Многие лета Вам!

Шулежкова Светлана Григорьевна – ученый с мировым именем, педагог от Бога. Быть ее коллегой – не только большая честь, но и большая ответственность – очень уж высокому уровню приходится соответствовать. Человек старой закалки, несгибаемый борец за справедливость, Светлана Григорьевна умеет победить в самой трудной ситуации, но еще важнее то, что она знает, как вдохновить на победу других. Цели ее всегда благородны, она увлекает своих учеников сложными научными проблемами, навсегда прививая им верность выбранному пути. Научная школа Светланы Григорьевны – гордость нашего университета.

Юбилейный сборник статей, который Вы держите сейчас в руках, – это признательность научного сообщества большому ученому. Это благодарность за огромный многолетний труд, за неоценимый вклад в развитие науки.

Дорогая Светлана Григорьевна! Желаю Вам новых идей, побед, свершений!

Первый проректор – проректор по научной и инновационной работе МГТУ им. Г.И. Носова М.В. Чукин

*С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово...
Л. Мартынов*

*Е.Г. Акимова
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого (Россия)*

О НЕКОТОРЫХ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦАХ В РОМАНАХ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Писателя Александра Проханова характеризует прекрасное владение фразеологическим богатством русского языка. Его художественная проза насыщена узуальными и окказиональными фразеологизмами, важное место среди которых занимают крылатые единицы (КЕ).

В понимании термина мы следуем за С.Г. Шулежковой, отмечающей, что крылатые выражения – это «необычные языковые единицы. Обладая набором дифференциальных признаков, свойственных любой раздельнооформленной языковой единице, они отличаются от “безымянных” языковых единиц своеобразным семантическим “довеском”: их значения “отягощены”, “чреватые” генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулежкова 2001: 33].

В романах А.А. Проханова встречаются такие крылатые выражения, как: *Белеет парус одинокий* в романе-автобиографии «Надпись», *Вставай, страна огромная* в романах «Красно-коричневый» и «Человек звезды», *Давайте жить дружно* в романе «Теплоход “Иосиф Бродский”», *Красота спасет мир* в «Крейсеровой сонате» и «Последнем солдате империи», *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку* в «Господине Гексогене» и ряд других, среди которых встречаются и крылатые выражения иноязычного происхождения: *Молчание – знак согласия* (из лат.); *Мой дом – моя крепость* (из англ.); *Оставь надежду всяк сюда входящий* (из итал.) и др.

Так, *Молчание* – *знак согласия* – выражение, употребленное папой римским Бонифацием VIII в одном из своих посланий, вошедших в каноническое право. В «Большом словаре крылатых слов и выражений» авторов-составителей В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой отмечено, что выражение это «восходит к Софоклу, в трагедии которого “Трахинянки” сказано: “Разве ты не понимаешь, что молчанием своим ты соглашаешься с обвинителем?” Находит аналогию и в латинской юридической пословице Qui tacet consentire videtur – “Кто молчит, того можно считать согласным”. Ср. у Сенеки: Silentium videtur confession – “Молчание – согласие” или у Теренция: Tacent satis laudant – “Кто молчит, достаточно хвалит”. Говорится, когда на поставленный вопрос не отвечают, что позволяет предполагать утвердительный ответ» [Берков 2000: 280]. В военном романе А.А. Проханова «Идущие в ночи» в эпизоде прослушивания русскими солдатами разговора главы боевиков Шамиля Басаева с полевыми командирами наступает пауза. Это молчание свидетельствует о том, что Басаев задумался над предложением генерала Пушкова воспользоваться «свободным коридором» для вывода чеченских боевиков, что стало хорошей новостью для русских солдат, т. к. принятие этого решения означало неминуемую гибель Басаева: – *Отлично!.. – впервые возрадовался Пушков... – Басаев принял предложение!.. Пойдет на прорыв!.. – Эфир пустой, никаких перехватов... Вошли в режим молчания... – Тоже знак добрый... Молчание – знак согласие* (Идущие в ночи, т. 7, с. 56).

Другое крылатое выражение *Оставь надежду всяк сюда входящий* (перевод с итальянского) «является цитатой из “Божественной комедии” Данте (Ад, 3, 9), где приводится надпись над воротами ада: Lasciate ogni speranza voi ch’entrate. Употребляется в значении “о чем-либо несбыточном, недоступном; о состоянии полной безнадежности, бесперспективности”» [Берков 2000: 349]. Например, в романе «Господин Гексоген» читаем: – *Добро пожаловать в “Электронную Хазарию”, – благодушно, бархатным голосом произнес Буравков, провожая гостей сквозь игривые декадентские интерьеры к стальной, окруженной двумя видеокамерами, электронными запорами двери, на которой Белосельцев мысленно прочитал грозную надпись: “Оставь надежду всяк сюда входящий!”* (Господин Гексоген, т. 6, с. 145). Герои романа оказываются в некой «лаборатории», созданной по проекту «Электронная Хазария». Здесь разрабатываются и

содержатся модели и проекции «всего»: на экранах программируется «мыслительный процесс человека», «отслеживается движение карьер, репутаций, восхождение по социальной лестнице», при нажатии нужной кнопки можно «углядеть действие оборонного лобби, возглавляемого еврейским вице-премьером», доступным глазу становится «невидимый миру заговор по удушению русского писателя» (Там же, с. 146-150). Все увиденное приводит главного героя романа в ужасное состояние: *Белосельцеву было жутко. Ему казалось, что он попал в плен к огромному клейкому грибу, который обступал его со всех сторон* (Там же, с. 151). Надпись над воротами ада, вспомнившаяся Белосельцеву при входе в лабораторию, помогает передать адскую обстановку, царящую в «Электронной Хазарии», ее губительное и разрушающее предназначение.

Одно из любимых крылатых выражений А.А. Проханова – *Враг будет разбит, победа будет за нами* – слова, завершающие речь министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, которая прозвучала по всем радиостанциям Советского Союза 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны с фашистской Германией [Серов 2003 <http>]. Ср.: *Белосельцев то встраивался в проходящие колонны, то отставал, чтобы видеть все новые и новые ряды бойцов. Враг будет разбит, победа будет за нами!* – кричал какой-то демонстрант, подымая стиснутый кулак (Последний солдат империи, т. 4, с. 268). Употребление этой фразеологической единицы в речи героев А.А. Проханова способствует созданию особого колорита происходящего события, демонстрирует боевой настрой, решительность участников.

Другая крылатая фраза, употребленная в романе-автобиографии «Надпись», – *Белеет парус одинокий* – давно приобрела символический смысл. Она используется как символ одиночества или идеальной, несбыточной мечты. Первоначально она взята М.Ю. Лермонтовым из неоконченной поэмы «Андрей – князь переяславский» (1828) русского писателя-романтика, офицера-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского: «Белеет парус одинокий, / Как лебединое крыло, / И грустен путник ясноокий, / У ног колчан, в руке весло». В 1832 г. М.Ю. Лермонтов написал свой «Парус», который он начал строкой из произведения А.А. Бестужева-Марлинского. И после публикации стихотворения эта строка – но уже как лермонтовская – стала крылатой. Позже советский писатель В.П. Катаев использовал

эту фразу для названия своей повести «Белеет парус одинокий». Примечательно, что у А.А. Проханова данное выражение наделяется добавочным смыслом: оно остается символом, но становится иллюзией, в которую радостно верить и упоминание о которой реализует мотив воспоминания. Ср.: *Смотрели [Коробейников, Васенька, Настенька и Валентина – Е.А.] в солнечную, прозрачно-зеленоватую воду, где мелькали рыбки, и Васенька все не мог разглядеть, где же на озере «белеет парус одинокий», а Настенька радостно кричала: «Вижу!.. Вижу!..» – хотя никакого паруса не было, а летели по воде далекие вспыхивающие ветры* (Надпись, т. 13, с. 36).

Крылатые единицы способны вступать в антонимичные отношения в соответствии с контекстом. Ср.: –... *Пусть себе «буря мглою небо кроет»! А мы ей: «Да здравствует солнце, да скроется тьма»!*.. (ОКО, с. 433). Первая фраза приобретает в данном контексте метафорический смысл: под ненастной погодой подразумеваются социальные беды общества или конкретных людей. Второе выражение употребляется в значении «пожелания, чтобы добро и справедливость победили». Используется как способ выразить собственную решимость следовать тому образу действий, который кажется говорящему наиболее справедливым и верным» [Серов 2003 [http](http://)].

Таким образом, крылатые единицы занимают важное место во фразеологическом фонде А.А. Проханова. Функции таких фразеологизмов, как и источники их происхождения, разнообразны. Они активно участвуют в создании речевой характеристики героев, в выражении авторской позиции, в реализации интертекстуальных связей, раскрывая смысл художественного произведения, формируемый «посредством ссылки на тот или иной текст», взятый «в предшествующей литературе» [Смирнов 1995: 11]. Апеллятивная функция интертекста в языке А.А. Проханова проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию.

Кроме того, крылатые единицы в языке А.А. Проханова выполняют экспрессивную функцию: посредством интертекста писатель сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, являются одиозными и хорошо

известными в обществе. Все это в значительной мере является важным элементом самовыражения автора.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : Рус. словари ; Астрель, 2000. – 624 с.

Проханов, А.А. Господин Гексоген. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб «Книговек», 2010. – Т. 6. – С. 7-700.

Проханов, А.А. Идущие в ночи. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб «Книговек», 2010. – Т. 7. – С. 7-390.

Проханов, А.А. Надпись. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб «Книговек», 2010. – Т. 13. – С. 7-892.

Проханов, А.А. ОКО / А.А. Проханов. – М. : Амфора, 2010. – 670 с.

Проханов, А.А. Последний солдат империи. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб «Книговек», 2010. – Т. 4. – С. 7-510.

Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/> (дата обращения: 29.01.2015).

Смирнов, И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) / И.П. Смирнов. – СПб. : Языковой центр филол. фак-та СПбГУ, 1995. – 192 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

**АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ БАШМАЧКИН
КАК НОМИНАЦИЯ ЧИНОВНИКА
(к вопросу об актуальности крылатой единицы)**

Фонд крылатых единиц (далее – КЕ) русского языка является ярчайшим компонентом русской языковой картины мира. В КЕ, по словам С.Г. Шулежковой, «как в осколках памяти многих поколений, искрится живой, “бойкий” русский ум; любит, томится, страдает, осуждает, предостерегает и смеется русская душа» [Шулежкова 2002: 35]. За каждой КЕ стоит не только источник ее возникновения, значение единицы, но и богатый спектр представлений народа о называемой реалии. В настоящей статье рассматривается КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин* как одно из многочисленных средств номинации чиновника.

В русском языке существует немало как лексических, так и фразеологических (в широком смысле этого термина) единиц, называющих чиновника. Особый интерес для исследователей номинаций чиновников представляют КЕ, значение которых представляет собой оценку типичных, по мнению русского народа, качеств чиновников. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» содержится пять КЕ, служащих для номинации чиновников: *Держиморда* – Неодобр. О самовольном и грубом администраторе, нагло обращающемся с людьми – особенно о чиновниках и управленцах [Берков 2000: 140]; *Швондер* – Неодобр. Грубый, нахрапистый, беспринципный бюрократ [Там же: 551]; *унтер Пришибе-ев* – Начальник-самодур, навязывающий всем свою волю, пресекающий всякие попытки действовать независимо, инициативно [Там же: 514]; *Молчалин* – Об угодливом, подлострастном карьеристе, чинуше [Там же: 280]; *Акакий Акакиевич [Башмачкин]* – Книжн. или публ. Устар. Выражение характеризовало забитых, покорных судьбе мелких чиновников царской России [Там же: 23]. Примечательно, что значения первых четырех единиц связаны с чиновником вообще, без привязки ко времени возникновения этих КЕ в языке и времени жизни называемых чиновников, а пятая, *Акакий Акакиевич*

[*Башмачкин*], представлена в словаре как историзм, называющий реалии царской России.

Обратившись к другим словарям, мы обнаружили, что *КЕ Акакий Акакиевич [Башмачкин]* трактуется в них по-разному и иначе, чем в «Большом словаре крылатых слов русского языка»: *Книжн. О кротком, безобидном человеке* [Мокиенко 2007 [http](http://)]; *Иносказательно: мелкий, робкий и прилежный чиновник (ирон.). Символ «маленького человека» вообще и в русской литературе в частности* [Крылатые слова 2003: 24]; *Маленький, бесправный человек, мелкий служащий; воплощение робости, забитости (перен., неодобр., иногда презрит.)* [Дядечко 2012: 36].

Подобный разнобой в толковании *КЕ Акакий Акакиевич Башмачкин* заставил нас задуматься о статусе данной единицы в современном русском языке: актуально ли употребление данной единицы для обозначения современных чиновников и, расширяя вопрос, характерно ли для носителя современного русского языка представление о бесправном, бессловесном, робком, забитом мелком чиновнике или современные чиновники представляются исключительно грубыми, беспринципными, нахрапистыми бюрократами?

В поисках ответов мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ), который «представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [НКРЯ [http](http://)]. По данным НКРЯ, единица *Акакий Акакиевич* в основном корпусе встречается 270 раз в 82 документах; единица *Башмачкин* – 80 раз в 32 документах. Тексты, в которых отмечены интересующие нас единицы, датированы 1842–2004 гг.

Для сравнения приведем данные по частотности употребления в основном корпусе НКРЯ других упомянутых выше *КЕ*, номинирующих чиновников: *Держиморда*: 67 документов, 145 вхождений, тексты 1836–2011 гг.; *Швондер*: 12 документов, 57 вхождений, тексты 1925–2004 гг.; *Унтер Пришибеев*: 19 раз в 15 документах 1885–2002 гг. Эти *КЕ* по частотности употребления в НКРЯ значительно уступают *Акакию Акакиевичу Башмачкину*. Чаше Башмачкина в основном корпусе НКРЯ упоминается только Молчалин – 396 раз в 79 документах 1839–2010 гг., но в подавляющем большинстве контекстов эта единица функционирует как фамилия

персонажа, а не как обозначение «угодливого, подобоострастного карьериста, чинуши» [Берков 2000: 280].

Количество употреблений единицы *Акакий Акакиевич Башмачкин* в НКРЯ, а главное датировка этих употреблений, на наш взгляд, достаточно показательны. По данным НКРЯ, в употреблении анализируемого имени нет и не было «простоя»: после вполне объяснимого пика частотности употребления в 40–60-е гг. XIX в., связанного с изданием повести «Шинель» и с интересом критики к ней, Акакия Акакиевича Башмачкина упоминали и продолжают упоминать практически с равномерной регулярностью и в XX, и в XI веке. Естественно, далеко не во всех контекстах имя Акакия Акакиевича функционирует в качестве КЕ. Чаще всего авторы упоминают именно героя Н.В. Гоголя, кроме того, в НКРЯ цитируется и сама повесть «Шинель». Тексты, включенные в НКРЯ, позволяют увидеть различные аспекты употребления интересующей нас единицы и сделать выводы о семантике КЕ. Однако, учитывая ограниченный объем данной работы, остановимся лишь на тех контекстах, в которых авторы используют КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин* для номинации чиновника, чтобы определить, насколько актуальна данная номинация для чиновников современных и какие именно качества называемых чиновников влияют на употребление интересующей нас единицы.

Примечательно, что употребление КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин* для называния чиновников царской России (здесь мы говорим о данной единице именно как о крылатой, а не как об имени персонажа) несколько уступает по количеству контекстам, где речь идет о чиновниках современных (советских и постсоветских): четыре против шести. Разница невелика, но для ответов на поставленные нами вопросы показательна. Тексты, включенные в основной корпус НКРЯ, свидетельствуют, что интересующая нас КЕ не утратила своей актуальности. *Акакиями Акакиевичами* называли и называют мелких, ничем не примечательных, бесталанных царских чиновников: – *Ах, я задыхаюсь среди этой николаевщины, не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем, – карету мне, карету!* (И.А. Бунин. Окаянные дни 1925 // НКРЯ); *Это был город фасадов, ландшафт для иностранцев – пусть видят: вот, у нас все как у людей, северные Афины, и оштукатурено под мрамор. А за этими фасадами копошилась оргтехника, говорящие, даже пьющие ксероксы в вицмундирах, разные башмачкины и де-*

вушкины оповещали пространство империи о благих намерениях властей. Петербург был построен для размножения документов. Переписал десять тысяч бумаг, исходящих и входящих, кончились чернила – спи спокойно, бедняга **Баимачкин-Девушкин**, на Митрофаньевском каком-нибудь кладбище, пока его не разорят (С. Лурье. Нетленный муравейник 2003 // Вестник США, 2003.06.25 // НКРЯ).

Но это же имя носят чиновники современные: *Кому я нужен? Скромный юрисконсульт. Маленький чиновник. Акакий Акакиевич...* (И. Муравьева. Ляля, Наташа, Тома 1991 // НКРЯ); *Новосельцев – человек незаметный, не пробившийся наверх, застрявший в должности старшего статистика, несмотря на многолетнюю безупречную службу. Он этакий современный Акакий Акакиевич. У «посредственного, безынициативного работника», каким его считает Калугина, и дома дела сложились не лучшим образом* (Э. Рязанов. Подведенные итоги 2000 // НКРЯ).

Обращение к газетному корпусу НКРЯ подтверждает вывод о том, что КЕ **Акакий Акакиевич Баимачкин** используется для номинации современных чиновников: *С точки зрения чиновничества, нет никакой разницы, работаешь ты Акакием Акакиевичем Баимачниковым* [так у автора – С.А.] *или председателем правительства. Просто разный уровень документов, которые подписываешь* (Хинштейн. Грехи Касьянова // Известия, 2005.12.09 // НКРЯ); *В послании Федеральному Собранию Владимир Путин заявил, что всевластие чиновников должен быть положен конец... – Заметьте, это было сказано президентом в жесткой форме. Но выводов не сделано. Правительство и ухом не повело. Столоначальники доступнее для народа не стали – ни их стиль, ни поведение не изменились. Они даже не поняли, что именно по ним звонит колокол. Причем по всем, а не по какому-то муниципальному «козлу отпущения» Акакию Акакиевичу* (Е. Владимирова. Размножение и разложение // Труд-7, 2005.07.16 // НКРЯ); *Я с детского сада социально озабоченный. Меня из-за этого попросили забрать оттуда. Спорил с нянечками, ругался. По той же причине трижды исключали из школы. В вузе мне не хотели давать диплом отличника. Пришло время, и я оказался в своей нише. Удача, случай. Родился бы на десять лет раньше – сидел бы в тюрьме, психушке или отправился бы в эмиграцию. На десять лет позже – все кончилось бы. Стал бы обычным клерком, Акакием Акакиевичем*

(Ю. Строганов. В. Жириновский: Я с детского сада социально озабоченный // Труд-7, 2001.07.21 // НКРЯ).

При анализе контекстов употребления КЕ *Акакий Акакиевич Баимачкин* обращает на себя внимание тенденция использования приема антитезы: авторы характеризуют своих Акакиев Акакиевичей через противопоставление, в результате чего создается представление не только об описываемых чиновниках, но и о тех, кого нельзя назвать именем гоголевского персонажа, как, например, рассуждает В. Жириновский в предыдущей цитате: «социально озабоченный» политик противопоставляет себя «обычному клерку, Акакию Акакиевичу».

Акакий Акакиевич не творческий человек (не писатель), но в то же время и в чиновничьем деле он мало что из себя представляет, ему не достичь карьерных высот, он не способен разобраться в порученном ему деле, ему чужда значительность, он не умеет работать с людьми: – *Иванько – писатель? Да что вы говорите! Скорее вот эту кастрюлю можно назвать писателем. Обыкновенный Акакий Акакиевич. Я его знаю как облупленного, работал с ним вместе в «Лижиги». Его потом выгнали. Во времена нашей великой дружбы с Китаем он написал об этой дружбе передовую и допустил политический «ляп». В газете было напечатано: «...большого подъема достигла экономика США и Китая».*

И еще мнение:

– *Что вы, он не Акакий Акакиевич, он – значительное лицо. Хотя действительно когда-то был очень мил и приветлив. А вот потом поехал в Америку и уж вернулся оттуда надутый (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру 1976 // НКРЯ); То, что мы наблюдали, было проявлением куда более глобального конфликта. Это было эхо передела власти, который, в свою очередь, произошел более десяти лет назад в результате развала советского государства. До тех пор страной правили вовсе не коммунисты, а бюрократия. Это были, конечно, не мириады несчастных акакиев акакиевичей, а бюрократия партийная, бюрократия советская, бюрократия хозяйственная – веточки одной иерархической структуры (Д. Фролов. Это не борьба кланов, а борьба классов // Совершенно секретно, 2003.08.09 // НКРЯ); Есть еще более досадные промахи, связанные с профессиями героев. Женя – хирург, Надя Шевелева – учительница. Профессии массовые, требующие умения работы с людьми. Но оба*

ведут себя как какие-нибудь библиотекари или мелкие чиновники, вроде *Акакия Акакиевича* (Ирония судьбы. Классика советского кино 2009–2011 // НКРЯ).

Следует отметить, что представление о низкой компетентности чиновника характерно для русской языковой картины мира и находит отражение, в частности, в пословицах и поговорках, посвященных чиновникам [Анохина 2014а: 51; 2014б: 101].

На основе анализа употребления КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин* мы можем подтвердить сделанный ранее [Анохина 2014а: 52; 2014б: 100] вывод о том, что представления русского народа о чиновниках практически неизменны: без робких, забытых, бессловесных Акакиев Акакиевичей невозможно представить российскую деловую сферу любой эпохи. При этом образ Башмачкина может быть и удобной ширмой для сокрытия истинного облика делового человека: *В общем, был Лев Борисович весь такой жалкий, безобидный, карикатурно узнаваемый, что любой, глядя на него, мог подумать: «Червяк, чиновник, Акакий Акакиевич». Но Смирницкий так не думал. Он отлично знал: этот жалкий червяк имеет хорошенькую двухэтажную виллу в Испании, а дети его учатся в частных английских школах вместе с детьми тех, кто держит в руках всю страну* (В. Валеева. Скорая помощь 2002 // НКРЯ).

Подводя итоги, отметим, что активность употребления КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин* в художественных и публицистических текстах свидетельствует об актуальности данной единицы как номинации чиновника, в том числе и современного. Образ робкого, бесталанного, бесправного, бессловесного, забытого мелкого чиновника по-прежнему жив в русской языковой картине мира.

Литература

Анохина, С.А. Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках / С.А. Анохина, Н.В. Кожушкова, А.В. Прокофьева. – Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 50-52.

Анохина, С.А. Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей / С.А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 100-102.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. :

Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

Дядечко, Л.П. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: украинско-русский толковый словарь / Л.П. Дядечко, О.В. Петренко, Ю.Ф. Прадид. – Симферополь : издатель ФЛП Лемешко К.А., 2012. – 584, 236 с. – Книга-«перевертыш».

И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; чл. редкол. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – 311 с.

Крылатые слова : энциклопедия / авт.-сост. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 831 с. : ил.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/10815/> (дата обращения: 30.09.2015).

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.09.2015).

Осипова, А.А. Библиейские крылатые единицы в художественной картине мира В.П. Астафьева / А.А. Осипова // И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; чл. редколл. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – С. 192-198.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

О.В. Гневэк

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ИНСАЙТ КАК ЯВЛЕНИЕ КРЫЛАТОЛОГИИ

В когнитивной лингвистике для характеристики одного из типов концептов используется введенный А.П. Бабушкиным термин «инсайт» [Бабушкин 1996: 36-43]. Понятие «инсайт», унаследованное из гештальтпсихологии, представляется очень перспективным,

поскольку посредством него можно исследовать вербализуемое в языковой единице понимание существующих отношений и структуры целостной ситуации, при помощи которого достигается осмысленное решение проблемы. В настоящее время изучение концепта-инсайта сведено в основном к анализу информации о структуре и функции предмета, и по этому признаку вербализаторами инсайта считаются лексемы типа «зонтик», «барабан», «ножницы» и т. п.

В современной психологической науке термин «инсайт» имеет два значения: 1) процесс, посредством которого человек внезапно осознает логические связи между проблемой и ответом (М. Либерман); 2) необычный способ получения обычного типа понимания, который может быть верифицирован с помощью рассуждения (Р. Хенлей) [Василевицкая 2007].

Между двумя определениями инсайта нет существенных психологических различий, кроме признания внезапности и мгновенного протекания процесса озарения и представления его результатов. В лингвистическом плане репрезентация «прозрения» может осуществляться как в единицах, равных лексеме (знаменитое архимедовское «Эврика!»), так и в полноценных высказываниях-текстах, равных либо словосочетанию (буря в стакане воды), либо предложению («Хотели как лучше, а получилось как всегда» (В. Черномырдин); «Мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем» (А. Лебедь)). При этом инсайт отражает и результат озарения, и процесс его протекания.

Набор внезапных вербализованных инсайтов-лексем весьма ограничен, поскольку для их представления чаще всего используются полноценные тексты-описания:

– *Это было ее единственное письмо ко мне.*

– *Что же было потом? – с трудом спросил Ромашов.*

– *Потом? Потом мы не видались больше. Она... она уехала куда-то и, кажется, вышла замуж за... одного инженера. Это второстепенное.*

– *И вы никогда не бываете у Александры Петровны?*

Эти слова Ромашов сказал совсем шепотом, но оба офицера вздрогнули от них и долго не могли отвести глаз друг от друга. В эти несколько секунд между ними точно раздвинулись все преграды человеческой хитрости, притворства и непроницаемости, и они свободно читали в душах друг у друга. Они сразу поняли сотню

вещей, которые до сих пор таили про себя, и весь их сегодняшний разговор принял вдруг какой-то особый, глубокий, точно трагический смысл.

– Как? И вы – тоже? – тихо, с выражением безумного страха в глазах, произнес наконец Назанский (А. Куприн. Поединок).

По утверждению психологов, самым частым вербальным средством мгновенных инсайтов является междометие «Ага», описанное в термине «ага-переживание». Под «ага-переживанием» подразумевается внезапное понимание, особое состояние, при котором различные аспекты проблемной ситуации связываются друг с другом, возникает решение [Энциклопедический словарь [http](http://)]. В данном исследовании мы сосредоточимся на анализе немгновенных инсайтов, под которыми понимаются языковые единицы, отражающие в своем содержании понимание логических связей между проблемой и ответом и/или демонстрирующие необычный способ получения обычного типа понимания.

Представляется целесообразным провести исследование концептов-инсайтов, описанных в крылатологии, в значениях, предлагаемых современной психологической наукой, по ряду причин. Во-первых, концепт является единицей процесса познания, и в этом смысле исследование его эвристического потенциала представляется особенно заманчивым. Во-вторых, как инсайт концепт обнаруживает логику получения выводного знания, благодаря которому создается когнитивная картина мира в целом и концептосфера в частности. В-третьих, в роли концептов чаще всего исследуются лексемы и фразеосочетания, в то время как крылатые единицы, вербализуемые в словосочетаниях и предложениях, в подобном статусе не выступали предметом анализа.

Анализ крылатых единиц осуществлялся по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулешковой [Берков, т. 1, 2008; Берков, т. 2, 2009], являющемуся самым большим источником крылатых единиц на сегодняшний день.

Набор концептов-инсайтов, отражающих внезапное понимание логических связей между проблемой и ответом, довольно скуден: *И ты Брут!*; *Ужель та самая Татьяна!*; *Так вот ты какой, северный олень!*; *А все-таки она вертится!*; *Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!*; *Элементарно, Ватсон*.

По критерию частотности незначительным, но все же представленным является корпус инсайтов, отражающих в своем содержании понимание логических связей между проблемой и ее решением. Для подобных инсайтов характерен высокий уровень обобщения знаний об окружающем мире или способе успешного существования в нем. Содержательность обобщений воплощается в высокой степени метафоризации фиксируемых отношений между тем, что репрезентируется как данное, и тем, что репрезентируется как новое: *Весь мир – театр; Краткость – сестра таланта!; У природы нет плохой погоды; Человек есть мера всех вещей; Что наша жизнь? – Игра!* и т. п.

Обнаруживаемые связи и отношения в анализируемом виде инсайтов подаются в двух основных ракурсах. Это прежде всего фоновые знания, которые необходимо учитывать для успешной социализации: *Душа обязана трудиться; На свете счастья нет, но есть покой и воля; Невозможно дважды войти в одну и ту же реку; Нет правила без исключения; Не хлебом единым жив человек; Правда путешествует без виз; Человек есть то, что он ест.* Масштабность формируемых обобщений может увеличиваться за счет задаваемых в крылатых единицах проекций на будущее, или проекций, построенных на связи настоящего и будущего: *Красота спасет мир; Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется.*

Открываемые связи и отношения могут быть репрезентированы как алгоритм жизни: *Бороться, искать, найти и не сдаваться; Времена не выбирают: в них живут и умирают; Время – деньги; Шаг вперед – два шага назад.* Акценты в подобных инсайтах могут быть расставлены

– с учетом выбора основного способа существования (*Есть упоение в бою!; Не думай о секундах свысока; Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник; По капле выдавливать из себя раба; Суббота для человека, а не человек для субботы*);

– с учетом опыта предшественников (*Нельзя объять необъятного; Не ошибается тот, кто ничего не делает; Несчастливы те люди, которым все ясно; Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы; Ничто не возникает из ничего*);

– с учетом целей существования (*Все или ничего; Цель оправдывает средства; Париж стоит мессы (обедни); Спасение утопающих – дело рук самих утопающих*);

– с учетом сложившихся оценок обсуждаемых связей и отношений (*Опыт, сын ошибок трудных; Орлам случается и ниже кур спускаться (, но курам никогда до облак не подняться); Осел останется ослом (, хотя осыпь его звездами); Поэт в России – больше, чем поэт*).

Рассмотренные группы инсайтов объединяются в относительно самостоятельный вид тем, что фиксируют в своем содержании понимание логических связей между проблемой и ее решением, воспринимаемых современниками как новые, оригинальные и актуальные. В противном случае проанализированные крылатые единицы утратили бы основное свойство – свойство крылатости или актуально осознаваемой носителями языка воспроизводимости. Современники используют крылатые единицы для маркирования собственного мгновенного или немгновенного инсайта в процессе накопления жизненного опыта.

Довольно значительным является корпус инсайтов, отражающий в своем содержании необычный способ получения обычного типа понимания. Необычность способа получения или представления обычного типа понимания в языковой единице во многом объясняется эффектом обманутого ожидания. Под эффектом обманутого ожидания понимают нарушение субъективно-читательской прострации, созданной в процессе линейного развертывания повествования. Эффект обманутого ожидания для читателя основан на предугадывании, или на предсказуемости, и нарушении этой предсказуемости. Линейность речи состоит в том, что последующее дано в предыдущем, но если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, которое действует подобно толчку. Неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, преодоление сопротивления требует усилия со стороны читателя, и потому сильнее на него воздействует [Учебный словарь 2005: 237-238].

В языковом плане эффект обманутого ожидания достигается посредством конвергенции (совпадении каких-либо признаков в независимых друг от друга явлениях: *В России две беды – дураки и дороги*), контраста (резко выраженной противоположности: *(Не вытьешь колу – не кончишь иколу)*), сцепления в один ряд логически несовместимых понятий (*Сердцу хочется кислой капусты и горячей большой любви*).

На основе контраста, конвергенции, сцепления может создаваться такой способ подачи информации, как **алогизм**. Алогизмом принято называть «стилистический прием, при котором намеренно нарушаются логические связи» [Кузнецов 2002: 35]. Для нарушения логических связей требуется контекст, поэтому данный прием проявляется либо на уровне словосочетания, либо предложения. На уровне словосочетания алогизм предьявляется чаще всего в форме **оксюморона** – сочетания противоположных по значению (семантически контрастных) слов: *живой труп, убогая роскошь, японские телевизоры китайского производства* и т. п. В оксюморонах нарушается только логическая компетенция, причем нарушение может быть столь существенным, что языковая единица превращается в бессмыслицу, т. е. в **абсурд**: *погребальная контора «Милости просим», вегетарианская столовая «Не укради», трикотаж для детей отечественного производства* (детей отечественного производства не бывает).

Создание алогизма может протекать как одновременное нарушение логической и лингвистической компетенции носителей языка. Нарушение лингвистической компетенции осуществляется либо посредством контаминации корнесловов у одного из компонентов свободного или фразеологически связанного словосочетания (ср.: *совершеннолетний возраст* и *собращеннолетний возраст* у И. Губермана), либо как добавление приставки НЕ- к компоненту фразеологически связанного сочетания (*преклонный возраст* и *непреклонный возраст* старцев у И. Ильфа) и т. п. На уровне предложения алогизм проявляется как нарушение логической связи между частями простого или сложного предложения: *Денег мало, а любить людей нужно!* (Б. Ельцин); *У нас страна неограниченных возможностей не только для преступников, но и для государства* (В. Путин); *Россия должна кормить своих крестьян* (А. Заверюха) и т. п. Самым существенным в алогизме является то, что в результате нарушения логической или лингвистической компетенции рождается новое знание или новый критерий осмысления действительности.

Разновидностью алогизма можно считать и **катахрезу** (от греч. «злоупотребление») – прием, в котором составляющие контекста объединяются на основе принципа отдаленных ассоциаций, в результате чего возникает высказывание, воспринимаемое как речевая ошибка (*зуб времени, острые слова; «Румяный взор свой оскорбляет»* (Г. Державин)).

Таким образом, эффект обманутого ожидания, создающийся в необычной языковой форме, воплощается в таких стилистических приемах, как оксюморон, собственно алогизм и катахреза. Для всех форм характерен единый механизм создания: либо посредством сочетания семантически контрастных слов, либо посредством игры смысловыми отношениями частей высказывания.

При помощи рассмотренных приемов в крылатых единицах воплощаются инсайты, отражающие в своем содержании необычный способ получения обычного типа понимания. Это инсайты, созданные

– в форме оксюморона: *Блеск и нищета куртизанок; Безгрешные доходы (о взятке); Бывшие люди; Благоглупости; Волк в овечьей шкуре; Ворона в павлиньих перьях; Далекое близкое; Железная леди; Торопитесь медленно; Длинной речи краткий смысл; Оптимистическая трагедия;*

– в форме собственно алогизма: *Вещь в себе; Война всех против всех; Грабь награбленное!; Квадратура круга; Колосс на глиняных ногах; Казнить нельзя помиловать; Осетрина второй свежести; Быть больше католиком, чем папа; Быть святее самого папы; Искусство для искусства;*

– в форме катахрезы: *Агрессивно-послушное большинство; Возмутитель спокойствия; Горе от ума; Тревожная молодость; Великий зверь на малые дела; Грядущий хам; Такая короткая долгая жизнь; Цинизм, доходящий до грации; Адвокат дьявола; Братья по судьбе, братья по огню; Братья по разуму; Бархатная революция.*

Нередко соединение в пределах одного контекста семантически контрастной лексики приводит к появлению новой формы инсайта- парадокса. **Парадоксом** принято называть мнение, высказывание, расходящееся с общепринятыми мнениями и положениями, а также мнение, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу [Ожегов 1973: 450]. Парадоксом также считают противоречие, полученное в результате формально правильного логического рассуждения: *Бросать курить легко. Я бросал раз пятьдесят* (М. Твен); *Христианство оказало большую услугу любви, объявив ее грехом* (А. Франс); *Честные не лгут, когда не надо* (А.П. Чехов); *Существует множество людей, которые никогда не теряют рассудка потому, что они вообще им не обладают* (Грасиан); *Люди жестоки, но человек добр* (Р. Тагор).

Признанным мастером парадокса является польский писатель Ежи Станислав Лец. В «Непричесанных мыслях» он предлагает подлинно оригинальные способы восприятия и оценки окружающего мира. Например: *Когда сплетни стареют, они становятся легендами (мифами); Даже в его молчании были языковые ошибки; Иногда даже глупый ботинок оставляет неизгладимый след; Пессимисты и оптимисты различаются только датировкой конца света; Лучше надпись «Вход воспрещен» нежели «Выхода нет».*

К общим приемам создания приведенных высказываний можно отнести: 1) соединение в рамках контекста не объединяемых обыденным сознанием понятий; 2) объединение несопоставимых понятий по реально существующему для автора критерию или подходу; 3) непротиворечивость объединения понятий в рамках предложенного подхода.

С алогизмами парадокс совпадает в одном приеме создания, два других для него являются «эксклюзивными» [Гневэк 2005: 306]. При чем специфичность парадокса связана не с нарушением компетенций, обуславливающих конвенциональность речевого акта, а с особой новизной способа формирования и формулирования мысли, представленной в столь оригинальной языковой упаковке.

Необычные содержание и форма высказывания в процессе их осмысления обуславливают выявление со стороны адресата речи множества критериев оценки для полноценного их освоения. Неслучайно в определении понятия «парадокс» этот факт обозначен С.И. Ожеговым в оценках «расходящееся, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу».

Думается, что метафора, созданная Ф. Шлегелем для характеристики иронии (...*абсолютный синтез абсолютных антитез*), особенно точно характеризует сущность парадокса, в котором наблюдается буквальное сращение глубокой и красивой в своей глубине мысли с оригинальной языковой формой. Образцы парадокса свидетельствуют о том, что они создаются не только средствами синтаксиса предложения, но и словосочетания (*деловое безделье, деятельностьное бездействие, поэзия нелепостей*).

По мнению А. Щербиной, следует различать логические и литературные парадоксы [Щербина 1966: 146] на том основании, что в первых представлены логические противоречия, а во вторых содержится глубокая и верная мысль, поданная в намеренно

нестандартной языковой упаковке. С предлагаемой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы не размытость критерия деления парадоксальных высказываний на логические и литературные. Думается, что источник у парадокса все же один: интеллект, ведомый эмоционально-чувственной сферой. В отличие от других стилистических приемов воплощения мысли, любой парадокс, независимо от классификации, по справедливому замечанию Б. Базарова, «выступает как форма постановки еще не решенной проблемы, требующей творческого проникновения в предмет исследования» [Базаров 1979: 33]. У парадокса нет строго закрепленных изобразительно-выразительных средств, на основе которых осуществлялось бы его создание. Существует только единый принцип – краткая, афористическая языковая форма, адекватная глубине и изяществу выражаемой мысли.

По языковым характеристикам к парадоксу близка **апофегма** или **апофтегма** – от греч. «говорить напрямик» – краткое, остроумное и нравоучительное изречение [Базаров 1979: 44; Большой толковый словарь иностр. слов 1955: 135]. В этой фигуре речи не обязательно должно быть реализовано на лексическом уровне логическое противоречие. Главные признаки апофегмы – остроумность и дидактичность: *Лучше быть от счастья на седьмом небе, чем на седьмом месяце; Счастье – это когда тебя нанимают* (антипословицы); *Грош цена тому чувству, у которого есть цена* (Н. Шамфор). Очевидно, яркость высказываний, их лаконичность при общей глубине мысли приводит к размыванию границ между парадоксом и апофегмой. Скорее всего, апофегма представляет собой разновидность парадокса с нравоучительным потенциалом.

Следует отметить, что среди крылатых единиц представление необычных способов получения обычного типа понимания в форме парадокса является довольно частотным приемом: *У войны – не женское лицо; Умом Россию не понять; Жизнь коротка, искусство долговечно; Жить хорошо! А хорошо жить еще лучше; Чем меньше женщину мы любим, тем легче (больше) нравимся мы ей.*

Инсайты-парадоксы могут иметь шутовую или ироничную форму, усиливая тем самым глубину восприятия носителями языка формулируемой мысли: *Было гладко на бумаге, да забыли про овраги; Вместе с водой выплеснуть и ребенка; В России две напасти: внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти;*

Стрелять из пушек по воробьям; Дома новы, но предрассудки стары!; Буря в стакане воды.

Иная, торжественно-патетическая окрашенность служит основой для масштабности оценки представляемых связей и отношений: *В гости к Богу не бывает опозданий; Служенье муз не терпит суеты; Свой среди чужих, чужой среди своих; Сон разума рождает (порождает) чудовищ; Узники совести.*

В целом, в крылатологии в основном представлены немгновенные инсайты, под которыми понимаются языковые единицы, отражающие в своем содержании понимание логических связей между проблемой и ответом и/или демонстрирующие необычный способ получения обычного типа понимания.

Эвристический потенциал концептов-инсайтов заключается в фиксации отношений и связей, которые представляются носителям языка актуальными во все времена и значимыми для формируемой концептосферы.

Инсайты-парадоксы преимущественно имеют форму высказывания, равную предложению, реже – словосочетанию. Это значит, что концепты соотносятся не только с лексическим уровнем языковой системы (включая фразеологию), но охватывают всю систему языка. В функциональном плане концепты соотносятся с текстами как единицами познания, что представляется совершенно естественным. Крылатая единица = текст фиксирует способ познания вместе с включенным в него отношением и оценкой. Эти задачи не всегда по силам изолированной лексеме, выступающей в роли концепта.

Крылатые единицы-инсайты в большинстве своем отражают немгновенные способы познания окружающего мира, и их познавательная ценность заключается именно в содержательном богатстве представляемых способов, которые оцениваются носителями языка как всегда новые, эксклюзивные. Именно по этой причине крылатые единицы и приобрели свойство крылатости.

Литература

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Базаров, Б.Д. Парадокс как форма выражения противоречий в познании : дис. ... канд. филос. наук / Б.Д. Базаров. – М., 1979. – 158 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Большой толковый словарь иностранных слов : в 3 т. / М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – Т. 1. – 544 с.

Василевицкая, О.В. Социально-перцептивные особенности переживания инсайта студентами гуманитарных и естественнонаучных специальностей вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О.В. Василевицкая [Электронный ресурс]. – Самара, 2007. – 34 с. – Режим доступа : <http://www.dissertcat.com/content/sotsialno-pertseptivnye-osobennosti-perezhivaniya-insaita-studentami-gumanitarnykh-i-estestv#ixzz3otXnviN>

Гневэк, О.В. Речевые способы и языковые средства создания юмористических высказываний как предмет изучения прагматики / О.В. Гневэк, М.В. Мусийчук // Россия-Польша: филологический и историко-культурный дискурс : сб. статей участников междунар. науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – С. 301-311.

Кузнецов, С.А. (гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2002. – 1536 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – 845 с.

Учебный словарь лингвистических терминов / Л.А. Брусенская, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 256 с.

Щербина, А. Заметки о технике и искусстве комического слова / А. Щербина // Русская литература. – 1966. – № 2. – С.144-153.

Энциклопедический словарь по педагогике и психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://psychology_pedagogy.academic.ru/1158/Ага-переживание

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ПРОФЕССИОЛЕКТЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Исследование профессиональной коммуникации чрезвычайно актуально в настоящее время в связи с возрастающей значимостью профессиональной дифференциации общества [Голованова 2004; Ерофеева 1995]. Особое внимание при этом уделяется устному профессиональному общению как наименее изученному в лингвистическом отношении.

Профессиолект, или профессиональный диалект, определяется нами как разновидность языка, используемая в устной групповой коммуникации людей, занятых профессиональной деятельностью. В профессиолекте получают отражение специфические механизмы восприятия и оценки мира представителями профессиональной общности.

По своей структуре профессиолект неоднороден, в нем выделяются различные классы специальных единиц – от терминов до профессиональных жаргонизмов. В состав профессиолекта входят также разнообразные языковые средства, которые используются в повторяющихся ситуациях профессионального общения, но не являются специальными обозначениями.

В центре внимания настоящей статьи находятся неоднословные лексические единицы в профессиолекте сотрудников правоохранительных органов. В качестве общего названия для них мы используем термин *устойчивый словесный комплекс* (УСК) [Скрипичникова 2013]. Все устойчивые словесные комплексы можно условно подразделить на четыре основных разряда – в соответствии с их происхождением и функционально-прагматическими характеристиками: фольклорные, литературно-художественные, разговорно-обиходные и научные.

Крылатые выражения, относящиеся к литературно-художественным УСК, являются относительно обособленной группой единиц: они отличаются от фразеологических оборотов, составляющих разговорно-обиходную разновидность УСК, наличием источника, а от пословиц, формирующих ядро фольклорных УСК, – отсутствием

модальности назидания. Как отмечает С.Г. Шулержкова, семантика крылатых единиц языка отягощена «генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулержкова 2002: 31].

В пространстве национальной культуры крылатые выражения являются одним из ярких средств речевого воздействия [Берков 2008–2009; Кабанова 2012]. Будучи кратким и емким выражением некоего содержания, они могут подвергаться в речи индивидуально- или групповому осмыслению. В составе профессионального крылатые выражения функционально значимы в контексте той или иной коммуникативной ситуации, типичной для данной среды. Их использование пробуждает в сознании коммуникантов определенные образы, вызывает связанные с ними эмоции и чувства.

Помимо придания эмоциональной выразительности речи, крылатое выражение позволяет смягчить или обойти возникшие острые углы, избежать излишней прямолинейности, грубости, что является неуместным в деловой коммуникации. Так, например, фраза «*Ну и рожка у тебя (Шарапов)!*» позволяет в шуточной форме указать человеку на его не вполне соответствующий ситуации потрепанный вид, зачастую возникающий после бессонной ночи. В профессиональных сферах, связанных с повышенными физическими, эмоциональными и психологическими нагрузками, такие ситуации воспринимаются как типичные.

В рамках профессионального сотрудников правоохранительных органов нами зафиксированы крылатые выражения, восходящие к текстам художественных произведений, к театральным и кинопанорамам, а также к песенному творчеству.

Крылатые выражения, представляющие собой киноцитаты, занимают особое место в профессиональной коммуникации сотрудников полиции. В большинстве случаев они взяты из произведений, так или иначе связанных с деятельностью по поимке, обезвреживанию преступников и защите правопорядка (например, из телевизионных фильмов «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут знатоки» и др.). Наиболее популярны те фразы, которые отражают специфику данной работы. Приведем некоторые из них.

Вор должен сидеть в тюрьме. Обобщенный смысл этого выражения – за любое совершенное преступление человек должен по-

нести заслуженное наказание. Выражение широко бытует в русской лингвокультуре, но в профессиональном лексиконе полицейских оно используется как констатация непреложной истины («по-другому и быть не может»).

А не стукачок ли ты, мил человек? – выражение обычно используется в шутливо-ироничной форме, при обращении к сотруднику, задающему слишком много вопросов.

Место встречи изменить нельзя – о невозможности повлиять на ход событий, изменить место предполагаемой развязки. В речи сотрудников правоохранительных органов обычно имеет ироничную окраску, поскольку «место встречи» преступника и полицейского предопределено изначально.

Из указанного фильма востребованы в данной профессиональной среде и такие выражения, как: *Наказания без вины не бывает!*; *Ну-с, дорогие граждане-уголовники, приступим к делу!*; *Невоспитанный ты человек, (Ручников)*; *Кому повезет, у того и петух снесет*; *Дырку ты от бублика получишь*; *Ты не сознание, ты совесть потерял*; *Можешь считать, что жизнь прожил не зря!*; *Да у тебя на лбу десять классов нарисовано!* и др.

Крылатые выражения из популярных советских кинофильмов «Бриллиантовая рука», «Двенадцать стульев», «Джентльмены удачи» и других помогают сотрудникам правоохранительных органов оформлять не только сугубо профессиональные ситуации общения, но и обиходно-бытовые: *Если человек идиот, то это надолго*; *Семе-е-н Семеныч!..*; *Как говорит наш дорогой шеф...*; *Усегда готов* («Бриллиантовая рука»); *А в тюрьме сейчас ужин – макароны!*; *Это тебе не мелочь по карманам тырить!* («Джентльмены удачи»); *Я требую продолжения банкета!!!*; *Оставь меня, старушка, я в печали!*; *Царь, приятно познакомиться, царь!*; *Лепота!..* («Иван Васильевич меняет профессию»); *Жить хорошо! А хорошо жить – еще лучше!*; *Комсомолка, спортсменка и просто красавица!*; *Помедленнее, пожалуйста, я записываю... Короче, Склифосовский!* («Кавказская пленница»); *Господин назначил меня любимой женой!*; *Восток – дело тонкое*; *Таможня дает добро!* («Белое солнце пустыни»); *Нашлись добрые люди... Подогрели, обобрали* («Ирония судьбы или с легким паром»); *Ну, граждане... алкоголики, хулиганы, тунеядцы!*; *Надо, Федя, надо!* («Операция «Ы» и другие приключения Шурика»); *Молчу, молчу, не то по шее получу, И подвиг*

свой не совершу! («В бой идут одни старики»); *И шо я в тебя такой влюбленный, а?!; Опять власть переменилась!; А то я тебе голову оторву и скажу, что так и было!; Это не мой фасончик; Убери ножичек! Сделаешь дырку – потом не запломбируешь!* («Свадьба в Малиновке»); *А вас я попрошу остаться!* («Семнадцать мгновений весны») и проч.

Смех – не только важная составляющая русской национальной культуры, но и неотъемлемая часть рассматриваемой субкультуры (см. об этом: [Скрипичникова 2015]). С.Г. Шулержкова отмечает юмористические цитаты как наиболее обширную группу крылатых выражений. Комичность ситуации отражается в семантике данных единиц и используется носителями языка как средство создания иронического эффекта.

Некоторые крылатые выражения подвергаются трансформации путем введения новых элементов или замены одних слов на другие. Так, например, известный афоризм из медицинской среды *Отсутствие у Вас диагноза – это не Ваша заслуга, а наша недоработка* приобретает новую форму и новое звучание в профессиональном лексиконе сотрудников полиции: *Отсутствие у Вас судимости – это не Ваша заслуга, а наша недоработка*.

Как правило, в профессиональной речи крылатые единицы используются в более расширительном контексте, чем в первоисточнике: *Да это очередной ООО «Рога и копыта»!* (о нелегальном предприятии, офисе и т.д.); *А где этот великий комбинатор?!* (с иронией о неудачливом преступнике) и т. д.

Употребление крылатого выражения актуализирует в сознании слушателя исходный юмористический подтекст, тем самым достигается шутливо-ироничная окраска диалога или монолога [Зыкова 2014]. Особенно велика роль иронии в диалогах, так как она позволяет не только снять напряжение, но и, избегая стрессов, наладить кооперативные отношения. Эффект снятия напряжения может быть достигнут через использование крылатого выражения в сугубо деловом контексте, когда возникает смысловой диссонанс между характером высказывания и ситуацией, в которой данный УСК используется, и наоборот.

Смысл выражения может радикально измениться в той или иной профессиональной ситуации. Так, цитата из песни А. Пугачевой «Настоящий полковник» *Ах, какой был мужчина!* в обыденном

диалоге может трактоваться как шутливое выражение идеала мужчины, которого не смогла удержать возле себя женщина. Однако в речи сотрудников правоохранительных органов данное выражение может быть употреблено в особом контексте: *Четыре ножевых, два в область сердца. Заключение позже... Ну, на вид крепкий парень. Да... Какой был мужчина...* (о трупe на месте происшествия). В данном случае известное выражение приобретает саркастический характер.

Среди прочих видов устойчивых словесных комплексов в составе профессиолекта сотрудников правоохранительных органов важное место занимают философские размышления о жизни и работе. Например: *Мы лишние на этом празднике жизни; Жить хорошо! А хорошо жить — еще лучше; Мне за державу обидно...; Грубый век, грубые нравы* и т. д.

Приведем контексты употребления профессионалами крылатых выражений, восходящих к поэтическому творчеству: *Кому нужны твоей души прекрасные порывы. Сиди и молчи в тряпочку, пока не спросят!* (А.С. Пушкин «К Чадаеву»), *Да уж... Будет нам его пример наукой. И надолго его отстранили?* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»), *Сколько дали? — Пятерик. — А Васильеву? — Год условно. — У нас так всегда, кто посмирней, так тот и виноват* (И.А. Крылов «Мор Зверей»).

Таким образом, крылатые выражения делают профессиональную речь выразительной, а коммуникацию — более живой и эффективной. Вместе с тем, использование крылатых выражений в профессиональной речи сопряжено с наличием чувства меры, что является важным элементом делового общения в рамках любой профессиональной коммуникации.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. — Т. 1. — 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр.

и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ) : дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Голованова. – Челябинск, 2004. – 367 с.

Ерофеева, Т.И. Социолект: стратификационное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.И. Ерофеева. – СПб., 1995. – 50 с.

Зыкова, Е.И. Крылатые выражения как средство русской смеховой культуры (по материалам этимологических словарей) / Е.И. Зыкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 49-51.

Кабанова, И.Н. Политические крылатые выражения: лингвистический статус и функционирование / И.Н. Кабанова // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2012. – № 2, вып. 18. – С. 27-33.

Скрипичникова, Н.С. Речевые клише фольклорного характера в устном профессиональном общении / Н.С. Скрипичникова, Е.И. Голованова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – 2015. – Т. 6. – С. 78-86.

Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в составе профессионального лексикона / Н.С. Скрипичникова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2013. – № 31 (322). Филология. Искусствоведение. – С. 133-135.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Л.П. Дядечко

*Киевский национальный университет
им. Т. Шевченко (Киев, Украина)*

Э.Ш. Салахатдинова

Национальный авиационный университет (Киев, Украина)

ХАРАКТЕР НОМИНАЦИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ- ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СВЕРХФРАЗОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Необычная сложность устройства человеческого языка, с которой сталкиваются лингвисты при попытке классификации опре-

деленного языкового материала, едва ли не в обязательном порядке содержащего феномены, выпадающие из своего ряда, была в очередной раз подтверждена в период интенсивной разработки теории номинации, когда осмысливались по-новому и сам процесс номинации, и его результаты, уточнялся круг номинативных единиц. Понимание номинации как глобального свойства языка («в принципе все формы языковой фиксации какого-либо факта или явления мира могут квалифицироваться как явление номинации» [Колшанский 1977: 121]) закономерно привело к выделению трех ее видов: 1) лексическая номинация – через слово и словосочетание, 2) пропозитивная номинация – через предложение, 3) дискурсивная номинация – через текст. Узкая трактовка номинации, отталкивающаяся от критерия воспроизводимости языковых единиц, требовала отсекающих средств, которые не хранятся в лексиконе, а создаются в процессе речевой деятельности, то есть прежде всего таких образований, как предложение и текст. Однако речевая практика свидетельствовала, что, «экономя время, собственные усилия и даже проявляя лень мысли, мы используем не только в зачинах речи, но, так сказать, и внутри беседы или разговора по телефону знакомые всем штампы и стереотипы», «что человек черпает такие стереотипы из своей памяти точно так же, как обычные единицы номинации, и что поэтому номинативный аспект речевой деятельности связан по инвентарю своих средств с гораздо более широким ассортиментом единиц, чем это считалось ранее» [Кубрякова 1986: 131] (здесь речь идет в том числе и о пословицах, афоризмах, сентенциях и пр. – см.: [Там же: 43]).

Тем не менее, вопрос о речевых клише и стереотипах со структурой предложения до сих пор продолжает вызывать споры. В свое время автор первой монографии о крылатых выражениях, крупнейший эпиграф современности С.Г. Шулежкова привела веские, как кажется, доказательства, с подробным анализом контраргументов, в пользу того, что крылатое выражение является языковой единицей [Шулежкова 2002: 27-34]. Безусловно, при этом исследовательница учитывала их специфику. С.Г. Шулежкова подчеркивает: «... крылатые выражения – это необычные языковые единицы. Обладая набором дифференциальных признаков, свойственных любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице, они отличаются от «безымянных» языковых единиц своеобразным семантическим «довеском»: их значения «отягощены», «чреватые» ге-

нетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулежкова 2002: 31]. Сейчас в литературе называются по крайней мере еще две причины, препятствующие, по мнению исследователей, вхождению крылатых выражений в языковую систему. Так, В.В. Красных настаивает на том, что «прецедентные высказывания все же являются единицами дискурса, поскольку могут употребляться и зачастую употребляются в трансформированном виде: не столько собственно “*быть или не быть*”, сколько “*пить или не пить*”, “*жить или не жить*”, “*бить или не бить*”» [Красных 2007: 41]. О.А. Кулаева называет иное препятствие, а именно – их авторскую принадлежность. Сравнивая пословицы, с одной стороны, и крылатые выражения – с другой, она пишет: «Даже если тот или иной оборот в исходной форме создан отдельным коммуникантом, в процессе вхождения в язык он подвергся фильтрации, шлифовке, подгонке под стандарты языкового канона, осуществляемой коллективными усилиями. Таким образом, единицы языка созданы коллективно. В отличие от них, “крылатые выражения” и афоризмы существуют в индивидуальной, первоначальной авторской форме, не всегда соответствующей языковым (в частности, пословичным) канонам» [Кулаева 2003 [http](#)].

Следует обратить внимание, что не только обороты типа *Быть или не быть*, то есть крылатые выражения, но и пословицы многообразно и регулярно трансформируются, о чем убедительно свидетельствуют материалы словарей антипословиц (см., например: [Вальтер 2005]), причем значительная часть таких оборотов уже получила самостоятельное хождение, как, например, высказывание *Пить или не пить*, закрепившееся во многих языках [Дядечко 2013: 107]. Что касается кристаллизации структуры пословиц и крылатых выражений, то совершенно необязательно, чтобы первоначальный облик первых изменялся, а вторых – оставался неизменным. Наоборот, как показано в книге [Дядечко 2006: 176-246], не только содержательные, но и формальные параметры исходных оборотов в процессе эпитонимизации могут подвергаться существенным преобразованиям. Симптоматичен в этом отношении изучаемый в школе наизусть отрывок со строками *Но я другому отдана; Я буду век ему верна*, – так у Пушкина, а в обиходе в качестве крылатого (в 9 фразоупотреблениях из 10) – *Но я другому отдана и буду век ему верна*.

Признание крылатых выражений, включая и пропозитивно-дискурсивные образования, языковыми единицами стимулирует решение вопроса об их номинативной природе.

Проводя параллели между крылатыми выражениями со структурой предложения и пословицами, имеющими, как известно, такую же структуру, логично определять их, вслед за паремиологом Г.Л. Пермяковым [Пермяков 1970: 85], как знаки ситуаций. «Высказывание есть единица, референтом которой является не понятие – результат абстрагированного восприятия элементов ситуации, а сама ситуация», – поддерживал известного фольклориста и В.Г. Гак [Гак 1973: 354].

Учитывая принципиальное отличие от обычных номинативных единиц, крылатые выражения – законченные фразы, ориентированные на передачу сообщения, формирование высказывания – основной единицы коммуникации, могут быть определены как номинативно-коммуникативные средства языка. Данное обозначение призвано подчеркнуть двойственный характер этих образований.

По имеющимся данным, проблема номинативности воспроизводимых единиц со структурой, выходящей за рамки предложения, в науке практически не поднималась. К исключениям можно отнести замечание о том, что цитата-реминисценция, «которая может быть выражена словом, словосочетанием и более сложным структурным образованием, способна обозначать как простой денотат, так и сложный» (например, раздельнооформленное наименование *дядя Степа* обозначает простой денотат ‘очень высокий человек’, а сверхфразовое единство *Где эта улица? Где этот дом?* – сложный денотат ‘о поисках необходимого адреса’) [Дядечко 1989: 77].

Между тем в последние десятилетия доля крылатых выражений со структурой, большей, чем предложение, в русской эптонимике значительно увеличилась, особенно благодаря формированию явления, которое было названо «кинемалогосом» [Елистратов 1999: 5], следствием чего стало активное использование в речевом обиходе мини-диалогов из популярных кино- и мультфильмов и их последующая целенаправленная лексикографическая фиксация [Елистратов 1999; Кожевников 2001]. Сейчас к таким оборотам со сложной структурой добавляются реплики рекламных персонажей, например: *А что это граф Суворов ничего не ест? – Так ведь пост; Ты же лопнешь, деточка... – А ты налей и отойди!* [Дядечко 2007: 22-33, 381-394].

Как и пословицы, крылатые единицы – речеобразования из двух-трех предложений служат для обозначения каких-либо типичных ситуаций. Важно, однако, чтобы количество компонентов не превышало числа 7 ± 2 , характеризующего пропускную способность человеческой памяти.

При воспроизведении образований такого типа говорящие стремятся не просто воссоздать вербальную часть, но максимально приблизиться к параметрам первичного дискурса, сравн. в связи с этим комментарии, сопровождающие описание крылатой единицы *Вы... так... это делали... Вы прекрасно... кололи...: «Имитируется сильное волнение»* [Елистратов 1999: 33].

Дискурсивный характер подчеркивается и тем, что нередко ритуальные обороты, клише, обильно пересыпающие нашу речь, актуализируют реакцию-цитату, таким образом восстанавливая крылатое вопросно-ответное единство целиком. Примечателен типичный вопрос «А чего это вы здесь делаете?», который провоцирует на продолжение «Кино-то уже кончилось» или «Плюшками балуемся», сравн. эти крылатые мини-диалоги в словарях: *А чего это вы здесь делаете? А? Кино-то уже кончилось* [Елистратов 1999: 17]; *А чего это вы тут делаете? – Плюшками балуемся* [Белянин 1994: 15].

Такой тип номинации, осуществляемый с помощью сверхфразовых образований, можно назвать номинативно-дискурсивным.

Выделение переходных единиц в кругу собственно номинативных, характеризующихся номинативно-коммуникативными и номинативно-дискурсивными свойствами, подтверждает непрерывность вербального континуума.

Литература

- Белянин, В.П. Живая речь : словарь разговорных выражений / В.П. Белянин, И.А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.
- Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.
- Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики-1972. – М. : Наука, 1973. – С. 349-372.
- Дядечко, Л.П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л.П. Дядечко. – Киев, 1989. – 172 с.

Дядечко, Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология : учеб. пособие / Л.П. Дядечко. – Киев : ТОВ «ВБ Аванпост-Прим», 2006. – 336 с.

Дядечко, Л.П. Вокруг да около рекламы : фразообразовательный словарь / Л.П. Дядечко. – Киев : ООО «Изд. дом “Аванпост-Прим”», 2007. – 416 с.

Дядечко, Л.П. Диалектика национального и интернационального в сфере крылатых выражений восточнославянских языков (об общих направлениях исследования) / Л.П. Дядечко, Н.А. Бабарика // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : сб. докл. междунар. съезда славистов. – Грайфсвальд, 2013. – С. 103-107.

Елистратов, В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф) / В.С. Елистратов. – М. : Рус. словари, 1999. – 181 с.

Кожевников, А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино / А.Ю. Кожевников. – СПб. : Изд. дом «Нева» ; М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 831 с.

Колшанский, Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г.В. Колшанский // Языковая номинация (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 99-146.

Красных, В.В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) / В.В. Красных // Русистика : сб. науч. тр. – 2007. – Вып. 7. – С. 37-42.

Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 158 с.

Кулаева, О.А. Устойчивость английских номинативных и коммуникативных единиц в свете концепции лингвистического континуума: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / О.А. Кулаева. – Самара, 2003. – 226 с. – Режим доступа : <http://31f.ru/dissertation/page,30,188-dissertaciya-ustojchivost-anglijskix-nominativnyx-i-kommunikativnyx-edinic-v-svete-koncepcii-lingvisticheskogo-kontinuum.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 240 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: МОНОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ
И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ**

Реализация функционального потенциала фразеологии наиболее явно проявляется в контексте. Ряд функций присущ фразеологическому составу в целом; другие же приобретаются в процессе употребления, т.е. в определенной речевой ситуации, или продиктованы жанром, к которому относится текст, поэтому вполне закономерно, что в лингвистике они получили название речевых [Гвоздарев 1989: 14].

В отечественной фразеологии научное описание функционального потенциала крылатых выражений (КВ) упорядоченно стало проводиться лишь в последние два десятилетия благодаря С.Г. Шулежковой и представителям ее научной школы (г. Магнитогорск), так как вплоть до начала XXI в. отсутствовала единая классификация функций КВ [Шулежкова 2002], хотя отдельные работы существовали. Так, опираясь на теорию крылатики, написанное в разное время о функциях КВ можно суммировать в виде таблицы:

Типология функций КВ

Исследователи/ Функции	Н.С. и М.Г. Ашукины (1987)	В.П. Берков (1980)	В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко (1999)	С.Г. Шулежкова (2002)
номинативная	+	+		
образная	+	+		
обобщающая		+	= инф.	
эстетическая		+		
аргументатив- ная		+		= аргументиру- ющая
полемиическая		+		
юмористиче- ская		+		+
интертексту- альная			+	

текстообразующая			+	= композиционная обобщ. заголовоч.
эмоциональная			+	
заголовочная				+
идеологическая				+
призывная				+
характеризующая				+
контактоустанавливающая				+

Как видно из таблицы, в современной крылатике нет единообразия при описании функциональных разновидностей КВ. Согласимся с исследователем, что необходимо выделить облигаторные (общие) и факультативные (частные) функции КВ. К общим относятся: номинативная и интертекстуальная, к частным – экспрессивная (эмоциональная), афористическая, аргументативная, императивная (призывная), кумулятивная (заголовочная), юмористическая [Теплякова 2012: 149-151].

Крылатые выражения наделены номинативной функцией как константной, однако в тексте может быть представлен не только монофункциональный, но и полифункциональный потенциал фразеологии. Предопределенность фразеологических функций зависит от сущности единиц, что можно доказать примерами из произведений, писем и дневников Л.Н. Толстого.

Аргументирующая функция КВ заключается в необходимости говорящего / пишущего доказать или обосновать высказанный ранее тезис, положение. В письмах, датированных одним числом, но отправленных разным адресатам, КВ-афоризм *Цель оправдывает средства*, приписываемый Н. Макиавелли [Берков, т. 2, 2009: 527], используется дважды и выполняет аргументирующую функцию:

Полагаю и такое положение еще более неправильным. В религиозном деле цель не может оправдывать средства уже n[отому], ч[то] средства отступления от истины уничтожают всякую возможность достижения цели, состоящей в получении истины. Главное же то, что ни один человек не призван к тому, чтобы научать других (Мф. XXIII, 8, 9), а только к тому, чтобы само-

му совершенствоваться в истине и любви (Письмо Т.П. Богатикову, 15 августа 1901 г.).

*Я получил ваше письмо, когда был болен, и первое и второе, и не отвечал вам, несмотря на то, что письма эти были мне очень радостны, во 1-х потому, что боялся компрометировать вас, во 2-х, был слаб и, в 3-х потому, что хотелось возразить вам на выраженную вами мысль о том, что вы остаетесь священником потому, что можете легче воздействовать на народ и что в этом случае **цель оправдывает средства**, но не имел времени сделать это, как мне хотелось (Письмо Я.П. Колосовскому, 15 августа 1901 г.).*

КВ могут использоваться для характеристики состояния кого-либо или чего-либо, т.е. выполнять характеризующую функцию:

*Мне кажется, что никуда не надо было ездить, а тем менее в Рим. В Риме с твоей слабостью это **Танталово мученье**. Надо бы в тихое место оздоравливающее, если верить в оздоравливающие места (Письмо М.Л. Оболенской, 29 января 1906 г.).*

Ср.: *Танталовы муки* – «Мучения, вызываемые созерцанием желанной цели и невозможностью ее достичь» [Берков, т. 2, 2009: 435].

– *У каждого своя **Ахиллесова пята**, – продолжал князь Андрей. – С его огромным умом donner dans ce ridicule [поддаваться этой мелочности]! (Война и мир, т. 1, ч. 1, гл. XXIV).*

Ср.: *ахиллесова пята* <пята> – «О чем-л. слабом, уязвимом месте: наиболее чувствительная, ранимая и уязвимая сторона характера кого-л.» [Берков, т. 1, 2008: 76].

*Так что доводов было столько же за, сколько и против; по крайней мере, по силе своей доводы эти были равны, и Нехлюдов, смеясь сам над собой, называл себя **буридановым ослом**. И все-таки оставался им, не зная, к какой из двух вязанок обратиться (Воскресение, ч. 1, гл. IV).*

Ср.: *буриданов осел* – «Книжн. или публ. ирон. О человеке, испытывающем неуверенность, колеблющемся при выборе между двумя равными возможностями, решениями, предметами» [Берков, т. 1, 2008: 76]. Как видно из примеров, КВ используются писателем для характеристики состояния или характера человека. В первом случае употребляется для характеристики состояния дочери М.Л. Оболенской, во втором – для характеристики князя Болконского, в третьем – для характеристики нерешительности в принятии решения жениться.

В контексте ФЕ могут реализовывать свою полифункциональность. На полифункциональность фразеологии обращали внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи (О.В. Ломакина, В.М. Савицкий, Н.Н. Семененко, Г.Д. Сидоркова, О.В. Фокина, P. Grzybek).

Рассмотрим употребление многозначного КВ *медовый месяц*^{*}:

Вообще тот медовый месяц, то есть месяц после свадьбы, от которого, по преданию, ждал Левин столь многого, был не только не медовым, но остался в воспоминании их обоих самым тяжёлым и унижительным временем их жизни (Анна Каренина, ч. 5, гл. XIV).

– *Какие глупости, – сказала вдруг Наташа, – медовый месяц и что самое счастье в первое время. Напротив, теперь самое лучшее. Ежели бы ты только не уезжал. Помнишь, как мы ссорились?* (Война и мир, эпилог, ч. 1, гл. XVI).

Он вспомнил медовый месяц, и покраснел при этом воспоминании. Особенно живо, оскорбительно и постыдно было для него воспоминание о том, как однажды, вскоре после своей женитьбы, он в 12-м часу дня, в шелковом халате пришел из спальни в кабинет, и в кабинете застал главного управляющего, который почтительно поклонился, поглядел на лицо Пьера, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие счастью своего принцепала (Война и мир, т. 2, ч. 1, гл. VI).

– *Так все женятся, так и я женился, и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! – с злобой прошипел он* (Крейцерова соната, гл. XI).

Если в первых трех примерах номинативная функция является основной, то в последнем примере на первый план выходит эмоционально-экспрессивная функция анализируемого КВ, чему способствует расширение компонентного состава за счет определения *хваленый*, номинативная функция становится вторичной.

КВ библейского происхождения *имя им легион* употребляется в текстах разной функционально-стилистической направленности для обозначения неисчислимого множества людей:

За отказом Ван-дер-Вера должны последовать все чаще и чаще такие же отказы, а как только таких отказов будет много, так тотчас же те самые люди, которые вчера еще говорили (а

^{*} Об употреблении КВ-галлицизма *медовый месяц* в русской классической литературе и современной публицистике см. [Ломакина, Макарова 2013].

имя им легион), что без войны нельзя жить, скажут, что они уже давно проповедуют безумие и безнравственность войны, советуют вам поступать так, как поступил Ван-дер-Вер, и от войны и войска в том виде, в котором они существуют теперь, останется одно воспоминание (Приближение конца).

Этот милый Свияжский, держащий при себе мысли только для общественного употребления и, очевидно, имеющий другие какие-то, тайные для Левина, основы жизни, и вместе с тем он с толпой, **имя которой легион**, руководящий общественным мнением чуждыми ему мыслями ... (Анна Каренина, ч. 3, гл. XXVIII).

Я так и вижу, как он будет заведовать учреждением, от к[оторого] зависят миллионы жизней, и только потому, что он любит чистоплотность, элегантность, утонченную пищу, танцы, охоту, бильярд, всевозможные увеселения и, не имея средств, держится в тех полках, учреждениях, обществах, где все это есть, и понемногу, как добрый, безобидный, повышается и делается правителем людей – все, как Ф., и **имя им легион** (Дневники, 24 февраля 1897 г.).

Что больше живу, то больше ужасаюсь на последствия алкоголя и никотина. Не говоря о тех явных, грубых последствиях увеличения преступности, заболеваний, страшной траты жизней, эти наркотики сбивают с людей (это особенно заметно в нашем кругу) верхи мыслей и чувств, самый главный и нужный цвет разума. От этого видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагающие, что этого совсем и не нужно. Какие-то духовные кастраты. И **имя им легион**. Я окружен ими (Дневники, 19 марта 1901 г.).

Ср.: **имя им легион** – «Книжн., чаще неодобр. О неисчислимом множестве людей, предметов, явлений» [Берков, т. 1, 2008: 446]. В представленных примерах КВ выполняет как номинативную, так и оценочную функции, в последнем контексте фразеологическим актуализатором ФЕ служит агентив *кастрат*.

Вне зависимости от точек зрения на функциональный потенциал фразеологии весь диапазон функций КВ может быть представлен лишь в контексте, в котором, благодаря фразеологическому окружению, раскрывается смысловое значение единиц. Представленные примеры показывают, что писатель пользуется богатым функциональным потенциалом фразеологии. В целом иллюстра-

тивный языковой материал доказал состоятельность теоретического описания типологии функций КВ. На наш взгляд, требует уточнения характеризующая функция КВ: примеры показали, что в некоторых случаях характеристика состояния содержит оценку, поэтому при выделении функций КВ целесообразно выделить оценочную подфункцию. Кроме того, следует говорить о полифункционализме ФЕ в контексте.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Ломакина, О.В. Особенности употребления крылатого выражения-галлицизма *медовый месяц* в современной российской публицистике (на материале Национального корпуса русского языка) / О.В. Ломакина, А.С. Макарова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). Т. 1. Ноябрь. – С. 52-56.

Теплякова, А. О функциях крылатых слов в речи / А. Теплякова // Фразеология во времени и пространстве / науч. редакторы Х.Вальтер, В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. – Greifswald – СПб., 2012. – С. 149-151.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РОССИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Фразеология как отрасль лингвистической науки имеет богатую историю. Вместе с тем, именно во второй половине XX в. фразеология получает новый импульс для развития, что находит отражение в различных сферах этой науки, в т.ч. в сравнительной фразеологии. Сопоставлению фразеологических единиц двух и / или нескольких языков посвящены труды многих крупных лингвистов [Гак 2006, Кунин 1970, Мокиенко 1980, Райхштейн 1982, Солодухо 2008, Чернышева 1970 и др.], в работах которых разрабатывались отдельные аспекты этого направления фразеологии. Так, А.В. Кунин (1970) предложил свою классификацию межъязыковых фразеологических эквивалентов, И.И. Чернышева (1970) на материале немецкого и русского языков представила описание фразеологии как системы в ее взаимосвязи с другими системами, В.М. Мокиенко (1980) изучал фразеологизмы в диахроническом сравнительно-сопоставительном аспекте, В.Г. Гак (1986) занимался сопоставительным анализом фразеологических единиц (далее ФЕ) французского и русского языков.

Следует заметить, что в синхронном сопоставлении ФЕ внимание языковедов направлено на рассмотрение структуры, значения и функционирования данных языковых единиц. В связи с этим А.Д. Райхштейн писал: «Основной элемент лингвистического сопоставления – выявление тождественных (интегративных) и различающихся (дифференциальных) признаков сравниваемых фактов языка» [Райхштейн 1982: 147]. Труды фразеологов, касающиеся сопоставления фразеологизмов, позволяют опереться на ряд постулатов: 1) необходима база сопоставления (определенное тождество и различие сопоставляемых единиц); 2) должна применяться единая теория, единый понятийный и терминологический аппарат.

Еще С.И. Ожеговым было предложено различать фразеологию в узком и широком смысле. С позиции узкого понимания, к фразео-

логии относятся, по мнению ученого, «устойчивые словесные сочетания» и «фразеологические единицы языка», которые наряду с отдельными словами являются языковым материалом для построения предложений. С позиции широкого понимания проблемы, во фразеологию входят различные «творческие построения»: пословицы, поговорки, крылатые выражения (далее КВ), сказочные формулы, афоризмы и пр. Сторонники узкого понимания фразеологии (Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.И. Молотков и др.) считают несомненным фразеологизмом КВ с общим переносным, метафорическим значением. Для сторонников широкого понимания фразеологии (В.Л. Архангельский, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский, С.Г. Шулежкова и др.) практически все КВ могут стать объектом фразеологических исследований, а отличие КВ от безымянного фразеологизма состоит лишь в его связях с источником.

По мере развития фразеологии тема классификации ФЕ оставалась популярной. Со временем во фразеологии выделились такие лингвистические направления, как паремиология и крылатология, и подход к классификации ФЕ начинает меняться. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский предлагают классическую типологию, дополненную некоторыми разрядами ФЕ, «которые не столь традиционны, но хорошо согласуются с интуицией» [Баранов 2010: 80]. В их классификации различается шесть основных типов фразеологизмов: **идиомы** (*ишишка на ровном месте; не мытьем, так катаньем*); **коллокации** (*зло берет; поставить вопрос*); **пословицы** (*цыплят по осени считают; не подмажешь – не поедешь*); **грамматические фразеологизмы** (*по крайней мере; едва ли*); **фразеологизмы-конструкции** (*X – он и в Африке X*); **ситуативные клише** (*руки вверх!; спокойной ночи*). Отдельно рассматриваются КВ, которые, по мнению авторов, выделяются в традиционной фразеологии как класс, но не входят в предложенную классификацию по причине того, что «выделение данного класса фразеологизмов не основывается на лингвистических критериях и поэтому единицы этого типа попадают в разные классы предложенной типологии» [Баранов 2010: 86]: либо в классы идиом, либо паремий.

Вопрос о статусе КВ и их месте во фразеологической системе того или иного языка до сих пор не решен. КВ занимают особое место в системе языка, они являются его неотъемлемой

частью, так как построены по грамматическим законам и основным принципам языка.

С.И. Ожегов не исключал возможности перехода некоторых выражений, относящихся к фразеологии в широком смысле, в ряд собственно фразеологии или фразеологии в узком понимании. Такой переход возможен в процессе частого употребления того или иного крылатого выражения. В результате этого КВ теряет связь с авторским контекстом или определенной исторической эпохой, оно фразеологизируется, т.е. становится системным явлением языка [Ожегов 1970].

В отечественной лингвистике объектом исследования крылатологии являются КВ, которые находятся на периферии фразеологической системы. Существует много толкований термина КВ. С.И. Ожегов считал их образными, меткими выражениями, изречениями, вошедшими в общее употребление [Ожегов 1990]. В.М. Мокиенко под КВ понимает «сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением» [Мокиенко 1990: 4]. С.Г. Шулежкова как главный отличительный признак данных языковых единиц выделяет «генетическую печать автора» [Шулежкова 2002].

До настоящего времени КВ не подвергались комплексному сопоставительному анализу. Сопоставление КВ важно для изучения этих языковых единиц в целом, а также для выявления их национально-культурного своеобразия. Это также необходимо для сопоставления двуязычных словарей КВ.

При сравнительном изучении русской и французской фразеологии сложности связаны с отсутствием единой терминологической базы. Сам термин *крылатые слова и выражения* утвердился в славянской, немецкой, английской фразеологии, однако французские лингвисты его не используют. «Новый русско-французский словарь» В.Г. Гака, К.А. Ганшиной (2005) дает перевод данного термина как «locution devenue proverbiale» или «locution passée en proverbe», что значит «выражение, ставшее пословицей» или «выражение, перешедшее в пословицу». Такое определение лишь частично соответствует пониманию КВ, принятому российскими фразеологами и крылатологами.

В 1999 г. французский лингвист Шарлотта Шапира предложила свою типологию ФЕ. Для обозначения фразеологизмов ученый

использует следующие термины: *stéréotypes linguistiques* (лингвистические стереотипы), *expressions figées* (устойчивые выражения) и пр. По мнению Ш. Шапира, *устойчивые обороты* (*expressions figées*) делятся на два типа.

1. Грамматические обороты (выражения) или словосочетания, которые функционируют как лексическое единство и которые принадлежат к какой-то определенной грамматической категории (другое их наименование, данное известным французским языковедом А. Рейем, сложные грамматические слова): номинативные выражения или сложные слова и выражения с глаголом, прилагательным, наречием, предлогом, союзом.

2. Стереотипы (стереотипные выражения), которые также называются *формулировками* и которые делятся, в свою очередь, на: синтагматические экспрессивные выражения, включающие литературные стереотипы; стереотипные метафорические выражения, в которые входят стереотипные выражения аллюзивного характера и клише; идиоматические выражения; стереотипные высказывания, которые объединяют все паремические формы: пословицы, поговорки, апофтегмы, формулировки вежливости и обихода, рутинные фразы, выражения, произносимые в тех или иных обстоятельствах, а также слоганы.

Стереотипные выражения сильно отличаются от грамматических аналогов, однако не всегда легко обозначить эти различия. Обе эти категории представляют собой устойчивые формы, которые состоят из лексических частей и превосходят простое слово. Соответственно, они все являются синтагматическими образованиями, исключая стереотипы в форме предложения. Но главная сложность для исследователя состоит в том, что стереотипные выражения не являются сложными лексическими единствами, а представляют собой формулировки, т.е. речевые формулы (отрывки, пассажи). В свою очередь, будучи раньше индивидуальными свободными образованиями, они закрепились в речи узусом. Их называют «стереотипными», потому что они сохраняют все признаки речи: четкую номинативную определенность, морфологию и синтаксис, которые соответствуют действующим правилам языка. Этим можно объяснить наличие в данных выражениях архаичных форм, свойственных языку прошлого.

Французская лингвистика оперирует рядом понятий, которые в той или иной степени соответствуют термину КВ, используемому в

русском языкознании, что объясняется разнообразием фонда крылатых единиц: крылатые слова и выражения, пословицы и поговорки, максимы, афоризмы, реминисценции, аллюзии, скрытые цитаты, идиомы, образные выражения и пр. Так, французские лингвисты в своих трудах изучают пословицы и поговорки, афоризмы и апофтегмы, сентенции и максимы, цитаты и аллюзии. По нашему мнению, термин «цитата-аллюзия» оказывается ближе всего к понятию КВ.

В предисловии к словарю, в котором представлены литературные цитаты и аллюзии современного французского языка, бельгийский лингвист Жан Клод Болонь отмечает, что литературная цитата находится в постоянной конфронтации с аллюзией, которая является ее трансформацией. Исследователь подчеркивает, что «аллюзия живет только в контексте времени, которое ее порождает и в творческом процессе, который ее трансформирует; она остается на бумаге – или на устах – тех, кто ее сегодня употребляет» (перевод наш. – А.М.) [Bologne 1991: 5]. Задачу фразеолога Болонь видит в возвращении к жизни цитаты / аллюзии через самый обычный контекст, так как ей необходимо помочь выжить в современном употреблении. Постоянное использование цитаты / аллюзии в речи приводит к ее обновлению и продлевает ей жизнь.

Таким образом, вопрос о языковом статусе КВ требует более глубокого и детального изучения, для чего необходимо унифицировать терминологическую систему и выработать единые критерии сопоставления этих сверхсловных языковых единиц.

Литература

Баранов, А.Н. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах : сб. науч. ст. – Орел : ОГУ, 2010. – С. 80-87.

Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учебник / В.Г. Гак. – Изд. 3-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.

Кунин, А.В. Английская фразеология: Теоретический курс / А.В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 381 с.

Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1990. – 166 с.

Мокиенко, В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л. : ЛГУ, 1986. – 278 с.

Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 207 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 53 000 тысяч слов. – Изд. 8-ое, стер. – Москва : Сов. энциклопедия, 1970. – 900 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка : 10 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

Райхштейн, А.Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов. Словари и лингвострановедение / А.Д. Райхштейн. – М. : Рус. яз., 1982. – С. 142-163.

Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп / Э.М. Солодухо. – Изд-е 2, доп. 2008. – 304 с.

Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1970. – 199 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2001. – 288 с.

Bologne, J.C. Dictionnaire commenté des expressions d'origine littéraire. Les allusions littéraires / J.C. Bologne. – Paris : Larousse, 1991. – 336 p.

Schapira, C. Les stéréotypes en français. Proverbes et autres formules / C. Schapira. – Ophrys, 1999. – 173 p.

Л.Н. Мишина

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ПЕСЕННЫХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. КОНОНЕНКО
«ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ™»**

М. Кононенко – российский журналист, программист и публицист, один из пионеров русского Интернета, автор интернет-проектов [Кононенко <http://>], одним из которых является «Владимир Вла-

димирович.Ру» – сайт, где с 2002 года регулярно публикуются различные (чаще всего сатирические) истории из жизни виртуального «двойника» российского президента – Владимира ВладимировичаTM Путина (знак торговой марки как раз и призван показать читателю, что это вымышленный персонаж, «продукт» авторской фантазии). В 2005 году часть историй была опубликована в издательстве «Колибри» под названием «Владимир ВладимировичTM». Язык этого издания и стал материалом настоящего исследования (проект функционирует до сих пор, и, возможно, язык более поздних историй из жизни интернет-персонажа даст иной материал для анализа).

По замечанию С.Г. Шулежковой, 1980–2000-е годы в России можно назвать «временем крылатых единиц» [Шулежкова 2008: 3]. «Владимир ВладимировичTM» ярко иллюстрирует это утверждение: в произведении, созданном в начале 2000-х гг., функционирует множество крылатых выражений (КВ), как давно существующих в русском языке (*смерть Кащеева*), так и возникших сравнительно недавно (*Как нам обустроить Россию*), в том числе таких, автором которых является сам президент РФ (в тексте неоднократно повторяются выражения *мочить в сортире* и *Она утонула*). Одним из наиболее значительных пластов КВ, выделенных нами в исследуемом тексте, являются КВ из различных областей искусства.

Всего в произведении М. Кононенко «Владимир ВладимировичTM» функционируют 104 КВ, восходящих к различным областям искусства: художественной литературе, фольклору, кино- и мультипликационным фильмам и др. Наиболее значительными группами КВ являются слова и выражения, восходящие к художественной литературе (30 единиц) и к песенным жанрам (23 единицы). Настоящая статья посвящена функционированию песенных КВ. Вопрос об отнесении к корпусу КВ или цитат той или иной единицы, принадлежащей к современной культуре, является дискуссионным, поэтому в данной статье мы рассмотрели только подвергшиеся трансформации единицы, которые уже не могут быть названы цитатами. Исключение составляет фраза из песни Б. Гребенщикова «212-85-06», которая, на наш взгляд, может быть названа крылатой в силу следующих причин. Во-первых, она, как и многие другие слова и выражения из творчества группы «Аквариум», является культовой среди его поклонников, а во-вторых, представляет

собой часть припева, что часто способствует переходу песенных выражений в разряд крылатых [Шулежкова 2002: 238].

Одной из основных функций КВ является характеризующая [Шулежкова 2002]. Большая часть песенных КВ, выделенных нами, используется в тексте для характеристики персонажей. При этом зачастую КВ дают читателю более наглядное представление о персонажах, чем их поступки. Например, в истории от 11.09.2003 Владимир Владимирович™ и глава его Администрации (два главных героя произведения) устраивают поминки по погибшим в США в результате теракта: *Пару минут спустя глава Администрации вошел в кабинет Владимира Владимировича™ <...> выставил <...> соленые огурцы в кулечке, банку маринованных маслят, половинку бородинского и бутылку водки «Русский стандарт» <...> выудил две платиновые стопки <...> Разлили. Подняли не чокаясь. Выпили. Закусили. Помолчали* (Кононенко, с. 154). Действия героев могут быть истолкованы только однозначно: они скорбят по погибшим. Однако затем они начинают напевать: – **Железный самолете-е-е-ет надо над нами проплыва-а-а-ет**, – тихо затянул Владимир Владимирович™. – **В Америке гори-и-и-т высоко-о-окий небоскре-е-е-еб**, – так же тихо подхватил глава Администрации. – **Усама не спеши-и-и-ит**, – продолжили мужчины уже вместе, – **Усама понима-а-а-а-ит, что боинг до Кремля-я-я-я пока-а-а не долети-и-и-ит...** (Там же). Трансформированные песенные строки меняют оценку действий героев, и скорбь превращается скорее в радость от того, что теракт на этот раз произошел не в России, а в стране, с которой у РФ традиционно достаточно сложные отношения.

В некоторых случаях КВ является единственным средством характеристики мыслей или действий персонажа. Так, в истории от 22.10.2004 Владимир Владимирович™ просто гуляет по территории Кремля, ни с кем не разговаривает и при этом напевает: – **Долго я по свету бродил...** – тихо напевал Владимир Владимирович™ себе под нос, – **все твою могилку искал...** Владимир Владимирович™ посмотрел на затянутое серыми облаками осеннее небо и улыбнулся. – **Сердцу без любви-и нелегко-о-о-о**, – продолжил петь Владимир Владимирович™, – **где же ты моя Пуманэ-э-э...** (Кононенко, с. 530). Вложенная в уста российского «президента», любимая песня И.В. Сталина «Сулико» однозначно характеризует Владимира Владимировича™ и А. Пуманэ, обвиненного в подготовке теракта и по-

гибшего во время допросов: читатель ассоциирует одного из героев с организатором массовых репрессий, а второго – с невинной жертвой.

Характеризующая функция КВ нередко трансформируется в идентифицирующую: одной из целей использования КВ становится «приближение» персонажа к читателям, идентификация его как «своего», а также идентификация разных героев произведения как принадлежащих одной культуре. Выделение этой функции обусловлено спецификой произведения.

М. Кононенко пытался показать человека, пусть и наделенного властью, но в остальном не отличающегося от тех. Именно об этом устами своего героя автор говорит в одном из самых сильных, на наш взгляд, мест произведения (истории, в которой Владимир Владимирович™ обращается к народу после освобождения захваченной террористами школы в Беслане): *Я – такой же, как вы. И я, так же как вы, не знаю, что делать. <...> Это не какие-то мои люди. Это ведь вы и есть. Народ. Все, вокруг меня. И я такой же, как вы* (Кононенко, с. 488). Мысли, поступки героя, при всей их порой фантастичности, действительно близки и понятны читателю – и одним из средств «приближения» персонажей к читателям является использование общенародных языковых средств, в том числе близких и понятных всем носителям языка КВ.

Стремление приблизить героя к читателю, в том числе вербальными средствами, отмечено и в предисловии к изданию. Жанр историй, созданных М. Кононенко, определяется составителем предисловия как эпос [Васильев 2005: 16]. Безусловно, это утверждение может вызвать возражения, однако в рамках нашего исследования принципиальное значение приобретает следующая характеристика произведения: «в отличие от сухих строк официальных документов, устами Владимира Владимировича™, сотрудников его Администрации, министров и депутатов Государственной думы говорит медиа. А ведь медиа в современном мире определяет массовое сознание народа. Таким образом, “Владимир Владимирович™” истинно народен» [Васильев 2005: 16]. Так, например, именно как человек из народа, а не как государственный деятель Владимир Владимирович™ реагирует на смерть шейха Ахмеда Ясина. Он не использует стандартных дипломатических формул, а радостно напевает: – *Ай-яй-яй-яй-яй-яй-я, убили шейха*, – напевал Владимир Владимирович™, протирая свой бронзовый бюст, – *убили шейха, убили шейха...* <...> – *Третий*

день не ест и не пьет, – бормотал Владимир Владимирович™, кладя тряпку на пепельницу в виде головы Бориса Абрамовича Березовского, подаренную ему английской королевой, – *шейх лежит и... и... и намаз совершать не идет...* (Кононенко, с. 375-376). Это переделанная песня группы «Запрещенные барабанщики» «Убили негра», герой которой и после смерти, услышав тамтам, встает и идет играть в баскетбол. Владимир Владимирович™ же, естественно, уверен в том, что шейх, идеолог одной из ближневосточных террористических организаций, не может воскреснуть, и радуется этому. Это реакция обычного человека, не облеченного властью: согласно дипломатическому этикету, которым связаны представители высшей власти, подобное проявление эмоций вряд ли допустимо.

Однако функция идентификации героя как «своего» при помощи песенных КВ имеет и другой аспект: читатель не только видит, что главный герой, хотя и наделен практически безграничной властью, практически не отличается от читателей, но и понимает, что все герои эпоса, как положительные, так и отрицательные, ничем не отличаются друг от друга. Все они оказываются принадлежащими к одной культуре, и таким образом оказывается, что между ними нет различий. Даже шахиды, собирающиеся совершить теракт, напевают переделку советской песни: *... третий мужчина развернул лежавший у него на коленях полиэтиленовый пакет, достал оттуда какие-то небольшие металлические цилиндрики, моток разноцветных проводов и пару квадратных батареек <...> водитель грузовика вдруг прокашлялся, стащил с головы кепку, под которой обнаружилась зеленая повязка, нажал на клаксон и увеличил скорость. Мужчины посмотрели прямо перед собой и хором, с характерным южным акцентом запели: – И добыты – пэсня в том порука, всэх врагов в атакэ огнэвой тры шахыда, тры взэлых друга, экыпаж машины боэвой* (Кононенко, с. 132). Так воспринимает террористов и главный герой произведения. «Президент» видит сон, в котором террористы используют то же песенное КВ, что несколькими историями ранее произнес он сам. Так функционирует в тексте эпоса единственное КВ, восходящее к современной поп-культуре, – цитата из песни «Нас не догонят» группы «Тату»*. Оба раза она использована для описания

* Вопрос о том, является данная единица цитатой или крылатым выражением, не имеет однозначного ответа. Однако, принимая во внимание тот факт, что выражение *Нас не догонят* стало своеобразным девизом российском сборной на зимней Олимпиаде-2014, мы считаем возможным отнести его к числу КВ.

преследования чеченских террористов – точнее, для описания сознательного отказа от их преследования. Первое употребление данного КВ завершает выдуманную историю о том, как группа боевиков, размахивая автоматами, проникла в Кремль, оставила в кабинете президента дагестанский коньяк и скрылась. В Москве объявлен план «Перехват», но задержать боевиков, согласно информации, озвученной по телевидению, милиции мешает непогода. Герои эпоса в это время пьют оставленный террористами коньяк и ведут следующий диалог: – *За непогоду*, – сказал Владимир ВладимировичTM. – **Не догоним**, – подтвердил глава Администрации. <...> – **Нет, не догоним, нет, не догоним**, – запел Владимир ВладимировичTM на мотив известной песни группы «Тату». Глава администрации подхватил. – **Нет, не догоним**, – пели чиновники, – **нет, не догоним** (Кононеко, с. 258). В тексте самой песни эти слова звучат чуть иначе: «Нас не догонят». В нетрансформированном виде данное КВ используется в речи скрывающихся от погони боевиков, которых Владимир ВладимировичTM видит во сне: *Сквозь вой ветра чуть слышны хруст свежеевытавшего снега и нестройная, но героическая песня*. – **Нас не догонят**, – пели таинственные бегуны, – **нас не догонят, нас не догонят** (Кононенко, с. 264). КВ становится характеристикой преследования террористов властями, как ее видит М. Кононенко: власть отказывается преследовать террористов, последние же уверены в том, что они не будут пойманы. При этом думают обе стороны одинаковыми словами – или, скорее, власть уверена, что террористы думают так же, как она.

Еще сильнее сходство героев произведения демонстрирует использование КВ из песни группы «Аквариум» «212-85-06». В истории от 21.04.2003 рассказывается о следствии по делу об убийстве С. Юшенкова. Составлен фоторобот убийцы и установлен номер пистолета, но арестовать виновных не представляется возможным: фоторобот оказывается портретом министра внутренних дел Б. Грызлова, а номер пистолета совпадает с телефонным номером из известной песни Б. Гребенщикова. Узнав его от главы своей Администрации, Владимир ВладимировичTM цитирует следующие строки этой же песни: – **Два двенадцать восемьдесят пять ноль шесть...** – медленно прочитал он номер пистолета и поднял глаза на Владимира ВладимировичаTM. – **Фурия круча**, – страшным голосом произнес Владимир ВладимировичTM. – **Идите работать!** (Кононенко, с. 82). Убийца депутата и «президент» страны оказыва-

ются близкими в культурном отношении и, возможно, принадлежат одному кругу, и потому Владимир Владимирович™ приказывает засекретить результаты исследования.

Таким образом, песенные КВ, функционирующие в эпосе М. Кононенко «Владимир Владимирович™», позволяют героев сделать понятными читателю, а описанные ситуации – легко узнаваемыми. Оценка героев при помощи КВ часто иронична, иногда негативна, однако, возможно, именно она в свое время сделала произведение популярным, превратив его в злободневную (хотя, возможно, и не совсем справедливую) сатиру.

Литература

Васильев, Д.П. Между романом и эпосом / Д.П. Васильев // Кононенко, М. Владимир Владимирович™ : Роман / М. Кононенко. – М. : Колибри, 2005. – С. 13-17.

Кононенко, М. Владимир Владимирович™ : Роман / М. Кононенко. – М. : Колибри, 2005. – 703 с.

Кононенко, Максим Витальевич [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC_%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 15.09.2015).

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания / С.Г. Шулежкова // В.П. Берков. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – С. 3-15.

СТОИТ! И СТОЯТЬ БУДЕТ!
(особенности употребления исторических
крылатых единиц в творчестве В.П. Астафьева)*

В своем творчестве В.П. Астафьев активно использует фразеологический фонд русского языка. Особое место при этом отводится крылатым единицам (КЕ). Ранее мы отмечали, что КЕ, используемые В.П. Астафьевым, многообразны по происхождению и подробно останавливались на анализе единиц, восходящих к Библии, к различным песням [Осипова 2010а; 2010б].

В данной статье мы продолжим исследовать КЕ, функционирующие в произведениях В.П. Астафьева, и остановимся на группе единиц, источниками которых являются исторические официальные документы и речи политических и общественных деятелей. Многие из этих КЕ имеют форму лозунга, призыва или девиза. Погруженные в современные тексты, такие единицы помогают не только сохранять историческую память, но и создавать новый, яркий, воздействующий образ. «Использование ссылок на прецедентные исторические ситуации позволяет писателю во многих случаях избегать подробных объяснений ситуаций современных, а читателю – освежив в памяти исторические знания, задуматься над тем, какие уроки мы извлекаем из прошлого» [Анохина 2003: 334].

Свидетельством признания многих произведений В.П. Астафьева классическими, авторитетными, в том числе и в области функционирования КЕ, является факт использования цитат из этих произведений в качестве иллюстративного материала в одном из самых полных собраний русских КЕ – «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка», авторами которого являются В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова [см. Берков 2008–2009].

Особенность авторского употребления исторических КЕ заключается в том, что большая их часть оказывается трансформи-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

рованной. Проблема трансформации КЕ в художественных текстах является одной из актуальных [Халитова 2009, 2014]. В.П. Астафьев по праву можно назвать одним из непревзойденных мастеров обыгрывания КЕ в угоду писательскому замыслу. Рассмотрим наиболее яркие примеры такого обыгрывания.

Одной из популярных в советскую эпоху была КЕ *Кто не работает, тот не ест*, основанная на евангельском афоризме, но переосмысленная как основной принцип социализма [Шулежкова 2011: 348] (и потому рассматриваемая нами как историческая). В.П. Астафьев, используя ее, применяет прием перехода отрицательной формы КЕ в положительную: *Из самых древнейших и обескураживающих закон; возник он, должно быть, еще до появления письменности, а может быть, даже и мысль, и суть его состоит в том, чтобы кто-то кого-то подминал и заставлял работать, добывать пропитание, защищать его от врагов – главнейший, древний и дикий порядок человеческих отношений: кто не работает – тот ест, да и пьет тоже. Трудовому человеку всегда недоставало времени для бродяжничества, если, конечно, был он трудовой, не шалтай-болтай* (Зрячий посох, т. 8, с. 120). При этом компонентный состав трансформированной КЕ расширяется (*да и пьет тоже*), что привносит в ее значение сему 'живет в свое удовольствие, в достатке'.

Интересно употребление КЕ *культ личности*, введенной в обиход Н.С. Хрущевым и символизирующей эпоху жесточайших репрессий в СССР в годы правления И.В. Сталина [Шулежкова 2011: 353]. В рассказе «Тельняшка с Тихого океана» эта единица символизирует беззаветную и святую любовь Зоськи к своему брату, такую любовь, что тот испытывает некое смущение: ... *Зоська подаренные ей книги никому не дает читать <...> выделила для них в книжном шкафу отдельную полку и <...> написала на торце полки красной краской: «Книги моего любимого брата». Дело дошло до того, что домашний художник – племянница Вичка по подсказке матери на той же полке изобразила из фольги лавровую ветвь. Ну уж, такой славы, таких почестей я выдержать не смог, упросил убрать незаслуженные атрибуты творческой доблести, пришлось даже пригрозить, что перестану заходить, если не прекратится **культ моей личности** в этом доме* (Тельняшка с Тихого океана, т. 9, с. 175). Рассказ был написан В.П. Астафьевым в 1980-е гг., к этому времени оборот *культ личности* уже потерял свою остроту

и актуальность, поэтому, видимо, так легко подвергается трансформации, т. е. теряет привязку к конкретной исторической личности – И.В. Сталину. КЕ используется В.П. Астафьевым в ироническом ключе, трагический пафос этой единицы нивелируется.

Будучи сам заядлым рыбаком, В.П. Астафьев во многих своих произведениях обращается к теме рыбалки: *На рыбалке москвич скромн <...> он выцелит зорким глазом рыбака мастерового и обязательно местного, как бы между прочим заинтересуется его снастями, подарит мормышечку <...> Люди! Будьте бдительны! Берегись, рыбак! Под эту мормышку вежливый москвич выведает у тебя все про здешнюю рыбу и про рыбаков* (Светопреставление, т. 9, с. 215). Используемая здесь КЕ *Люди, будьте бдительны!*, принадлежащая чехословацкому писателю Ю. Фучику, казненному в пражской тюрьме и, возможно, также восходящая к евангельскому призыву Христа («формула предостережения; призыв быть внимательными ко всему, что сигнализирует о возможной опасности, чтобы не оказаться застигнутым врасплох» [Берков, т. 1, 2008: 588]). Как у КЕ *культ личности*, так и у данной единицы исходный драматизм стирается.

КЕ *Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача* («девиз преобразователей, ученых, стремящихся подчинить себе стихийные силы природы» [Шулежкова 2011: 416]) также призвана образно описать рыболовецкий процесс: *Массовый рыбак подвержен психозу, он волнами плещется по водоему, долбит, вертит <...> Не такой рыбак дядя Паша. Он припадет к одному местечку и ждет милостей от природы, хотя и мастер в рыбалке не последний, худо-бедно, на улицу всегда привозит...* (Печальный детектив, т. 9, с. 18-19). Трансформируется и форма КЕ – из отрицательной в положительную.

Формулу, «с помощью которой выражают решимость придерживаться определенных принципов (в политике, экономике и др.)», представляет собой КЕ *На том стояла и стоит <стоять будет> [Русская земля]* [Берков, т. 2, 2009: 33]. Но у В.П. Астафьева осколок этого выражения призван отразить взгляд главного героя романа «Печальный детектив» Леонида Сошнина на местоположение своего... шкафа. «Гардероп», который Леонид отказывается отодвинуть на 30 см, становится причиной его разлада с женой: *Из-за него, из-за этого «гардероп», супруги Сошнины разбежались в последний раз <...> а он [Сошнин], значит, остался «на просторах», царству-*

ет в своей квартире, наслаждается свободой, и «гардероп» стоит что скала. **«Стоит! И стоять будет!»** – почти торжественно, как Петр Великий о России, сказал Сошинин про «гардероп» (Печальный детектив, т. 9, с. 55-56). Специфика многих КЕ заключается в том, что зачастую носитель языка может путать ее авторство. В данном случае фраза, приписываемая Петру I, на самом деле принадлежит Александру Невскому – герою одноименного фильма. Именно герою фильма, потому что, судя по летописям, новгородский князь Александр Невский этих слов никогда и нигде не произносил. Вопрос об авторстве КЕ неоднозначно может решаться, если перед нами оказывается многозначная единица (см. об этом [Андреева 2014]).

Заключительная фраза «Манифеста Коммунистической партии», созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* служит лозунгом-призывом к сплочению в борьбе за свои права [Берков, т. 2, 2009: 259]. У В.П. Астафьева в романе «Прокляты и убиты» эта единица трансформируется достаточно оригинально: из лозунга-призыва она превращается в наименование-характеристику начальницы отделения совхоза Валерии Мефодьевны Галустевой – женщины, решительной и бесстрашной. Так говорит о Валерии ее мать: *Тебе че! Тебе хоть волки, хоть медведи, – собирая кошелку, ворчала Домна Михайловна. – У тя, Лексей Донатович, наган-то есть? А то ведь нашей пролетарье всех стран соединяйтесь никто не страшен...* (Прокляты и убиты. Чертова яма, т. 10, с. 256). Происходит грамматическое, синтаксическое и семантическое преобразование лозунга: предикативная единица переходит в номинативную, при этом травестируется, что порождает снижение всей патетики боевого призыва к объединению рабочего класса и трудящихся всех стран под знаменем революционной борьбы за освобождение от социального и национального гнета.

Необходимо отметить, что В.П. Астафьев стал одним из тех писателей, кто всячески обыгрывает лозунги советской эпохи с единственной целью – отразить свое негативное отношение к идеологии, к политическим установкам Коммунистической партии СССР, низвергнуть лживые представления о Великой Отечественной войне, навязанные советской пропагандой. Это, с одной стороны, завораживало читателя и позволяло увидеть непререкаемую советскую действительность в новом свете, а с другой стороны, дало начало мощному процессу – антисоветской пропаганде и разрушению всех идеалов.

Так, в одном из своих поздних произведений «Из тихого света», жанрово обозначенном как «попытка исповеди», В.П. Астафьев, рассуждая о современном обществе, где люди озлоблены, ненавидят и калечат друг друга (и связано это, прежде всего, с политикой нашего государства, искореженного коммунистическим прошлым) пишет: *Я бы просил, где и у кого можно, на всех наших газетах и журналах рядом с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – писать: «И избави нас от лукавого!»* (Из тихого света, т. 13, с. 712). В данном контексте ярче всего прослеживается прямая зависимость: пролетарий = лукавый – главная идея коммунистической партии = ложь, обман.

В разных своих произведениях В.П. Астафьев резко критикует и Суворова, и Жукова, и Сталина – великих военачальников, которые, как он считает, беспощадно сорили жизнями рядовых солдат. КЕ *пушечное мясо* участвует в повествовании, где автором затрагивается общая тема неоправданных массовых смертей русских солдат на различного рода войнах: *Дела в полку в смысле жилья маленько подладились <...> с едой же обстояло еще хуже, чем в прошлые времена, муштра и холод все те же, мается под Бердском народ уже двадцать пятого года рождения – Россия не перестает поставлять пушечное мясо* (Прокляты и убиты. Плацдарм, т. 10, с. 315). КЕ *пушечное мясо* возникла еще в XIX в. Она является калькой с французского *la chair à canon* и впервые встречается в политическом памфлете французского писателя Ф. Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» (1814), «где описываются темные стороны наполеоновского режима: “Презрение к человеческой жизни и к Франции достигло такой степени, что новобранцев называли сырьем и пушечным мясом”» [Бирх 1999: 394]. В данном случае «темные стороны сталинского режима», да и любого другого военного режима выглядят так же, как и наполеоновские.

Продолжает тему борьбы русского солдата с врагом употребление КЕ *стоять насмерть*, приписываемой выдающемуся русскому полководцу М.И. Кутузову. Данная единица также имеет форму лозунга-призыва: *Наторевшая на «затыкании дырок» дивизия Ляхонина снова вводится в действие, бросается в коридор, в пекло и несколько часов, с полудня до темноты, стоит насмерть среди горящих спелых хлебов, созревшей кукурузы и подсолнухов* (Прокляты и убиты. Плацдарм, т. 10, с. 310). Призыв опять же заключается в том,

чтобы «не щадя жизни, до решительного исхода стоять (биться, сражаться)» [Берков, т. 2, 2009: 405], даже если ситуация складывается следующим образом: *Случалось, ох, как часто случалось: орудие на прямую наводку с двумя-тремя снарядами высунут, пулемет с одной лентой, автомат с неполным диском – воюй, патриот, стой на-смерть – героем будешь* (Прокляты и убиты. Плацдарм, т. 10, с. 452).

Описывая события военного времени, В.П. Астафьев показывает, что умерщвление советских солдат начинается еще в запасных полках, где местные военачальники считают для себя обычным делом забить слабого бойца, устроить показательный расстрел ни в чем не повинных людей (Прокляты и убиты, т. 10); продолжается это умерщвление на полях сражений, когда на местах действуют штрафные роты, а главная политика партии и правительства, по мнению автора, заключается в том, чтобы «мясом завалить, кровью затопить громаду наступающего противника» (Там же, с. 414). Отправка на тот свет российских солдат может происходить и в госпиталях, где те, кто не погиб на фронте, умирают от нечеловеческих условий, антисанитарии, которые создают фронтовикам ненавидящие их и заворовавшиеся госпитальные работники (Веселый солдат, т. 13). В сталинскую эпоху плюс ко всему массово уничтожали людей, подозреваемых или обвиняемых в антисоветской деятельности. В связи с этим актуальным становится оборот *враг народа*, имеющий древние корни и известный еще в Древнем Риме [Берков, т. 1, 2008: 209]. Пожалуй, это одна из немногих КЕ, которая не подвергается у В.П. Астафьева обыгрыванию и трансформации – слишком страшной была участь врагов народа: *По стране катилась волна арестов и выселений, массовых арестов врагов народа, вредителей, кулацких и других вредных элементов* (Царь-рыба. Не хватает сердца, т. 6, с. 92); *В городе тогдашние обожатели тайн, секретов искали шпионов и врагов народа и во множестве находили* (Последний поклон. Предчувствие ледохода, т. 5, с. 19); – ... Ты знаешь, Мусенок в тридцать седьмом, будучи корром «Правды», пересадил весь челябинский обком. – Как не знать. «Незаметно доводится до сведения». Он, Мусенок – друг и чуть ли не родственник Мехлиса. Они неустанно боролись и борются с врагами народа (Прокляты и убиты. Плацдарм, т. 10, с. 322) и др. При этом случаи трансформации КЕ *враг народа* исследователи отмечали у других писателей [см., к примеру, Халитова 2000: 100-101].

В произведениях 1990–2000-х гг. у В.П. Астафьева все отчетливее проявляется христианское миропонимание, заключающееся в том, что в сложных жизненных ситуациях уповать можно только на Бога, а не на Коммунистическую партию. Подтверждением этому может служить употребление КЕ *опиум для народа* (происхождение которой связывают с афоризмом К. Маркса, а популяризацию – с употреблением в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» [Берков, т. 2, 2009: 134]) в рассказе «Слепой рыбак». Одна из героинь, Адольфовна, глядя на современную городскую молодежь, рассуждает: *Мы тоже, было время, не жалели ниче, не пасли, не беггли. Полюбуйся теперя на хозяйство наше. Все профуркали, просвистели да разбазарили... Все...* На что тут же получает ответ: – *Ак че теперь сделаешь? Назадь не поворачишь, – вздохнула курящая старуха, и вдруг с дребезгом, отчаянно завопила: – Да уж побежала ты с факелочком! Выплюнув сигарку в грязь, она еще громче и решительней продолжала: – Долой церкву, опиум народа! Давай клуб! Бога нет, царя не надо, мы на кочке проживем! И остались вот на кочке жить* (т. 9, с. 242).

В своей статье мы рассмотрели лишь некоторые КЕ, употребляющиеся в творчестве В.П. Астафьева, – писателя, произведения которого сейчас уже входят в разряд классических.

Исторические КЕ, как считает С.Г. Шулежкова, «надежнее памятников, отлитых в бронзе или высеченных из камня, сохранили следы пребывания на земле людей, прославившихся своими поступками, высокими или низкими, своими высказываниями, истинными или ложными, своей ролью в мирных государственных делах или в военных походах» [Шулежкова 2002: 99]. Такие единицы дарят бессмертие их авторам, а также историческим событиям, т. е. служат высокой цели – сохранению народной памяти. Активное употребление подобных КЕ в современной публицистике и в художественных произведениях позволяет говорить об их живучести и актуальности (см. об этом [Осипова 2015]).

Лозунговая форма некоторых КЕ (*Кто не работает, тот не ест; Люди, будьте бдительны!; Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Стоит! И стоять будет!; стоять насмерть*) позволяет им представлять собой «лаконично сформулированную суть какого-либо учения, цель, к которой стремится борющийся класс, способ достижения этой цели, требования к противнику, обращение к еди-

номышленникам, поднимающее боевой дух, уверенность в победе, или заклинания-пожелания» [Шулежкова 2002: 245]. Лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки пропаганды. По замечанию Ю.И. Левина, лозунговый универсум в СССР являлся частью «идеологического универсума». В этом контексте «лозунги – как кратчайшие и обращенные к максимально широкой аудитории тексты» выражали «предельно редуцированный и экзотерический вариант текущей идеологии» [Левин 1998: 552].

Всевозможное трансформирование КЕ (особенно активно популяризируемых советской идеологией) в художественных произведениях отражает астафьевское сугубо негативное отношение к Коммунистической партии и, в свою очередь, порождает антисоветскую пропаганду. Среди писателей, произведения которых способствовали распространению противосоветских идей в обществе, в своей книге «Манипуляция сознанием» С.Г. Кара-Мурза также называет М. Булгакова, А. Приставкина, В. Распутина, А. Солженицына, И. Шафаревича. Они стали активно (наряду с общественными деятелями) достраивать стереотип обделенности русского народа в СССР. Выводы автора по этому поводу неутешительны: «Так интеллигенция начала “целиться в коммунизм, а стрелять в Россию”. И до сих пор продолжает стрелять» [Кара-Мурза [http](http://)].

Стремление В.П. Астафьева к исторической правде, с одной стороны, имело положительный результат, т. к. в переломную для России эпоху 1980–1990-х гг. люди, уставшие от «совковой» действительности, нуждались в настоящей правде войны, правде советской жизни, где зачастую партийные установки были ложными и на деле не работали, но при этом советского гражданина методично настраивали на коммунистический рай. Но с другой стороны, такой подход писателя способствовал разрушению старых идеалов, достойная замена которым так и не нашлась.

Литература

Андреева, С.Л. Об авторстве фразеологической единицы *хрустальный дворец* сквозь призму лингвокультурологического анализа / С.Л. Андреева // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – С. 37-40.

Анохина, С.А. Исторический интертекст как характеристика современного развития России (на материале произведений В. Рас-

путина) // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – С. 329-334.

Астафьев, В.П. Собрание сочинений : в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997–1998.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1999. – 794 с.

Бобкова, Ю.Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В.П. Астафьева : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г. Бобкова. – Пермь, 2007. – 23 с.

Бобкова, Ю.Г. Сравнительно-метафорический комплекс В.П. Астафьева и проблема его лексикографирования / Ю.Г. Бобкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 3 (24). – С. 819-823.

Гладких, Ю.Г. Не-данное и данное в художественном тексте: Фрагменты картины мира и идиостиль В.П. Астафьева : монография / Ю.Г. Гладких ; АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов». – Пермь, 2014. – 216 с.

Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием // Книгосайт. Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/50803> (дата обращения: 15.06.2015).

Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Ю.И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – С. 542-558.

Неретина, Т.Г. Формирование «образа Я родителя» у студентов педагогического вуза в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук / Т.Г. Неретина. – Магнитогорск, 2000. – 204 с.

Осипова, А.А. Библейские крылатые единицы в художественной картине мира В.П. Астафьева / А.А. Осипова // И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф.

С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; чл. редкол. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010а. – С. 192-198.

Осипова, А.А. «Нам песня строить и жить помогает...» (песенные интертексты в художественной картине мира В.П. Астафьева) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2010б. – № 4 (30). – С. 188-196.

Осипова, А.А. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI в. / А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 161-166.

Халитова, Н.Р. К проблеме создания словаря языка В.Т. Шаламова / Н.Р. Халитова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 357-359.

Халитова, Н.Р. Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова (особенности структурно-семантической организации) : дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2000. – 194 с.

Халитова, Н.Р. Фрагмент словаря языка «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова / Н.Р. Халитова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – № 3 (24). – С. 550-555.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 848 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

К.П. Сидоренко

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия)

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЦИТАТ: КРЫЛАТАЯ КОНТАМИНАЦИЯ (на примере выражений, восходящих к басням И.А. Крылова)

Объединение в речи фразеологических единиц (контаминация) оценивалось исследователями по-разному. Так, А.М. Бабкин писал об образовании новых фразеологизмов через контаминиро-

вание [Бабкин 1970: 104], А.И. Молотков относил контаминации к числу ошибок [Молотков 1977: 203], объединение устойчивых выражений учитывалось при функциональном описании и исследовании фразеологии [см.: Мелерович 1997; Колобова 2011].

Сходная проблематика возникает и при словарной обработке смежного фразеологии участка – интертекстовых единиц (прежде всего – крылатых выражений, прецедентных текстов, цитат, литературных образов и пр.) [см.: Сидоренко 1999: 153] – и соотносится с тем, что Л.В. Щерба называл отрицательным языковым материалом [Щерба 1974: 33]. Отсюда и несколько иное понимание контаминации: это не только и не столько создание новой речевой единицы, но и образование нового интертекстового единства, когда собственно фразеологический аспект является только частью вопроса. Крайними случаями проявления такого объединения будут, с одной стороны, наложение или соединение цитатных фрагментов (контактная контаминация) и, с другой, наличие двух и более отделенных друг от друга цитатных фрагментов (дистантная контаминация) при отсутствии линейной целостности в пределах текстового отрывка, условно не превышающего сложное синтаксическое целое. Контаминирование не следует смешивать с цитатным континуумом – совокупностью цитат разного типа в рамках анализируемого текстового фрагмента, не дающей контаминацию. Континуум и контаминирование нередко функционально совмещаются и взаимодействуют. Фразеологическая контаминация может быть только контактной (за исключением случаев текстового обыгрывания), тогда как контаминирование цитатных единиц допускает введение разделенных цитатных вкраплений, дающих «эффект» интертекстовой целостности.

Учет источников объединяемых единиц позволяет разграничивать типы контаминаций: микротекстовую, мегатекстовую и макротекстовую.

Микротекстовая контаминация – объединение фрагментов, восходящих к одной басне. Микротекст – автономная текстовая единица, включенная в состав мегатекста, в нашем случае это «басня – собрание басен». Очевидно, что подобное инклюзивное соотношение вариативно. Собрание басен И.А. Крылова разделяется на девять книг, однако в массовых изданиях такое деление, как правило, не соблюдается, и избранные басни даются как целостное собрание, не распределяющееся по книгам. «В зависимости от куль-

туроцентрического или текстоцентрического подхода <...> объем микротекста может быть разным» [Данилевская 2003: 230]. Как показывает наш опыт [Мокиенко 2013], авторское разделение басен на книги в рамках собрания в интертекстовой динамике ослаблено, а соотнесение крылатых выражений, например, с отдельными главами «Евгения Онегина» А.С. Пушкина [см.: Сидоренко 1998] обычно целесообразно при паспортизации вокабулы и комментировании.

Так, объединение первого и последнего стиха басенного рассказа (то есть без морали) дает микротекстовую контактную контаминацию:

Иван Андреевич Крылов. О половых перверсиях: *Лягушка, на лугу увидевши вола, С натуги лопнула – и околела* (LiveJournal.com. <http://dee-troy.livejournal.com/253643.html> <2009>).

Объединение исходно несмежных стихов басни «Ворона и Лисица» при неточностях, свойственных свободному цитированию, можно квалифицировать также как контактную микротекстовую контаминацию («Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок»):

Уж сколько раз твердили миру, да только все не впрок. Мы очень любим наступать на те же грабли (<http://zsite.narod.ru> <2008>).

Слово-тема *очки* (басня «Мартышка и Очки») стимулирует введение объединенных басенных стихов при перестановке и усечении, что также приводит к контаминированию несмежных частей («Вертит Очками так и сяк: То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, То их понюхает, то их полижет»):

Кто имеет хороший глазомер, тот с любопытством посмотрит в очки, предложенные графом Толстым, и не споткнется. Он сравнит оптические видоизменения с известною действительностью и определит, что эти очки не в меру увеличивают, а что уменьшают. Но в очки надо смотреть, а не поступать с ними, как Мартышки: «то их понюхают, то их на хвост нанижут» (Н.С. Лесков. О рожне. Увет сынам противления <1886>).

Мегатекстовая контаминация. Мегатекст – объединение микротекстов, в нашем случае – собрание басен, существующее в русском круге словесной культуры как совокупность текстов, дающая систему образов, цитат, креолизированных интертекстовых единиц. В этом случае нередко толчком для введения цитаты может быть тек-

стовый стимул, слово, соотносимое с двумя и более микротекстами. Например, «Зеркало и Обезьяна» («Я удавилась бы с тоски, Когда бы на нее хоть чуть была похожа») и «Обезьяны» («Кто Обезьян видал, те знают, Как жадно все они перенимают») дают объединение микротекстов. При этом контаминирование сопровождается «наивной» паспортизацией, соотносимой с явлением псевдоэптонимии [см. Дядечко 2002: 200]:

Слушай, ты понимаешь, что твой ученик – обезьяна? <...> Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа... – «Зеркало и Обезьяна», вспомнила? Кто обезьян видал, те знают, как жадно все они перенимают (Анафема. Правдивая история-буфф. <http://www.russianlife.nl/anafema.htm> <2009>).

Типологически сходен с предыдущим и пример, в котором объединяются слова из басен «Музыканты» и «Квартет»:

В прошлом году «Сын отечества» дебютировал двумя французскими статьями, очень дурно переведенными <...>. Ничего не поймешь, ничего не разберешь! Запели молодцы – кто в лес, кто по дрова! Дерут, а толку нет! (В.Г. Белинский. Русские журналы <1839>).

Особым случаем мегатекстовой контаминации можно считать объединение источников. Этому способствует образ, соотносимый с двумя и более баснями (в данном случае – «Лисица и Осел» и «Лев состаревшийся»):

Для подобных случаев либерального искательства на Западе есть всегда готовая жертва: Римский Папа [так в источн.]. Эту жертву тем приятнее и легче травить, что она физически ослабела, а нравственный вес свой не вполне еще утратила. Подлых чувств противу Рима (ослиных чувств противу ослабевшего льва) так много в этой «нынешней» Европе (К.Н. Леонтьев. Национальная политика как орудие всемирной революции <1888>).

Показательно, что в комментариях указывается на такое двойное соотнесение [Котельников 2009: 1152].

Собирательный образ (*Ворона*) выступает как стимул для развернутой интерпретации двух микротекстов («Ворона» и «Ворона и Лисица»), сопровождающейся сегментацией выражений, приобретением интертекстовой автономности отдельных слов или слово-

сочетаний, входящих в состав крылатых выражений (*ворона*, *каркнуть*, *павлиньи перья*, *во все воронье горло*, *орел* и т. д.). Например:

Автор этой статьи <...> думает, что нет ничего приятнее, как оборвать с вороны павлиньи перья и доказать ей, что она принадлежит к той вороне, которую вздумала презирать. Человек простого звания еще не ворона потому, что он простого звания; вороною делает не звание, а природа, и вороны так же бывают во всех званиях, как во всех званиях бывают орлы [собир. басенный образ]; но, конечно, только вороне свойственно рядиться в павлиньи перья и величаться ими. Так почему же не сказать вороне, что она ворона? Презрение к низшим сословиям в наше время отнюдь не есть порок высших сословий; напротив, это болезнь выскочек, порождение невежества, грубости чувств и понятий. Умный и образованный человек, если б он был одержим этой болезнью, никогда не обнаружит ее, потому что она не в духе времени, потому что показать ее – значит каркнуть о себе во все воронье горло (В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года <1848>).

Заметим, что выражение *ворона в павлиньих перьях*, в справочниках крылатых слов обычно возводимое к басне И.А. Крылова «Ворона» [Ашукин 1987: 57], является названием басни Д.И. Хвостова (1802 г.), текст которой можно считать деривационной основой крыловского произведения. В этом случае интертекстовый контакт выходит уже на уровень макротекстовой контаминации. Показателен и представленный В.И. Далем в словаре контаминированный «хвостовско-крыловский» иллюстративный ряд: *Павлин <...> Ни пава, ни ворона. Ворона в павлиньих перьях* [Даль, т. 3, 1882: 1], являющийся свидетелем «генетической памяти» [Шулежкова 2002: 31] крылатых выражений.

Макротекстовая контаминация. Макротекст – «совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства», «объединение всех существующих в культурном пространстве текстов» [Данилевская 2003: 216], текстовое воплощение круга словесной культуры.

Например, объединение измененной скрытой цитаты из «Русалки» А.С. Пушкина («Невольно к этим грустным берегам Меня влечет неведомая сила») со словами из басни И.А. Крылова «Крестьянин и Работник» («Крестьянин ахнуть не успел, Как на него

медведь насел») дает макротекстовую контаминацию, основанную на связях внутри круга словесной культуры:

В писании сказано: Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. Так и я: Ахнуть не успел, как уже невидимая сила опять влечет меня в таинственную даль. Сегодня еду в Петербург, оттуда в Берлин и так далее (А.П. Чехов – М.В. Киселевой, 11 марта 1891 г.).

Приведем еще пример расширения интертекстового пространства, когда объединяются слова из басни «Ворона и Лисица» (*Спой, светик, не стыдись*) и романа «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова (*Почем опиум для народа?*):

[Загол.] *Спой, светик, не стыдись, или почем звезды для народа* [В тексте] *Кто хочет сделать свое торжество незабываемым, может пригласить в гости знаменитость, благо недостатка в предложении нет. Цены на звезд и звездочек начинаются уже с нескольких тысяч евро* (Народный журналист. 2008. 25 февр.).

Вторая часть заголовка представляет собой вариант фразеосемантической модели, восходящей к крылатому выражению *почем опиум для народа*, использованному в фильме Л. Гайдая «12 стульев». Выражение, в свою очередь, соотносится со словами К. Маркса («К критике гегелевской философии права») *религия опиум народа*, повторенными В.И. Лениным в работе «Социализм и религия». В измененном виде они получают хождение как *религия опиум для народа*, при этом изменяется и смысл исходного афоризма. Образовавшуюся деривационную цепочку можно представить следующим образом: Die Religion ist das Opium des Volkes (К. Маркс) > *религия опиум народа* (К.Маркс > В.И. Ленин) > *религия опиум для народа* (приписываемое В.И. Ленину) > *почем опиум для народа* (И. Ильф, Е. Петров) > *почем опиум для народа* (кинофильм Л. Гайдая, дающий креолизированную интертекстовую единицу) > открытая для трансформаций фразеосемантическая интертекстовая модель. Неоднократно указывалось на то, что и у К. Маркса были предшественники [см.: Новожилов: 2009]. Интертекстовый анализ деривационных процессов позволяет выходить на уровень гипертекста, под которым как одну из удачных попыток осмысления этого понятия можно принять форму «представления информации, при которой кодирование и раскодирование смысла выходит за пределы

содержания отдельно взятой информационной единицы» [Зыкова 2006: 5; см. также Стройков 2009].

Ср. также шутливое соединение стихов из разных поэтических произведений (центон), Например:

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками в гору,
Из дальних странствий возвратясь,
По улицам слона водили,
Как видно, напоказ.
Известно, что слоны в диковинку у нас,
Так за слоном толпы зевак ходили.
Какой-то повар-грамотей
С поварни убежал своей,
Со всех дворов собак сбежалось с полсотни.
Как вдруг из подворотни
Проказница мартышка,
Осел, козел да косолапый мишка
Затеяли сыграть квартет.
Когда в товарищах согласия нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из того не дело – мука.
Однажды лебедь, рак да щука,
Собака, лев да волк с лисой
Везти с поклажей воз взялись
И вместе все в него впряглись....
(<http://www.orgdosug.ru> <2009>).

Приведенные наблюдения можно суммировать следующим образом.

Выделяются (1) контаминации на основе последовательного цитирования в рамках текстового отрывка при сохранении автономности интертекстовых единиц и (2) контаминации, дающие новую речевую единицу, воспринимающиеся как ошибочное, небрежное цитирование, но в любом случае приближенные к сфере фразеологии; контаминации (1) дистантные и (2) контактные, зависящие от синтаксической адаптации цитатных вкраплений; контаминации (1) микро-, (2) мега- и (3) макротекстовые. Последние имеют прямой выход на уровень гипертекста.

При работе над словарем интертекстовых единиц отдельного автора целесообразно учитывать предложенную выше типологию.

В этом случае можно говорить об интертекстовой деривации, приводящей к расширению и усложнению словника словаря.

Литература

Ашукин, Н.С., Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М. : Худ. лит., 1987. – 528 с.

Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 263 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : СПб. : Изд-во М.О. Вольфа, 1882. – Т. 3. – 576 с.

Данилевская, Н.В. Макротекст / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 216-221.

Данилевская, Н.В. Микротекст / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 230.

Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность : монография / Л.П. Дядечко. – Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 294 с.

Зыкова, Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Зыкова ; Воронежск. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 21 с.

Колобова, Е.А. Фразеологическая контаминация : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Колобова ; Костромск. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Иваново, 2011. – 24 с.

Котельников, В.А. Комментарии / В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко // К.Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2009. – Т. 8, кн. 2: Публицистика 1890–1891 годов. – С. 818-1342.

Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи : словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М. : Рус. словари, 1997. – 863 с.

Мокиенко, В.М. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения : словарь-справочник / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб. : Свое издательство, 2013. – 680 с.

Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 281 с.

Новожилов, В. Религия – опиум для народа (современные диалоги) [Электронный ресурс] / В. Новожилов. 2009. – Режим доступа : http://novozhilov.at.ua/publ/religija_opium_dlja_naroda_sovremennye_dialogi/12-1-0-72 (дата обращения: 15.09.2015).

Сидоренко, К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова : монография / К.П. Сидоренко. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.

Сидоренко, К.П. Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра / К.П. Сидоренко. – СПб. : Образование, 1998. – 318 с.

Стройков, С.А. Изучение гипертекста и гипертекстуальности в контексте современной лингвистики / С.А. Стройков // Вестник Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Гуманитарные науки и образование». – Тольятти, 2009. – Вып. 2. – С. 43-52.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 24-38.

Е.П. Соколова

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЗОНА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В связи с диффузностью межчастеречных границ, наличием переходных, синкретичных явлений становится актуальной разрабатываемая в последние годы теория полевой организации частей речи. Предметом настоящего исследования является периферийная зона морфологического поля имени числительного. Материалом для анализа послужил словарь С.Г. Шулежковой «И жизнь, и слезы, и любовь...» [Шулежкова 2011], который по праву можно назвать «энциклопедией русской жизни», поскольку он содержит описание 1500 крылатых слов и выражений русского языка, отражающих бес-

ценную информацию об истории, культуре русского народа, особенностях его характера, нравственно-этических ценностях. Крылатые выражения «“отягощены”, “чреватые” генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулежкова 2002: 31]. Данная работа также дает возможность исследовать функциональный потенциал грамматических форм русского языка, поскольку крылатые выражения отражают живую, естественную речь: «В них, как в осколках памяти многих поколений, искрится живой, “бойкий” русский ум; любит, томится, страдает, осуждает, предостерегает и смеется русская душа» [Там же: 35].

В соответствии с полевым подходом в структуре каждой части речи можно выделить некоторое ядро, представленное словами, которые обладают всеми основными признаками данного класса, и периферию, к которой относятся слова смешанного, переходного характера, совмещающие признаки данного класса и других частей речи [Бондарко 2005: 178-184]. Рассмотрим имя числительное как полевою структуру. Центральную зону анализируемого морфологического поля образуют количественные числительные: определенно-количественные и собирательные, наиболее последовательно передающие категориальную семантику счета: *Жили у бабуси два веселых гуся; До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага; Десять* дней, которые потрясли мир.

Область ближней периферии составляют так называемые порядковые числительные, которые многими лингвистами отнесены к имени прилагательному в силу общности категориально-семантических и грамматических признаков: *Боевой восемнадцатый* год; *Седьмое* чудо света, а также числительное (счётно-местоименное прилагательное) *один*: *Вся рота идет <шагает> не в ногу, один поручик шагает <идет> в ногу*. Представляется целесообразным отнести к периферийной зоне также дробные числительные, обозначающие количество тех или иных частей единицы. В их структуре первая часть (числитель) является определенно-количественным числительным, вторая (знаменатель) – субстантивированным порядковым числительным, которое утратило значение порядка при счете: *Одна шестая* часть земли <суши>. Многие лингвисты в связи с этим не выделяют дробные числительные в качестве самостоятельного разряда, считая их сочетанием слов, относящихся

к разным частям речи [Русская грамматика 1980: 574]. Дальняя периферия включает имена числительные, которые в зависимости от контекстуальных условий способны вступать в отношения функциональной омонимии с другими частями речи.

Охарактеризуем зону ближней периферии морфологического поля. Числительное *один* занимает особое место среди количественных числительных, поскольку изменяется по родам, числам, падежам, всегда согласуется с существительным в роде, числе, падеже и не способно им управлять. По этой причине его иногда относят к относительным или счетно-местоименным именам прилагательным (В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, В.А. Плотникова и др.). В то же время числительное *один* входит в структуру составных числительных: *сорок один, триста двадцать один*, а также в натуральный ряд чисел: *один, два, три, четыре, пять* и т. д. Совмещение формальных признаков имени прилагательного и функции количественных числительный свидетельствует о двойственной природе этой формы, что и позволяет отнести ее к зоне ближней периферии морфологического поля числительного. Это предположение подтверждается исследуемым материалом. В крылатых выражениях русского языка *один* в значении числительного встречается редко (4 % употреблений): *На тридцать восемь комнаток / всего одна уборная*. Значительно чаще оно употребляется в значении других частей речи (96%) [Словарь русского языка, т. 2, 1986: 592]: имени прилагательного: а) 'без других, в отдельности от других, в одиночестве': *Выхожу один я на дорогу*; б) 'никто другой или ничто другое, кроме; единственный': *В бой идут одни старики; Есть одна у летчика мечта – высота [высота]; Один там только и есть порядочный человек – прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья*; в) 'тот же самый, тождественный, одинаковый': *<Невозможно> дважды войти в одну и ту же реку <воду>; В одну телегу впрячь не можно / коня и трепетную лань; Девять дней одного года*; г) 'целостный, неделимый, единый': *Скованные одной цепью; Одним миром мазаны; Мы с тобой одной крови [, ты и я]*; д) 'в сочетании с «другой» употребляется для противопоставления лиц, предметов или явлений по каким-л. признакам, указывая на их различие или перемену': *Одна заря сменить другую / спешит [, дав ночи полчаса]*; в значении имени существительного: *Один за всех и все за одного*; в значении местоимения: 'с предлогом «из» употребляется для выра-

жения единичного лица, предмета, явления и т. п. или группы лиц однородных предметов из какой-л. категории, среды, ряда': **Один из малых сих**. В некоторых крылатых выражениях количественная семантика слова *один* осложняется обстоятельственным значением, что свидетельствует о близости данной формы к наречию: *И как один умрем [в борьбе за это]; Встанем как один*.

Анализ омокомплеса *один* показал, что в рассмотренных примерах сохраняется смысловое единство слова, во всех случаях употребления актуализируется количественная сема. Следовательно, выполнение функции других частей речи не приводит к образованию лексико-грамматических омонимов. Не случайно в толковых словарях отмеченные выше значения отражены в одной словарной статье в качестве функциональных омонимов.

Зона ближней периферии исследуемого морфологического поля представлена также порядковыми числительными, поскольку вопрос об их частеречной отнесенности до сих пор остается открытым. Многие лингвисты (А.А. Шахматов, А.Н. Гвоздев, Л.Л. Буланин, Л.Г. Зубкова, В.В. Лопатин и др.) включают их в состав числительного на том основании, что все они семантически и формально соотнесены с количественными числительными, образованы от них, обладают категориальным значением количества, обозначая порядок предметов при счете: [**Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой**] день творенья; *Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год*.

Однако существует и другой, более узкий, подход, в соответствии с которым такие слова исключаются из состава числительных (К.С. Аксаков, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, А.Н. Тихонов, И.Г. Милославский, Г.И. Панова и др.). В частности, В.В. Виноградов в работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [Виноградов 1947] рассматривает их в разделе «Имя прилагательное», называя *порядковыми относительными прилагательными*. Эти формы сходны с числительными лишь в семантике, в своем числовом значении, но грамматически ближе к именам прилагательным, поскольку изменяются по родам, числам и падежам; могут выполнять в предложении атрибутивную функцию: *Учительница первая моя; Они были первыми*. Кроме того они часто приобретают качественную семантику, например: **Пятая** колонна – «Тайные агенты врага; диверсанты, шпионы; вообще, опасные

для государства элементы, действующие на его территории» [Шулежкова 2011: 593]; *Девятый вал* – «1. Наиболее сильная и опасная волна во время морской бури. 2. Чрезвычайно активное проявление чего-л. 3. О чем-л. грозном, опасном, гибельном. 4. Редк. О вершине каких-л. достижений творческой мысли или деятельности человека» [Там же: 180].

При наличии контекстуальных условий анализируемые формы могут субстантивироваться: *Третий должен уйти*. В «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980: 541] отмечается, что порядковые относительные прилагательные, называющие признак через отношение к числу (количеству, месту в ряду), могут передавать также указательную семантику, что сближает их с местоименными прилагательными, например: *Первым делом самолеты; Второе пришествие*.

Сферу дальней периферии составляют слова синкретичного характера, совмещающие свойства числительного с особенностями других частей речи: существительного, местоимения, наречия. В крылатых выражениях встречается слово *миллион*, которое в одном контексте употребляется как числительное, называя соответствующее количество: *Миллион [миллион, миллион] алых роз*. В другом – как имя существительное: *Обнимитесь, миллионы!* Субстантивируются обычно формы множественного числа, передавая значение «огромного количества людей, людских масс» [Словарь русского языка, т. 2, 1986: 269].

Взаимодействие нумеративной и предметной семантики наблюдается также при сочетании существительного *раз* с количественными словами: *Жизнь дается человеку [только] один раз [и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы]; Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!* Передавая идею счета, это слово выступает в значении числительного: *Раз дощечка, два дощечка <– будет лесенка>; раз словечко, два словечко <– будет песенка>*. В.В. Виноградов [Виноградов 1947: 291] обращает внимание на необходимость разграничения имен числительных и количественных существительных. В крылатых выражениях: *Пара гнедых, Черная сотня; Тебе половина, и мне половина* – представлены имена существительные, поскольку они обладают категориально-семантическим значением предметности, имеют грамматическое значение рода, способны сочетаться с прилагательными. Подобные формы, на наш взгляд, целесообразно

рассматривать в рамках периферийной зоны функционально-семантического поля количественности.

В исследуемом материале представлены также случаи функциональной омонимии числительных и наречий. Многие лингвисты (В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, В.А. Плотникова, А.А. Камынина, Н.С. Валгина и др.) выделяют в качестве самостоятельного разряда неопределенно-количественные числительные типа: *много, немного, мало, немало, сколько, столько, несколько*, обозначающие неопределенное количество или указывающие на него, однако толковые словари конца XX в. относят эти формы к наречным. Разграничение целесообразно проводить на синтагматическом уровне. Данные слова реализуют функцию числительного, приобретая в сочетании с существительным значение «неопределенно большое количество кого-, чего-л.» [Словарь русского языка, т. 2, 1986: 280], например: *Парней так **много** холостых, / а я люблю женатого*. В этом случае можно говорить о пересечении морфологических полей наречия, числительного и местоимения, поскольку происходит взаимодействие количественной, признаковой и неопределенно-указательной семантики. В сочетании с глаголами, а также при обозначении «в некоторой степени; чуть-чуть, слегка» [Там же: 455] подобные слова выступают в качестве наречий: *Еще **немного**, еще чуть-чуть. [Последний бой, он трудный самый]; Москва... Как **много** в этом звуке / Для сердца русского слилось / Как много в нем отозвалось!*

Таким образом, полевой подход к характеристике числительного показал, что «части речи в русском языке не существуют изолированно, независимо друг от друга, возможны пересечения периферийных зон морфологических полей и их взаимодействие на основе общности определенных признаков» [Соколова 2014]. Имя числительное по своим грамматическим характеристикам представляет собою синкретичный лексико-грамматический класс слов. В периферийной зоне исследуемого морфологического поля обнаруживается совмещение нумеративной, признаковой, предметной и неопределенно-указательной семантики, что свидетельствует о взаимодействии и пересечении соответствующих морфологических полей.

Литература

Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 624 с.

Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.-Л. : ГУПИ МП РСФСР, 1947. – 784 с.

Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 784 с.

Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1986. – Т. 2. – 736 с.

Соколова, Е.П. К вопросу о взаимодействии периферийных компонентов морфологических полей наречия и именных частей речи / Е.П. Соколова, Я.С. Слинкина // В мире научных открытий. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2014. – № 11. 10 (59) (Социально-гуманитарные науки). – С. 4031-4045.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 848 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Я. Тарса

Опольский университет (Польша)

SKRZYDLATE SŁOWA W PRZESTRZENI INTERNETU

Skrzydlate słowa od dawna przyciągały uwagę językoznawców. I w Polsce, i w Rosji poświęconych im zostało wiele opracowań oraz słowników, lecz na szczególną uwagę zasługują prace Swietłany Szuleżkowej [Шулежкова 2002] i Wojciecha Chlebdy [Chlebda 2005]. Badacze Ci w swoich opracowaniach dokonują całościowego, monograficznego opisu skrzydlatych słów, zastanawiają się nad językowym statusem tego zjawiska, funkcjonowaniem skrzydlatych jednostek w tekstach oraz sposobami ich kodyfikacji i przekładu. Swietłana. Szuleżkowa zwraca uwagę, że wraz z rozwojem społeczeństwa zmieniają się teksty, z których wyrastają skrzydlate słowa. Na przykładzie rosyjskich skrzyd-

latych jednostek wskazuje ona, że początkowo skrzydlate słowa pochodziły z bajek, legend i pieśni. Po chrzcie Rusi źródłem skrzydlatych słów stała się Biblia oraz inne teksty religijne. Następnie zbiór ten wzbogacały jednostki pochodzące z literatury, publicystyki, wypowiedzi polityków, uczonych, dyplomatów, poetów i pisarzy. Zwłaszcza duże znaczenie dla skrzydlatych słów miał rozkwit literatury w XIX wieku. Koniec XIX i początek XX wieku to wzrost ilości skrzydlatych słów z opery, operetki, romansów. Pojawienie się kinematografu zaowocowało filmowymi skrzydlatymi jednostkami. Duże znaczenie miała również telewizja, która dała wiele skrzydlatych słów z seriali, różnego rodzaju programów i reklam [Шулежкова 2002: 38-39]. Ten schemat rozwoju zasobu skrzydlatych słów, z małymi zmianami charakterystycznymi dla danej kultury, można odnieść również do innych krajów.

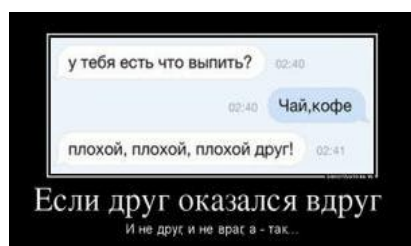
Pod koniec XX i na początku XXI wieku coraz większą rolę w naszym życiu zaczął odgrywać Internet. Wraz ze wzrostem usług proponowanych w Sieci, wzrasta również liczba użytkowników. Obecnie trudno jest sobie wyobrazić życie bez maili, portali informacyjnych, blogów, portali społecznościowych, komunikatorów internetowych itp. Codziennie wiele milionów ludzi spędza czas przed monitorem komputera i wymienia niezliczoną ilość informacji. Można już mówić o swojego rodzaju kulturze Internetu, która jest kulturą śmiechu, zabawy, karnawału. Internauci, pragnąc zostać zauważonymi w wirtualnym świecie starają się ubarwić, uatrakcyjnić swoje wypowiedzi i w swoich wypowiedziach chętnie sięgają po skrzydlate słowa, które są doskonałym tworzywem gry językowej.

Skrzydlate słowa w Internecie można podzielić na trzy grupy. Pierwsza, to dobrze znane, odnotowywane przez słowniki skrzydlate słowa, których internauci używają, by wzbogacić, uatrakcyjnić swoją wypowiedź czy też zaintrygować odbiorcę, a tym samym zachęcić go do przeczytania postu w blogu. Chętnie korzystają z nich także dziennikarze internetowych wydań gazet i najczęściej umieszczają je w nagłówkach artykułów. Warto zwrócić uwagę na skrzydlate słowa w nowym polikodowym gatunku internetowym jakim są demotywatory, czyli zabawne obrazki, które w ironiczny sposób komentują rzeczywistość. W niektórych z nich skrzydlate jednostki są jedynie uzupełniającym komentarzem do sytuacji przedstawionej na zdjęciu, jak w poniższym przykładzie, gdzie człowiek ryzykując życie ratuje przed powodzią dzikie zwierzę:

źródło: www.demotywatory.pl

Jednak bardzo często w demotywatorach skrzydlate jednostki są najczęściej umieszczane w takim kontekście, w którym na pierwszy plan wysuwa się dosłowne znaczenie danej jednostki, jak jest to w poniższym demotywatorze:

źródło: demotivators.to

Druga grupa skrzydlatych słów funkcjonujących w Internecie, to wypowiedzi osób ze „świata realnego”, tj. świata polityki, muzyki, sportu, filmu itp., którym „urośli skrzydła” w świecie wirtualnym. Internet jest doskonałym miejscem do uskrzydlenia się nowych jednostek, gdyż informacje przepływają w nim bardzo szybko, powtarzane są przez dużą ilość użytkowników, co wpływa na ich szybkie utrwalenie w pamięci. Internauci bardzo chętnie wylapują zaskakujące, czasem szokujące, innym razem zabawne wypowiedzi znanych osób i wykorzystują w swoich wypowiedziach, a jeszcze częściej w demotywatorach. Połączenie tekstu z elementem graficznym w zaskakującą całość oraz powielanie go przez internautów na różnego rodzaju portalach sprzyja jego uskrzydleniu. Przykładem może być wypowiedź minister infrastruktury i rozwoju Elżbiety Bieńkowskiej, która komentując wielogodzinne opóźnienia po-

ciągów spowodowane oblodzeniem sieci trakcyjnej powiedziała: *sorry, taki mamy klimat*. Stwierdzenie to wywołało ogromne oburzenie, które internauci wyrażali nie tylko w komentarzach, ale także w ogromnej ilości demotywatorów. Początkowo demotywatory te odnosiły się jedynie do zjawisk pogodowych lub samej Elżbiety Bieńkowskiej. Z czasem jednak stwierdzenie *sorry, taki mamy klimat* nabrało przenośnego znaczenia i oznacza ‘trudno, taką mamy sytuację, atmosferę’.

Podobną reakcję wywołała kampania „Nie zdążyłam zostać mamą”, w której pojawiło się zdanie „Zdążyłam zrobić karierę, zdążyłam być w Paryżu, zdążyłam kupić dom, ale nie zdążyłam być mamą”. Odpowiedzią na nią był szereg demotywatorów, w których najczęściej pojawiały się modyfikacje tego wyrażenia, np. *zdążyłam zostać mamą, ale nie zdążyłam napisać klasówki z matematyki, zdążyłam się spakować, zdążyłam się umalować, nie zdążyłam na pociąg*.

Internet jest miejscem, gdzie nie tylko uskrzydłają się słowa znanych osób, to także miejsce, w którym skrzydła rosną wypowiedziom mniej lub bardziej anonimowych internautów i jest to trzecia grupa funkcjonujących w Sieci skrzydlatych jednostek. W Internecie wiele osób prowadzi blogi, zamieszcza zdjęcia, krótkie amatorskie filmy. Frazy z nich pochodzące, które na stałe weszły do leksykonu internautów są nazywane przez nich memami. Jednym z takich memów charakterystycznych dla polskojęzycznego Internetu jest wyrażenie *to je amelinum, tego nie pomalujesz*. Pochodzi ono z krótkiego filmiku zamieszczonego w serwisie YouTube. Na filmie mężczyzna będący pod widocznym wpływem alkoholu ma problemy z wysławianiem się i tłumaczy swojemu koledze, że elementu samochodu wykonanego z aluminium zwykłą farbą nie można pomalować. Fraza ta zyskała dużą popularność, została wykorzystana w demotywach, np. Chuck Norris (dla którego, jak wiadomo, nie ma rzeczy niemożliwych do wykonania) mówi w demotywarze – *pomalowałem amelinum*. Filozoraptor, czyli dinozaur stawiający różne pytania zastanawia się: *skoro amelinum nie da się pomalować to jak to możliwe że puszki od piwa są kolorowe*. To skrzydlate słowo zostało wyszło już poza ramy Internetu i zostało m.in. wykorzystane w jednym ze skeczy przez kabaret „Paranienormalni”.

Innym wyrażeniem, które uskrzydliło się po opublikowaniu amatorskiego filmu w serwisie YouTube, na którym młody chłopak wspina się na blok po piorunochronie jest zdanie *jestem hardkorem*. Ta skrzydłata jednostka weszła już do mowy potocznej i jest ironicznym

komentarzem w sytuacji, gdy ktoś robi coś bardzo niebezpiecznego lub głupiego.

To nie jedyne wyrażenia, które uskrzydliły się dzięki umieszczeniu w Internecie amatorskich filmów. Można jeszcze wymienić jednostki *ale urwał, miota nim jak szatan, Matko Bosko, co to się stało!., jesteś zwycięzcą, będę grał w grę, chytra baba z Radomia, taka sytuacja*. Weszły one już na stałe do leksykonu internautów i często są wykorzystywane przez nich w komentarzach pod różnymi postami oraz demotywatorach.

Memy obrazkowe „wędrują” w Internecie, w różnych jego segmentach są do nich dodawane różnorodne komentarze, które zyskują szczególną popularność. Tak było ze skrzydlatą jednostką *co ja pacze*. Jak pisze Marcin Ostajewski, w 2004 roku zdjęcie rosyjskiej kotki Helii Peppercats zostało wykorzystane na forum 4chan dla okazania dezaprobaty i prawdopodobnie na tym właśnie forum zyskała ona pseudonimy *Starecat* i *Grafics Cat*. W 2011 roku w Polsce do zdjęcia kotki dodany został podpis *co ja pacze*, oznaczający zdziwienie czytającego tym, jakie głupie informacje czyta w Sieci. Fraza ta szybko zyskała popularność, uskrzydliła się i pojawia się w przeróżnych wariantach, np. *co ja pierę, co ja czymam, co ja płacze, ściana paczu, chłopaki nie paczą, Al Paczino* [Ostajewski 2011 [http](http://)].

Internauci umiejętnie wykorzystują skrzydlate słowa w różnorodnych grach językowych. Autor powyższego demotywatora dokonał kontaminacji internetowego skrzydlatego słowa *co ja pacze* i zmodyfikowanego skrzydlatego słowa *śpiewać każdy może trochę lepiej lub trochę gorzej*, pochodzącego z piosenki wykonywanej przez Jerzego Stuhra.

Swietłana G. Szuleżkowa charakteryzując skrzydlate słowa pisze o nich, iż «представляют собой стройную систему языковых единиц, все члены которой характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источником (автором, литературным,

мифологическим, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т. д.); раздельнооформленностью (они состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка); 3) воспроизводимостью (они “не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы”»); устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 5) стабильностью, устойчивостью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе [Шулежкова 2002: 28-29]. Memy internetowe spełniają wszystkie te charakterystyki, w związku z czym można nazwać je skrzydlatymi słowami. Należy również przypuszczać, że w najbliższym czasie Internet będzie miała duże znaczenie dla uskrzydlenia się nowych jednostek, gdyż jest to medium, z którego korzysta wielu użytkowników przekazujących sobie nawzajem niezliczoną ilość informacji. Jednocześnie bardzo często internauci starając się zainteresować innych użytkowników Internetu przekazywanymi wiadomościami, uciekają się go różnorodnych gier językowych, w których chętnie wykorzystują skrzydlate słowa.

Литература

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Chlebda, W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne: монография / W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005. – 527 с.

Ostajewski, M. Co ja paczę czyli starecat po polsku. Режим доступа: <http://www.memowisko.com/2011/12/co-ja-pacze-czyli-starecat-po-polsku.html?q=Marcin+ostajewski> (дата обращения: 10.09.2015).

**CZY SKRZYDLATE SŁOWA SĄ PROTOTYPOWYMI
OBIEKTAMI FRAZEOGRAFII?
JESZCZE RAZ O STATUSIE SKRZYDLATYCH SŁÓW**

Chociaż regularna kodyfikacja skrzydlatych słów rozpoczęła się ok. 150 lat temu, lingwistyczny status tego zjawiska pozostawał przez dziesięciolecia niedookreślony. W slawistyce europejskiej trzeba było dopiero ogromnego wysiłku badawczego Swietłany Grigorjewny Szuleżkowej, by nadać skrzydlatym słowom status samodzielnego tworu systemowojęzykowego (a nie wytworu indywidualnej jedynie inwencji tekstotwórczej tego czy innego autora; [Шулежкова 2002]). Samodzielny twór systemowojęzykowy zaś – to (w innej konwencji terminologicznej) jednostka języka: „nazwa werbalizująca odrębny zespół treściowy – określone pojęcie, sąd, intencję, emocję itp. – mająca postać jednego lub kilku wyrazów graficznych, stanowiąca składnik systemu bądź podsystemu danego języka, a tym samym podsuwana mówiącym w określonych sytuacjach w charakterze względnie gotowej formy wyrażania tego pojęcia (sądu, intencji, emocji)” [Chlebda, red., 2010: 138]. A status taki oznacza, że obdarzone nim fenomeny językowe mają też – przynajmniej potencjalnie – status obiektów leksykograficznych. Ponieważ skrzydlate słowa w ok. 90% mają postać wielowyrzową (ustalenie to zawdzięczamy również S.G. Szuleżkowej; [Шулежкова 2008: 11]), możemy w ich wypadku mówić głównie o statusie potencjalnych obiektów frazeograficznych.

Status obiektu frazeograficznego oznacza bycie pewnym elementarnym, całościowym i niepodzielnym tworem werbalnym, któremu w słowniku należy jest miejsce samodzielne i odrębne ze względu zarówno na jego kształt (postać formalną), jak i znaczenie (por. [Bogusławski 1987: 13-16]). Obiekty frazeograficzne jako twory „elementarne, całościowe i niepodzielne” mają postać względnie gotową (społecznie ukształtowaną), co oznacza, że podczas korzystania z nich w procesach produkowania tekstów podlegają one odtwarzaniu (reprodukcji); w związku z tym w polskiej literaturze lingwistycznej od 10 lat coraz częściej stosuje się wobec nich nazwę „reproduktów” [Chlebda 2005: 160-163; Chlebda 2015]. Pozwala ona uniknąć wikłania się w spory terminologiczne rodzące się wskutek

narastającej wieloznaczności terminów „frazologizm” czy „frazem”. W tym ujęciu skrzydlate słowa będą uważane za reprodukt i równocześnie za potencjalne obiekty frazeograficzne.

Tyle teoria – jeśli jednak od teorii przejść do praktyki słownikarskiej, okaże się, że status reproduktów / obiektów frazeograficznych ma w odniesieniu do skrzydlatych słów charakter bardziej postulatywny niż realny. Dla sprawdzenia tej tezy wybranych zostało 30 skrzydlatych słów języka polskiego z okresu ok. 50 lat (druga połowa XX w.), których utartość i rozpoznawalność jest potwierdzona licznymi użyciami publicystycznymi (w przeprowadzonej analizie – po 30-40 użyć na każde wyrażenie). Następnie każde z tych wyrażen – a były wśród nich tak Polakom znane, jak *bliskie spotkania trzeciego stopnia*, *buszujący w zbożu*, *dyskretny urok burżuazji*, *komu bije dzwon*, *pociągi pod specjalnym nadzorem*, *przeminęło z wiatrem*, *stawka większa niż życie* – zostało sprawdzone pod każdym ze swoich komponentów w czterech ważnych współczesnych słownikach języka polskiego: trzech frazeologicznych i jednym ogólnym. Gdyby każde z owych 30 skrzydlatych słów zostało odnotowane w każdym z czterech słowników, wynik wynosiłby 120 odnotowań – realnie jednak odnotowań tych naliczyłem 9 (wszystkie w jednym tylko słowniku – *Wielkim słowniku frazeologicznym języka polskiego* P. Müldnera-Nieckowskiego), co unaocznia skalę problemu [Chlebda 2005: 144-146].

Co spowodowało taki stan rzeczy? Przecież mieliśmy do czynienia z 30 wyrażeniami, które spełniały najbardziej rygorystyczne kryteria klasycznych frazeologizmów: posiadanie kilku komponentów, całościowość nominacyjną, utartość, metaforyczny status znaczeniowy, ekspresyjne zabarwienie, optymalne rozpowszechnienie społeczne. A jednak ich notowalność słownikowa wyniosła zaledwie 7,5%.

Niekiedy – także w lingwistyce – szukanie odpowiedzi na pytania negatywne (co się *nie* stało, co *nie* zaszło, co *nie* miało miejsca) jest ważniejsze niż szukanie odpowiedzi na pytania pozytywne, bo prowadzi pytającego przez mniej uczęszczane drogi poznania naukowego, otwierając inne perspektywy oglądu danej rzeczywistości (tu – językowej). Odnośnie do skrzydlatych słów pytanie o ich faktyczną nieobecność w słownikach ogólnych (także w ogólnych słownikach frazeologicznych) należałoby postawić w pierwszym rzędzie leksykografom, oni to bowiem podejmują decyzje o wyborze jednostek do siatek hasłowych swoich opracowań. Nie mając możliwości postawienia takich pytań bezpośred-

nio twórcom przeanalizowanych słowników, próbuję iść drogą pośrednią, a więc drogą domniemań i hipotez. Wszystkie one prowadzą mnie w stronę czynników w istocie psychologicznych, związanych z ludzkimi przyzwyczajeniami i nastawieniami, z motywacjami postępowania, ze złożonymi uwarunkowaniami działań decyzyjnych, z uległością wobec tradycji lub gotowością do rozwiązań nietradycyjnych, z empatią (bądź brakiem empatii) wobec drugiego człowieka (tu – odbiorcy słownika) itp. Jest tych czynników tak wiele, że niezbędne wydaje mi się w nieodległej przyszłości naszkicowanie podstaw psychologii leksykograficznej, i to nie psychologii „w ogóle”, lecz psychologii nadawcy (twórcy słownika jako tekstu określonego rodzaju) oraz psychologii odbiorcy tego tekstu (użytkownika słownika).

W metaleksykografii rzadko (jeśli w ogóle) dochodzą do głosu takie określenia, jak niechęć, nieufność, niewiara, podejrzliwość, oczekiwanie, gotowość (i niegotowość) do tych czy innych działań, uprzedzanie czy ichś oczekiwań, ale także uprzedzenia wobec tych czy innych rozwiązań. Tymczasem słowniki nie powstają maszynowo (choć udział maszyn – komputerów – w ich powstawaniu jest coraz większy), lecz ciągle jeszcze rodzą się jako wynik splotu decyzji konkretnych ludzi o indywidualnych psychikach, zasobach wiedzy (i niewiedzy), konstrukcjach emocjonalnych, nawykach i przyzwyczajeniach, które dochodzą do głosu w pracy nad słownikiem i których efekty dadzą się z gotowych słowników wyczytać, które jednak metaleksykografia niemal zupełnie dotychczas pomijała.

Z braku miejsca chcę tu zwrócić uwagę na jeden tylko psychologiczny czynnik, jakim jest prototypowość w myśleniu o słownikach i ich zawartości. Prototypowość – w największym z możliwych skrócie – oznacza, że postrzegamy rzeczywistość jako złożoną z klas naturalnych o rozmytych granicach, które to klasy składają się z kolei z obiektów uznawanych za najbardziej dla danej klasy reprezentatywnych (prototypowych), z obiektów mniej dla tej klasy reprezentatywnych oraz obiektów z obrzeży tej klasy, mało reprezentatywnych (lub nierepresentatywnych), tworzących pogranicze z klasą sąsiednią. Jeżeli, jak utrzymują kognitywiści, całą rzeczywistość postrzegamy w ten właśnie sposób, to z postrzegania tego nie jest wyłączona i leksykografia. Oznacza to, że w naszym myśleniu (przede wszystkim w potocznym, zdroworozsądkowym, lecz zapewne również w myśleniu specjalistów) istnieją słowniki prototypowe, mniej prototypowe i nieprototypowe. A także, jeśli pójść krok dalej, prototypowe, mniej prototypowe i nieprototypowe obiekty leksykograficzne.

Pojęcie „słownika prototypowego” roztrząsałem w innym miejscu [Chlebda 2014], dochodząc tam do wniosku, że dla przeciętnego użytkownika polskiego prototypowy słownik to:

zbiór wyrazów
języka ojczystego
ułożonych alfabetycznie
w jednej książce
służący do sprawdzenia
jak się je pisze
i co te wyrazy znaczą

Wyrazocentryzm tego określenia umieszcza wielowyznaczalne jednostki języka na pozycji leksykograficznych obiektów mniej prototypowych – ale są wśród tych ostatnich obiekty tak rzadko notowane przez słowniki, że należą widocznie do frazeograficznych obiektów nieprototypowych. Tak więc w ogólnych słownikach języka polskiego z reguły poza ramami kodyfikacji okazywały się, dla przykładu, złożone nazwy własne (antroponimiczne, toponimiczne i ideonimiczne), tzw. antyprzysłowia, napisy miejskie, formuły fatyczne, w tym adresatywy, emotywy werbalne i ogromna ilość połączeń wyrazowych o trudnej do określenia przynależności gatunkowej i o rozmaitych funkcjach pragmatycznych – w rodzaju:

Bawcie się dobrze.
Bez obrazy, ____.
Będziemy w kontakcie.
Biorąc to wszystko pod uwagę, ____.
Bo jak wiadomo, ____.
Brzmi nieźle.
choćby po to, żeby ____
Ile razy mam ci mówić, że<byś> ____ .
Ileż to roboty?
Jakieś pytania?
Jeszcze niedawno wydawało się, że ____.
jeśli już, to ____
____, jeśli w ogóle
jeżeli ____ pozwoli
Już cię tu nie ma!

Analogicznie poza ramami kodyfikacji są też z reguły skrzydlate słowa (z wyjątkiem biblizmów i mitologizmów).

Ta nieobecność tylko z pozoru jest cechą akcydentalną: w istocie wynika ona, jak sądzę, właśnie z prototypowości myślenia o języku, jego zasobach, jednostkach i sposobach ich opisu. Ta nieobecność jest znacząca i wynika z jednakowego postrzegania tych i analogicznych ciągów wyrazowych w kategoriach nieprototypowości.

Ilość takich obiektów można szacować na dziesiątki, jeśli nie setki tysięcy jednostek (Andrzej Bogusławski pisał niegdyś nawet o „grubych milionach”; [Bogusławski 1989: 19]). Część z nich została odnotowana w różnego typu słownikach specjalnych (a więc nieprototypowych), większość jednak nigdy się dotychczas na łamy słowników nie dostała. Innymi słowy, operowanie w myśleniu o słownikach kategoriami prototypowymi zawęża kąt patrzenia i pole widzenia leksykografa, prowadząc w sumie do tego, że obiekty nieprototypowe przesuwane są do słowników specjalnych (w najlepszym razie) bądź pozostają w ogóle poza obszarem kodyfikacji leksykograficznej.

Prototypowość w postrzeganiu klasy reprodukowalnych ciągów wielowyrazowych prowadzi więc do zauważalnego zachwiania proporcji w procesach ich kodyfikacji frazeograficznej, tj. do nadreprezentacji w słownikach obiektów prototypowych, chociaż wiele zdaje się przemawiać za tym, że w zasobach języka frazeograficznych obiektów nieprototypowych jest wielokrotnie więcej niż prototypowych, a w tekstach frazeologiczne obiekty prototypowe w ogóle trafiają się niezmiernie rzadko (por. [Moon 1998: 59-64], [Mel’čuk 1995]).

Dociekanie, dlaczego to właśnie tak osobliwe i rzadkie twory, jak idiomy (frazeologia wysoce zmetaforyzowana), stały się prototypowe dla frazeologii i utworzyły kanon frazeologiczny, a następnie i kanon frazeograficzny, powinno się stać przedmiotem odrębnych studiów z pogranicza językoznawstwa i psychologii.

Литература

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания / С.Г. Шулежкова // Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и

доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – С. 3-15.

Bogusławski, A. Obiekty leksykograficzne i jednostki języka / A. Bogusławski // *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. – Białystok : Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1987. – Т. II / red. Z. Saloni. – S. 13-56.

Bogusławski, A. Uwagi o pracy nad frazeologią / A. Bogusławski // *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. – Białystok : Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1989. – Т. III / red. Z. Saloni. – S. 13-30.

Chlebda, W. Опольские предложения в области польско-русской лексикографии / W. Chlebda // *Przegląd Rusycystyczny*. – Katowice, 2015. – № 2 (150). – S. 180-191.

Chlebda, W. Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych / W. Chlebda // *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka* / red. W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010. – S. 15-35.

Chlebda, W. O nieprototypowych obiektach frazeografii / W. Chlebda // *Speculum Linguisticum* / red. M.A. Iwanowski. – Warszawa : BEL Studio, 2014. – Vol. 2. – S. 23-44.

Chlebda, W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne / W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005. – 527 s.

Mel'čuk, I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics / I. Mel'čuk // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / ed. M. Everaert, E.-J. Van Der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. – Hillsdale, 1995. – S. 167-232.

Moon, R. Fixed Expressions and Idioms in English. A Corpus-Based Approach / R. Moon. – Oxford : Clarendon, 1998. – 352 s.

Müldner-Nieckowski, P. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego / P. Müldner-Nieckowski. – Warszawa : Świat Książki, 2003. – 1088 s.

**РЕМИНИСЦЕНТНЫЕ РЕАКЦИИ
В АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ,
или О МЕСТЕ КРЫЛЕМ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Характерное для современного этапа развития лингвистической мысли стремление избирать в качестве приоритетного объекта исследования не *языковую систему* как абстракцию по существу, но *языковое сознание*, или *язык-потенцию* (Л.В. Щерба), явилось мощным стимулом для разработки экспериментальных методов. К числу приобретших сегодня наибольшее распространение, без сомнения, следует отнести метод массового свободного ассоциативного эксперимента. Изучение ассоциаций предлагается рассматривать как основу развития и теории речевой деятельности, и теории владения языком [Славянский ассоциативный словарь 2004: 4]. Последняя напрямую связана с поиском ответа на вопросы о «единицах хранения» и о принципах организации языкового знания.

Еще четверть века назад, когда в распоряжении отечественных исследователей был лишь весьма ограниченный в объеме предлагаемого экспериментального материала «Словарь ассоциативных норм» А.А. Леонтьева [1977], А.П. Клименко была высказана мысль о «текстовой» природе языкового знания: «лексикон как часть языкового устройства должен быть готов к производству (порождению) текстов. Такая готовность должна обеспечиваться устройством лексикона в сознании говорящего» [Клименко 1990: 45]. «Текстовая» природа языкового сознания находит отражение и в текстообразующей направленности ассоциирования: типичной для $S \rightarrow R$ оказывается реализация синтагматической связи, при которой стимул и реакция образуют правильные сочетания слов. Опосредованно связанными с реализацией синтагматических отношений оказываются также *тематические* («речь идет о появлении в качестве реакции слов, которые <...> явно способны сочетаться с ним в рамках некоторого небольшого текста») и *реминисцентные*, или цитатные реакции [Там же: 44].

Реминисцентные реакции занимают особое положение в ассоциативном поле, поскольку представляют собой воспроизведение

готового текста – своеобразный «текст в тексте». Характерный для реминисцентных реакций набор признаков – воспроизводимость, раздельнооформленность, устойчивость компонентного состава и грамматической структуры на фоне осознаваемой связи с источником – позволяет рассматривать их как основу для формирования таких специфических единиц лексикона («единиц хранения»), как *крылатые выражения*, или (воспользуемся термином, применяемым Светланой Григорьевной Шулежковой) *крылемы*.

Лексикографическое описание фонда крылем современного русского языка позволило С.Г. Шулежковой выявить наиболее активно используемые источники его формирования – песенный жанр музыкального искусства, кинематограф и TV. Значимой для понимания специфики процесса формирования языкового сознания на данном временном отрезке является отмеченная Светланой Григорьевной тенденция: «Языковые процессы отразили смену литературоцентрического типа культуры зрелищцентрическим» [Шулежкова 2003: 4].

Обращение к материалам ассоциативного эксперимента, представленным в последнем по времени создании «Славянском ассоциативном словаре: русский, белорусский, болгарский, украинский» [Славянский ассоциативный словарь 2004] рассматривается нами как возможность наблюдения за *процессом отбора* текстового материала как потенциальной основы формирования фонда крылем. Возможность эта является практически уникальной, поскольку едва ли возможно опровергнуть утверждение, что языковое сознание – феномен ненаблюдаемый.

Массовый ассоциативный эксперимент проводился на пороге нового века (1998–1999 годы), его участниками были студенты от 18 до 25 лет, обучающиеся «наиболее распространенным университетским специальностям»; что касается русскоязычной части ассоциативных полей, то речь идет о студентах таких городов, как Москва и Курск (столичный и центральный регионы) [Славянский ассоциативный словарь 2004: 5]. Таким образом, с позиций сегодняшнего дня мы можем сформировать общее представление о «реминисцентной» части языкового сознания нашего современника поколения от 35 до 40, имеющего высшее образование и проживающего в центральных регионах Российской Федерации.

Коллекция отобранных нами крылатых выражений состоит из 136 единиц, представляющих собой реакции-реминисценции, отно-

сящиеся к достаточно широко понимаемому смысловому полю «искусство». Остановимся на результатах первичной классификации по признаку «источник цитаты», при этом группы будут рассматриваться в соответствии с принципом «восходящей» востребованности – от уникальных ассоциаций к массовым.

1. Практически не отражены в эксперименте такие виды искусства, как изобразительное и эстрадное: нами обнаружены только две реакции: *Утро* → *Стрелецкой казни* (индекс частотности (далее – ИЧ) – 2) и *Деревня* → *Гадюкино* (источником является исполняемый в 1980-х гг. Г. Хазановым скетч В. Шендеровича).

2. Весьма незначительно представлен и важный для национальной культуры фольклорный пласт: *Бабушка* → *козлик*; *с козликом* (детский песенный фольклор), *Много* → *ли, мало ли времени прошло* (традиционная сказовая формула); *Красный* → *сарафан* (возможно, источником являются народные песни; например, строчка *Не шей ты мне, матушка, красный сарафан*).

3. Фрагменты религиозных (Библия, Евангелие) текстов также немногочисленны (4 единицы): *Новый* → *завет*; *Слово* → *сначала было*; *Время* → *собирать камни*; *Бог* → *Да святится имя твое*.

4. Значительно превосходящую рассмотренные группы по числу представленных единиц составляет совокупность цитат из текстов художественной литературы (около 40 единиц). При этом необходимо отметить, что для абсолютного большинства реакций источником явились тексты, включенные в программу по русской литературе средней школы: *Человек* → *в футляре*; *Человек* → *Это великолепно! Это звучит гордо!*; *Памятник* → *воздвиг*; *воздвиг* *нерукотворный*; *нерукотворный*; *Гость* → *каменный* (ИЧ – 4); *Жить* → *Кому на Руси*; *Хорошо* → *на Руси жить*; *Дядя* → *честный*; *Глупый* → *пингвин*; *Ветер* → *ты можуч*; *Мать* → *М. Горький* и некот. др. Возможные отступления от выявленной закономерности связаны с реминисценциями из еще более раннего (по времени знакомства субъекта с текстами) круга детской литературы: *Дом* → *который построил Джек* (ИЧ – 4); *Плохо* → *крошка сын к отцу пришел*; *Хорошо* → *Что такое хорошо, и что такое плохо*; *Хорошо* → *Мальчиш-Кибальчиш*; *Глупый* / *Маленький* → *мышонок*.

Круг «взрослого» чтения расширяется за счет очень небольшого числа текстов: *Голова* → *профессора Доуэля* (ИЧ – 7); *Путь* → *меча* (название фантастического романа, вышедшего в 1994 году; ав-

торы – Д. Громов и О. Ладыженский, псевдоним Генри Лайон Олди); *Ночь* → *нежна* (ИЧ – 7) (название известнейшего романа Ф.С. Фицджеральда); *Город* → *Солнца; солнце* (роман-утопия Т. Кампанеллы); *Река* → *Угрюм; Угрюм-река* (роман В. Шишкова и снятый по мотивам романа к/ф). В последнем случае мы сталкиваемся с ситуацией возможности неоднозначного решения при определении источника цитаты. Как показывает исследуемый материал, ситуация эта отнюдь не уникальна; аналогичный выбор связан с реминисценциями: *Человек* → *Амфибия* (роман А. Беляева и к/ф реж. В. Чеботарева, Г. Казанского); *Ветер* → *Унесенные ветром* (роман М. Митчелл и многочисленные экранизации, очень популярные на российском ТВ периода конца XX в.); *Белый* → *Бим, черное ухо* (повесть Г. Троепольского и к/ф реж. Ст. Ростюцкого); *Искать* → *и бороться; и не сдаваться* (ИЧ – 2); *найти и не сдаваться* (роман В. Каверина и двух к/ф 1956 и 1976 г.); *Ночь* → *перед Рождеством*; *Земля* → *Санникова* (роман В. Обручева и к/ф реж. А. Мкртчяна, Л. Попова); *Много* → *шума* (комедия В. Шекспира «Много шума из ничего» и к/ф реж. С. Самсонова), *Маленький* → *Мук* (ИЧ – 21) (сказка В. Гауфа и м/ф «Приключения маленького Мука» реж. Е. Кимягоровой) и некот. др.

Невозможность принятия однозначного решения объясняет приблизительность статистических показателей. Однако позволим себе высказать предположение, что доминирующей в рассматриваемых случаях чаще всего оказывается ассоциация с кинофильмом. Именно поэтому реминисценцию *Дом* → *у дороги* мы склонны соотносить с названием русскоязычной версии американского боевика («Road House», 1989 г., реж. Р. Харрингтон), а не с малоизвестной читателю последнего десятилетия XX в. поэмой А. Твардовского.

5. Весьма значительный пласт потенциальных крылем (равно как и уже функционирующих, о чем свидетельствуют материалы С.Г. Шулежковой) связан с песенным жанром – 37 реминисценций. Практически единственным источником выявленных цитат является эстрадная песня периода второй половины 90-х гг. XX в.; приведем лишь небольшой перечень, в который вошли реакции с ИЧ выше единицы: *Ветер* → *с моря дул* (ИЧ – 14); *с моря* (ИЧ – 9); *Мальчик* → *в Тамбов* (ИЧ – 2); *хочет в Бобров*; *Глаза* → *зеленые* (27); *Девочка* → *моя синеглазая* (2); *Глаза* → *напротив* (10). Последняя из приведенных цитат отсылает нас к началу 70-х, однако ремейк популярной песни В. Ободзинского именно в 90-е исполнял Ф. Киркоров.

Своеобразным лидером по индексу частотности в этой группе оказался классический русский романс на стихи И.С. Тургенева: *Утро* → *туманное* (ИЧ – 44). При этом не менее известный романс «Очи черные» процитирован лишь однажды.

Песни советского периода представлены, как правило, в уникальных реакциях, исключение составляют только две реминисценции: цитата из песни репертуара школьного хора *Родной* → *край* (ИЧ – 18; *Край родной, навек любимый, Где найдешь еще такой?* – авторы Д. Кабалевский, А. Пришелец); *Клен* → *старый* (ИЧ – 3; песня из к/ф «Девчата»); в группу вошли также: *Вечер* → *на рейде*; *Родина* → *знает* («Родина знает» авторы А. Пахмутова, М. Матусовский); *Утро* → *красит* («Москва майская» авторы Д. Покрасс и В. Лебедев-Кумач); *Деревня* → *Крюково*; *Хлеб* → *всему голова*; *Путь* → *дорожка* и некот. др.

Нашла продолжение «на песенном уровне» и отмеченная при классификации литературных реминисценций «детская» тема; участниками эксперимента цитируются слова песенок из мультипликационных фильмов: *Человек* → *собаке друг*; *человек собаке друг* (ИЧ – 4) (м/ф «Бобик в гостях у Барбоса»); *Хорошо* → *живет Винни-Пух* (м/ф «Винни-Пух»); *Жизнь – моя жестянка* (м/ф «Летучий корабль»). К этой же группе мы отнесли и цитату из песни В. Шаинского: *Вместе* → *весело шагать по просторам*.

В числе процитированных оказалась лишь одна бардовская песня: *Допеть* → *успеть* (строчка из баллады В. Высоцкого «Я коней напою...»); и одна авторская из репертуара популярной в те годы рок-группы «Ария»: *Время* → *вспять*.

Народные песни как часть современного языкового сознания в ассоциативном эксперименте не выявлены, если не прочесть в этом контексте весьма редуцированную строчку *Душа* → *зазноба*.

6. И, наконец, мы можем с полным на то основанием констатировать, что лидером в числе источников цитат продолжает оставаться зрелищное искусство, в частности – кинематограф. В нашей коллекции оказалось порядка 60 цитат, так или иначе связанных с художественными и мультипликационными фильмами. Проведенный анализ источников ассоциаций-реминисценций выявил возможность их классификации по трем параметрам: 1) время создания, 2) киностудия (отечественный / зарубежный кинематограф) и 2) адресная аудитория (взрослое / детское кино).

Тот факт, что большая часть «цитируемых» в эксперименте кинофильмов связана с отечественным производством, с нашей точки зрения, был вполне предсказуем; немаловажно, однако, что 100 процентов фильмов (31 произведение) связаны с советским периодом нашей истории: *Встреча → на Эльбе* (1949); *Дело → было в Пенькове* (1958); *Дело → Румянцева* (1956); *Дом → в котором мы живем* («Дом в котором я живу», 1957); *Человек → дорогой мой* (1958); *Ветер → вольный* (1961), *Любовь → земная* (1974); *Любовь → и голуби* (1984) и др. Что касается зарубежных фильмов, время их создания не фиксируется в эксперименте с той же степенью четкости (возможно, следует обратить внимание не на время создания, но на время выхода на российский экран): *Вспоминать → Вспомнить все* (1990); *Дочь → генерала* (1999), *Война → звездная* (с 1977); *Мужчина → и женщина* (ИЧ – 9) (1966), *Путь → Карлито* (1993), *Начало → конца* (ИЧ – 30) (1957); *Смерть → на Ниле* (1978); *Город → теней; тень* (1987); *Черный → тюльпан* (1964) и др.

Фильмы, адресованные детской аудитории, отмечены только в группе «отечественный кинематограф», их 6: *Вместе → Тимур и его команда*; *Деревня → Простоквашино*; *Ночь → перед Рождеством*; *Маленький → Мук* (ИЧ – 21); *Город → мастеров* (ИЧ – 3); *Вода → медные трубы*, *Огонь → вода и медные трубы*.

Уже приведенные варианты реминисцентных реакций, соотносимых с кинематографом, непротиворечиво демонстрируют их специфику – все они представляют собой воспроизводство (в большинстве случаев соответствующее оригиналу) названия фильма, т. е. относятся к такой разновидности крылатых выражений, как эпитонимы [Дядечко 2002]. Исключения есть, но их немного: *Искать → и бороться; и не сдаваться* (ИЧ – 2); *найти и не сдаваться* («Два капитана»); *Любовь → и смерть; и смерть едины* (строка из «Баллады о прокуренном вагоне» А. Кочеткова, весьма выразительно прозвучавшей в культовом фильме 70-х «Ирония судьбы, или с легким паром»); *Памятник → кто ж его посадит* («Джентльмены удачи»); *Пить → надо меньше* («Ирония...»); *Жизнь → на Марсе* («Карнавальная ночь»), *Памятник → товарищу Якину* («Иван Васильевич меняет профессию»).

Подведем некоторые итоги. Во-первых, апелляция экспериментаторов к студенческой аудитории (на что уже неоднократно обращалось внимание научного сообщества) дает несколько иска-

женную картину – «детское» сознание испытуемых не может рассматриваться как показатель нормы. Однако, при всех отмечаемых издержках, обращение к материалам ассоциативного эксперимента позволяет сформировать представление об источниках пополнения фонда крылатых выражений. Безусловно, не все воспроизводимые в эксперименте цитаты станут крылатыми, но сам факт их воспроизводимости тенденциозен.

Во-вторых, запечатленные в сознании участников эксперимента готовые тексты (реминисценции) можно рассматривать как свидетельство победы массовой культуры. К сожалению, выявленные фрагменты *языкового сознания* свидетельствуют о том, что современная языковая личность в массе своей не может претендовать на элитарность, если критерием элитарности считать приобщение к высокому искусству.

Литература

Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность : монография / Л.П. Дядечко. – Киев : Изд-во Киевск. ун-та, 2002. – 294 с.

Клименко, А.П. Ассоциативное поле и текст / А.П. Клименко // Функционирование и развитие языков : сб. ст. – Минск : Высш. шк., 1990. – С. 44-46.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – 800 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М. : МГУ, 1977. – 192 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник ; Изд-во «Рус. словари», 2003. – 430 с.

СЕКЦИЯ II. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

*Ни бить баклуши, ни считать ворон,
Я ничего теперь не успеваю:
Не пью, не ем, пропал покой и сон:
Я целый день фраземы изучаю*
В.М. Мокиенко

С.Л. Андреева

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ВАРИАНТНОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ (на примере оборота *хрустальный дворец*)

Задача словарного описания оборота *хрустальный дворец* (ХД) и выявленная его широкая трансформационная активность заставляют нас обратиться к проблеме разграничения семантической вариантности фразеологических единиц (ФЕ) и других смежных явлений. Считается, что для фразеологии многозначность не характерна, так как лишь 15 % ФЕ, зафиксированных в словарях, многозначны [Диброва, ч. 1, 2001: 375], и следует говорить о синонимии ФЕ. Согласимся с Е.И. Дибровой в том, что «семантический объем фразеологизмов установлен далеко не полностью» и полисемия ФЕ – это «явление реальное и развивающееся» [Там же].

Несмотря на то, что проблема вариантности ФЕ популярна среди фразеологов и фразеографов, она не решена. Пока не принят единый критериальный механизм для разграничения вариантов ФЕ и «невариантов» – индивидуально-авторских трансформаций или других смежных явлений (синонимии, паронимии, омонимии, «семантической сближенности фразеологизмов» [Коркина 2005: 9] и др.). Не углубляясь в шестидесятилетнюю историю вопроса, скажем, что интересующий нас аспект лингвисты все больше сопровождают анализом **внутренней формы (ВФ) ФЕ и ее фразеологиче-**

ского образа, то есть «предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся во фразеомообразующей базе» [Алефиренко 2008: 49]. Именно в этой сфере лежат «критериальные механизмы» идентификации названных явлений. Так, Г.Н. Хидирова, проведя анализ фразеологических словарей русского языка, заключила, что «разграничение вариантов ФЕ и синонимических фразеологизмов связано с понятием внутренней формы (ВФ), внутреннего образа, единого для вариантных ФЕ и различного для синонимов» [Хидирова 2000: 5]. Мысль не нова. К ней пришли еще в 1968 г. Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон, обнаружившие у фразеологических вариантов «полное тождество образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски» [Авалиани 1968: 72]. Думаем, что тезис о тождестве экспрессивно-стилистической окраски вариантов применим только к однозначным ФЕ и только к структурным вариантам. С полным тождеством «ВФ, внутреннего образа», «образной структуры» тоже следует соглашаться с оговоркой: в полисемичных ФЕ могут «храниться» два или более фразеологических образа.

Фразеологический образ (ФО) – это продукт лингвокреативного мышления, ментальное образование, которым обозначается определенное «явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуация) в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [Юрина 2005: 14]. Образность, свойственная большинству ФЕ и обороту ХД, проявляется в способности вызывать в нашем сознании наглядные представления, которые могут возникать на основе чувственного опыта человека или речевого опыта, благодаря словесно-логическому мышлению.

Анализ различных речевых произведений выявил в семантической структуре ФЕ ХД 9 значений, которые уже подробно разбирались в предыдущих наших работах. Назовем только собственно значения фразеосемантических вариантов: 1) ‘волшебный, сказочный дворец, сделанный из хрусталя, скрытый за горами, за лесами’; 2) ‘собственное наименование павильона Всемирной выставки (1851–1936) *Crystal Palace* в Лондоне’; 3) ‘высотное здание из стекла и металла’; 4) (Чего-л.) ‘стеклянные корпуса, здания каких-либо организаций’; 5) ‘воплощение мечты человечества о гармоничной, абсолютно счастливой жизни для всех людей’; 6) ‘имитация зем-

ного рая для всех людей, ограничивающая и подавляющая их личность; ложный идеал; косная, неразвивающаяся, консервативная тоталитарная государственная система, которая подавляет граждан в силу своей искусственности'; 7) 'мир иллюзий, тихий, скрытый от всех приют мятущейся души; внутренний мир человека, идеальные, оторванные от реальности мысли или мечты'; 8) 'идеальное жилище для влюбленных; гармония отношений между мужчиной и женщиной'; 9) 'жизнь у всех на виду; институт с открытыми, прозрачными механизмами управления' [Андреева 2014: 37-39]. Разноплановость выявленных значений ФЕ ХД не позволяет считать сочетание *хрустальный дворец* ни безымянным фразеологизмом, ни в полной мере крылатым выражением (в трактовке С.Г. Шулешковой [Шулешкова 2002: 31]) или эпитонимом (в трактовке Л.П. Дядечко [Дядечко 2002: 130]). Несмотря на это противоречие, оборот ХД, безусловно, относится к явлениям фразеологического порядка, поэтому в настоящей статье к нему применяется широкий термин «фразеологическая единица».

Радиально-цепочечная полисемия оборота ХД развивается, как мы уже упомянули, на базе сразу двух ФО. Первое, интернациональное значение ФЕ ХД восходит к «бродячему» образу не реального прозрачного, сверкающего (хрустального / стеклянного / ледяного / кристального) дворца / замка / башни (= горы, острова); образу, который отмечился в большинстве религиозно-мифологических систем мира, в том числе, в славянской. По этой причине ФО, восходящий к нему, может быть отнесен к фольклору лишь в общем виде. Без точной ассоциативной привязки к конкретному мифу, одной сказке, легенде или религиозному тексту ФЕ ХД в первом значении 'волшебный, сказочный дворец', должно рассматриваться как безымянное, а не крылатое [Шулешкова 2002: 46].

Упомянутый ФО оказался достаточно продуктивным, и значение 1 стало источником для образования безымянного значения 8 и крылатого интернационального значения 2. То, что безымянная ФЕ вдруг «приросла» крылатым значением, ассоциациями с новым источником, свидетельствует о появлении другого ФО. Казалось бы, это должно было привести к расщеплению полисемии и образованию фразеологического омонима, но этого не произошло только потому, что образы, сохранив генетическую связь, возникали в сознании носителей языка одновременно. Мотиватором для форми-

рования новых значений (значения 6, 7) оборота ХД был контраст между старым и новым образами.

Как показал анализ культурного концепта «Хрустальный дворец», образ складывался постепенно в результате взаимодействия различных механизмов когниции. Исходный ФО сказочного волшебного замка / дворца и соответствующее представление о нем возникли не в результате восприятия реального здания: в действительности такого никогда не существовало. Он сложился благодаря словесно-логическому мышлению человека, позволяющему синтезировать новое ментальное образование из двух известных, когда-то наглядно воспринятых образов, – образа хрусталя как материала и дворца как постройки. Зрительных энграмм ‘хрусталь’ и ‘дворец’ хватило для синтеза образной основы фраземы. Для фольклорно-мифологического пласта фразеологии характерна модель соединения несоединимого, придания предметам или процессам нереальных характеристик (например, ФЕ *строить воздушные замки*, когда *рак на горе свистнет* и т.п.). Образ ХД искусственный, а следовательно, индивидуальный, субъективный, но это-то и спровоцировало развитие части значений оборота. Более того, оказалось, что достаточно старый образ ХД до середины XIX в. был мало востребованным, и сочетание ХД как знак вторичной номинации употреблялось редко и лишь в первом значении ‘волшебный, сказочный дворец, сделанный из хрусталя, скрытый за горами, за лесами’ и не проявляло четких признаков фразеологичности: Ср.: *Будем думать, что в **хрустальный** // Ты **дворец** заключена, // Что тебя я похищаю // От седого колдуна...*» [Плещеев 1857 [http](http://)]

Развитие полисемии и настоящая фразеологизация сочетания ХД началась с формирования самого образа-первоосновы, вызванного развитием культурного концепта «Хрустальный дворец». Концепт самостоятельно построенного человеком Рая (Светлого Будущего, Шамбалы и т.п.) формировался в эпоху Романтизма и, по нашему мнению, не мог появиться раньше технологической революции, которая началась в середине XIX в. Концепт «искал» новый образ (полученный посредством наглядно-чувственного мышления), но находил воплощение лишь в умозрительных социальных утопиях. В определенный момент развития этого концепта количество придуманных образов достигло «критической массы». Они объединились в одну образную структуру, полностью соответствующую архетипу

концепта. Удивительно, но социальные утопии проецировали один визуальный образ места, в котором реализовывалась идея «безошибочного» всеобщего счастья: солнечный свет, синее небо, высокое здание, буйная (как правило, искусственно посаженная, лучше экзотическая южная) зелень вокруг строения, богатство / достаток, прозрачность и блеск материала, избранный народ / человек / семья (хозяин здания) и, как вариант, занятия музыкой и/или математикой / разнообразные виды труда. Но образ-символ не имел тогда вербальной «этикетки», которая бы завершила процесс категоризации. Нужен был языковой знак, передающий утопическую идею своей ВФ. По сути, фразеологизация оборота ХД и произошла тогда, когда вербальная «этикетка» для чувственного образа была найдена. Это случилось по ходу строительства стеклянного здания всемирной выставки в Лондоне в 1951 г. Небывалое для того времени архитектурное сооружение получило название *Хрустальный дворец* благодаря английскому журналисту, иронично заметившему: «Он похож на какой-то хрустальный дворец» [Чернов 2006 <http>]. Казалось бы, случайность. Но «этикетка» прочно приклеилась к этому сооружению и в массовом, и в официальном употреблении уже не имела никакого оттенка иронии. Метафорическое название выставки стало символом самостоятельно построенного Рая, а выставка стала «вещественным доказательством» возможности его существования, фактом достижения идеала.

Новый зрительный опыт – энграмма, закрепленная за оборотом ХД, меняет образ-основу. Старому субъективному образу сказочного ХД пришлось приспособливаться к новому представлению. Новый образ, основанный на чувственном восприятии выставочного павильона, «сталкивается» с первоначальным образом, искусственно синтезированным мозгом индивида. В результате столкновения образов, полученных разными механизмами когниции, рождаются новые значения ФЕ ХД: одни – в результате конфликта реального и идеального (значения № 6 и 7), другие – в результате сочетания, наложения и приспособления (значения № 2, 3, 4, 5, 8, 9). Генетически связанные образы сказочного дворца и выставочного павильона при всей разнице находятся в отношениях производности и поддерживают связь между семантическими вариантами ФЕ ХД. Происходит образование более широкого когнитивного пространства путем интеграции ВФ и когнитивного пространства фразеологического

прототипа. ВФ фраземы ХД в результате стала представлять конструкцию из целого комплекса представлений. Образы, сложившиеся ФЕ ХД, наслаивались друг на друга, что привело в определенный момент к вторичной фразеологизации оборота.

Кроме широкой полисемии, обнаруженной в структуре значения, оборот ХД подвержен постоянным структурно-семантическим трансформациям. Трансформация главного компонента *дворец* представлена в большинстве случаев синонимической заменой. Субститутами выступают существительные *дом, замок, чертог, здание, башня, храм, терем*, передающие общее значение 'здание / строение и, как правило, для жилья или общественного (посещения) назначения'. Главный компонент достаточно стабилен с точки зрения лексико-грамматической оформленности, чего не скажешь о зависимом компоненте. Компонент *хрустальный* испытывает также регулярную замену (лексическую, не синонимическую) прилагательными *стеклянный, ледяной, кристальный*. Есть примеры преобразования атрибутивного компонента из сочетания относительного прилагательного с существительным (*хрустальный дворец*) в сочетание с существительным по типу предложного управления – *дворец из хрусталя*. Указанные синтаксические трансформации оборота наблюдаются и при лексической замене этого компонента на *стеклянный* (соответственно: *из стекла*), *ледяной* (*из льда*), а субститут *кристальный* в трансформированном варианте *из кристаллов* не встречается.

Характер трансформаций ФЕ, их интенсивность влияют на процесс формирования полисемии ФЕ. Расширение образной структуры оборота ХД привело к тому, что в семантику ФЕ ХД «влилось» значение 'жизнь у всех на виду; институт с открытыми, прозрачными механизмами управления' (значение 9). Как нам кажется, оно исконно не связано с образом ХД: Ср.: *Любые нововведения в таком «стеклянном доме», каким является русскопишущее ЖЖ-сообщество, должны быть прозрачны для пользователей, они должны обсуждаться за достаточное время перед запуском, чтобы все возможные риски и опасения были учтены...*, – отмечает Носик [Инютин, Щетинин 2006 <http>]. Случаи употребления сочетания *стеклянный дом / жить в стеклянном доме* в этом значении отмечались и до первых попыток постройки стеклянных зданий: Ср.: *Худому верится как-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать в **стеклянный дом**, в котором я живу!* [Булгарин

1849 [http](#)]. Благодаря реальной практике эксплуатации стеклянных зданий, метафорический образ прозрачного дома стал соотноситься с ХД, чем обозначил «побочную» его черту – невозможность скрыть что-либо или спрятаться. Соединение этих образов в единой образной системе художественных произведений мы находим в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы» 1920 г., декларации В. Хлебникова «Мы и дома» 1914-1915 гг., утопии П. Шеербарта «Новая жизнь. Архитектурный Апокалипсис» 1902 г. и др. Получается, что совпадение в образной структуре и форме привело оборот стеклянный дом (значение 9) в зону вербализации концепта «ХД», а в языковом плане – к нейтрализации фразеологической омонимии и объединению оборота стеклянный дом с вариантами ФЕ ХД. Фактором, способствовавшим этому, стала трансформационная активность оборота ХД с доминирующей лексической (для зависимого компонента) и синонимической (для главного компонента) заменой: Ср.: 1) *Да все... деревня всегда было открытым **стеклянным** каким-то замком. Все всё знают / и никогда ты ничего ни от кого...* [О деревне 2006 [http](#)] (значение 9); и 2) ***В стеклянном замке** живет одна душа / И каждый день проживает так спеша... / Томится ... бьется и кричит, / Вспомнив его, улыбнется ... молчит...* [Морозина 2013 [http](#)] (значение 7). Внешнее сходство, пусть на основе ложной мотивации, закрепляет оборот *стеклянный дом / жить в стеклянном доме* на периферии семантической структуры ФЕ ХД. Формирование глобальных культурных концептов может оказывать влияние на распределение семантических связей между лексическими и фразеологическими единицами [Осипова 2007, 2014].

Итак, регулярные замены в ФЕ ХД ставят вопрос не только о вариантности ФЕ ХД в семантическом плане, но и в плане внешней формы: например, признавать ли формы *стеклянный дворец* и *кристальный дворец* полноценными вариантами ФЕ ХД или трансформациями? Способность ФЕ ХД удерживать широкую полисемию при столь же широкой трансформационной активности обеспечивается ВФ слов-компонентов, то есть «морфо-семантической структурой слова, позволяющей объяснить связь его звучания и значения на основе соотнесенности с внеязыковой и языковой действительностью» [Блинова 1984: 60]. Она является содержательным **инвариантом** полисемичной ФЕ. Согласимся с Н.Ф. Алефиренко в том, что ВФ фраземы и ВФ слова не одно и то же: «Необходимо учи-

тивать их [фразем – С.А.] вторичный языковой статус, образность, комбинаторную связь с миром предметной и языковой семантики» [Алефиренко 2008: 50]. Этот спектр условий анализа можно соблюдать, применяя к ФЕ методы когнитивной лингвистики.

Литература

Авалиани, Ю.Ю. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц / Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей : материалы 9-го Всесоюз. координационного совещания. – Баку, 1968. – С. 70-78.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма : монография / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : БелГУ. 2008. – 152 с.

Андреева, С.Л. Об авторстве фразеологической единицы «хрустальный дворец» сквозь призму лингвокультурологического анализа / С.Л. Андреева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 37-40.

Блинова, О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект : учеб. пособие / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 191 с.

Булгарин, Ф.В. Воспоминания. 1849 [Электронный ресурс] / Ф.В. Булгарин // Lib.ru/Классика. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (дата обращения: 14.08.2015).

Диброва, Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для высш. учеб. заведений : в 2 ч. / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева ; под. ред. Е.И. Дибровой. – М. : Академия, 2001. – Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Морфемика. Словообразование. – 544 с.

Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность : монография / Л.П. Дядечко. – Киев : Киевский университет, 2002. – 294 с.

Инютин, В. В СУПе больше пиара, чем политики и экономики – эксперты «Нового Региона» (КАРТИНКИ, НЕЦЕНЗУРНОЕ ВИДЕО) [Электронный ресурс] / В. Инютин, А. Щетинин // Новый день, 2006. – Режим доступа : <http://newdaynews.ru/moskow/88776.html> (дата обращения: 14.08.2015).

Коркина, Ю.Е. Синонимические отношения фразеологических единиц и слов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Коркина. – Великий Новгород, 2005. – 24 с.

Морозина, М. Стекланный замок / М. Морозина [Электронный ресурс] // Портал «Проза. ру». – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2013/02/18/23> (дата обращения: 14.08.2015).

О деревне. Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2006 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 13.08.2012).

Осипова, А.А. Взаимосвязь концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в художественной картине мира В.П. Астафьева (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя) / А.А. Осипова, Ю.Г. Гладких // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 330-333.

Осипова, А.А. Концепт как элемент картины мира, воссоздаваемый по лексикографическим источникам (на примере концепта «Смерть» современной русской картины мира) / А.А. Осипова // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллективная монография. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. I. – С. 121-152.

Плещеев, А. Зимнее катанье / А. Плещеев. 1857 [Электронный ресурс] // Библиотека поэзии. Русская поэзия с XVII века. – Режим доступа : <http://ouc.ru/plesheev/zimneye-kataniye.html> (дата обращения: 14.08.2015).

Хидирова, Г.Н. Вариантность фразеологических единиц (на материале фразеологических словарей русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Хидирова. – Ташкент, 2000. – 18 с.

Чернов, С. Хрустальный дворец: от задумки до постройки [Электронный ресурс] / С. Чернов. – Режим доступа : <http://svetozarchernov.livejournal.com/17870.html> 2006-02-20 (дата обращения: 13.08.2012).

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1 000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник ; Изд-во «Рус. словари», 2003. – 430 с.

Юрина, Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : автореф. дис ... д-ра филол. наук / Е.А. Юрина. – Томск, 2005. – 48 с.

Д. Антонякова
Институт русистики
Прешовский университет в Прешове (Словакия)

**ВЫРАЖЕНИЕ КРОВНЫХ И РОДСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РУССКО-СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЕ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАРЕМИЯХ
(на материале русских и словацких паремий)**

Паремии – универсальные явления любого естественного языка. В русской паремиологии уже давно решен вопрос о соотношении понятий паремия – пословица – поговорка [Савенкова 2002]. Паремии рассматриваются как устойчивые в языке и используемые в речи анонимные и обобщающие изречения дидактического характера, к ним относятся пословицы и поговорки, отличающиеся друг от друга тем, что в пословицах хотя бы какая-то часть элементов используется в переносном значении, в то время как поговорки являются изречениями без переносного значения. В русской паремиологии точно так же, как и в словацкой, существует и другое понимание паремий. Так, словацкие лингвисты Й. Млацек [1984] и Й. Мистрик [1997], а также русские С.Г. Лазутин [1984] и А.Л. Жовтис [1985] к паремиям относят и загадки, афоризмы, сентенции, крылатые выражения, присловья, сусловья, прибаутки, выражения народного календаря, из чего вытекает, что они их считают малыми фольклорными жанрами.

В статье мы уделяем внимание наименованиям кровных отношений и отношений более широкого родства в современном литературном языке, а также их функционированию в паремиях русского и словацкого народов.

Наименования членов семьи и более широкого родства создают легко выделяемые единицы, организованные на основе ясных структурных отношений. Для парадигматических отношений понятий, выражающих родственные отношения, важными являются такие семантические признаки, как выражение пола, отношения

между поколениями, характер родственных отношений, различие наименования родственных отношений со стороны мужа и жены.

Основной единицей общества является *семья* – *rodina*, которую составляют *муж* и *жена* – *muž* а *žena* (в значении *супруг* и *супруга* – *manžel* а *manželka*). Семья может быть с *ребенком*, с *детьми* – *s dieťaťom*, *s deťmi*, или *без ребенка*, *без детей* – *bez dieťaťa*, *bez detí*. В русском и словацком языке, кроме наименования *супружеская пара* – *manželský pár*, существует однословное наименование *супруги* – *manželia* (*супруг*, *супруга* – *manžel*, *manželka*). Словом *супруги* в русском языке называют не только *супружескую пару* – *manželský pár*, но и *мужей* или *жен* – *manželov alebo manželky* (мн. ч.), в то время как в словацком языке словом *manželia*, кроме *супружеской пары* – *manželského páru*, называют только *мужей*, *супругов* – *manželov* (мн. ч.).

Дитя, *ребенок* (*мальчик* или *девочка*) – *dieťa* (*chlapec* alebo *dievča*) по отношению к своим родителям является *потомком* – *potomkom*. *Ребенком* называют *мальчика* или *девочку* – *chlapca* alebo *dievča*, *сына* или *дочь* (*syna* alebo *dcéru*) до тех пор, пока они не достигнут мальчишеского (девического) возраста – *chlapčenský* (*dievčenský*) vek.

Жена сына в отношении к отцу мужа выступает как *сноха* – *nevesta*. В отношении к родителям и родственникам со стороны мужа выступает как *невестка* – *nevesta*. Родители мужа для нее являются *свokrovcami* (*svokor* а *svokra*) – *свекор*, *свекровь*. Муж дочери для ее родителей является *зятем* – *zaťom*. Ее родители в отношении к нему выступают как *test'ovci* (*test'*, *testiná*) – *тесть*, *теща*. Родители супружеской пары по отношению друг к другу называются *svatovcami* (*svat*, *svatka*) – *сваты* (*сват*, *сватья*). Как видим, в русском языке не существует однословных наименований *svokrovci* а *test'ovci*.

В русских пословицах *свекор*, *свекровь*, а также *тесть* и *теща* выступают как люди, которые обыкновенно не очень хорошо относятся к невесте или зятю, откровенно выражают свое недовольство. Невесту заставляют тяжело работать, а зятем часто бывают недовольны. В подтверждение сказанного приведем несколько пословиц: *Бойся **тестя** богатого, как черта рогатого* – *bohatý test' je ako rohatý čert* (treba sa ho báť); *Был у **тещи**, да рад утекии* – *nejaký čas pobudol u testinej, ale je rád, že je už preč*; ***Свекор** – гроза, а свекровь выест глаза* – *svokor je postrach а svokra by ti vyjedla oči*; *У*

лихой *свекрови* и *сзади глаза* – *zlá svokra má oči aj vzadu*; *Свекровь* *снохе* говорила: *невестушка*, *полно молотъ*; *отдохни* – *потолки* – *svokra neveste hovorila: nevestička, už si sa dosť namlela (mliet' zrno); oddýchni si – trochu potľč (roztlkať, drviť)*.

В отличие от словацкого языка в русском языке существует несколько наименований родственников со стороны мужа (супруга) – *muža (manžela)* и жены (супруги) – *ženy (manželky)*: *деверь* (брат мужа) – *manželov brat*, *золовка* (сестра мужа) – *manželova sestra*, *шурин* (брат жены) – *manželkin brat*, *свояченица* (сестра жены) – *manželkina sestra*. В словацком языке для наименования указанных родственников существуют только два названия: *švagor (деверь, шурин)*, *švagríná (золовка, свояченица)*. В этой связи нельзя не обратить внимание на паремию словацкого языка: *Kmotrovstvo, švagrovstvo – najhoršie priateľstvo*. В словацком языке словами *kmotor, kmotra* называют *крестного отца, крестную мать*. *Kmotrovcí* – это крестные родители в отношении к родителям ребенка и наоборот. Паремия говорит о том, что дружба, основанная на отношениях крестных и родителей, шуринов и деверей, не является надежной и крепкой.

В русской разговорной речи и в художественной литературе довольно часто можно встретить и менее известное слово *свояк*, которое используется в нескольких значениях: 1) муж сестры жены, 2) человек в некровном родственном отношении (отношение одного из супругов с кровными родственниками другого из супругов); взаимные отношения родственников со стороны мужа и жены (в общем), 3) человек чем-то близкий для кого-то (фигурой, характером, речью, взглядами, и т. п.) – (в разговорной речи). В качестве примера можно привести паремию *Свояк свояка видит издалека* (*podobní ľudia sú si hned' blízki*).

Проблемой при переводе терминов родства может стать межъязыковая омонимия (*родичи – rodičia, родина – rodina, невеста – nevesta*) и паронимы русского языка – *родители, родичи; невеста, невестка*. Слово *родичи* (уст. и ирон.) имеет в русском языке значение *родственники (príbuzní)*; *rodičia* – это *родители, а родина* – это *vlast' (страна, где я живу, а не родственники – rodina)*; слова *nevesta* и *невеста* похожи только первыми двумя значениями: 1) девушка, молодая женщина, которая выходит или будет выходить замуж; 2) девушка (разг.), достигшая возраста, необходимого для вступления в брак. В словацком языке данное слово имеет и третье

значение – жена сына (*synova manželka*). В русском языке такого значения у данного слова нет.

В словацком языке для наименования брата отца и его жены существует выражение *stryč, strýko* (разг.), *stryná*, а для брата матери и ее мужа – выражение *ujec, teta, ujčíná* (уст.). В русском языке в обоих случаях используются слова *дядя, тетя*.

Свое внимание обратим на пословицы и поговорки, в которых одним из компонентов выступают слова *мать, отец, жена, муж, дети, брат, сестра*. Данные паремии обычно отражают жизнь в семье, выражают точку зрения на семью и семейную жизнь, характеризуют отношения родителей и их детей, супругов, дальних родственников. В паремиях такого типа выражается семейная сельская жизнь в традиционном патриархальном духе. Идеалом патриархальной семьи является хороший хозяин дома, глава семьи, любящий и верный супруг. Иногда пословицы и поговорки выражают и конфликтные ситуации и отношения отдельных членов семьи.

Русское слово *мать* является полисемичным. Нас интересует только первое значение данного слова: женщина по отношению к своим детям – *matka, mat'*. Выражения *мамочка, матушка – matička, teta, tetka, tetuška* используются в обращении к женскому полу. Следующие паремии выражают не только безграничную материнскую любовь и самоотверженность, но и бесправное положение женщин, тяжелую жизнь. Значительная часть паремий говорит о воспитании детей и о проблемах, с ним связанных. Приведем примеры русских паремий, которые имеют семантические эквиваленты в словацком языке: *Думя не плачет – мать не понимает – Neméti dieťaťu ani vlastná matka nerozumie*; *Кто свою мать уважает, чужую не обижает – Nezasluhuje dôvery, kto kl'aje otcu, materi*; *Дом с детьми – базар, дом без детей – могила – Manželstvo bez detí málo má potechy*; *Как ты к своим родителям, так дети твои – к тебе – Kto si rodiča v starobe nectí, na seba si korbáč pletie*; *Чему ребенка научишь, то от него и получишь – Ako si deti vychováš, tak máš*; *Чем бы думя ни тешилось, лишь бы не плакало – Daj ti všetko, čo chce, len nech dá pokoj*; *Без детей горе, а с детьми вдвое – S det'mi sú starosti*; *У семи нянек дитя без глазу (призору) – Kuchárrok šesť, niet čo zjesť*; *Все мы – адамовы дети – Všetci sme potomci Adama a Evy*; *Каковы детки – таковы предки; Каковы бабки-матки, таковы детки – Aká matka, taká Katka, taká celá jej čeliadka*;

*Акý otec, taký syn, aké drevo, taký klin; Гни дерево, пока гнется; учи дитятку, пока слушается – Ohýbaj ta **matko**, pokiaľ som ja Janko, keď ja budem Jano, neohneš ta **matko**; Маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут – **Malé deti** – *malé problémy*, **veľké deti** – *veľké problémy*.*

Нашего внимания заслуживают и безэквивалентные паремии, потому что они понятны словацкому реципиенту: *Тысяча **теток** одной **матери** не заменяют* – *ani tisíc tetušiek nedokáže nahradiť jednu matku*; *Всякой **матери** свое **дитя** мило* – *každá matka má rada svoje dieťa*; ***Мать** себя сожжет, а **ребенка** спасет* – *matka sama zhorí, ale dieťa zachráni*; ***Мать** при **сыне** ненаследница* – *matka nemôže byť dedičkou ani po smrti svojho manžela, pokiaľ majú spoločné deti, hlavne synov*; *Малы **детушки** – что часты звездочки: и светят и радуют в темную ноченьку* – *malé detičky sú ako hviezdčky: aj svietia, aj potešia v temnej noci*; ***Детей** наказывай стыдом, а не грозой и бичом* – *deti trestaj tak, aby sa hanbili, ale nie strachom a bitkou*.

В русском языке у слова *отец (otec)* несколько значений: 1) мужчина по отношению к своим детям; 2) родоначальник, основоположник чего-либо; 3) обращение к пожилому мужчине (прост.); 4) обращение к лицам духовного звания. Русские паремии подчеркивают, что отец заботливый и любящий, старается поднимать хозяйство и хорошо воспитывать своих детей: *Один **отец** прокормит семь ртов, одного **отца** не прокормят семь сынов* – *Skorej vychová jedna **mat'** sedmoro **detí**, ako sedmoro **detí** jedni **matku***; ***Отец** не пожалел для **сына** сада, а тот не дал ему кисть винограда* – *Kto svojho **otca** vyvliekol pred prah, toho jeho **deti** vyvlečú na záhutmie*; *Прежде **отца** в петлю не лезь* – *Vajce, nebud' múdrejšie od sliepky*. Паремия ***Отец** его на кобыле ездил, да не верхом* говорит о том, что отец (кого-то) был не всадником, а преступником (*кобыла, быть на кобыле* означает быть на доске, на которой наказывали преступников). Дословный перевод на словацкий язык следующий: *otec jazdil na kobyľe, ale nie posediačky (nie koňmo)*.

Русские паремии с компонентами *муж, жена – manžel, manželka* подчеркивают неодинаковое положение мужа и жены в семье, важность гармонии и расторопность супруги все сделать по-своему. Приведем примеры: ***Жену** и коня никому не доверяй* – *Ženu a koňa nikomu nerožičiavaj*; ***Муж** – голова, **жена** – шея: куда хочу, туда и поворочу* – *Muž je hlava, žena krk: na ktorú stranu chcem, na tú ju*

aj otočím; Хозяйкою дом стоим – **Žena** – zlatý stĺp v dome; Муж – венец жены – **Muž** je hlava, **žena** koruna na nej; Худо мужу тому, у которого жена большая в дому – *Beda tomu dvorovi, kde rozkazuje krava volovi*; Муж да жена – одна душа – **Muž a žena** – jedna duša.

Необязательно, чтобы муж (супруг) был красивым. Главное, что он трудолюбивый и сможет обеспечить семью. Паремия словацкого языка *Chlap nech je len trochu krajší od čerta, už je dosť pekný* (мужчина чуть красивее черта, считается красивым) используется в ироническом духе. Иронично-серьезный характер имеют паремии, которые говорят о верности, о характере отношений партнеров: Муж не лапоть, с ноги не скинешь – muž nie je krpec (druh obuvi) nemôžeš ho len tak z nohy zhodiť (vyzuť); Жена не рукавица, с руки не сбросишь – žena nie je rukavica, nemôžeš ju len tak z ruky zhodiť; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь – žena nie sú gusle (starodávny slovanský hudobný strunový nástroj), ktoré zavesíš na stenu, ak si na nich pohráš. В настоящее время мы зарегистрировали и такую паремию: Жена не стенка, отодвинуть можно – žena nie je stena, dá sa posunúť (nabok, bokom).

Следующие две паремии утверждают, что каждая жена в своем доме не только хозяйка, но и прислуга и что родственников со стороны мужа и со стороны жены встречают по-разному: Каждая женщина в своей семье госпожа и прислуга; Родня жены – в постели, родня мужа – у двери.

У слова брат – brat в русском языке три значения: 1) сын по отношению к другим детям тех самых родителей; 2) фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.); 3) всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями (высок.). Следующие русские паремии имеют эквиваленты в словацком языке: Ему и черт не брат – *Myslí si, že je pán Boh*; Брат, братом, а деньги на кон – *Priatelia bud'me, dlhy si plaťme*; Брат за брата не ответчик – *Čo si si navaril, to si aj zjedz*; Брюхо ближе брата, Своя рубашка ближе к телу – *Bližšia košeľ ako kabát*; Свой своему поневоле брат – *Cudzí je cudzí a svoj je svoj*. В русском языке, особенно в художественной литературе, часто используется фразеологическая единица наши (ваши, их) брат; наша (ваши, их) сестра в значении ты, а nám (vám, im) podobní (podobné).

Слово сестра – sestra имеет в русском языке четыре значения: 1) каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же роди-

телей; 2) женщина, объединенная с кем-либо общими интересами, положением, условиями; 3) то же, что медицинская сестра; 4) член женского религиозного братства; монахиня. Пословица *Бедна сестра и родному брату не мила* говорит о том, что того, кто живет в материальном недостатке, у кого нет денег, не любят встречать даже родственники. Приведенная ситуация в словацком языке выражена в следующей форме: *Ak máš meštek ako teľa, máš rodinu i priateľa; ak máš meštek ako lata, nemáš sestry ani brata* (если у тебя карман толстый (как теленок), у тебя есть и семья и друзья; если у тебя карман худой как щепка, нет у тебя ни сестры, ни брата).

Приведенные русские и словацкие пословицы очень похожи. В обоих языках находим близкие единицы, особенно те, которые говорят о силе материнской любви, о способе воспитания детей, об отношении мужа и жены, о том, какую роль играет любовь и понимание в семье и в жизни вообще. Мы старались выделить такую группу пословиц и поговорок, которые очень близки словацкому реципиенту и своим социокультурным контекстом. В рамках указанной проблематики мы сосредоточились прежде всего на семантических эквивалентах, т. е. исходили из потребности переводческой практики.

Литература

Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – М. : Учпедгиз, 1957. – 150 с.

Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 446 [2] с., ил.

Жовтис, А.Л. Стих в пословице / А.Л. Жовтис // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. – М. : Наука, 1985. – С. 168-179.

Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М. : Рус. яз., 1991. – 546 с.

Лазутин, С.Г. Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М. : Высш. шк., 1989. – 208 с.

Максимов, С. Крылатые слова и выражения русского народа / С. Максимов. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Сов. энцикл., 1973. – 794 с.

Померанцева, Э.В. Русские пословицы и поговорки / Э.В. Померанцева. – М. : Дет. лит., 1973. – 80 с.

Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 2002. – 240 с.

Снегирев, И. Русские народные пословицы и притчи / И. Снегирев. – М. : Рус. книга, 1995. – 576 с.

Шулежкова, С.Г. Взгляд на супружество у средневековых славян (по материалам старославянских текстов) / С.Г. Шулежкова // Русская словесность как основа возрождения русской школы : сб. ст. по материалам III Междунар. заоч. науч.-практ. конф. / ред. колл. : И.Г. Минералова, Ю.В. Миронова, Н.А. Азаренко, Л.В. Фролова, Е.Н. Руднев. – Липецк : Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2012. – С. 134-140.

Filkusová, M. a kol. Veľký rusko-slovenský slovník / M. Filkusová. – Bratislava : Vyd-vo SAV, 1960-1970.

Habovštiaková, K. Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii / K. Habovštiaková, E. Krošláková. – Bratislava : Vyd-vo SAV, 1996. – 175 s.

Mistrík, J. Didaktické umelecké žánre / J. Mistrík // Štylistika. – Bratislava : Vyd-vo SPN, 1997. – S. 531-534.

Mlacek, J. Základné paremiologické útvary a frazeológia / J. Mlacek // Slovenská frazeológia. – Bratislava : Vyd-vo SPN, 1984. – S. 126-138.

Т.Г. Бочина

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Россия)*

ОТГАДКА – В ЗАГАДКАХ: ПОСЛОВИЦЫ ОБРАЗНОЙ ДЕЗИДЕНТИФИКАЦИИ И ЗАГАДКИ

В русском пословичном фонде особое место занимают паремии типа *Голод не тетка (не теща), пирожка не подсунет* (Даль, словарь, т. 1, с. 369). С точки зрения структуры они представляют собой бессоюзное сложное предложение с пояснительным значением *А не (есть) Б: В*, в котором пояснительные отношения (В) сопровождают собой отрицание идентичности (А не Б) [Русская грамматика, т. 2, 1980: 650]. При этом, первая часть – это неизменно двусоставное полное предикативное единство со строго фиксированным порядком размещения подлежащего (препозиция) и сказу-

емого (постпозиция), а вторая часть, как правило, является эквивалентом либо двусоставного неполного предложения с опущенным подлежащим: *Норов не боров, откормя его не убить* (Старинные сборники, с. 125), либо односоставного безличного: *Человек не скотина: испортить недолго* (Даль, сборник, т. 1, с. 348), либо односоставного обобщенно-личного предложения: *Женитьба не гоньба: постеешь* (Даль, сборник, т. 1, с. 317) и реже – некоторых других [см.: Тарланов 1999: 343-345].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство дезидентифицирующих паремий являются образными (более 80%), в них субъект и предикат выражены словами разных семантических полей, разуподоблению подвергаются очевидно различные объекты действительности из далеких друг от друга сфер жизни: *Беда не дуда: поиграв не кинешь* (Даль, сборник, т. 1, с. 119). Как отмечала Н.Д. Арутюнова, отрицание тождества требует, чтобы референция разъединяемых имен была однотипна, а возможность разнотипной референции, установление отношений разуподобления между представителями разных классов – сущностные характеристики образного сравнения [Арутюнова 1999: 276-277].

Для того чтобы постичь происхождение образной дезидентификации А не Б, необходимо установить первоначальный смысл уподобления несоизмеримых величин А и Б. Нередко отрицание является показателем древнейшей близости, смежности в народном сознании дезидентифицируемых объектов, поэтому анализ должен заключаться в поисках «осколков древнейшего мировоззрения» (Н.В. Крушевский), мифологического мышления. В свое время Н. Крушевский писал по поводу заговоров: «Одно мировоззрение народа сменяется другим, но в силу <...> живучести, осколки прежнего мировоззрения не умирают, а продолжают жить, амальгамируясь с новым. Таким образом новые народные произведения не возникают в строгом смысле слова, а *складываются* из давно существовавшего материала», поэтому в них, «как и в музыкальных произведениях, встречаются постоянно одни и те же *мотивы*, т. е. стереотипные приемы, варьирующиеся весьма незначительно» [Крушевский 1876: 21]. Этому сплаву стереотипных мотивов, закрепивших в коллективном сознании смежность самых разнообразных объектов и явлений жизни, и обязаны своей образностью пословицы дезидентифицирующего сравнения. Неожиданные с точки зре-

ния современного человека разуподобления тесно связаны с образами и мотивами многих жанров фольклора, в том числе и загадок.

К примеру, в пословице *Дождь не дубина, не убьет; беда – не смерть, в гроб не уберет* (Пословицы, с. 40) отрицание идентичности дождя и дубины произрастает из языческих верований в бога грозы Перуна, одним из атрибутов которого была богатырская палица = молния, первоначально дубовая дубинка (Афанасьев, т. 1, с. 131). Это воззрение на мир отражено и в загадках о дожде: *На мху, на болоте гриб-волнуху заколотит* (Загадки, № 314) и *Голенастый с голенастым на кулачки бьются* (дождь с землею) (Там же, № 305).

Наблюдается взаимная связь загадки и пословицы в паремических образах *рот – хлев* (рифмованный вариант *роток – хлевок*): *Чужой рот не хлев, не затворишь* (Русския народныя пословицы, с. 462); *Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь* (Даль, сборник, т. 1, с. 361). Напомним, что представления о данной части тела и разновидности строений были взаимосвязаны друг с другом в загадках: *Отворю я хлевца, выпущу стадо белых овец* (Загадки, № 1473), *Полон хлевца белых овец* (Там же, № 1476), *Полон хлев белых овец, хлев отворю – овец не выпущу* (Там же, № 1477) – рот и зубы, а с другой стороны – *Стоит волчище, разиня ротище* (Даль, сборник, т. 2, с. 105), *Стоит Фрол, и рот пол* (Даль, словарь, т. 2, с. 642) – овин.

В поэтическом мире русских загадок кроется тайна контрастного сравнения души и гумна в пословице *Чужая душа не гумно: не заглянешь* (Даль, сборник, т. 2, с. 110). Гумно, как и рига, и овин, которые назывались также *раем* (Даль, словарь, т. 4, с. 56), – это ток, где молотят хлеб. О молотье существует около 5 десятков загадок, в некоторых из них зерно называется *душой* в отличие от *тела* – соломы: *Шел мимо двора поповского, видел дело таковское: головы рубят, тело в вал валят, души в рай носят* (Загадки, № 2336, а также № 2330, 2332). Таким образом, в поэтическом сознании русского народа существовала устойчивая связь души и места, где молотят хлеб, которая получила иное преломление в пословице, построенной на отрицании их подобия.

По поводу пословицы *Мост не великий пост, можно и объехать* (Даль, сборник, т. 2, с. 72) И. Снегирев писал: «Мост польский и пост немецкий говорится потому, что в Польше мосты бывали худы и что Лютеране не держат постов. *Polski most, Niemiecki post, Włoskie nabożeństwo, wszystko to blażenstwo*» (Русския народныя по-

словицы, с. 233). Однако ассоциация *мост – пост* выходит за рамки частного случая, на который указывал известный исследователь русских пословиц, она отражает представление о посте как о мосте (переходе) через препятствие, ср.: *Постился, да в воду и спустился; Попоститься – да и в воду спуститься* (Даль, словарь, т. 3, с. 345). Чрезвычайно показательна здесь загадка про Великий пост и пасху: *Стоит мост на семь верст, на мосту столб, на столбу цвет во весь свет* (Там же, т. 2, с. 350).

Относительно изречения *Береза не угроза: где стоит, там и шумит* (Даль, сборник, т. 2, с. 24) можно отметить, что березовые прутья служили розгами для наказания (особенно – детей). Откуда загадки, построенные на соотношении часть – целое (*угроза – береза*): *Стоит дерево кудряво, на этом дереве пять угодьев: первое угодье – хворому здоровье, другое угодье – разбитому крепость, третье угодье – заперто море, четвертое угодье – малому загроза, пятое угодье – ночной свет* (Загадки, № 1744); *На горе горище стоит поленище, в том поленище сусло и масло, молодому огроза, старому потеха* (Там же, № 1754). Комментирующая часть анализируемой пословицы также является ядерным компонентом загадки о березе: *Хоть малая, хоть большая – где **стоит, там и шумит*** (Там же, № 1740). Итак, паремия *Береза не угроза: где стоит, там и шумит*, по сути является контаминацией и перифразой загадок о березе, с которыми коррелируют и дезидентификация А не Б, и ее расшифровка А – В.

Наличие в коллективном сознании устойчивых представлений о горшке определяет, что образ, используемый для отрицания идентичности в пословице *Жена не горшок, не расшибешь (а расшибешь – берестой не перевьешь)* (Д-1, 324), – не формальная деталь и что связь между отрицаемым термином и обоснованием чрезвычайно тесная. В репертуаре загадок о горшке более 30 содержат указание на его «смерть», в том числе с использованием глагола *расшибиться* или слов того же словообразовательного типа (*разбиться, рассыпаться*): *На горе родился, / В огне крестился, / Их! ...расшибся* (Загадки, № 3711); *Жил – много душ кормил, / А разбился – под плетнем очутился* (Там же, № 3718); *Рассыпался черкас, никому его не скласть: / Ни попам, ни дьякам, ни серебряникам* (Там же, № 3734). А 12 загадок намекает на то, что старый надтреснутый горшок обвивают берестой: *В огне крещается, берестой повивается* (Там же,

№ 3686); *Был ребенок, не знал пеленок, / Стар стал – пеленаться стал* (Там же, № 3737); *Пал Ефимьян с колокольни, / Добрыи жены завопили, / Большим полотном обертили* (Там же, № 3740).

Некоторые из дезидентифицирующих образов обязаны своим происхождением жизненным реалиям, преломленным в поэтических формах загадки. В средние века на Руси серебряные деньги отрубались от основного слитка-бруска (отсюда – *рубль*), данный факт был подхвачен загадкой о деньгах *У царя рубят, сюда щепы летят* (Загадки, № 5205), в которой проведена аналогия между «отколотой мелочью древесной» (Даль, словарь, т. 4, с. 655) и мелкими отрубленными серебряными деньгами. Данный образ деньги-щепки подхвачен другими малыми жанрами устного народного творчества: *Деньги не щепки; Деньга не щепка; Чужие деньги – щепки!* (Там же, с. 655); *Щепки ворохом, а деньги счетом* (Там же, с. 281). Связь денег со счетом также получила широкое отражение в пословицах и поговорках: *Деньги счет любят; Хлебу мера, а деньгам счет; Слово – вера, хлебу – мера, деньгам – счет; Дружба дружбой, а денежкам счет* (Даль, словарь, т. 1, с. 428). Таким образом, в пословице *Деньги не щепки, счетом крепки* (Даль, сборник, т. 1, с. 71) ее первый элемент связан с двумя другими не только семантически, но и стереотипными ассоциациями. В еще одной паремии на эту же тему: *Деньги не щепки, на полу не валяются* (Пословицы и поговорки русского народа, 146) – попарно связаны компоненты А и Б (*деньги – щепки*), Б и В (*щепки валяются на полу* – обыденная бытовая ситуация), А и В (*деньги – пол*). По поводу корреляции *деньги – пол* сравни «денежную примету»: *Вечером пол не подметают – деньги водиться не будут* (Там же, 146).

Подчеркнем, что в пословице дезидентифицирующего сравнения наблюдается очень высокая степень спаянности компонентов. Кроме семантической связи по схеме А обладает (не обладает) признаком В, а Б не обладает (обладает) этим признаком, элементы А – Б, Б – В, А – В могут быть сопряжены друг с другом различного рода ассоциациями, стереотипами, формальным подобием. Пример тесного сплава всех звеньев представляет пословица *Стыд не дым, глаз не ест* (Даль, словарь, т. 4, с. 347): а) метатеза *стыд – дым* создает звуковое стяжение компонентов А и Б; б) едучесть дыма для глаз – его характерное свойство, подмеченное и зафиксированное в загадке о дыме *Ходит Хам по избам, лезет Хам ко глазам, Отворю*

окошко: «Выйди, хам, хоть немножко» (Загадки, № 3219), сближает элементы Б и В; в) фоновые знания о внешних проявлениях чувств соединяли в наивной психологии стыд и глаза (А и В): *От стыда некуда глаз деть, никуда глаз нельзя показать* (Даль, словарь, т. 4, с. 347); *Первый дар на роду, коли нет в глазах стыду* (Там же, т. 1, с. 415); г) и наконец, вся пословица целиком, и каждый ее элемент коррелируют с другой паремией на ту же тему: *Бесстыжих глаз и дым не-ймет* (Там же, с. 506).

Итак, образность дезидентифицирующей паремии нередко коренится в мотивах, образах, традиционных корреляциях различных жанров фольклора, среди которых не последнее место занимают загадки.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1999. – 896 с.

Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Совр. писатель, 1995. – Т. 1. – 400 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. – М. : Худ. лит., 1996.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981.

Загадки / изд. подготовила В.В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 255 с.

Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.

Крушевский, Н.В. Заговоры, как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский. – Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1876. – 69 с.

Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – М. : Современник, 1986. – 512 с.

Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980.

Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым с предисловием и дополнениями. – М. : В университет. тип., 1848 (1995). – 503 с.

Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и подгот. к печати П. Симонии //

Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – СПб., 1899. – Т. LXVI. – № 7. – С. 1-216.

Тарланов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та 1999. – 448 с.

А.П. Василенко

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского (Россия)*

ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Следует полагать, что поэтическое наследие Б. Пастернака сложно по своей сути. Здесь воплощаются парадоксальные нарушения логических связей, которые скрывают глубину авторского замысла. Именно данный факт удачно передается, на наш взгляд, ярким представителем образного мышления в языке – устойчивым сочетанием слов. Несомненно, попадая в контекстуальное окружение, большинство из оборотов подвергаются изменению, тем самым, например, выявляя превалирующие типы варьирования состава и свойственную им прагматическую нагрузку.

Иначе говоря, фразеологическая единица, являясь одним из инструментов общения, подвергается «обработке» со стороны участников коммуникации, которые либо пользуются уже образно оформленной в языке мыслью, либо пытаются изменить данное. В последнем случае формируется особая структура с индивидуальным актуальным оттенком значения, которое создает сам коммуникант исходя из своей интенции.

В этой связи представим фрагмент работы, посвященной изучению преобразований внешней формы устойчивых оборотов. Так, предлагаем материалы устойчивых выражений, в которых наблюдается авторская (со стороны Б. Пастернака) трансформация фразеологизма и ее предполагаемая первооснова (по мнению автора статьи), а также устанавливается преобладающий тип модификации (с опорой на теорию, изложенную в [Структурно-грамматические... 2002]) и высказывается субъективное мнение о том, каким образом лингвистические преобразования могут раскрывать творческую личность писателя.

Это такие преобразованные выражения: *яблоне – яблоки, ёлочке – шишки* (Пастернак, т. 2: 33, 4)* ← *кесарево кесарю, а божие богу* [Ашукин 1987: 316]; *благими намерениями вымощен ад* (Пастернак, т. 1: 273, 2) ← *благими намерениями ад вымощен* [Ашукин 1987: 51]; *шел <...> верблюдам сквозь ушко иглы* (Пастернак, т. 1: 379, 39) ← *легче верблуду пройти сквозь игольные ушки, нежели богатому войти в царство небесное* [Ашукин 1987: 355]; *все пустое* (Пастернак, т. 2: 44, 10) ← *все пустяки в сравнении с вечностью* [Ашукин 1987: 219]; *мир всегда таков* (Пастернак, т. 1: 142, 5) ← *так было, так будет* [Ашукин 1987: 650]; *жизнь <...> только миг* (Пастернак, т. 3: 520, 11) ← *жизнь коротка, искусство долговечно* [Ашукин 1987: 237]; *на пире <...> во время чумы* (Пастернак, т. 1: 389, 8) ← *пир во время чумы* [Ашукин 1987: 509]; *обманивает внешность* (Пастернак, т. 1: 350, 9) ← *наружность обманчива* [Ожегов 2002: 431]; *гром не грянул, что креститься* (Пастернак, т. 1: 143, 2) ← *гром не грянет, мужик не перекрестится* [Снегирев 1996: 31]; *дважды два не сразу сто* (Пастернак, т. 1: 275, 8) ← *Москва не сразу строилась* [Ожегов 2002: 759]; *перемолов, как мельница в смесь* (Пастернак, т. 2: 75, 5) ← *перемелется – мука будет* [Ожегов 2002: 507]; *чреду веков питает новость* (Пастернак, т. 1: 277, 11) ← *слухом земля полнится* [Снегирев 1996: 113]; *спаси, люди, люди твоя* (Пастернак, т. 1: 288, 8) ← *Спаси, Господи, люди Твоя* [Слободской 1991: 82]; *простятся <...> грехи* (Пастернак, т. 1: 273, 2) ← *И остави нам долги наша* [Слободской 1991: 74]; *конноборцем над пешками пешими* (Пастернак, т. 1: 137, 2) ← *избиение младенцев* [Ашукин 1987: 284]; *Авва Отче, чашу мимо пронеси* (Пастернак, т. 3: 511, 2) ← *Да минует меня чаша сия* [Ашукин 1987: 180]; *Ничего не бывало и нет* (Пастернак, т. 1: 57, 6) ← *ничто не возникает из ничего* [Ашукин 1987: 456]; *Ныне и присно <...> во веки веков* (Пастернак, т. 2: 129, 5) ← *ныне, и присно, и во веки веков* [Слободской 1991: 91]; *Не занимайся точками в пунктире, и зерен в мере хлеба не считай* (Пастернак, т. 1: 365, 12) ← *размениваться на мелочи* [Ожегов 2002: 649]; *Житье тошней недуга* (Пастернак, т. 3: 521, 8) ← *О времена! О нравы!* [Ашукин 1987: 463]; *Вещей <...> не на час* (Пастернак, т. 1: 377, 27) ← *калиф на час* [Ашукин 1987: 306]; *Жить <...> полною чашей* (Пастернак, т. 2: 41, 1) ← *Дом – полная чаша* [Снегирев 1996: 37]; *Ничто не мелко*

* Здесь и далее в круглых скобках указывается том издания, страница и строфа.

(Пастернак, т. 1: 167, 5) ← Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо [Ашукин 1987: 767]; *сколько типов и лиц* (Пастернак, т. 1: 286, 2) ← *Ба! Знакомые все лица* [Ашукин 1987: 36] и др.

Сам факт варьирования компонентов затрагивает проблемы импликации и экспликации значения, констатирует изменяющуюся жизнь фразеологизма в языке (например, [Шулежкова 2015: 35-41]). Что касается метаморфозы, она, разумеется, носит антропоцентрический характер. Поэтому с опорой на вышеуказанную теорию [Структурно-грамматические... 2002] и полученные в исследовании результаты можно уверенно говорить о предрасположенности устойчивого оборота в поэзии Б. Пастернака к комплексному изменению (т.е. комбинированный тип модификации – около 70%). Данный тип варьирования фразеологизмов затрагивает и количественный состав, и фонетическое оформление, и морфемное преобразование, и синтаксическую последовательность, и прочее.

Результатом непростых лингвистических экспериментов автора над существующей формой фразеологизма становится создание собственно авторских языковых средств выражения. Возможно, в этом есть некоторая доля материализации внутреннего мира творческой личности: независимость, непредсказуемость, нетрадиционность?

Литература

Ашукин, Н.С. Крылатые слова и выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М. : Худ. лит., 1987. – 832 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь рус. яз. : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2002. – 944 с.

Пастернак, Б.Л. Собрание сочинений : в 5 т. / Б.Л. Пастернак. – М. : Худ. лит., 1990. – Т. 1. – 752 с. ; М. : Худ. лит., 1990. – Т. 2. – 704 с. ; М. : Худ. лит., 1991. – Т. 3. – 734 с.

Слободской, С. Законъ Божій / С. Слободской. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 723 с.

Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок / И.М. Снегирев. – Великий Новгород : Рус. купец, 1996. – 620 с.

Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов : коллективная монография. – Челябинск : ЧГПУ, 2002. – С. 136-256.

Шулежкова, С.Г. Варьирование устойчивой фразы – угроза ее устойчивости или залог долговечности (к проблеме вклада

В.Л. Архангельского в развитие фразеологии) / С.Г. Шулежкова // Устойчивые фразы в парадигмах науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского (8-11 июня 2015). – Тула : С-принт, 2015. – С. 35-41.

Н.И. Ершова

*Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева (Россия)*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Фразеологическая синонимика – очень интересное, хотя и недостаточно изученное явление как в русском литературном языке, так и диалектах. Целью его исследования является выяснение источников и причин образования синонимов диалектных фразеологизмов, путей их формирования, определение роли литературного языка в этом процессе. Причем последний вопрос особенно сложен, так как многие современные диалектоносители владеют и литературным языком, что создает дополнительные трудности при отграничении диалектных фактов от фактов литературной речи.

Фразеологизмы возникают на основе таких образных представлений действительности, которые отражают повседневный опыт носителей языка, их культурные традиции и ментальные установки, так как «субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [Телия 1996: 13].

Антропоцентрическая направленность проводимых исследований определяет выбор центрального объекта, каковым становится человек. Тематическая группа «Человек» – это живая, продуктивная подсистема лексики и фразеологии, отражающая особенности восприятия мира, хранящая и передающая информацию о жизненных ценностях носителей языка. В этой связи представляется целесообразным дополнить научное представление о человеке посредством изучения языковой диалектной культуры как естественной и наиболее близкой его исторической природе [Человек и его мир... 2015: 4].

В русских говорах Мордовии функционируют как общенародные фразеологические единицы типа *как снег на голову*, *ни свет ни заря*, так и территориально ограниченные в своем употреблении

вроде как жаром обсыпает, до мокрой спины и т.п. В настоящей статье исследуются именно диалектные фразеологические синонимы, бытующие в русских говорах Мордовии.

Фразеологические синонимы отличаются друг от друга семантическими, эмоционально-экспрессивными и стилистическими оттенками значения. В сфере фразеологии трудно проводить традиционное четкое деление синонимов на идеографические и стилистические, так как фразеологизмы-синонимы способны одновременно служить как средством прямой номинации, так и средством эмоционально-экспрессивной и стилистической выразительности. Следовательно, синонимы в пределах одного ряда различаются между собой и семантически, и стилистически (*он с простинкой – котел не кумекает*), иногда лишь стилистически (*лежать на мертвой постели – быть хык*), но главное различие состоит не в этом. Как известно, в основе большинства фразеологизмов лежит образное представление. В диалектных фразеологизмах метафорический смысл ощущается особенно ярко, напр.: *черту лик отдавать* – ‘фотографироваться’: *Эть пашто ани туды пабижали, чорту лик аддавать?* (Старая Федоровка, Старошайговский район). Данный факт позволяет утверждать, что главное различие внутри рядов фразеологических синонимов связано с различием выраженных образов, ср.: *дать будны* и *наклевать нос* – ‘избить’. В этом случае следует говорить об идеографической синонимии особого плана, связанной с различием выраженных образов.

Можно выделить три класса диалектных фразеологических синонимов, функционирующих в рассматриваемых говорах: 1) фразеологические синонимы, не имеющие стилистических и семантических различий, но отличающиеся образной основой; 2) фразеологические синонимы, различающиеся оттенками значения; 3) фразеологические синонимы, различающиеся стилистической окраской.

Подчеркнем, что первый класс является самым многочисленным, поскольку в основе большинства фразеологизмов лежит образное представление. В диалектных фразеологизмах метафорический смысл ощущается особенно ярко. Этот факт позволяет утверждать, что главное различие внутри синонимических рядов фразем связано с различием выраженных образов. Например:

‘жить хорошо, обеспеченно, в достатке’ – семь лет праздник, как мышка (мышь) в коробу (коробушке, крупе), как барыня в раю,

жить в царствии, как у праздника, туз тузом. Напр.: *Щас нарот жывет ф царствии*, хлеб белый съ стала ни сходит (Большой Азясь, Ковылкинский район); *Она топерь как барыня в раю живет*, фсе у ей есть, ни ф чом ни нуждаць (Сыропятровка, Ичалковский район);

‘о неопрятном, неряшливом человеке’ – как акуля (акулька), как из лагуна вылез, как чучело (пугало) огородное, как мокрая курица, как шебол, как мазан грязный и др. Напр.: *Ходиш ты как мокрѣя курицѣ*, нѣридилсь бы (Лаврентьево, Темниковский район); *Маньк, ты што нѣрридилсь как пугѣль агароднѣя*, сыми щас же, ни срамись (Казенный Майдан, Ковылкинский район);

‘суетиться, хлопотать’ – как в смоле кипеть, как черт в колесе, корячиться как белка в колесе, нагонять калду и др. Напр.: *Анна-ть, бидняжыцькѣ, как ф смале кипель*, симья-ть бальшая дѣ нипутевѣя (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район); *Каряцусь* весь день *как белкѣ ф кѣлисе*, а к ноцы ноги гудут (Ирсеть, Старошайговский район).

Как видим, появление синонимических рядов фразеологических единиц прежде всего объясняется обновлением образной основы фразеологизмов, связанных с одной темой. В процессе синонимического развития фразеологизма, главным образом, идет поиск нового, более яркого и экспрессивного образа и лингвистических средств его построения при сохранении единства логической стороны понятия, лежащего в его основе. Стремление «обновить» экспрессивность фразеологизма является и одной из важнейших причин появления диалектных синонимов.

Экспрессивность и оценочность в содержании диалектных фразеологизмов обусловлена спецификой, в сравнении со словом, их внутренней формы. Если в слове внутренняя форма – это признак, по которому получил название весь предмет, то внутренняя форма фразеологизма – это остаточный элемент представления о каком-либо действии, явлении, процессе; это представление обуславливает направленность фразеологического словесного комплекса на понятие и вместе с тем передает оценку его диалектоносителем.

Этим объясняется широкая представленность в русских говорах Мордовии широко фразеологизмов, отражающих внешний облик человека, его внутренний мир и умственные способности. Они характеризуются исключительным богатством и разнообразием и составляют в рассматриваемых говорах многочисленные синонимические ряды. В них включаются наименования с тождественным

или близким значением, передающие сущность одного и того же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть диалектной фразеологической системы.

Литература

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии : монография / Э.Н. Акимова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордовск. ун-та, 2015. – 156 с.

Е.Н. Лоскутова

*Тюменский государственный
университет (Россия)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ПОЭТОНИМЫ В СОСТАВЕ ПАРЕМИЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА

Прецедентные поэтонимы относятся к лингвокультурологическим единицам и представляют собой апелляцию к известному факту, ситуации, историческому лицу, характеризуются эталонностью, общностью знаний и представлений о них, а также о текстах или реалиях-источниках, на которых основаны прецедентные тексты [Караулов 1987; Красных 2002; Шулежкова 2002 и др.]. Антропонимы *Остан Бендер*, *Иуда*, *Плюшкин* и др. выходят за рамки определенного текста, становясь практически нарицательными, что подтверждается появлением таких концептов, как *обломовщина* и подобные.

Интересно отметить, что связь прецедентного поэтонима с прецедентным текстом может сохраняться, не имея отсылок к содержанию данного текста, а лишь указывая на принадлежность данного именованного к определенному тексту. Примером сказанному может служить поэтоним *Алеша Попович*, представленный в сборнике «Донские рассказы»: *Сейчас мы сварим каши, но... от тебя, Алеша Попович, все-таки воняет* (Алешкино сердце, с. 241). Прецедентное именование отсылает нас к былинному персонажу за

счет совпадения личного имени собственного (*Алеша*) и фамилии героя (*Попов* → *Попович*).

Вопрос о принадлежности фразеологических единиц к числу прецедентных феноменов остается дискуссионным. Например, Е.А. Флейшер и представители школы «Текст и коммуникация» (Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.) оставляют фразеологизмы за рамками прецедентности, объясняя это тем, что «фразеологизмы имеют денотат, но за ними не стоит прецедентный текст или прецедентная ситуация», главным для функционирования прецедентных феноменов остается связь с другими прецедентными феноменами (как правило, это связь между вербальными и вербализуемыми единицами), что совершенно не свойственно фразеологизмам [Багаева 1997: 71; Флейшер 2014: 22-23].

Мы придерживаемся иной точки зрения, поскольку прецедентные номинации, как и фразеологизмы, относятся к единицам, воспроизводимым в речи, что дает полное право, на наш взгляд, поговоркам, паремиям и фразеологическим единицам относиться к прецедентным номинациям. Если брать сложные отношения фразеологизмов и *текстовых реминисценций* (термин А.Е. Супруна, предшествующий термину *прецедентность*), то есть все основания полагать, что прецедентные номинации, входящие в состав фразеологических единиц, пословиц и поговорок, возникли также из прецедентных ситуаций и прецедентных текстов, но затем «предшествующие тексты были забыты» [Супрун 1995: 26]: ... *поглядим, чья сторона осилит!.. Бабушка Арина надвое сказала!..* (Путь-дороженька, с. 268). Фразеологизмы представлены как разновидность прецедентных феноменов в ряде публикаций [Алексеев 2003; Земская 1996: 159; Пикулева 2003 и др.].

Прецедентные поэтонимы широко представлены в исследуемых нами текстах «Донских рассказов» и в романе «Поднятая целина» М.А. Шолохова. К примеру, в рассказе «Батраки» на вопрос пьяного парня: *Ты кто?* – персонаж хмуро ответил: *Дед Пухто* (Батраки, с. 458), подразумевая известного героя русского диалогического фразеологизма (присловия, ответной фразеореплики) *деда Пухто (Пыхто)*, которым представляются при нежелании отвечать на вопрос. Экспрессивный потенциал антропонимических единиц данной группы заметно выше, чем у тех, которые образованы на основе бытового опыта.

В романе «Поднятая целина» ситуацию вступления в колхоз Кузьма, *хозяин лисьего треуха*, описывал следующим образом: ... *нужно людей подбирать, как быков, равных по силам, а не то получится: Тит да Афанас, разымите нас!* (Поднятая целина, с. 62). Персонаж в своем выступлении подразумевал всем известные паремии: *Тит, поди молотить! – Брюхо болит! – Тит, иди кашу есть! – А где моя большая ложка? – Тит да Афанас, разымите нас*, в которых Тит – воплощение ленивого и праздно живущего человека. Исследование современной антропонимической ситуации невозможно без диахронного аспекта изучения имен собственных, поскольку становление антропонимической системы тесно связано с историей народа и языка.

Приведем другой пример из текста романа «Поднятая целина»: *Покушение на жизнь председателя колхоза отвергнул! Аника-воин, факт!* (Поднятая целина, с. 116). Так шутя называет Давыдов Разметнова, который, не разобравшись в ситуации, поймал одиночника Луку, собиравшегося зарезать своего кабана. М.А. Шолохов сам дает пояснение в романе: *Аника-воин* – синоним хвастуна своей силой, в действительности же слабого, трусливого человека. Имя *Аника* взято из византийской повести о герое Дигение, прозванном *anikitos* – непобедимый (Поднятая целина, с. 116). Далее на страницах романа данный антропоним переходит в разряд апеллятивной лексики: ...*вы бы лучше пошли аников-воинов развели. С утра Кондрат Майданников к Атаманчукову присыкается...* (Поднятая целина, с. 278), эмоциональный план таких антропонимов значительно выразительней, чем у бытовых антропонимов, известных в определенной местности.

Умелое использование М.А. Шолоховым прецедентных номинаций в речи своих персонажей и авторской фразеологии показывает знание автором фольклорного колорита, традиций, особенностей речи и этноспецифики донского казачества, а также является приемом отражения интенций, мотивов и духовных ценностей писателя.

Литература

Алексеевко, М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М.А. Алексеевко // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс : сб. науч. тр. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 221–233.

Багаева, Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко // Вестник Московского университета. – 1997. – № 3. – Сер. 9. – С. 62-75.

Земская, Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур : сб. ст. – М. : Наука, 1996. – С. 157-168.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : ГНОЗИС, 2002. – 284 с.

Пикулева, Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Б. Пикулева. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-30.

Шолохов, М.А. Поднятая целина : роман / М.А. Шолохов. – М. : Просвещение, 1973. – 656 с.

Шолохов, М.А. Собрание сочинений : в 8 т. / сост. М. Манохина. – М. : Худ. лит., 1986. – Т. 7. Они сражались за Родину: Главы из романа ; Рассказы. – 559 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Флейшер, Е.А. Основы прецедентности имени собственного : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Флейшер. – СПб., 2014. – 24 с.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОСТАВЕ
ДЕНОТАТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«НАЗВАНИЯ НАЦИЙ, НАРОДОВ»***

Коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством проф. Л.Г. Бабенко создаются идеографический словарь синонимов русского языка (Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы) [см. Бабенко 2008], а также универсальный идеографический словарь, в котором, в соответствии с концепцией Л.Г. Бабенко, русская лексика предстает как межчастеречная система. Оба словаря включают в состав словарной статьи зону фразеологизмов.

Анализ показал, что в состав фразеологизмов, семантически соотносящихся с синонимическими рядами подгруппы «Названия наций, народов», входят следующие языковые единицы: развернутые наименования (*русские люди; лужицкие сербы*); перифразы (перифразы – обозначения представителей народов, рас: *братья славяне; старший (большой) брат; белые люди; сын Альбиона; сыны Авраама (Израиля), народ книги; черные люди, черный товар*; в том числе и прецедентные: *горячие финские парни*); терминологизированные словосочетания (*европеоидная (евразийская) раса; негроидная (негрская, черная) раса*); – устойчивые сравнения (*черный как эфиоп, аки обры*); устойчивые символы (*звезда Давида*); эталоны (*настоящий (стопроцентный) американец*); устойчивые ассоциации (ассоциации, касающиеся внешнего вида представителей определенного народа: *американская улыбка*; устойчивые ассоциации, связанные с особенностями культуры: *американский образ жизни; американская мечта*).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»), РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»), а также Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Данные фразеологические единицы соотносятся с названиями следующих наций и народов (в скобках приводятся лексемы – доминанты синонимических рядов, к которым относятся фразеологические единицы): *русские люди, старший (большой) брат* (РУССКИЕ), *лужицкие сербы* (ЛУЖИЧАНЕ), *братья славяне* (СЛАВЯНЕ), *сын Альбиона* (АНГЛИЧАНЕ), *сыны Авраама (Израиля)*, *народ книги, звезда Давида* (ЕВРЕИ), *горячие финские парни* (ФИННЫ), *черный как эфиоп* (ЭФИОПЫ), *аки обры* (АВАРЫ), *настоящий (стопроцентный) американец, американская улыбка, американский образ жизни, американская мечта* (АМЕРИКАНЦЫ).

Фразеологические единицы номинируют представителей различных рас человечества: *белые люди, европеоидная (евразийская) раса* (ЕВРОПЕОИДЫ); *черные люди, черный товар негроидная (негрская, черная) раса* (НЕГРЫ).

В количественном отношении во фразеологической картине мира русского языка доминируют номинации представителей таких наций и рас, как *американцы* (4 фразеологические единицы), *евреи* (3 фразеологических единицы) и *негры* (3 фразеологических единицы).

Рассмотрим подробно некоторые фразеологические номинации.

Как отмечает С.Г. Шулежкова, «в русской публицистике сложился своеобразный арсенал крылатых выражений-советизмов, прославлявших первое в мире социалистическое государство, утверждавших основные принципы коммунистической морали и отражавших в сжатом виде мысли и чаяния советских людей» [Шулежкова 2002: 255]. При этом ядром этих единиц являются цитаты и лозунги.

Фразеологическая единица *старший (большой) брат* – это советизм в широком понимании, то есть «слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [Купина 2010: 86]. Но при использовании этого советизма в контексте современных СМИ обнаруживаются определенные семантические сдвиги, объясняемые влиянием социокультурного контекста современности.

Фразеологизм *сын Альбиона* – распространенное обозначение англичанина, содержит в себе аллюзию на номинацию *Альбион* – древнее название Британских островов, которое в настоящее

время употребляется в Англии в возвышенном стиле, а в русском языке – обычно в ироническом контексте.

В состав фразеологических единиц не вошли словосочетания типа *туманный Альбион, страна восходящего солнца*, поскольку названия стран не образуют синонимических рядов, поэтому не входят в состав близкородственных синонимических рядов к основному синонимическому ряду в словаре синонимов.

Выражение *дети (сыны) Авраама (Израиля)*, имеет то же значение, что и «народ Израилев»; также менее частотно его переводят как «израильтяне» в значении «То же, что евреи» (см., например, иллюстрации к синониму *израильтяне*: *Я был свидетелем того, как индусы и пакистанцы вместе разучивали гимны обеих стран и как сердечно беседовали китайцы континентального Китая и Тайваня; как японцы просили прощения у корейцев за преступления, совершенные их страной; как азартно играли в волейбол ливанцы с израильтянами, а католики из Сараево беседовали за трапезой с боснийскими мусульманами* (Э. Розенталь). *Сострадание, которое ощутили в этот день многие израильтяне, поначалу сопровождалось надеждой, что столь трагические события помогут американцам глубже вникнуть в суть той борьбы с терроризмом, которую Израилью приходится вести на протяжении вот уже нескольких десятилетий* (газ.). *Об этом же пророчествует ап. Павел, сам иудей из иудеев, израильтянин от семени Авраамова...* (С. Булгаков). *Нельзя сказать, что безумная страсть к путешествиям прекращается после того, как израильтянин обзавелся семьей и детьми* (газ.).

С этим народом ассоциативно связано выражение *звезда Давида* – эмблема в форме шестиконечной звезды, которая изображена на флаге государства Израиль и является одним из основных его символов. Согласно легенде, этот символ был изображен на щитах воинов царя Давида.

Выражение *горячие финские парни* – это прецедентная фраза из анекдота советских времен, который первоначально рассказывался про эстонцев: *Едет по эстонскому проселку бричка, в ней сидят старый папаша-эстонец и двое его сыновей. Внезапно перед носом лошади что-то пробегает и скрывается в кустах. Эстонцы едут дальше. Через 15 минут старший сын говорит: – Эт-тоо быыл за-аятс. Проходит еще 15 минут. Младший сын говорит: – Нетт, не*

похожи. Проходит еще полчаса. Батя: – Ви ешите поттери-итесь, каряччие эсто-онские па-арни...

Рассматривая специфику крылатых выражений, С.Г. Шулежкова обращает внимание на то, что они отличаются от «безымянных» языковых единиц своеобразным семантическим «довеском» [Шулежкова 2002: 31]; «отягощены» генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленялись, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения [Там же]. В данном случае мы наблюдаем пример того, что этимологически эта фразеологическая единица связана с распространенным анекдотом.

Указание на своеобразную медлительность финнов является одним из стереотипов восприятия национальных характеров в русском национальном сознании и на этом основании отражается в прототипе синонимического ряда с доминантой ФИННЫ; см. отрывок из прототипа: *Представители этого народа воспринимаются как медлительные и немногословные люди. Стереотипность данных характеристик представителей этого народа поддерживается и примерами употребления членов синонимического ряда: Лайла прошла мимо, сухим голосом пожелав спокойной ночи. И, демонстрируя спортивную выправку и невозмутимость народа суоми, вприпрыжку поднялась по бетонной уличной лестнице на второй этаж (Д. Каралис). Если бы суомец был деревом, то он был бы дубом. Таким же непоколебимо стоящим держась на своих двоих и уверенным в будущем. Его хладнокровная негибкость не отступить ни на шаг от договора и планов может привести к краху, и при этом он не дрогнет (газ.). Полковой лекарь с комичной фамилией Европеус, финн по происхождению, медлительный, добродушный, дотошно осмотрел меня всего и сказал, что ничего найти у меня не может (М. Шишкин).*

С.Г. Шулежкова отмечает, что часто в процессе употребления крылатое выражение утрачивает оттенки, связывающие его с представлением об авторе, о колорите контекста или эпохи, и в таких случаях входит в состав фразеологизмов [Там же: 264]. Утратив связи с источником, превратившись в безымянную фразеологическую единицу, в настоящее время выражение *горячие финские парни*, по словам С.Г. Шулежковой, потеряло «сигнальные» компоненты, «привязывающие» его к источнику [Там же: 265]. Как показывает анализ

употребления этого выражения в контекстах Национального корпуса русского языка, в большинстве иллюстраций оно иронически номинирует финнов без прямого указания на черты характера и особенности поведения, на основании которых оно было создано, например: *После разгрома в Карелии горячие финские парни поняли, что самостоятельно пожить в этих местах у них кишка тонка* (газ.).

Устойчивое сравнение *аки обры* входит в состав фразеологизмов к синонимическому ряду с доминантой АВАРЫ (тюркские кочевые племена Центральной Азии, Западной Сибири, Приуралья и Поволжья, отличавшиеся воинственностью, вторгшиеся в VI в. на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье, в Придунайские области – то есть на территорию современных Венгрии и Австрии – и образовавшие самостоятельное государство, просуществовавшее до конца VIII в.) и берет свое начало в русских летописях. Носитель современного русского языка для правильного употребления этого фразеологизма нуждается в историко-этимологическом комментарии: авары были частично уничтожены венграми, частично слились с ними. В русских летописях об их исчезновении говорится так: «и все погibli, и не осталось ни одного обрина, и сохранилась до сего дня на Руси поговорка: погiboша аки обре; и не осталось от них ни племени, ни роду».

Эталонное представление *настоящий (сто процентный) американец* и устойчивые ассоциации *американская улыбка, американский образ жизни, американская мечта* выступают как идеологические клише и связаны с представлениями среднего американца о необходимости наличия автомобиля, собственности на частный дом, о жизни в кредит.

В русском национальном сознании существует стереотипное представление об американцах как о жизнерадостных, подвижных, очень предприимчивых людях, что подтверждается и в иллюстративном материале: *Типичный американец копит деньги, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне* (газ.).

Как отмечают исследователи «американский образ жизни создает людей, которые свободно перемещаются в пространстве и во времени, легко и быстро заводят друзей, способны за свою жизнь завести множество связей, работать и сотрудничать, вовлекая в такие отношения гораздо больше людей, чем принято в других странах» [Кравченко 2003: 152-154].

В свою очередь, выражение *американская мечта* употребляется для обозначения жизненных идеалов жителей США как в материальном, так и в духовном смысле, то есть прямо указывает на американские ценности согласно философии свободы личности и свободного предпринимательства: равенство всех перед законом вне зависимости от этнического происхождения и социального положения, право на жизнь, свободу, стремление к счастью, жизнь в соответствии с индивидуальными способностями и достижениями, независимо от принадлежности к социальному классу или обстоятельствам рождения, почитание общих для всех американцев символов, образцов и героев. Понятие американской мечты также тесно связано с представлениями о человеке, который самостоятельно, упорным трудом добился успеха в жизни.

Можно утверждать, что фразеологические единицы, связанные с представителями определенных наций, остаются востребованными, т.к. способны «передать суть сложных явлений» [Шулежкова 2009: 62] – представлений носителей русского национального сознания о национальном. Часто выступая в качестве социокультурных и идеологических символов, они активно участвуют в процессе коммуникации, входят в актуальную культуру современных россиян, состоящую из эмоционально (как позитивно, так и негативно) притягательных ценностей, не только востребованных и актуальных сегодня, но оказывающих влияние на современников, передающих им социальный опыт прошлого.

Литература

Бабенко, Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря / Л.Г. Бабенко // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – С. XV-XXVI.

Кравченко, А.И. Обществознание. Учебник для 7 класса / А.И. Кравченко, Е.А. Певцова. – 2-е изд. – М. : Рус. слово, 2003. – С. 152-154.

Купина, Н.А. Советизмы сегодня: семантика и функции / Н.А. Купина // Проблемы лексической семантики : тез. докл. междунар. конф. «Девятые Шмелевские чтения». – М. : ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 2010. – С. 85-88.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62-73.

Е.В. Огольцева

*Московский педагогический
государственный университет (Россия)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ И КОМПАРАТИВНО-ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Среди продуктивных идей С.Г. Шулежковой, касающихся языковой сущности крылатых единиц, мы хотели бы особо выделить мысль о внутренней динамике, непрерывном процессе порождения новых крылатых выражений и формировании на их основе фразеологизмов. В своей известной монографии С.Г. Шулежкова убедительно показывает, как в крылатых выражениях высокой коммуникативной ценности, особенно часто употребляющихся в речи, постепенно выветривается генетическая память об их источнике, что и способствует их переходу во фразеологический фонд. Совершенно очевидно, что между авторскими крылатыми единицами и фразеологизмами нет непреходимой границы (ср.: *сатана там правит бал – править бал; плыви, мой челн, по воле волн – по поле волн* и т.п.) [Шулежкова 2002: 264-265]. С этой идеей неразрывно связаны размышления о феномене своеобразной «серийности», которая имеет место в основном на периферийных участках фразеологии [Шулежкова 1994]. Ценность новых словарей крылатых единиц состоит, в частности, в том, что они так или иначе отражают отмеченную динамику: их составители стремятся к отражению всего «крылатого фонда» языка – как ядерных единиц, так и периферийных, в значительной мере утративших и «авторство», и связь с породившим их контекстом [Берков 2000].

Эта континуальность фразеологического пространства своеобразно проявляется и в системе воспроизводимых компаративных единиц. Так, многие устойчивые сравнения (УС) имеют соотносительные с ними фразеологические обороты (ФО): *как коломенская верста* ('длинный, высокий при худобе, худощавости') – *коломенская верста* ('Человек очень высокого роста, верзила') [Войнова 1985]. Ср. подобные примеры: *как кот в сапогах, как кровь с молоком, как мешок с костями, как мокрая курица, как гусиные лапы (лапки), как сонная муха, как маков цвет* (УС) – *кот в сапогах, кровь с молоком, мешок с костями, мокрая курица, гусиные лапы, сонная муха, маков цвет* (ФО). Логично предположить, что в языковой системе существуют и другие серии, включающие разные по структуре и «уровневому статусу» единицы с родственной образной основой.

Объектом анализа в настоящей статье является **образное сравнение** – языковая единица, которая через уподобление одного предмета другому вызывает в сознании носителей русского языка образ (представление) и тем самым индивидуализирует предмет описания, выделяет его в ряду однородных предметов действительности. Наиболее распространенным способом выражения образно-компаративного значения является компаративная единица фразеологического типа – **устойчивое сравнение**. Подобные компаративные структуры можно назвать «аналитическими» – в силу разнооформленности логических элементов сравнения: предмета (А), образа (В) и основания (С): *как кисея* 'Тонкий, легкий, прозрачный. О ткани, слое, покрове, занавесе'; *как деготь* 'Черный. Прем. о жидкой или полужидкой массе'; *как говядина* 'Красный. О лице, теле, частях тела человека' [Огольцев 2001]*.

Таким же постоянством связей логических компонентов, закрепленных в коллективном сознании носителей русского языка как родного, характеризуются и «синтетические» (цельнооформленные) компаративные единицы – производные слова с семантикой образного сравнения, или компаративно-производные слова (КПС). Ср.: *кисейная* прозрачность ткани, *дегтярные* лужи, *говяжья* краснота лица и т.п. В подобных случаях отношения сравнения между предметами А и В выражаются словообразовательным средством – суффиксом отнесительного прилагательного, который выполняет ту же функцию,

* Толкования значений устойчивых сравнений здесь и далее приводятся по данному источнику.

что и союз *как* в структуре УС. На тот факт, что структура компаративно-производного слова представляет собою лишь особую конструктивную разновидность языкового, то есть образного сравнения, впервые обратил внимание В.М. Огольцев [Огольцев 1974].

Слово, обозначающее элемент *В* устойчивого сравнения, может выступать в качестве производящей базы для целого ряда производных, образованных по разным моделям и принадлежащих к разным частям речи. Такие слова вместе с соотносительными устойчивыми сравнениями составляют своего рода номинативные ряды, в которых представлены как «аналитические», так и «синтетические» единицы. В свое время В.М. Никитевич, рассматривая ряды типа *смелы́чак – смел – тот, кто смел – смелый*, заметил, что «номинативная деривация функционально объединяет словообразование с аналитическими и синтетическими способами создания номинативных единиц» [Никитевич 1982: 2] Подобные ряды (точнее, компаративные гнезда) образуют и единицы с семантикой сравнения: *волосы как золото; золотые волосы; золотистые волосы; золотистость волос; волосы золотятся; золотящиеся <на солнце> волосы; волосы-золото; золотоволосый* (о рыжих, с блестящим желтым отливом волосах человека). Принимая во внимание единство образа, использующегося во всех единицах представленного ряда, можно считать, что все они характеризуются и общим значением, которое в одном случае выражается союзом *как / словно, точно, будто* (устойчивые сравнения), в другом – аффиксом (аффиксальные дериваты), а иногда не имеют вовсе никакого показателя (сложные производные слова). Таким образом, положение В.М. Никитевича о том, что «словообразование является лишь фасадом здания номинативной деривации» [Там же: 3], вполне актуально и для наших компаративных рядов. В то же время, проводя аналогию между «компаративным гнездом» и обычными номинативными рядами, следует помнить о том, что эта аналогия носит условный и частичный характер: компаративные единицы есть номинации особого типа, целью которых является не столько «называние» признака, сколько его «выражение», образная индивидуализация.

Итак, мы видим, что коммуникативная эквивалентность разнородных единиц языка может быть сопряжена не только с единством номинативного (денотативного) значения, но и с единством образа-представления, лежащего в основе номинации. Сопостави-

тельный анализ структурных особенностей и коммуникативных функций аналитических и синтетических компаративных единиц представляет новую и актуальную научную проблему современной лексикологии, словообразования, фразеологии.

«Существование» разноуровневых языковых единиц с семантикой образного сравнения проявляется в двух основных формах.

1. Параллельное использование в языковой системе одного и того же образа в устойчивом сравнении и в компаративном производном слове, характеризующихся разными значениями (**структурная соотносительность** синтетических и аналитических единиц). Например, *ртуть* в системе компаративной фразеологии – образ живого, подвижного, исполненного энергии человека: *Юра, по определению своего воспитателя, был «сорвиголова», живой, как ртуть, главный коновод шалостей, способный, но ленивый и рассеянный ученик* (И.В. Одоевцева. На берегах Сены). В системе компаративной деривации используется иной, «цветовой» признак: *ртутный*... 2. Серебристо-белый, цвета ртути. Таким образом, УС служит образной характеристике поведения, темперамента человека, а производное слово выражает внешний, «физический» признак предмета.

2. «Межуровневая синонимия», то есть использование одного и того же образа в коммуникативно эквивалентных единицах разных языковых уровней (**структурно-семантическая соотносительность** синтетических и аналитических единиц):

Синтетические компаративные единицы (КПС)	Аналитические компаративные единицы (УС)	Основание сравнения (С)
алмазный, алмазно <i>Однако на этот раз разозленный Каин Александрович показал алмазную* твердость</i> (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность).	как алмаз <i>Белые тверды, как алмаз*, но так же чисты. Они строги, но не жестоки</i> (В. Шувальгин. 1920).	C1: духовно твердый, стойкий, нестигаемый.
<i>По утрам в алмазной* росе купались рубины дикого клевера</i> (Н. Лохматов. Листопад).	<i>Скоро весь сад, согретый солнцем, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях</i> (А. Чехов. Невеста).	C2: сверкающий, блестящий, горящий, переливающийся радужным светом.

дегтярный, дегтярно <i>Он размял снег, и показала- лась дегтярно-черная*, и все же прозрачная вода</i> (Ю. Нагибин. Зимний дуб).	как деготь <i>Солнце между тем успело закатиться, и на землю опу- стились сумерки. Вода в озе- ре погасла, сделалась черной как деготь (В. Солоухин. Тайна безымянного озера).</i>	С: Черный. Преим. о жидко- сти или полужидкой массе.
---	--	---

УС и КПС взаимно дополняют друг друга в выполнении общей языковой функции – образного выражения признака. Каждое из этих основных языковых средств выражения компаративной семантики имеет и определенные ограничения, и преимущества, которыми не располагает соответствующая единица другого уровня.

Семантическая связь аналитических и синтетических компаративных единиц языка активно используется авторами художественных текстов.

Один из аспектов этой связи – многочисленные авторские образные дериваты, которые мотивируются существительными, использующимися в языковой системе в роли образов устойчивых сравнений: *Голова мutilась от длительности и пышности службы, от этих чтений, каждений <...> от вида до ужаса скованной своим коротким мундиром и серебряным поясом **кабаньей** туши полицмейстера, возвышающегося прямо над тобою...* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); ср.: *как (словно, точно) <откормленный> кабан*. ‘Толстый, жирный, здоровый. О человеке – мужчине (презр.)’.

Помимо анималистических образов, в художественных окказиональных актах часто используются названия веществ, причем именно те, которые являются образами УС. Ср.: *как (словно, точно) деготь – дегтярный, дегтярно, дегтярно-черный (дегтярные шалые глаза* (Ф. Абрамов. Вокруг да около); *дегтярный дым* (В. Распутин. Прощание с Матерой); *дегтярно чернела вода* (Л.Г. Корнюшин. Потапов); *дегтярно-черное торфяное болото* (Г. Пациенко. Зал ожидания); *дегтярно-черная прозрачная вода* (Ю. Нагибин. Зимний дуб); *как (словно, точно) кисель – раскиселиться, раскиселило, киселеобразный, киселевидный (дорога <...> превратившаяся от дождей в нечто киселеобразное* (Г. Березко. Дом учителя); *киселевидная грязь* (В. Слепцов. Письма об Осташкове); *киселеобразный воздух* (Н. Камбулов. Таврида в огне); *весенние дороги раскиселило* (В. Чивилихин. Елки-моталки).

Среди мотиваторов-наименований места также можно встретить слова, используемые в роли образов УС: *Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был уже в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина **кладбищенская**. Ох, и тяжело же было мне, браток!* (М.А. Шолохов. Судьба человека) / Ср.: **как на кладбище** 'Тихо (тишина), пустынно, безлюдно, безмолвно где-л. О населенном пункте или обычно многолюдном месте'; *Второй, куда менее приятной странностью Лизолькина была его мерзлявость. Ему все время было холодно <...> Посему во всех помещениях, которые полковник имел удовольствие посещать, топили отчаянно, **по-банному*** (М. Харитонов. Зимы не будет) / Ср.: **как (словно, точно) в бане**. 'Жарко, душно где-л'; ***Сараистой** этой комнаты не проветривали никогда. Все в ней, даже чернила, пропиталось вонью стоялого табака* (Л.М. Леонов. Дорога на океан) / **как (словно, точно) сарай**. 'Неуютный, пустой, холодный, грязный. О жилье, помещении'.

Нередко экспрессию компаративно-производного слова усиливает употребление устойчивой метафоры, восходящей к тому же образу: – *А-а! Дай бог, дай бог! Харьковский университет – говорил он мне, – кончил по естественному отделению, кажется. Ишь ты! А какие у него **волчьи** глаза! **Волк**, да и только!* При переходе от сравнения *волчьи глаза*, выражающего сходство с волком по одному лишь признаку, к субстантивной метафоре, непосредственно именующей человека *волком*, возникает своеобразная градация экспрессии, которая поддерживается эмоциональной частицей *да и только* и восклицательной интонацией.

Приблизительно то же наблюдаем во фрагментах: *Она [княгиня Р.] провела по сфинксу [вырезанному на камне кольца – Е.О.] **крестообразную** черту и велела ему сказать, что **крест** – вот разгадка* (И.С. Тургенев); *И вот на холме, отраженный в тихой заводи Кузьминки, **сказочно** вырос Баболовский дворец. Если бы не семеновцы с примкнутыми штыками, идиллия **сказки** была бы еще достоверней* (В.С. Пикуль). В этих случаях имеет место своего рода «мерцание смыслов»: существительные *крест* и *сказка*, с одной стороны, выступают в метафорических значениях, с другой стороны, они возвращают читателя к исходному, буквальному

прочтению образа. Такая «дефразеологизация» образного значения способствует оживлению, актуализации метафоры.

Роль актуализатора образной семантики слова может сыграть и другой представитель образного гнезда (серии) – устойчивое сравнение. При этом УС обычно следует после компаративно-производного слова и содержит своего рода «расшифровку» образа: *Петр. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и **по-топорному**, как топоры плавают* (А. Островский); – *Какой лист? – спрашивала она у Алеши и сама отвечала: – Кленовый это лист. Видишь, **лапчатый**, как у гуся лапка* (Б.Л. Горбатов)

УС и КПС с одним и тем же компонентом *В* могут быть и равноправными участниками описания, «распределяя роли» между разными объектами образной характеристики: *Бурно хлынула откуда-то, удесятерилась сила. Крепко, уверенно он вылез из сугроба, боднул упрямо головой, **по-медвежьи** рывкнул и, для устойчивости расставив ноги, прижав локти к бокам, нагнувшись, Петр, как медведь, попер вперед* (В.Я. Шишков)

Таким образом, коррелирующие единицы – представители одного образного гнезда – играют текстообразующую роль. Внутренним механизмом семантических преобразований, «двигающих текст» и актуализирующих ВФ производного слова, является то развертывание, то, напротив, «свертывание» компаративной структуры. При этом мы наблюдаем серийное (или «каскадное») употребление разноуровневых компаративных единиц для образной характеристики одного и того же объекта.

Рассмотренные нами приемы так или иначе направлены на оживление «базового», компаративного деривационного значения. Этому способствует прежде всего употребление в одном (или соседствующих) высказываниях компаративных единиц, разных по структуре, объекту образной характеристики, синтагматическому окружению. Эти единицы могут принадлежать к разным частям речи, относиться к разным «уровням» языковой иерархии, располагаться по отношению друг к другу контактно или дистантно – все эти различия не препятствуют тем глубоким отношениям семантического взаимодействия, которые мы наблюдаем в текстах между единицами с семантикой образного сравнения.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Рус. словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

Войнова, Л.А. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / под ред. А.И. Молоткова. – Изд.4-е. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.

Никитевич, В.М. Словообразование и деривационная грамматика: (Словообразовательные единицы и семантика производных слов разной структуры) / В.М. Никитевич. – Гродно : Изд-во Гродненск. гос. ун-та, 1982. – 94 с.

Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М. Огольцев. – М. : ООО «Рус. словари» : «ООО “Изд-во Астрель”» : ООО «Изд-во “АСТ”», 2001. – 800 с.

Огольцев, В.М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук / В.М. Огольцев. – Сыктывкар, 1974. – Т. 1. – 369 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Явление серийности в периферийных областях фразеологии (на материале крылатых выражений, восходящих к искусству) / С.Г.Шулежкова // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка : межвуз. сб. науч. работ / под ред. проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 1994. – С. 53-68.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ КОНТИНУУМА В ПОЭЗИИ
В.С. ВЫСОЦКОГО**

Текстовые свойства фразеологических единиц (далее ФЕ)* в бардовской поэзии остаются до сих пор интересной и в то же время малоисследованной областью. Наиболее полно, на наш взгляд, текстовый потенциал ФЕ раскрыт в песенно-поэтических текстах талантливого российского барда и актера В.С. Высоцкого [Прокофьева 2002]. В.А. Кухаренко называет три «содержательных универсалии текста – Человек, Время, Пространство» [Кухаренко 1988: 74]. Опираясь на стихопесни поэта, рассмотрим вопрос о выражении ФЕ одной из существенных категорий текста – континуума.

Континуум обычно представляют как «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий протекает неодинаково в разных типах текстов [Гальперин 1981: 87]. Среди ФЕ, которые передают пространственно-временные характеристики текста, можно выделить две группы. Первая – ФЕ, непосредственно содержащие семантику пространства и времени: *у черта на куличиках*, *куда Макар телят не гонял, за версту* – ‘далеко’, *рукой подать* – ‘близко’, *белый свет, на белом свете, на том свете, до поры до времени, пробил час, ныне, присно и во веки веков, испокон веку, во времени оном, день и ночь, денно и нощно, до нашей эры, каменный век, эпоха Возрождения, на днях*.

Вторая группа – фразеологизмы, которые при двойной актуализации вычленяют компонент, способный обозначать реальное пространство, но в то же время в своем узуальном значении эти ФЕ отражают состояние человека, попавшего в определенную житейскую ситуацию: *на дне, идти ко дну, до дна, попасть в колею – выйти из колеи, белая баня – черная баня, на краю пропасти – на краю могилы*. Для В. Высоцкого преобладание ФЕ данной группы является концептуальным, ибо отражает один из ведущих мотивов

* Автор придерживается широкого подхода во фразеологии.

его творчества, названного А.В. Скобелевым и С.М. Шауловым «мотивом преодоления», который является доминирующим побудительным мотивом авторского миропереживания в лирике В. Высоцкого, с ним «связаны важнейшие темы, идеи, образы, сюжетные и фабульные отношения, он проявляется на всех стилевых уровнях и даже является мотивом жизнеобразующим» [Скобелев 1990: 32].

Кроме того, расширению текстового пространства в стихотворениях В. Высоцкого способствуют ФЕ-составные топонимы: *Новый свет, Старый Свет, Тихий океан, Дальний Восток, Большой Каретный, Марьяна роца, Елисейские поля*. В основном поэт использует распространенные топонимы, о которых осведомлен широкий круг читателей и слушателей. Это либо устойчивые географические наименования мест, либо названия известных любому русскому человеку московских улиц, площадей, учреждений: *Большой театр, гостиница «Советская», Центральная спортивная арена*. Подобные названия, помимо определенной культурно-национальной коннотации, закреплённой за ними в сознании русского человека, являлись для В. Высоцкого моментами его биографии. Интересно, что поэт иногда пытается вскрыть внутреннюю форму и подобных образований: «Не потому его *Тихим* зовут, / Что он действительно *тихий*», «Знаешь что, милая, ты приезжай: / *Дальний Восток* – это близко!»*.

В единичных случаях встречаются у В. Высоцкого составные топонимы, которые известны небольшому кругу людей, в основном проживающих на данной территории: «В Ленинграде-городе / *У Пяти углов*** / Получил по морде / Саня Соколов», «Но я видел *Нагайскую бухту**** / да тракты, – / Улетел я туда не с бухты- / барахты». Адекватное прочтение информации в подобных случаях затрудняется.

Пространственные и временные ФЕ нередко встречаются у поэта в сильных текстовых позициях – заголовке, зачине, рефрене,

* Здесь и далее цитируется по изданию: Высоцкий, В.С. Сочинения в двух томах / В.С. Высоцкий ; под ред. А.Е. Крылова. – Екатеринбург : У-Фактория, 1997.

**Загородный проспект, в основном застроенный доходными домами конца XIX – начала XX в., являлся одной из характерных магистралей капиталистического Петербурга. В том месте, где от Загородного проспекта расходятся ул. Разъезжая, Рубинштейна (быв. Троицкая), Ломоносова (быв. Чернышев пер.), образовался перекресток, носящий традиционное название «Пять углов» (Ленинград, Путеводитель, с. 179).

*** В период массовых сталинских репрессий Нагайская бухта использовалась как пересыльный пункт для вновь прибывших морем заключенных для отправки их далее по этапу в лагерь Магадана и Колымы.

концовке – мотивируют текстовые фрагменты, становятся фразеологическими доминантами, т. е. выражают тему и идею текста.

В стихотворении «Я не успел» поэт сталкивает в зачине две единицы – *Новый свет* и *Старый свет*: «Свет Новый не единожды открыт... / А Старый весь разбили на квадраты». *Старый свет* – это прежде всего страны Европы, *Новый Свет* – Америка, которую, как мы знаем, неоднократно «открывали» путешественники и которая обычно противопоставляется Европе [Берков, т. 2, 2009: 99, 402]. У поэта же, напротив, подобное противопоставление отсутствует. Вскрывая внутреннюю форму данных ФЕ, В. Высоцкий с горечью сожалеет о том, что эпоха новых открытий («*Нового Света*»), романтики и авантюризма закончилась, современный ему мир прагматичен, банален и циничен, все продается и покупается: «За новые идеи платят деньги – / И больше нет на “эврику” надежд». В результате конкретное историческое время и пространство, перспективно представленные в зачине ФЕ *Новый Свет* и *Старый Свет*, в контексте выступают как символические. Пространственно-временные ФЕ стали отправной точкой для философских размышлений автора о времени, истории и своей судьбе.

Установление пространственно-временных отношений внутри текста обеспечиваются с помощью категорий проспекции и ретроспекции.

Временные ФЕ в составе заголовка могут содержать темпоральную проспекцию, обозначая определенные временные отрезки или называя исторические факты, о которых пойдет речь: «*Ленинградская блокада*», «*Про любовь в каменном веке*», «*Семейные дела в Древнем Риме*», «*Про любовь в эпоху Возрождения*». Однако если в «*Ленинградской блокаде*» В. Высоцкий действительно рисует нам трагические события Великой Отечественной, то в трех последующих стихотворениях ФЕ *каменный век*, *средние века*, *эпоха Возрождения* служат лишь комическим фоном, на котором поэт ведет полушутливый-полусерьезный разговор о нравах своего времени. Заголовки такого рода «создают в предтексте ложную пресуппозицию» [Кухаренко 1988: 95].

Фразеозаголовки, включающие темпоральные ФЕ, обладают перспективно-ретроспективным характером в силу их определенной символизации, заставляя читателя воскресить в памяти исторические реалии прошлого и сопоставить их с авторскими представ-

лениями. Например, темпоральная предикативная ФЕ-крылатое выражение *Все ушли на фронт* у большинства читателей ассоциируется либо с событиями гражданской войны, либо с первыми днями Великой Отечественной*. Родившись в годы гражданской войны и актуализировавшись во время Великой Отечественной, она получила позднее новое значение с ироническим оттенком 'нефункционирование учреждения из-за отсутствия кого-либо, чаще группы людей по неизвестным причинам'. Очевидно, это могло быть связано с распространившейся в 1970-е гг. тенденцией называть различные трудовые начинания битвой или фронтом; достаточно вспомнить набившие оскомину публицистические штампы *битва за урожай*, *дела на трудовом фронте* и т. д. [Телия 1996: 246].

Кроме проспекции, связанной с двумя войнами, с ФЕ *Все ушли на фронт*, ассоциативно возможно ожидание и комического развертывания событий, подсказанное современной ситуацией в стране. Однако уже с первых строк начинает проявляться содержательно-концептуальная информация стихотворения: «Все срока уже закончены, / А у лагерных ворот, / Что крест-накрест заколочены, – / Надпись: «*Все ушли на фронт*». Читатель начинает понимать: «все» – это заключенные и их начальники, общая беда сравняла «всех» в едином строю: «Если Родина в опасности – значит, всем идти на фронт!».

В данном стихотворении 4 ФЕ: *Все ушли на фронт*, *бог хранит*, *на равных*, *высшая мера*. Предикативное выражение *Родина в опасности*, само по себе устойчивым не является, однако ассоциативно вызывает в памяти известные революционные и военные лозунги *Революция в опасности*, *Родина-мать зовет!* и *Социалистическое Отечество в опасности!*

ФЕ *Все ушли на фронт* употреблена В. Высоцким в двух временных планах: с одной стороны, она обозначает реальный временной континуум: речь действительно идет о событиях военного времени. В концовочном блоке изображено уже смещенное сюжетное время, а фраза *Все ушли на фронт* оказывается частью памятной доски на воротах того же лагеря заключенных: «И другие заключен-

* Источником выражения является фотография деревянного дома с надписью на заколоченной двери «Райком закрыт. Все ушли на фронт», которая неоднократно воспроизводилась как документ осени 1919 г. На самом деле, это постановочный кадр из документального фильма «Повесть о довоенном счастье» (1938), посвященного 20-летию комсомола (авторы Я. Понсельский и др.) [Душенко 1997: 451].

ные / Прочитают у ворот / Нашу память застекленную – / Надпись:
«Все ушли на фронт!»

Интересный пример двойного фразеологического кольца мы наблюдаем в стихотворении «У Доски, где почетные граждане» (1968). Элементом основного зачина и концовки в данном стихотворении является трансформированная ФЕ-составное наименование *Доска почета*. Она является своеобразным рамочным знаком, создающим пространственный континуум стихотворения: «У Доски, где почетные граждане, / Я стоял больше часа однажды и / Вещи слышал там – очень важные...». Автор рассказывает нам о случае, который он случайно услышал, стоя у Доски почета. Далее сюжетное время смещается, происходит и смена героя повествования. Его вставной рассказ также оформляется с помощью фразеологического кольца, выраженного с помощью ФЕ *на лоне природы* и *как на ладони*: «На природе, как в песне – на лоне, / И они у нас как на ладони...»

В концовке вновь появляется эллипсированная ФЕ *Доска почета*: «Вот всю жизнь и кручусь я как верченый. / На Доске меня этой зачерчивай! / ...Эх, зачем он был недоверчивый!»

Автора в концовке уже нет, ФЕ *Доска почета* функционирует в речи персонажа, чья фотография, очевидно, находится на этой Доске. ФЕ *Доска почета* в контексте концовки является элементом ретроспективного плана, возвращая нас к начальному повествованию; одновременно с помощью этой ФЕ передается концептуальная информация текста: герой чувствует себя недостойным находится на *Доске почета* («на Доске меня этой зачерчивай!»). Положительная социальная оценка не совпадает с внутренней самооценкой, что в результате приводит к душевной дисгармонии персонажа. Все три ФЕ объединены общей тематической семьей 'пространство' и создают пространственный континуум стихотворения. Кроме того, ФЕ *на лоне природы* имеет стилистическую помету (высок) [Ожегов 1996: 325], она диссонирует с общим контекстом: в стихотворении описывается трагическая история двух поспоривших между собой снайперов, один из которых по роковой случайности погибает. Употребление в речи второго главного героя-рассказчика ФЕ *на лоне природы* и *как на ладони* обостряет абсурдность, нелепость произошедшей трагедии: ведь все вначале было так мирно и ясно, ничто не предвещало беды. В результате у пространственной ФЕ *на лоне природы* появляется дополнительное временное значение: она стано-

вится средством создания затекстной ретроспекции, отсылающим читателя в тихое мирное время.

Таким образом, мастерское использование пространственно-временных ФЕ помогает поэту выразить не только континуум стихотворения, но и передать разные виды информации в тексте.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Высоцкий, В.С. Сочинения в двух томах / В.С. Высоцкий ; под ред. А.Е. Крылова. – Екатеринбург : У-Фактория, 1997.

Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.

Душенко, К.В. Словарь современных цитат / К.В. Душенко. – М. : Аграф, 1997. – 630 с.

Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН ; Российский фонд культуры. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.

Прокофьева, А.В. Текстобразующие функции фразеологических единиц в поэзии В.С. Высоцкого : дис. ... канд. филол. наук / А.В. Прокофьева. – Магнитогорск, 2002. – 294 с.

Скобелев, А.В. Концепция человека и мира (этика и эстетика Владимира Высоцкого) / А.В. Скобелев, С.М. Шаулов // В.С. Высоцкий: Исследования и материалы. – Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1990. – С. 24-52.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

АФОРИЗМ, КРЫЛАТАЯ ФРАЗА, ПАРЕМИЯ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Исследуя типы языковых знаков, ученые дискутируют по поводу квалификации единиц, которые сочетают признаки разных классов. Внимательного рассмотрения требует и такой термин, как «афоризм», до сих пор не имеющий общепризнанной дефиниции (см. об этом в [Королькова 2005; Иванов 2008]). Очевидно, расплывчатость содержания этого термина кроется в самой его этимологии. Заимствованное из греческого, в языке-источнике это слово значит ‘ограничение, определение’ [Ахманова 1966: 225]. Ближе всех к такому пониманию оказываются исследователи, которые определяют афоризм как «изречение, выражающее в сжатой форме значительную мысль» [Там же]. Как можно заметить, подобная дефиниция опирается на минимальное количество признаков: 1) важность информации для носителей языка, 2) лаконичность формы; 3) логическая завершенность высказывания. На такой позиции стоят, например, В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров [Фелицына 1979], Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин 1990]: «Афоризм – это изречение (обычно в форме фразы), выражающее какую-либо обобщенную мысль; для афоризма одинаково обязательны как законченность мысли, так и яркость, отточенность формы мысли» [Фелицына 1979: 5]. Подобные дефиниции предлагают Е.Е. Иванов [2008: 6], Е.Д. Горячева [2011], Е.Е. Ермакович [2014] и др.

Минимизация набора признаков афоризма заставляет ученых вводить составные термины для обозначения его видов: «языковой (массовый) афоризм» и «речевой (индивидуальный) афоризм» [Фелицына 1979: 5], противопоставление которых осуществляется ими по признаку наличия/отсутствия общеизвестности, воспроизводимости. В связи с этим Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют четыре вида языковых афоризмов в соответствии с источником их возникновения: 1) единицы фольклорного происхождения – «пословицы и поговорки»: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; Погиб, как швед под Полтавой*; 2) высказывания из литературных источников или из речи известных исторических лиц – «крылатые слова»: *Любви*

все возрасты покорны (А.С. Пушкин); 3) формулировки «философских, социальных, политических воззрений», не связанные в обиходном сознании носителей языка с идеей авторства (это формулы, вводимые в обиход, видимо, принципиально без указания автора, но отражающие точку зрения отдельных политических, идеологических и т.п. группировок – Л.С.) – призывы, лозунги, девизы и т. п.: *Человек человеку друг, товарищ и брат*; 4) более или менее клишированные определения – «общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки»: *Труд создал человека; Язык – первоэлемент литературы* (см.: [Верещагин 1990: 71-72]). Семантическую общность афоризмов с единицами фольклорного происхождения – «пословицами и поговорками, а также народными приметами, поверьями, присловьями, так называемыми “деловыми” изречениями» – отмечает Е.Е. Иванов, подчеркивая, что во всех них «генерализуется информация о действительности» [Иванов 2008: 7].

Такое мнение о сущности афоризмов выдвигает на первый план мысль об отражении в них общих правил, общих истин (см.: [Ахманова 1966: 110]). Данная позиция имеет гносеологическую направленность, определяя афоризм «как лаконичную форму мысли и универсальную форму знания, присутствующую на любом уровне познания от обыденного до научно-теоретического, отражающую в метафорической форме объективную реальность, имеющую рациональное и эмоциональное содержание, и имплицитно включающую более объемное содержание, нежели то, что выражено в ней эксплицитно» [Дядык 2011: 10].

Другая позиция сужает границы афоризмов до авторизованных изречений. При этом подчеркивается, что обязательным свойством афоризмов является оригинальность мысли, ср.: «Афоризм <...> обобщенная, законченная и глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся меткой выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли» [Фюрстенберг 1970: 434].

Важной представляется точка зрения, согласно которой «афоризму свойственна привязанность к эпохе» [Калашникова 2004: 11]. Афоризм – порождение аксиологических воззрений автора, сознание которого формирует философия и – шире – культура его време-

ни. В то же время афоризм представляет собой результат индивидуальной рефлексии, поэтому и суждение, которое в нем заложено, может идти вразрез с мнениями других людей или находить в одной и той же сущности признаки, заслуживающие диаметрально противоположной оценки (ср. афоризмы В.Г. Белинского «Нет ничего святее и бескорыстнее любви матери: всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна в сравнении с нею» и Д.И. Писарева – «Любящая мать, старающаяся устроить счастье своих детей, часто связывает их по рукам и ногам узостью своих взглядов, близорукостью расчетов и непрошенной нежностью своих забот» [Борохов 2001: 262, 263]), и конкретизация обобщенной мысли может воплощаться в различности степени образности (ср. афоризмы Ф.М. Достоевского «Величайшее умение писателя – это уметь вычеркивать» и А.П. Чехова – «Искусство писать – это искусство сокращать» [Борохов 2001: 377, 378]).

Думается, афоризмы (в соответствии с обозначенным выше узким пониманием термина) следует рассматривать как строительный материал для пополнения языковой системы. Облигаторность связи афоризма в сознании носителей языка с конкретным автором не позволяет им пользоваться высказыванием вне ощущения «цитируемости», тем более что афоризмы могут оставаться достоянием только узкого круга лиц или даже почти исключительно – самого автора. В тех случаях, когда высказываемая в афоризме мысль находит одобрение значительного количества носителей языка, он входит в круг широкоупотребительных сцеплений слов – крылатых фраз, или – в терминологию С.Г. Шулежковой [Шулежкова 2002: 33] «крылатых выражений с неидиоматическим значением», которые сохраняют печать авторства. С.Г. Шулежкова считает возможным относить данный слой высказываний к числу языковых единиц, отличающихся от «безымянных» тем, что они с семантической стороны «“отягощены”, “чреваты” генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Там же: 31]. Думается, этот этап существования афоризмов можно охарактеризовать как неологический, т. е. этап вхождения в круг языковых единиц. Если, продолжая использоваться в речи разных людей, афоризм перестает связываться в их сознании с именем конкретного творца и – подчеркнем – конкретной эпохи, он «при-

сваивается» коллективным сознанием и может получить статус полноправного элемента периферии системы языковых единиц – паремии. Как кажется, именно такой путь становления прошли все паремии, ибо их анонимность не означает изначального отсутствия автора. Недаром часто цитируется высказывание, автором которого называют Бертрана Рассела: «Пословицы представляют мудрость многих и остроумие одного». Другим доводом в пользу авторского происхождения паремий, видимо, можно считать включение в многочисленные сборники пословиц и поговорок изречений, которые вышли из Священного Писания, например: *Не хлебом единым жив человек; Много званых, да мало избранных; В чужом глазу соринку видят, в своем – бревна не замечают; Не рой яму другому: сам в нее попадешь* и т. д. (см.: [Адрианова-Перетц 1934]; [Гвоздарев 1994]; [Никоновыте 1997] и др.). Кстати, говорящие нередко уже не ощущают связи этих единиц с первоисточником, ср. примеры из Национального корпуса русского языка: «Неужели истинно художественное произведение может быть основано на таком *житейском правиле*: “Не обманывай, чтобы не быть обманутым”, или “Не рой другому яму, – сам в не` попадешь” (Добролюбов Н.А. Темное царство, 1859); «Вот тебе *пословица русская* на память: “не рой другому яму – сам в нее попадешь”» (Галицкий П. Цена Шагала, 2000) [Национальный корпус русского языка [http](http://)].

Таким образом, афоризм является речевым, дискурсивным знаком, который приобретает статус языковой единицы, только переставая быть таковым, пройдя фазу крылатости и перейдя в разряд паремий.

Литература

- Адрианова-Перетц, В.П.* К истории русской пословицы / В.П. Адрианова-Перетц // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. – Л. : АН СССР, 1934. – С. 59-65.
- Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
- Борохов, Э.* Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове / Э. Борохов. – М. : ООО «Изд-во “АСТ”», 2001. – 720 с.
- Верещагин, Е.М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

Гвоздарев, Ю.А. Строки библейской мудрости / Ю.А. Гвоздарев // Русская речь. – 1994. – № 3. – С. 113-118.

Горячева, Е.Д. Определение крылатых выражений и их отграничение от смежных явлений / Е.Д. Горячева // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 4. – С. 163-169.

Дядык, Н.Г. Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.Г. Дядык. – Челябинск, 2011. – 21 с.

Ермакович, Е.Е. Афоризм / Е.Е. Ермакович // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : сб. – Красноярск : СибФУ, 2014. – С. 67-69.

Иванов, Е.Е. Очерки по лингвистике афоризма / Е.Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. – 154 с.

Калашиникова, Н.М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой / Н.М. Калашиникова : дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2004. – 203 с.

Королькова, А.В. Русская афористика : монография / А.В. Королькова. – М. : Смоленский гуманитарный ун-т, 2005. – 344 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ruscorpora.ru (дата обращения: 15.09.2015).

Никоновайте, Ф.И. О грамматическом содержании предиката евангельской паремии / Ф.И. Никоновайте // Филологические науки. – 1997. – № 3. – С. 57-66.

Фелицына, В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – М. : Рус. яз., 1979. – 240 с.

Фюрстенберг, А.И. Афоризм / А.И. Фюрстенберг // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1970. – Т. 2. – С. 434.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА МИЛИТАРИОНИМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КОТЁЛ»

Онимы, называющие военные события (войны, сражения, битвы и т. п.) в ономастике принято относить к хрононимам, т. е. к «собственным именам определенного отрезка времени, важного для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определенными тенденциями. Пр.: Русско-японская война, Ялтинская конференция, Петровская эпоха, Средние века, День Победы, Новый год, Рождество» [Подольская 1978: 162].

На наш взгляд, такие события, как Новый год и Русско-японская война не могут относиться к одной категории онимов, так как они называют разноплановые исторические события.

В статье «Русские милитарионимы как особый класс в системе фразеологической ономастики» отмечалось, что хрононимы, называющие военные события, заслуживают особого внимания, должны быть выделены в отдельный класс и могут быть названы термином «милитарионимы» (от лат. *militaris* – «военный») [Соколова 2015: 96].

Военные события невозможны без военных действий и, наоборот, военные действия есть события в военной истории. Например, событие *Великая Отечественная война* состоит из множества военных действий, которые являются значимыми в истории: *Курская битва*, *Сталинградская битва*, *операция «Багратион»* и др., поэтому они тоже должны быть отнесены к классу милитарионимов.

В классе милитарионимов наблюдается процесс фразеологизации. В процессе фразеологизации свободного словосочетания происходит трансформация лексических значений компонентов и это приводит к тому, что они «исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения» [Лебединская 1987: 12].

В результате процесса фразеологизации милитарионимы-свободные словосочетания становятся новыми единицами языка – фразеологическими милитарионимами. Например:

Ледовое побоище 1242 – битва русского войска с ливонскими (нем.) рыцарями 5 апреля на льду Чудского озера, завершившаяся полным разгромом захватчиков [Военный энциклопедический словарь 2007: 502].

Огненная земля – бой, продолжавшийся 40 дней [с 31 октября по 11 декабря 1943 года – А.С., Н.Ф.] у поселка Эльтиген в районе Керчи [Орден РФ [http](http://)].

Фразеологический милитарионим – это фразеологизм-имя, который номинирует военные события и действия.

Для обозначения фразеологизма-имени нами был введен термин «фразеоним», который совмещает в себе понятие фразеологизма и онима [Соколова 2015: 100]. Под фразеонимом (фразеологическим онимом) мы понимаем воспроизводимый неоднословный, раздельно оформленный оним, компоненты которого имеют синтаксические связи и формируют целостное значение.

В современном русском языке не выявлен индекс фразеологических милитарионимов, так как нет системы критериев отбора таких единиц. В то же время возникает много новых милитарионимов разных видов, в том числе и фразеологических.

Предметом нашего исследования являются фразеологические милитарионимы (или военные фразеонимы) с компонентом «котёл».

Исследование показало, что существительное «котёл» является активным фразеобразующим компонентом. В современном русском языке известны фразеологизмы с компонентом-существительным «котёл», не являющиеся онимами: *общий котёл*, *солдатский котёл*, *вариться в котле*, *котёл войны*. Например: *Три кабана честь по чести он пустил в солдатский котёл, а двумя остальными распорядился зам по снабжению, распределяя парную свинину между женатыми офицерами* (В. Корнилов. Демобилизация); *Я попросил Ивана Ивановича и Федю принять меня в компанию и сдал свои продукты в общий котёл* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *Творческое озарение, катарсис, экстаз – еще не мудрость, поскольку человек, обуреваемый страстями, сконцентрирован на себе самом, а не на анализе событий в окружающем мире. Он варится в котле своих эмоций. Согласитесь, жить зашоренной лошастью не лучшая*

участь... (А. Гаганова. Цена успеха); *Когда день полон грохота и человек по уши погружен в котёл войны, он не в силах понять, увидеть свою жизнь, надо отойти хоть на шаг в сторону* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

В «Словаре русского языка» Академии наук СССР слово «котёл» представлено в трех значениях. В третьем – с пометой «военное»: полное окружение (больших групп войск) [Словарь русского языка, т. 2, 1983: 115].

Это значение сформировалось на основе кальки с немецкого языка. А. и Т. Фесенко отмечают, что «знаменитая немецкая тактика окружений» дала русскую кальку от немецкого Einkesselyng (окружение), Kessel (котёл):

«Котёл» в районе города Скала (Известия, 3 апр. 1944).

«Котёл» под Бродами (Известия, 22 июля 1944) [Фесенко 1955: 118].

В «Универсальном немецко-русском словаре» приводится слово Kesselschlacht (буквально «котельная битва») – это сражение, заканчивающееся «котлом», сражение, заканчивающееся окружением, бой на окружение, сражение с врагом, оказавшимся в «котле» (в кольце окружения), бой в окружении [Универсальный немецко-русский словарь [http](http://)]: *Успех операции сулил немцам жестокий «котёл», смертное окружение* (В. Гроссман. Бобруйский котёл).

В период Второй мировой войны операции на окружение были основой военного стратегического искусства Вермахта.

Калька с немецкого послужила основой для возникновения слова, относящегося к военному жаргону: *котёл* (военный жаргон) – территория с имеющимися на ней войсковыми соединениями, линия фронта вокруг которой замкнута противником, что означает полное окружение этих войск, попадание их в кольцо неприятельских войск («попасть в котёл» – попасть в (полное) окружение) [Академик [http](http://)].

Нами замечено, что в публицистике *котёл* утратил свою жаргонную окраску: *Шепотом поговаривали о громадном белорусском «котле»*. *Гадали о направлении ударов* (В. Гроссман. Бобруйский котёл).

У военного историка А.В. Исаева находим: «По всем расчетам, к началу августа 1941 г. Советский Союз должен был бы повторить судьбу Польши и Франции. Подобно другим жертвам немецкого “блицкрига”, СССР потерял в образованных танковыми кли-

нями “котлах” армию, и, казалось, ничто не могло уже остановить Вермахт на пути к Москве, Ленинграду и Киеву» [Исаев 2005: 4].

Так, благодаря публицистике, операции на окружение стали номинироваться в языке фразеологическими милитарионимами.

В собранной нами картотеке насчитывается 55 таких единиц. Источниками употреблений послужили Национальный корпус русского языка, периодические издания, интернет-версии печатных СМИ и другие интернет-ресурсы.

В ходе исследования было выявлено, что военные фразеонимы с компонентом «котёл» равны по структуре словосочетаниям с подчинительной связью согласования: компонент-прилагательное + «котёл». Например: *Киевский котёл*, *Белостокский котёл*, *Вяземский котёл* и др.

В формировании таких единиц принимают участие относительные прилагательные, обозначающие отношение к месту действия. Имя прилагательное в составе исследуемых единиц преобразует свое индивидуальное лексическое значение и привносит во фразеоним ту сему, которая делает это значение собственно характеризующим.

В образовании фразеологических милитарионимов прослеживаются два исторических периода: Вторая мировая война и вооруженный конфликт на востоке Украины, начавшийся в апреле 2014 г.

39 единиц (71%) номинируют события Второй мировой войны: *Минский котёл*, *Дюнкеркский котёл*, *Хайлигенбайльский котёл*, *Сталинградский котёл*, *Барвенковский котёл*, *Гайтоловский котёл*, *Демянский котёл* и др. Приведем ряд употреблений: *Ямал в этом году несет вахту большой компанией – Салехард, Губкинский, Пуровский район. Вокруг – болота. Рядом деревня Гайтолово, исчезнувшая в войну. В этих лесах немцы замкнули наши вторую и восьмую ударные армии в смертельный «Гайтоловский котёл» – большинство бойцов выйти из него уже не смогли. Все ближайшие вышки были прочно заняты противником* (Вести. Ямал, 13.05.2014. <http://vesti-yamal.ru>); *Лето 1941-го. После разгрома основных сил советского Западного фронта в Белостокском и Минском котлах немецкие войска рвутся к Москве. На пути врага встает Смоленск* (Вести, 11.07.2015. <http://www.vesti.ru>); *Это была катастрофа, после которой Гитлер и Вермахт так и не смогли очухаться – «сталинградский котёл» снился им до конца войны* (Комсомольская

правда, 22.01.2003); *Впервые Красная армия смогла остановить стремительное продвижение фашистов в глубь страны, к Москве, а уже весной 1942 года два корпуса доселе непобедимого Вермахта оказались в окружении, вошедшем в историю как «Демянский котёл»* (Известия, 14.05.2015).

В настоящее время по аналогии с периодом Второй мировой войны операции на окружение стали называть «котлами». Вооруженный конфликт на востоке Украины привел к тому, что процесс образования фразеологических милитарионимов с компонентом «котёл» в современном русском языке актуализировался и стал продуктивным. В нашей картотеке насчитывается 16 таких единиц (29%), например: *Дебальцевский котёл, Иловайский котёл, Горловский котёл, Марьинский котёл, Бахмутовский котёл* и др. Приведем употребления: *В Бахмутовском котле ополченцы разрушили переправу карателей через Северский Донец. Под Ясиноватой каратели понесли потери в три танка, три БТРа и 13 человек личного состава* (Крымские новости, 07.11.2014. <http://komtv.org>); *Поскольку тогда у ДНР была возможность после «иловайского котла» отбросить украинскую артиллерию очень далеко, внезапная остановка наступления является причиной, по которой в Донецке до сих пор гибнут люди* (Известия, 17.06.2015); *И даже мукачевскую 128-ю горно-пехотную бригаду после потерь, понесенных при выходе из Дебальцевского котла, теперь приходится пополнять за счет призывников из Львовской, Тернопольской и Черниговской областей* (Взгляд. Деловая газета, 29.06.2015. <http://www.vz.ru>).

В результате анализа употреблений выявлено, что нет единообразия в написании фразеологических милитарионимов («Гайтоловский котёл», «сталинградский котёл», Бахмутовский котёл, бобруйский «котёл», Киевский «котёл»). Как показывают примеры, проблемным является написание прописной буквы и употребление кавычек.

Поскольку значение 'окружение' для слова «котёл» являлось «особым, необычным» [Розенталь 1994: 327], заключение его в кавычки было вполне оправданным. Но на сегодняшний день это слово полностью адаптировалось в языке в указанном значении. Более того, оно (значение) зафиксировано в толковых словарях русского языка. В этом случае справочно-информационный портал «Грамота.ру» рекомендует кавычки не ставить.

Следует исключить условность исследуемых наименований и отнести их к реальным собственным именам. К реальным собственным именам относятся составные названия, не являющиеся условными. В таких названиях все входящие в их состав слова употребляются в своем прямом значении. При этом все или почти все слова, составляющие наименование, являются именами нарицательными, а все название в целом – именем собственным [Суперанская 1965: 31].

Реальные собственные имена и условные наименования различаются прежде всего синтаксической сочетаемостью. Ср.: Большой театр, Театр сатиры, Театр на Юго-Западе – это реальные собственные имена, в них присутствует синтаксическая сочетаемость. Но: театр «Современник», театр «Школа современной пьесы» – условные наименования, не сочетающиеся синтаксически с родовым словом [Грамота.ру [http](http://)].

Трудно представить такое условное наименование с родовым словом, как окружение «Дебальцевский котёл». Следовательно, фразеологические милитарионимы с компонентом «котёл» относятся к реальным собственным именам. По данным «Грамота.ру», кавычками такие названия не выделяются; в них пишется с прописной буквы первое слово <...> Кроме того, правила русской орфографии регламентируют написание имен собственных: «В названиях исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников с прописной буквы пишется первое слово, напр. <...> *Бородинское сражение, Куликовская битва*» [Правила 2009: 176].

Резюмируя все вышесказанное, приходим к выводу, что исследуемые фразеологические милитарионимы, подчиняясь правилам русской орфографии, должны писаться, во-первых, с прописной буквы и, во-вторых, не выделяться кавычками, а именно: *Гайтоловский котёл, Сталинградский котёл, Бахмутковский котёл, Бобруйский котёл, Киевский котёл* и пр.

В специальных военных словарях и энциклопедиях неоднословные милитарионимы чаще всего приводятся в виде свободных словосочетаний, построенных по следующим схемам: определение места + название события (действия) + дата; либо название события (действия) + топоним + дата. Например: *Кожуховский поход 1694, Салгирское сражение 1737, Керченско-Эльтигенская (десантная) операция 1943, Прибалтийская операция 1944, Битва за Днепр 1942, Битва под Сталинградом 1942–43* и др. [Энциклопедия ВОВ;

Военный энциклопедический словарь 1983; Военный энциклопедический словарь 2007].

В подобных словарях либо не даются фразеологические синонимы названий военных событий, либо фразеоним существует без аналога свободного словосочетания. Так, например, в «Военном энциклопедическом словаре» зафиксирован свободный милитарионим *Керченско-Эльтигенская десантная операция 1943*, но нет фразеологического синонима *Огненная земля*, и, наоборот, фразеологический милитарионим *Ледовое побоище* не имеет свободного аналога, который мог бы быть сформулирован как *Битва на льду Чудского озера 1242*.

Подобная ситуация прослеживается и с фразеологическими милитарионимами с компонентом «котёл». Так, в исследуемых словарях и энциклопедиях приводятся следующие словарные статьи: *Киевская наступательная операция 1943*, *Киевская оборонительная операция 1943*, *Киевская операция 1920*, *Киевская (оборонительная) операция 1941*. Но только один из милитарионимов имеет фразеологический синоним: *Киевская оборонительная операция 1941* – *Киевский котёл*. Данный синоним не отражен в словарных статьях энциклопедий, хотя его наличие подчеркнуло бы важность окружения в этом событии.

На наш взгляд, целесообразно в названиях словарных статей специальных военных изданий дублировать милитарионим фразеологическим синонимом, если он существует.

В лингвистическом же аспекте фразеологические милитарионимы должны найти отражение в частном фразео-ономастическом словаре. Например, в «Словаре фразеологических милитарионимов», где словарная статья может содержать следующие элементы: стилистические и грамматические пометы, семантическую характеристику, толкование значения фразеонима, иллюстративный материал.

В современных словарях не выявлены единицы исследуемой подсистемы, многие названия современных военных операций существуют только в виде фразеологизмов и не имеют аналогов свободных словосочетаний, поэтому создание автономного частного словаря является актуальным. В связи с этим должен быть составлен индекс, произведен многоаспектный анализ и разработаны словарные статьи фразеологических милитарионимов.

Литература

Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 10.09.2015).

Великая Отечественная война 1941–1945 : энцикл. / гл. ред. М.М. Козлов ; редколл. : Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 832 с.

Военный энциклопедический словарь / предисл., гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М. : Воениздат, 1983. – 863 с.

Военный энциклопедический словарь. – М. : Эксмо, 2007. – 1024 с.

Грамота.ру : справочно-информационный портал [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://gramota.ru> (дата обращения: 20.09.2015).

Исаев, А.В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали / А.В. Исаев. – М. : Яуза, Эксмо, 2005. – 400 с.

Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка / В.А. Лебединская. – Челябинск : ЧГПИ, 1987. – 80 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

Орден РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ordenrf.ru> (дата обращения: 18.09.2015).

Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М. : АСТ, 2009. – 432 с.

Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации / Д.Э. Розенталь. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. – 368 с.

Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1983. – Т. 2. К-О. – 736 с.

Соколова, А.А. Русские милитариинымы как особый класс в системе фразеологической ономастики / А.А. Соколова, Н.А. Фатеева // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира : сб. материалов всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган : Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2015. – С. 96-102.

Суперанская, А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных типов / А.В. Суперанская // Орфография собственных имен. – М. : Наука, 1965. – С. 25-43.

Универсальный немецко-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.universal_de_ru.academic.ru (дата обращения: 18.09.2015).

Фесенко А. Русский язык при Советах / А. Фесенко, Т. Фесенко. – New York, 1955. – 223 с.

С.И. Суровцева

*Челябинский государственный
педагогический университет (Россия)*

ФРАЗЕОПРЕДЛОГИ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фразеология представляет собой многоаспектную науку, основные положения которой были разработаны академиком В.В. Виноградовым и продолжены такими учеными, как В.Л. Архангельский, Б.А. Ларин, В.П. Жуков, А.В. Жуков, В.Н. Телия, Ю.А. Гвоздарев, А.И. Молотков, А.М. Бабкин, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко, Р.Н. Попов, С.Г. Шулежкова и др. Ученые-лингвисты исследуют фразеологические единицы (ФЕ) с различных точек зрения; так, к примеру, семантическую сторону ФЕ раскрывают работы В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко, В.П. Жукова, Ю.А. Гвоздарева, А.М. Чепасовой, С.Г. Шулежковой и др.; грамматические характеристики ФЕ находим в работах А.М. Чепасовой, В.А. Лебединской, А.В. Жукова, Н.Б. Усачевой, С.Г. Шулежковой и др.; фразеографическое направление имеют работы В.П. Жукова, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, А.И. Федорова, С.Г. Шулежковой и др. Фразеологический фонд на современном этапе развития науки о языке выделяет такую ветвь, как крылатология [термин С.Г. Шулежковой], объектом изучения которой являются крылатые единицы. Ученые-лингвисты не так много внимания уделяют исследованию крылатых единиц, хотя «крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц» [Шулежкова 2002: 28].

Характерной особенностью современного состояния лингвистической науки является ее справедливое стремление зафиксировать и описать фразеологические единицы в соответствии с их статусом. Для решения этой задачи создаются различного рода словари, которые становятся непосредственным источником материала для дальнейших научных исследований. В настоящий момент уже целесообразно говорить еще об одном направлении фразеологии – фразеографии, объектом описания которой являются фразеологические единицы во всем своем многообразии.

На фоне имеющихся многочисленных словарей все же еще ощущается нехватка лексикографического описания таких лексических единиц, как предлоги и фразеопредлоги. В толковых словарях не дается их полного описания, но, без сомнения, большое значение для языковедческой науки имеют такие словари, как «Синтаксический словарь» Г.А. Золотовой, «Словарь непроемных предлогов современного русского языка» М.Г. Лепнева и др.

В круг наших интересов входит изучение в сопоставительном аспекте (на примере русского и французского языков) фразеопредлогов темпоральной семантики. Каждому классу соответствует свое общее категориальное значение, «соотносящееся с лексико-грамматическим значением части речи – предметное у существительных, предметное – у фразеологизмов, признающее у прилагательных, признающее – у фразеологизмов, процессуальное у глаголов, процессуальное – у фразеологизмов и т.д.» [Чепасова 2006: 3]. Фразеологические временные предлоги вводят существительное или наречие, обозначающее промежуток времени, с которым соотносится время действия. Это соотношение может быть разделено на следующие группы: время действия может совпадать, предшествовать или следовать за указываемым промежутком времени, или находиться между двумя промежутками времени. Время действие может быть представлено как какой-либо протяженный период или момент, лишенный протяженности.

Класс предлогов развивается и активно пополняется фразеологическими единицами, которые соотносительны по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами. Активный рост фразеологических предлогов обусловлен как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими причинами. К экстралингвистическим мы относим общественную

потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений между словами; к лингвистическим – «перегруженность» значениями лексических непроеводных предлогов и их неспособность дифференцировать весьма усложнившиеся в языке синтаксические отношения между именем и другими словами в предложении.

Способность к дифференцированному, точному выражению частных падежных значений присуща фразеологическим предлогам, потому что они, без сомнения, обладают более широкими возможностями выражения различных оттенков, благодаря своей структурной организации. Мотивированность фразеологического значения этих единиц позволяет им более конкретно выражать синтаксические отношения между словами, нежели это происходит у лексических непроеводных предлогов, ведь фразеологические предлоги обладают меньшей степенью абстрактности, кроме того, их значение уже в меньшей степени зависит от семантико-синтаксического окружения. Так, например, фразеопредлог *во время* (кого, чего) и без контекста указывает на 'тот период, промежуток в который что-либо происходит', указывает на 'одновременность'. Фразеопредлог *в начале* (чего) указывает 'на начальный момент, исходную точку какого-либо действия, события'. За счет знаменательного компонента фразеологические единицы приобретают удвоенную силу своего релятивного значения, которое более конкретно по сравнению с лексическими предлогами. Например, *в заключение* (чего) – по завершении, по окончании чего-либо; *в глубь* (чего) – указание на отдаленное время, прошлое; *вместе с/со* (кем, чем) – указание на событие, одновременно с которым, в то же самое время происходит еще что-либо; *в конце* (чего) – указание на временной промежуток, в самом конце которого что-либо происходит и т.п.

Семантические ряды релятивных единиц со значением темпоральности отражают суть реализации значения темпоральности и построены, в основном, по принципу: одновременность, предшествование, следование, ограничение, начало, течение. При анализе нашего материала именно эти характеристики и оказались актуальными, что нам и позволило применять их ко всем выявленным семантическим рядам с общим компонентом. Перечисленные принципы выявляются в связи с тем, что время – это величина векторная

и одномерная. Все семантические ряды будем сопоставлять, учитывая эти шесть позиций. Рассмотрим выявленные ряды.

Так, *в день* (чего) / *в дни* (чего) / *со дня* (чего) / *в дни* (чего) ... *с* (чего) / *в дни перед* (чем) / *в дни после* (чего) / *до дня* (чего); *au jour de* / *jusqu'au jour de* / *avant le jour de* / *dès le jour de* функционируют как указания на одновременность действия или явления, начала действия или явления, течения действия или явления и ограничения действия или явления, следования и предшествования.

Таблица

Семантический ряд с лексемами *день* / *jour*

Функция	Семантический ряд в русском языке	Семантический ряд во французском языке
Одновременность	<i>в день</i> (чего)	<i>au jour de</i>
Начало	<i>со дня</i> (чего), <i>в дни</i> (чего) ... <i>с</i> (чего)	<i>dès le jour de</i>
Течение	<i>в дни</i> (чего)	<i>aux jours de</i>
Ограничение	<i>до дня</i> (чего)	<i>jusqu'au jour de</i>
Следование	<i>в дни после</i> (чего)	
Предшествование	<i>в дни перед</i> (чем)	<i>avant le jour de</i>

Таким образом, компонент-лексема *день* содержит сему некоего периода времени, а сочетаемость данной лексемы с непроизводными предлогами *в*, *с/со*, *до*, *перед* и с производным предлогом *после* позволяет участвовать во всех позициях. Во французском языке пустой оказалась одна позиция. Для третьей позиции во французском языке возможно использование дословного перевода фразеопредлога *в дни* (чего), но нами такая единица *dans les jours de* была обнаружена только в двух употреблениях, что явно указывает на нетипичность, на основании чего эта единица не была нами включена в группу фразеологических предлогов.

Таким образом, мы видим, что следование во временном измерении во французском языке и в русском языках выражается разными лексическими средствами. В русском языке фразеопредлоги по составу двухкомпонентные и одна единица трехкомпонентная. Построены они по следующим моделям: ЛНП + существительное, причем в одном случае имя употреблено во множественном числе, а в остальных – в единственном, в родительном и винительном падежах; ЛНП + существительное + ЛНП / ЛПП, где имя употреблено в винительном падеже во множественном числе. Во француз-

ском языке – трехкомпонентные и четырехкомпонентные единицы: ЛНП + существительное + ЛНП, где имя употреблено в единственном числе; ЛНП + ЛНП + существительное + ЛНП.

В трехкомпонентных фразеопредлогах сравниваемых нами языков неизменяемый предлог оказывается как в препозиции, так и постпозиции: *в дни после* (чего), *в дни перед* (чем) – *au jour de, dès le jour de, aux jours de*. Например: *4 апреля, в день рождения Андрея Тарковского, здесь было еще холодно, накануне ночью выпал снег, отчего и Волга стала совсем белой*. (Иваново детство. «Экран и сцена»). *В дни борьбы с микроспорией, пожалуй, больше всех досталось Султану – тому самому львенку, которого я в прошлом году привез из Рижского зоопарка* (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь). *Этот дух момента хорошо чувствовался в дни перед съездом контрреволюционными кругами* (Н.Н. Суханов. Записки о революции. Книга 4). *Наверное, вот так же в дни после больших побед, достававшихся кровью, отлеживались капитаны пиратских фрегатов и бригов, приткнувшись на мелководье у островов Пряностей, как называли когда-то здешние края* (Валериан Скворцов. Сингапурский квартет). *C'est convenu depuis... avant le jour de l'élection, c'est ce que nous avons réaffirmé* (Les travaux parlementaires. Le mardi 30 septembre 2003). *Ma nostalgie a commencé dès le jour de ma naissance. Je mourrai sans un cri, car mon regard est déjà fait à la noirceur de l'eau* (Hubert Aquin. L'invention de la mort). *Pour Rose, un châle en soie comme en portent les Provençales aux jours de fête ; la soie provient des vers que l'on élève sur place avec les feuilles de mûrier* (Jacques Brillant. Guerre mal apprise).

Литература

Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов : учеб. пособие / А.М. Чепасова. – Челябинск : ЧГПУ, 2006. – 144 с.

Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : монография / Г.А. Шиганова. – Челябинск : ЧГПУ, 2001. – 454 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

О.П. Фесенко
*Омский автобронетанковый
инженерный институт (Россия)*

Н.В. Воробьева
Омский экономический институт (Россия)

С.М. Богатова
Омский государственный университет (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА УЧАЩИМИСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В последнее время ученые бьют тревогу по поводу общего падения речевой культуры носителей языка. Особенно это касается младшего поколения и молодежи [Шулежкова 2006]. Можно много говорить о причинах происходящего, о тех мерах, которые необходимо принимать. Однако надо признать, что эффективнее всего их внедрять на этапе формирования языковой личности, наполнения речевого портрета, т.е. в детском возрасте.

Начальная школа – это то время, когда формируются все компоненты (или уровни) речевого портрета, но особенно активно происходит его наполнение прецедентными феноменами (в том числе фразеологизмами), что обусловлено знакомством обучающихся с художественными текстами разных авторов.

Одним из ярких маркеров принадлежности к тому или иному национальному типу языковой личности и овладения ресурсами конкретного языка является умение носителя ориентироваться во фразеологическом фонде (в широком смысле этого термина): знать толкования фразеологизмов, узнавать их форму и адекватно использовать в речи. Разумеется, дети владеют небольшим фразеологическим багажом, но даже он может рассматриваться как значимый показатель освоения языковой картины мира родного языка.

Объектом нашего исследования стали школьники третьего класса (9-10 лет) в количестве 20 человек, обучающиеся в гимназии № 115 г. Омска. Это гимназия, в которой особое внимание уделяется изучению языков и гуманитарных предметов. А значит, изначально языковая подготовка испытуемых выше, чем в обычной общеобразовательной школе.

Для определения особенностей освоения фразеологического фонда носителями языка мы предложили им небольшую анкету, в которую были включены пословицы и идиомы, входящие в тексты художественных произведений школьной программы 1–3 классов. Анкета состояла из двух частей. В первой части испытуемым предлагалось десять пословиц, каждая из которых сопровождалась перечнем из четырех возможных значений (только одно толкование из предложенных было верным). Школьникам необходимо было выбрать наиболее точное значение пословицы. Приведем перечень паремий, выбранных нами для эксперимента: *Яблоко от яблони недалеко падает; Кто старое помянет, тому глаз вон; На безрыбье и рак рыба; Всякому овощу свой срок; Око за око – зуб за зуб; У семи нянек дитя без глазу; Долг платежом красен; И на старуху бывает проруха; Лучшие синица в руках, чем журавль в небе; Не зная броду, не лезь в воду.*

Во второй части анкеты испытуемым предлагалось исправить ошибки в следующих пословицах и фразеологизмах: *От бобра добра не ищут; В здоровом теле здоровый дух; Один в золе не воин; Правда глаза полет; Сашу маслом не испортишь; Голод не щетка; Трус своей лени боится; На безрыбье и бак рыба; Купил кита в мешке; Нет худа без бобра; Повторенье – тьма ученья; Терпенье и пруд все перетрут; Мы сами с ушами; Голода не бойся, по пояс мойся; Без места пирога не испечешь; Большие дела, меньшие снов; Пустая мыльница и без ветра мелет; Что написано пером, того не вырулишь топором; На ловца и дверь бежит; Трус человека кормит, а лень портит; На горе шапка горит; Один ус хорошо, а два лучше; Семеро одного не ждут; Жди у горя погоды; Каждый кулик свое долото хвалит; Лес рубят – щепки летят.*

Как видно из приведенного перечня единиц, намеренные ошибки в форме фразеологизмов и пословиц основывались на фонетическом сходстве одного из исходных слов с измененным компонентом. Такой вариант деформации в меньшей степени усложняет школьникам поставленную задачу – исправить ошибки в паремиях и идиомах.

Большая часть испытуемых справилась с заданием, предложенным в первой части. Абсолютно правильных ответов – 64 %. Некоторые участники эксперимента выбрали из предложенных вариантов те, которые максимально конкретизированы, т.е. имеют

прямое значение. Например, к пословице *На безрыбье и рак рыба* выбран ответ «о том, что, когда нет рыбы, то и рак подойдет»; к пословице *Яблоко от яблони недалеко падает* – вариант «о том, что дерево познается по плодам». Абсолютно ошиблись с выбором значения 12 % третьеклассников. С одной стороны, это небольшой процент. Кроме того, надо признать, что некоторые из предложенных единиц достаточно сложны для десятилетнего возраста, поскольку в своем составе содержат устаревшие языковые единицы (*проруха*, *помянуть* в значении «вспомнить») либо слова с устаревшим значением (*красен* в значении «украшен»). С другой стороны, эти единицы встречаются в художественных текстах соответствующей школьной программы, а значит, должны быть освоены носителями языка (см. об этом подробнее [Фесенко 2013]).

Вобщем, результаты можно считать вполне удовлетворительными. Даже с учетом сложности отдельных языковых единиц показатели положительны. Однако общую благоприятную картину несколько портят показатели второй части нашего эксперимента. Напомним, что третьеклассникам предлагались пословицы и фразеологизмы с ошибками, которые нужно было исправить. Варианты для исправления не предоставлялись, что, безусловно, максимально усложнило выполнение задания. Справились с ним немногие участники анкетирования. Правильные ответы дали лишь 40 %. Часть испытуемых вообще предпочла не вносить никаких изменений в ошибочную форму языковой единицы. Ребята просто проигнорировали задание. Таких ответов от 6 до 11 на каждую пословицу или фразеологизм. Это значит, что в среднем 9-10 из 20 участников не ответили на поставленный вопрос. Кроме того, некоторые из опрошенных предложили свои варианты исправления ошибки, которые, к сожалению, не имеют ничего общего с реальной, истинной формой исходной языковой единицы.

Остановимся подробнее на тех вариантах исправления пословиц и фразеологизмов, которые предложили учащиеся.

Некоторые из них подобраны, безусловно, наугад, поскольку смысл в новых образованиях найти нельзя: *В здоровом теле здоровый лук; Бил кита в мешке; Нет чуда без бобра; Лес рубят – репки летят* и т.д. Это показатель не только абсолютного незнания предложенных пословиц и фразеологизмов, но и неумения использовать тот лексический фонд, которым владеет ребенок.

Однако это также свидетельствует о несформированности языковой личности носителя языка. Отметим, что школьникам была предложена единица *На безрыбье и рак рыба*. Она вошла и в первую часть анкеты, и во вторую, т.е. в первой части задания приводилась ее верная форма. Однако 7 из 20 участников эксперимента не смогли исправить эту пословицу даже после того, как прочли ее всего несколько минут назад. Это может свидетельствовать и о недостаточном развитии внимания учащихся, и о том, что данная единица совершенно незнакома третьеклассникам.

Некоторые авторские варианты школьников вполне логичны, их смысл можно объяснить: *Правда глаза откроет; Голод не шутка; Лес рубят – птицы летят; Правда глаза лечит; Без пиена пирога не испечешь* и т.д. Тем не менее, эти варианты неверны. Часть из них не единичны, а встречаются два и даже три раза (*От бобра добра не ждут; От бобра зла не ждут; Голода не бойся, по пояс бойся; Каждый кулик свое золото хвалит* и т.д.), что подтверждает содержательность предложенных ребятами версий и их формально-семантический потенциал.

Также отмечены пословицы, восстановление формы которых не вызвало затруднений у школьников: *Повторенье – мать учения; Терпение и труд все перетрут; Пустая мельница и без ветра мелет; Что написано пером, того не вырубишь топором*. Очевидно, это вызвано либо частотностью использования данных единиц в речи учащихся, либо прозрачностью формы и значения, тем более что две из них связаны непосредственно с учебной деятельностью.

Способность к восстановлению пословиц и фразеологизмов – показатель того, что данные единицы вошли в активный словарный состав носителя языка. Учитывая, что 60 % опрошенных не выполнили задание или выполнили его неверно, можно говорить, что формирование речевого портрета школьников не завершено (что, впрочем, вполне закономерно, поскольку им 9-10 лет). Опасения вызывает лишь тот факт, что выбранные нами для эксперимента пословицы включены в учебники по русскому языку и литературному чтению для учащихся 1-3 классов. Это значит, что в процессе изучения названных предметов языковой материал не усваивается в необходимом объеме и не становится элементом активного словарного запаса учащихся. Но решение и этой проблемы неоднозначно, поскольку до сих пор вызывает вопросы

целесообразность включения в школьную программу некоторых художественных произведений.

Считаем, что результаты нашего эксперимента могут использоваться в качестве ориентировочной основы для проведения дальнейших исследований и для выработки некоторых рекомендаций составителям учебников:

1) необходимо более тщательно подбирать тексты художественных произведений для изучения в рамках школьной программы (не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения языкового наполнения);

2) требуется помещать в учебниках дополнительные постраничные сноски, содержащие значения непонятных пословиц и идиом, или словарь фразеологизмов и паремий в конце книги;

3) целесообразно разрабатывать дополнительные вопросы и задания к текстам, содержащим пословицы и идиомы.

Литература

Фесенко, О.П. Круг чтения учащихся младших классов в современной школе (на основе образовательной программы «Школа 2100») / О.П. Фесенко // Гуманитарная книга: культура издания – культура чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (26-27 ноября 2013 г.). – Омск [б. и.], 2013. – С. 191-195.

Шулежкова, С.Г. Роль старославянского языка в формировании духовных ценностей будущих филологов / С.Г. Шулежкова // Проблемы классического образования и духовные ценности современной России : докл. междунар. науч.-богословской конф. / ЧелГУ ; под ред. В.Э. Будейко. – Челябинск : ЧелГУ, 2006. – С. 228-232.

Ж. Финк

Загребский университет (Хорватия)

СТОЛ В ХОРВАТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОТ ПИТАНИЯ ДО ПЕРЕГОВОРОВ*

В любом языке существуют фразеологизмы, в состав которых входят названия предметов мебели. Хорватский язык в этом смысле не

* Работа поддержана грантом *Application of phraseological theory in phraseography* (№ 4054) хорватского фонда Hrvatska zaklada za znanost.

является исключением, в нем также фиксируется немногочисленная группа фразеологических единиц с компонентами, относящимися к семантическому полю «мебель», напр.: *stolica* ('стул'), *fotelja* ('кресло'), *ormar* ('шкаф'), *postelja* ('постель'), *krevet* ('кровать'), *ladica* ('ящик'); ср.: *sjediti na dvije stolice* ('сидеть между двух стульев'), *ugrijati (zagrijati) stolicu* ('корпеть над учебниками (книгой, уроками)'), *drma se (klima se) stolica (fotelja) komu* ('кресло шатается *под кем*'), *kostur u ormaru* ('скелет в шкафу'), *biti (ležati) na smrtnoj (smrtnoj) postelji* ('лежать на смертном одре (постели, ложе)'), *biti vezan (prikovan) za (uz) postelju (krevet)* ('быть прикованным к постели'), *pasti u krevet* ('слечь в постель'), *preko kreveta* [*doći / dolaziti do čega*, *postići / postizati što*] ('через постель [добиться / добиваться *чего*, достигнуть / достигать *чего*]'), *zadržati / držati u ladici što* ('отложить / откладывать в долгий ящик *что*').

В хорватских толковых словарях фиксируется одно основное значение существительного *stol*, определяющее его как предмет мебели в виде горизонтальной пластины, сделанной из досок, пластмассы и других материалов, укрепленной на одной или нескольких (чаще всего четырех) ножках.

Выделяется несколько видов столов в зависимости от назначения или от помещения, в котором он находится (иногда эти два критерия оказываются взаимосвязанными): *pisaći stol* ('письменный стол'), *radni stol* ('рабочий стол'), *kartaški stol*, *stol za kartanje* ('ломберный стол'), *stol za ručanje* ('обеденный стол'), *crtaci stol* ('стол для рисования'), *kompjuterski stol* ('стол для компьютера'), *operacijski stol* ('операционный стол'), *stol za stolni tenis* ('стол для игры в теннис'), *stol za masažu* ('стол для массажа'), *kuhinjski stol* ('кухонный стол'), *stol za dnevni boravak* ('стол для гостиной'), *uredski stol* ('офисный стол') и т. д. Можно также говорить о столах, которые удлиняются дополнительными досками – *stol na (za) razvlačenje* ('раздвижной (раскладной) стол'); с другой стороны, габариты стола могут уменьшаться – *stol na sklapanje* ('складной стол'). В некоторых сочетаниях слов речь идет о специально оборудованных рабочих столах для столярной, слесарной и другой ручной работы: *stolarski stol*, *bravarski stol* ('верстак')*.

* В словарях фиксируются также исторические термины *Banski stol* и *Stol sedmorice*, но они относятся не к роду мебели, а к архаичному значению существительного *stol*, относящемуся к суду. *Banski stol* (ист.)=(1) суд, который возглавляет бан (ban), правитель земли; (2) апелляционный суд. *Stol sedmorice* (ист.)=кассационный суд (1862-1945). В некоторых документах *stol* имеет значение 'престол', отсюда и прилагательное *stolni* в значении 'главный, престольный, столичный' (ср. *stolni grad*, *stolna crkva*). Данные значения не принимаются во внимание в настоящей работе.

Основной темой данной работы являются хорватские устойчивые сочетания слов и фразеологизмы, содержащие компонент *stol* в качестве компонента, причем особое внимание уделяется двум группам единиц. Значение фразеологизмов первой группы относится к семантическому полю «питание», в то время как фразеологизмы второй группы принадлежат семантическому полю «переговоры»*.

В первую группу входят устойчивые сочетания слов и фразеологизмы с компонентом *stol*, причем он отождествляется либо с блюдом, либо в каком-то смысле относится к питанию. Упомянем сначала сочетания, подразумевающие указание на режим питания и / или тип продуктов, но надо подчеркнуть, что информация о самих продуктах извлекается не из значения имени существительного, но прилагательного, указывающего на вид продукта или режим питания. Так, с одной стороны, отмечаются сочетания *vegetarijanski stol* ('вегетарианский стол') и *dijetetski stol* ('диетический стол')**, а с другой – сочетание *švedski stol* ('шведский стол'), предполагающее не режим питания, а способ подачи еды, при котором блюда выставляются на отдельный стол, а каждый накладывает их на тарелку в любом ассортименте и необходимом объеме.

В значении нескольких фразеологизмов содержится указание на то, что подается в качестве еды, в каком количестве подается еда, а также на качество и разнообразие предлагаемых блюд. Речь идет о фразеологизмах типа *bogat (raskošan) stol* ('богатый (роскошный) стол'), *pun stol* ('стол, полный еды'), в то время как *svečani stol* ('пиршественный (праздничный) стол'), помимо качества и количества блюд, предполагает еще один оттенок значения – особое убранство стола. Данные единицы наиболее частотно употребляются в контексте праздников, когда отмечаются какие-либо торжества. Это подтверждается и в диалектном фразеологизме с компонентом *pun*: *pun stol ka na Božić* ('стол, полный, как на Рождество'), зафиксированном в городе Сплите, в Далмации. Фразеологизмы с антонимичным значением имеют в своем составе другой адъективный компонент: *skroman (siromašan) stol*, причем второй вариант встречается редко.

* Вне внимания остается фразеологизм *ispod stola*, значение которого не мотивируется ни одним из приведенных аспектов. Речь идет о единице из семантического поля нелегальной деятельности ('нелегально'; 'нелегальный'), где образ стола предполагает предмет, под которым совершается что-то нелегальное.

** В данных сочетаниях в хорватском языке гораздо чаще употребляется существительное *hrana* ('пища, блюдо').

Толкование нескольких фразеологизмов соотносится с общим представлением о действиях, которые сопровождают процесс принятия пищи: *prostrijeti/prostirati (postaviti/postavljati) stol* ('накрыть/накрывать <на> стол'), *sjesti/sjedati za stol* ('сесть/садиться за стол'), *raspremiti / raspreamati stol* ('убрать/убирать со стола').

Фразеологизм *odvojiti se (rastati se, razdvojiti se) od stola i postelje (kreveta)* (досл. 'отлучиться от стола и постели') относится к ситуации, когда муж и жена живут раздельно, но официально они не развелись. Компонент *stol* здесь ассоциируется с совместным принятием пищи, а в контексте фразеологического значения такой акт отрицается.

Упомянем еще фразеологизм, который до определенной степени соответствует единицам данной группы. Это библеизм *mrvice s čijeg (kakva) stola* ('крохи (крошки) с барского стола'), в котором находится компонент, непосредственно связанный с представлением о еде (*mrvice* 'крошка'). В его глубинной структуре имплицитно сопоставление крошки и богатого стола, полного еды. Во фразеологическом значении тоже наблюдается такое сопоставление: мизерная подачка нуждающемуся в сравнении с богатством дающего. Ср. пример употребления: *Digitalno tržište na kojem kreativci uopće ne zarađuju ili zarađuju mrvice s bogatog stola, nas zaista ne zanima* (www.hgu.hr/.../priopcenje-predsjednistva-hgu-povodom-medijskog-istu... 14.09.2015).

Ассоциативная связь стола с едой подтверждается и в некоторых хорватских пословицах, ср. *Što je na stolu, ponuđeno je* ('что находится на столе, свободно можно брать')*.

Вторая группа фразеологизмов предполагает указание на коммуникацию между двумя субъектами, сидящими за столом и обсуждающими разные более или менее важные проблемы. Стол в данной группе связывается с представлением о месте, в котором субъекты стремятся прийти к удовлетворяющему всех варианту решения проблемы.

В нескольких из рассматриваемых фразеологических единиц наиболее важным является тот факт, что одна из коммуникативных сторон инициирует тему для переговоров, обсуждений или разговоров (тема может относиться к политике, бизнесу и т. д.). Это,

* Иногда пословица включается в контекст, в котором происходит дополнительное переосмысление, и тогда имеется в виду не еда, а какой-либо другой предмет, находящийся на столе.

во-первых, два глагольных фразеологизма, в которых выявляется разница в отношении субъектов коммуникации: в единице *staviti/stavljati na stol što* ('предложить/предлагать тему для переговоров (обсуждения)')* в фокусе внимания оказывается предлагающая сторона, в то время как в единице *imati na stolu što* ('получить/получать какое-либо предложение')** внимание переключается на субъекта, который получает предложение. Третий фразеологизм имеет структуру предложения и соотносится с ситуацией, в которой что-либо предлагается к обсуждению или к разговору, т.е. в фокусе внимания оказывается сам факт предложения – *na stolu je što* ('на столе находится что'). Ср. примеры употребления: „*Bacit ćemo oko na ono što će biti stavljeno na stolidućih dana*“, rekao je jedan europski diplomat (Hrvatski frazeološki rječnik, 2014); *Hrvatski reprezentativac ima na stolu i ponudu engleskog prvoligaša Stoke Cityja za preseljenje u njihove redove* (Hrvatski frazeološki rječnik, 2014); *Prema istom izvoru, nastoluje moguće prijelazno rješenje po kojem bi morska granica u Boki išla sredinom zaljeva...* (Hrvatska jezična riznica..., Vjesnik, 2002).

Три приведенных фразеологизма со сравнительно недавнего происхождения активно употребляются в хорватском языке. Можно предположить, что они являются калькой с английского языка, в котором единицы с компонентом *table* и со значением, принадлежащим семантическому полю «переговоры», давно фиксируются: *lay sth on the table, put sth on the table, be on the table*.

Три хорватских фразеологизма относятся к уже начавшимся переговорам. В глубинной структуре глагольного фразеологизма *sjesti za <pregovarački> stol* ('сесть за стол переговоров') содержится указание на две стороны, сидящие за столом и обсуждающие важные темы; ср.: ... *sastanak je završio dogovorom da u siječnju iduće godine sjednu za pregovarački stoli razgovaraju o političkoj i državnoj budućnosti poetičkim crtama podijeljene otočke države* (Hrvatska jezična riznica..., Vjesnik, 2001). В текстах иногда употребляются и другие глаголы, напр. *dovesti/dovoditi koga za <pregovarački> stol, pozvati/pozivati koga za <pregovarački> stol*, причем изменение глагола приводит к изменению значения – переговоры еще не начались, они только готовятся. Ср. примеры употребления: *Posebni izaslanici EU-a i Organizacije afričkog jedinstva (OAJ) sva-*

* Фразеологизм употребляется и в значении 'поставить/ставить в распоряжение что'.

**Фразеологизм употребляется и в значении 'иметь в распоряжении что'.

kodnevno posreduju između Addis Abebe i Asmare u pokušaju da obje strane dovedu za pregovarački stol (Hrvatska jezična riznica..., Vjesnik, 2000); ... *vlada nacionalnog jedinstva neće razriješiti krizu u Makedoniji sve dok se i njih ne pozove za pregovarački stol...* (Там же, 2001).

Субстантивная единица *okrugli stol* ('круглый стол') предполагает проведение совещания, обсуждение чего-либо участниками с равными правами. Равноправие субъектов коммуникации подчеркивается с помощью адъективного компонента, поскольку круглая форма стола не вызывает мысли о лучшем или худшем местоположении участников*. В субстантивном фразеологизме *zeleni stol* ('место, где принимаются <важные> решения') имеется в виду стол, обтянутый зеленым сукном. Тут весьма важной является символика зеленого цвета, который символизирует обновление; в результате фразеологизм выражает надежду на то, что в результате переговоров может произойти улучшение какой-либо ситуации**. Последние два фразеологизма в контексте часто встречаются в форме наречных: *za okruglim stolom*, *za zelenim stolom*. Ср. примеры употребления: *Klemm kaže da su htjeli raspraviti probleme kroz otvorenu raspravu zaokruglim stolom* (m.tportal.hr/379512/Okrugli-stol-branitelja-doživio-debaku.html, 14.09.2015); *Čemu iscrpljivati i inače nervoznu vojsku <...> i trošiti materijal i oskudnerezervne dijelove, kad se gotovo svi problemi mogu riješiti zazelenim stolom, bilateralnim razgovorima ili međunarodnom arbitražom* (Hrvatska jezična riznica..., Vjesnik, 2002).

Помимо приведенных, в словарях фиксируются еще фразеологизмы *staviti (baciti) karte na stol* ('положить карты на стол') и *udariti (lupiti) šakom po stolu* ('стукнуть кулаком по столу')***, в значении которых актуализируется семантический компонент отношение между людьми ('перестать скрывать свои намерения'; 'решительно потребовать') и которые до определенной степени соответствуют данной группе. Хотя их фразеологическое значение не имеет пря-

* Фразеологизм восходит к средневековым романам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Рыцари ордена Круглого стола сидели на пирах у короля за круглым столом, чтобы все чувствовали себя равноправными.

**Приведенные сочетания употребляются еще в контексте представлений о столе в казино, предназначенном для разных игр (напр., карточный или бильярдный стол). А в последнее время понятие *zeleni stol* соотносится с экологическим выращиванием и продажей овощей. В Хорватии организуются мероприятия в виде выставки-продажи овощей и фруктов, выращенных жителями определенных районов или областей. Зеленый цвет ассоциируется с жизнью растений, он получил «новый мощный символический резонанс как современная эмблема экологии» [Тресидер 1999: 108].

*** Фразеологизм мотивируется жестом.

мого отношения к переговорам, можно предположить, что обе единицы в определенном контексте могут быть отнесены к процессу переговоров, поскольку они представляют собой возможную реакцию на ход обсуждения.

В данной работе были проанализированы две группы хорватских фразеологизмов с компонентом *stol*. Значение фразеологизмов первой группы относится к семантическому полю «питание», и в его глубинной структуре прослеживается ассоциативная связь между с блюдом. Это характерно не только для фразеологизмов разных местных говоров, но и для пословиц. Значение фразеологизмов второй группы можно отнести к семантическому полю «переговоры». В данной группе встречаются и единицы, активно употребляющиеся в хорватском языке с недавнего времени; можно предположить, что они являются кальками с английского языка.

Если к данным о понятии *stol*, представленным в словарях символов, обнаруживается, что доминирующей оказывается связь стола с процессом принятия пищи, только потом стол упоминается в контексте переговоров, совещаний, в результате которых принимаются какие-либо решения. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что отождествление стола с блюдом является первичным, в то время как ассоциативная связь стола с переговорами – вторичной.

Литература

Тресидер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресидер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 444 с.

Anić, V. Veliki rječnik hrvatskoga jezika / V. Anić. – Zagreb : Novi Liber, 2003. – 1881 s.

Bendow, I. Englesko-hrvatski frazeološki rječnik / I. Bendow. – Zagreb : Školska knjiga, 2006. – 229 s.

Chevalier, J. Rječnik simbola. Mitovi, sni, običaji, geste, oblici, likovi, boje, brojevi / J. Chevalier, A. Gheerbrant. – Zagreb : Nakladni zavod Matice hrvatske, 1989. – 871 s.

Colin, D. Rječnik simbola, mitova i legendi / D. Colin. – Zagreb : Naklada Ljevak, 2004. – 528 s.

Hrvatska jezična riznica Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Hrvatski enciklopedijski rječnik / gl. ur. Lj. Jojić, R. Matasović. – Zagreb : Novi Liber, 2002. – 1583 s.

Korać, T. Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik, drugi dio, О–Я / T. Korać, A. Menac, M. Popović, M. Skljarov, R. Venturin, R. Volos. – Zagreb : IRO „Školska knjiga“, 1980. – 788 s.

Matešić, J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika / J. Matešić. – Zagreb : IRO „Školska knjiga“, 1982. – 808 s.

Menac, A. Hrvatski frazeološki rječnik / A. Menac, Ž. Fink Arsovski, R. Venturin. – Zagreb : Naklada Ljevak, 2014. – 794 s.

Menac-Mihalić, M. Frazeologija splitskoga govora s rječnicima / M. Menac-Mihalić, A. Menac. – Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011. – 363 s.

Oxford Dictionary of Idioms, Second Edition / ed. J. Siefring. – New York : Oxford University Press, 2004. – 352 p.

Rječnik hrvatskoga jezika / gl. ur. J. Šonje. – Zagreb : Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga, 2000. – 1450 s.

В.Ф. Хайдарова

*Магнитогорский технологический
колледж им. В.П. Омельченко (Россия)*

ОБОРОТ *ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА* В ПЕСНЯХ РУССКИХ ПРОТЕСТАНТОВ

В христианской неправославной поэзии встречаются устойчивые обороты, которые не отмечены в словарях фразеологизмов русского языка. Обращаясь к ним, филолог обнаруживает целый пласт сверхсловных единиц, которые отражают религиозные представления носителя русского языка и при этом почти не исследованы, поскольку духовная поэзия русских протестантов крайне редко попадала в поле зрения лингвистов. Одной из таких единиц является оборот *холодное сердце/холодные сердца*. Так в песнях русских протестантов около 80 % использования слова *холодный* приходится на этот оборот и лишь в 20 % случаях слово не связано фразеологически. Приведем несколько случаев.

О друг, спеши, дай руку помощи скорей,

*Любовию **холодные сердца** согрей.*

(«Песнь возрождения 2800», №750)*.

* Здесь и далее в скобках указывается автор текста, если же автор неизвестен, – исполнитель или название сборника; после запятой в кавычках идет название произведения или его номер в сборнике.

*Ты хотела согреться, искала огня.
Но **холодное сердце** не греет тебя.*
(Спасение, «Синий лед»).

*Ее громкое пение слышно за тысячу верст,
Стук **холодных сердец** вновь растопила любовь...*
(Противостояние, «Новая жизнь»).

Легко заметить, что форма множественного числа встречается чаще формы единственного. Такое положение обусловлено семантикой оборота, который в песнях русских протестантов используется для обозначения совокупности людей, отвергающих христианство или относящихся к нему равнодушно. То есть *холодное сердце* – это не качество человека, не особенность личности, а непеременный атрибут каждого нехристианина.

Во всех случаях использования оборота *холодное сердце* / *холодные сердца* возникает оппозиция: упоминанию о «холоде» безбожной жизни противостоят единицы, указывающие на противоположную стихию – от тепла до сжигающего пламени

***Растопите лед в сердце холодном,**
Пусть в нем **теплится искра** добра.
Пусть вам будет звездой путеводной
Безграничная милость Христа.*
(Автор неизвестен, «Протяните друг другу руки...»).

***Гори, гори огонь** всегда, **И зажигай холодные сердца.**
Гори, гори, гори огонь, И растопи лёд в сердце моём.*
(В. Канахин, «Движение вперед»).

***Гори огонь, всегда гори! Воспламеняй собой холодные сердца.**
И новый мир прекрасный озари, В котором радость без конца*
(«Песнь возрождения 2800», №732).

Происхождение анализируемого оборота неясно. Казалось бы, логичное предположение о том, что он восходит к тексту Библии, не находит подтверждения – несмотря на многочисленные упоминания сердца в библейских книгах, в них не встречаются ни словосочетания *холодное сердце*, ни даже слова *сердце* и *холод* в общем контексте.

Можно было бы предположить, что оборот является заимствованием. В XIX и первой половине XX в. песенное творчество русских протестантов испытывало сильное влияние немецкой культуры, а в конце XX – начале XXI в. наибольшую активность проявляли американские миссионеры. Соответственно и среди духовных песен появлялось много переводных, имеющих источником немецкие или американские религиозные гимны.

Однако, если обратиться к англоязычным текстам соответствующей направленности, обнаруживается, что слово *heart* используется в них в разнообразных фразеологически не связанных сочетаниях и словосочетание *cold heart* встречается не чаще, чем любое другое; при этом ему явно предпочитается фраза *a heart is cold*, и речь чаще идет не о «холодных сердцах безбожников», а о чувствах одиночества и тоски.

But the canyon's ever widening

*In the depths of **her cold heart**...*

(Casting Crowns, «Does Anybody Hear Her»).

*Does anyone out there feel alone Can anyone hear me
Down and out, **your heart is cold**...*

(Hawk Nelson, «Friend Like That»).

*When **a heart is cold** as ice*

You can't melt it with advice

(Newworldson, «Learning To Be The Light»).

Немецкие же тексты предоставляют другую, любопытную, картину. С одной стороны, случаи использования словосочетаний *kaltes Herz/kalten Herzen* нечасты. С другой стороны, они встречаются в текстах любого периода: упоминания о *холодном сердце* можно встретить и в протестантских гимнах XVI в., и в песне современного автора. При этом наблюдается такое же, как и в русских песнях, предпочтение форме множественного числа, и лишь семантика слегка отличается. Если в русских песнях *холодное сердце* принадлежит, как правило, нехристианину, то в немецких, наряду с аналогичным значением, встречаются и «наши холодные сердца» – самокритичное признание христианина в собственном несовершенстве.

Lenk uns nach dem Willen dein,

*wärm die **kalten Herzen** fein,*

bring zurecht, die irrig sein.

(M. Moller, «Heilger Geist, du Tröster mein»).

*Familie, Baum und helle Kerzen,
die wärmen unsre kalten Herzen.*

Wie schön ist's doch im eignen Nest!

(J. Krebs, «Alle Jahre wieder»).

Так же, как и в русских песнях, почти во всех случаях наблюдается противопоставление холодности человеческого сердца – и божественного огня, тепла.

Und noch entzünden Himmelsfunken

so manches kalte, tote Herz,

und machen Durst'ge freudetrunken,

und heilen Sünd' und Höllenschmerz.

(G.F. Fickert, «O, dass doch bald Dein Feuer brennte»).

Eile doch, kaltes Herz, eile, die Kniee zu beugen!

Bald wird sich Feuer des Geistes im Herzensgrund zeigen.

(E.G. Woltersdorf, «Höre doch, Seele»).

Итак, оборот *холодное сердце/холодные сердца* проявляет признаки устойчивости, воспроизводимости и постоянства семантической структуры, что дает возможность признать его одним из фразеологизмов, использующихся в песенном творчестве русских протестантов. Можно предположить, что он был заимствован из немецких духовных песен в процессе их перевода и переложения на русский язык. В пользу этого предположения свидетельствует также то, что оборот *холодное сердце/холодные сердца* значительно чаще встречается в песнях, написанных в XIX – начале XX в., именно тогда, когда влияние немецкой культуры на творчество русских протестантов было наиболее сильным.

Литература

Духовный фольклор на Южном Урале / сост. С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, А.Г. Серов ; муз. ред. Л.А. Мишурова. Комментарии, вступ. ст., отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – 224 с.

Песнь возрождения 2800 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hvalite.com> (дата обращения: 15.08.2015).

Христианские песни с аккордами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dvasongs.com> (дата обращения: 17.08.2015).

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 260 с.

Christliche Gedichte und Lieder [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.christliche-gedichte.de> (дата обращения: 17.08.2015).

Die christliche Liederdatenbank [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.liederdatenbank.de> (дата обращения: 11.08.2015).

Positive and Encouraging K-LOVE [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.klove.com> (дата обращения: 13.08.2015).

И.А. Чуносова

*Челябинский государственный
педагогический университет (Россия)*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И СТЕРЕОТИПНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ЛЕТОПИСЯХ XVIII – XIX вв.*

Традиция употребления фразеологизмов и устойчивых выражений прослеживается от самых истоков создания первых литературных памятников на Руси. Поначалу книги были переводными с греческого и болгарского языков и уже несли в себе предшествующую традицию определенного связанного словоупотребления, переводимого на русский язык, закреплявшегося в нем, становившегося приметой стиля и самого литературного языка. Кроме пришедших вместе с церковной и исторической литературой античных, византийских традиций словоупотребления, закреплялись формулы, бытовавшие до того в устном народном творчестве – фольклорные устойчивые выражения, присказки языческих времен, легенды и песни. Все эти приметы языка узнаваемы, воспроизводимы, несут в своем значении больше, чем просто сумму значений составляющих их слов.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-34-01256/14 «Энциклопедия народной жизни: Южный Урал в рукописных памятниках конца XVIII – XIX вв.».

Церковно-приходские летописи, разумеется, демонстрируют языковую картину мира человека, впитавшего традицию языка своего времени. Как жанр летописи отличает несколько регламентированных особенностей, например, повременное отражение событий, происходящих в приходе, сколь возможно объективное; ретроспективное упорядочивание статистики предшествующего времени в конце каждого календарного года и при начале записей; включение в тело текста прямым цитированием разножанровых отрывков, чтобы соблюсти непреложную точность; использование особых формул или стереотипных выражений для записи типических, повторяющихся из года в год событий или ситуаций.

Такие стереотипные выражения мы вслед за сторонниками широкого понимания фразеологизма и будем рассматривать в данной статье: «Споры о том, является ли то или иное крылатое выражение фразеологизмом, отражают взгляды различных фразеологических школ на сам объект исследования. Для сторонников узкого понимания фразеологии <...> несомненными фразеологизмами представляются крылатые выражения с общим переносным, метафорическим значением <...>. Для сторонников широкого понимания фразеологии <...>, склонных считать объектом фразеологических наблюдений всякого рода устойчивые словесные комплексы, объектом фразеологического исследования могут стать практически все крылатые выражения, ибо отличие крылатого выражения от безымянного фразеологизма при прочих совпадающих признаках состоит лишь в его связях с источником» [Шулежкова 2002: 20].

В тексте анализируемых летописей нам встретились как фразеологизмы в узком смысле слова, имеющие определенную этимологию и общеупотребительность, так и фразеологические единицы, относящиеся к широкому пониманию фразеологизма, скорее стереотипные словосочетания, бытующие в рамках определенного текста, но обретшие в нем свое собственное неизменное значение.

В тексте летописи Оренбургской епархии Троицкого уезда Мисасского завода Петропавловской церкви часто встречалась церковная фразеологическая единица *въ Бозѣ почившій*, всегда соотносимая с именем Александра II как в силу недавней гибели (летопись начинается в 1882 г., а царь погибает в результате покушения 1 марта 1881 г.), так и в силу того, что начинается летопись с богатого подробностями описания возведения храма Александра Невского, строящегося имен-

но в память о царе. Так, о решении начать строительство храма в летописи говорится следующее: «**Въ Бозѣ почившій** Царь-Мученикъ, Царь-Освободитель, Государь Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ** манифестомъ 8 Марта 1861 года уничтожилъ рабство въ горныхъ заводахъ, воззвавъ ихъ населеніе къ новой жизни – къ свободному труду <...> Проникнутые благоговеніемъ и преданностію <...> къ Освободителю нашему и всего нашего потомства, **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II** <...> мы, жители Миасского завода, по праву отцевъ завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ построить храмъ во имя Св. Благочестиваго Князя Александра Невскаго» [Летопись Миасского завода, т. 1, 2009: 75]. Кроме того, имя Александра II всегда сопровождается эпитетами: Царь-Мученик или Царь-Освободитель – что дополнительно указывает на верноподданнические чувства летописца, но и на мнение, существовавшее о царе в народе. В летописи почти всякий раз, как упоминается имя царя, упоминается также и то, что горнозаводские работники благодарны ему за освобождение манифестом от 8 марта 1861 г.

Другая фразеологическая единица, в узком понимании относящаяся к крылатым выражениям, евангельская и церковная, прозвучала в прошении о благодарности и поощрении, направленном от миасских жителей архипастырю, епископу Оренбургскому. Прошение это было о следившем за строительством храма и проявлявшем дипломатические и деловые таланты священнике Александре Малышеве, и включало, в том числе, строки: «иногда возникали серьезные недоразумѣнія между обществомъ и строителемъ храма и для руководителя дѣломъ требовались евангельская **мудрость змія и кротость голубя**» [Летопись Миасского завода, т. 1, 2009: 102]. Прямая цитата: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Матф. 10, 16) – претерпела только незначительные изменения, сохранив свое семантическое наполнение ‘руководствуйтесь в своих поступках разумом, но не теряйте душевной чистоты, простосердечности’ [Ашукин 1955: 64]. Прошение составлялось с почтением и обращением к церковным символам, словам и выражениям, что говорит об образованности прихожан и об их желании исполнения своего прошения.

Третье устойчивое выражение, также пришедшее из церковной традиции – «Кесарю кесарево, а Богу богово», обнаружилось в приведенном тексте сектантской книжицы, распространяемой в приходе. Сектанты процитировали Библию, составили нечто вро-

де собственного катехизиса, произвольно толкуя священный текст, а в заключение оставив советы обратившимся в их веру, и среди прочего: «поучайся в законъ Господнемъ день и ночь: однако, если семейство твое требуетъ пропитанія, или служба твоя исполненія должности, то не оставляй и оныя, ибо **кесарево кесарю, а Божіа Богу**» [Летопись Миасского завода, т. 1, 2009: 222]. Сектантские издания, приводимые летописцем полностью или отрывками, всегда заключают в себе богатое обращение к тексту Библии, однако, трактуя священный текст по-своему, создавая альтернативную точку зрения на постулаты официальной церкви. Цитирование знакомых и связываемых в сознании читателей именно с церковью выражений, может способствовать обращению в сектантское учение.

Стереотипные выражения, встречавшиеся нам в летописях, отдельными единицами разнятся от одного уезда к другому, хотя бытуют и в общих формулировках, например, «в теченіе ... года», «изъ года въ годъ», «движеніе церковныхъ сумм», «составъ жителей» – есть как в летописи Миасского завода, так и в летописи Кундравинской станицы. Регламент этих формулировок, вероятно, был изначальным, не поддающимся изменению и общим по уездам уральского края. Оригинальным устойчивым сочетанием летописи Парскевиевской церкви, которое фигурирует при подведении итогов каждого года по документам и их ведению, церковной статистике, зафиксированной на бумаге и поддающейся подсчету, является сочетание **«въ экстрактѣ Исповѣдныхъ росписей за 1867 годъ показано»** [Летопись Параскевиевской церкви 2014: 68]. Формула повторяется на протяжении десяти лет, пока ведется летопись, появляется в строго отведенном месте, за ней следует точный подсчет исповедавшихся и причастившихся, не явившихся на исповедь и причастие, количество верующих всех конфессий, которые живут на территории прихода. Эта формула функциональна, в ней нет разного наполнения, но она устойчива и повторяема, наряду с другими фразеологическими сочетаниями.

Таким образом, можно сделать вывод, что богатая литературная традиция употребления фразеологизмов и крылатых выражений, а также создания устойчивых стереотипных сочетаний, функциональных и нефункциональных, свойственна и церковно-приходским летописям Южного Урала. Она отражает вовлеченность летописей в общий литературный процесс, преломление языковой

картины мира в сознании людей и позволяет нам приблизиться к пониманию их мировоззрения.

Литература

Ашукин, Н.С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М. : Госполитиздат, 1955. – 668 с.

Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897) : в 3 т. / сост. А.А. Миронова, Е.Ю. Пичугова, Е.А. Шляхтина ; науч. ред А.А. Миронова ; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». – Челябинск : ЧелГУ, 2009. – Т. 1. – 467 с.

Приходская летопись Оренбургской епархии, Троицкого уезда Параскевиевской церкви Кундравинской станицы, заведенная в 1865 году. – Миасс, 1865–1876. – 199 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

А.Ю. Швидченко

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Россия)*

БИБЛЕИЗМЫ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Библейская символика на протяжении веков привнесла в языки христианских народов множество устойчивых словосочетаний, высказываний, афоризмов и метких выражений. В современной лингвистике языковые единицы, генетически связанные с Библией, принято называть библеизмами.

Священное Писание познакомило христианские народы не только с основами христианского вероучения, заповедями и притчами, но и с реалиями иной культуры. Христианизация каждого отдельного народа имела свою историю и особенность. На этот процесс в первую очередь влияла историческая эпоха, а также состояние языка, культуры и национального сознания народа, освещенного светом истинной веры. Разделение Церкви на католическую и

православную, а еще позже на протестантскую, различие в догматике, канонических положениях и нормах, переводческой традиции оказывало влияние не только на языки богослужения, но и на разговорные языки. Все это повлияло также на особенности состава фонда библеизмов языков христианских народов.

Фонды библеизмов немецкого и русского языков, как показывают наши исследования [Швидченко 2011] формировались независимо друг от друга. Несмотря на это, анализ лексикографических трудов показывает примерно одинаковое количество библеизмов в русском и немецком языках – чуть более 1000 единиц. По подсчетам С.Г. Шулежковой «библеизмы составляют около 20 % фонда КЕ русского языка» [Шулежкова 2013: 8]. Все они обладают экспрессивностью, образностью и высоким вариативным потенциалом. Часть библеизмов обоих языков принадлежит к высокому стилю, содержит архаизмы, историзмы и ономастические компоненты: *jmdm. eine Dornenkrone flechten* (возложить на кого-л. терновый венец), *jungen Wein in alte Schläuche fassen* (вливать новое вино в старые меха), *Walaams Eselin, David gegen Goliath*, *семь тощих коров*, *сохранять масло в светильниках*, *тридцать серебряников*, *бедный как Лазарь*, *Мафусаилов век*. Употребление и понимание библеизмов такого рода требует хорошего знания Священного Писания. В то же время значительная часть исследуемых единиц имеет просторечную форму и нейтральную стилистическую коннотацию, что позволяет большому количеству библеизмов успешно существовать в языке и оставаться актуальными: *nicht ein Jota* (ни на йоту), *sei ein Mann* (будь мужчиной), *излить душу*, *пойти по чьим-л. стопам*.

Особую группу в русском и немецком языках составляют библеизмы с ономастическим компонентом. Подобные единицы занимают особое место в фонде библейских крылатых единиц, так как библейские имена представляют собой символы, вобравшие в себя всю суть притчи и библейского сюжета. Здесь действует тот же принцип, согласно которому фонд библеизмов строго индивидуален для каждого языка, и даже при совпадении части его единиц может наблюдаться различие семантических оттенков. Как «каждый из языков обладает своим собственным инвентарем библеизмов со своими собственными особенностями» [Балакова 2013: 10], так и состав библеизмов с ономастическим компонентом в русском и немецком языках имеет заметные различия.

По мнению Е.Н. Бетехтиной, «располагая примерно одинаковой информацией о библейском мифе, каждый язык по своему воплощает эти образы в своей фразеологии, проявляя большую изобретательность и своеобразие» [Бетехтина 1999: 34]. Большая часть образов, ставших основой для возникновения библеизмов в русском и немецком языках, актуализированы в обоих языках: *Abel* (Авель), *Adam* (Адам), *Eva* (Ева), *Salomo* (Саломон), *Juda* (Иуда), *Kain* (Каин) и т. д. Но есть ряд библейских единиц, ономастический компонент которых характерен лишь для одного языка: *Langer Laban* (долговязый человек), *Krethi und Plethi* (разный сброд), *Petri heil* (приветствие рыбаков, отсылка к образу апостола Петра), *Валтасаров пир*, *Иродова душа*, *Исав*, *Енох*. Отличительной чертой русского фонда библеизмов является особое отношение к образу Христа и наличие большого количества библеизмов с его именем: *как у Христа за пазухой*, *христопродавец*, *христарадничать*, *Христа славить* и т. д.

Наши подсчеты показали, что библеизмы немецкого языка с ономастическим компонентом составляют 7 % от общего количества библеизмов, а русского языка – 8 %. На наш взгляд, это обусловлено большей вариативностью русских библеизмов с ономастическим компонентом. Например: в немецком языке существуют библейские единицы *Babylon* и *Babylonisches Exil* (вавилонское изгнание), в русском же языке имеет хождение большее количество библеизмов с компонентом *Вавилон*: *вавилонская тоска*, *вавилонский плач*, *вавилонская башня*, *вавилонский плен*, *вавилонское столпотворение*. В немецком языке существует лишь одно выражение с компонентом *Egypten* – *Aegyptisches Finsternis* (египетская тьма), а в русском языке таких выражений несколько: *египетский плен*, *египетская работа*, *египетские казни*.

Анализ библеизмов с ономастическим компонентом русского и немецкого языков показывает, что около трети библеизмов совпадают по форме, но имеют различные семантические оттенки. Часть библеизмов восходит к одним и тем же образам, но обладает значительными грамматическими и семантическими расхождениями в выражениях, возникших на основе этих образов. Часть библеизмов двух языков, обладая культурной общностью, демонстрирует не только грамматические и семантические, но и национально обусловленные концептуальные различия, вербализируя национально маркированные образы, несмотря на принадлежность этих единиц общехристианской концептосфере.

Формирование пласта библеизмов с ономастическим компонентом является результатом переосмысления народным сознанием библейских образов и притч на основе избранных апокрифических преданий через призму исконных фольклорных мотивов.

Литература

Балакова, Д. Наследие Библии во фразеологии / Д. Балакова, В. Ковачева, В.М. Мокиенко. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arnd-Universitaet, 2013. – 308 s.

Бетехтина, Е.Н. Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках) / Е.Н. Бетехтина ; под ред. Г.А. Лич. – СПб. : СПбГУ, 1999. – 172 с.

Швидченко, А.Ю. Сравнительная характеристика фондов библеизмов русского и немецкого языков по лексикографическим источникам / А.Ю. Швидченко // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2011. – № 3 (33). – С. 639-643.

Шулежкова С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений) / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 260 с.

Walter, H. Deutsch-russisches Woerterbuch biblischer Fraseologismen / H. Walter, W. Mokienko. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arnd-Universitaet, 2009. – 200 s.

СЕКЦИЯ III. РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЙ ТЕКСТ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Слова принадлежат веку, а мысли векам
Н.М. Карамзин

Л.Ю. Астахина
Институт русского языка РАН (Россия)

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Анализируя различные способы исследования лексики, различные подходы к ее изучению, А.А. Уфимцева указывает на смену этих подходов во времени. Традиционное словарное описание лексики («малосистемное описание словаря по предметным группам») сменилось стремлением к созданию «семиологической таксономии слов по двум основаниям одновременно – по сферам объективного мира... и по языковым параметрам» (см. [Степанов 1981: 45] и след.).

Изучение слов, их семантики в составе предложения, т.е. их синтаксических функций позволило предложить новую классификацию слов по их лексическому значению: «слова естественных родов, искусственных родов (артефакты) и номинальные классы» [Арутюнова 1976; 1980]. «Изучение лексической семантики по компонентам знакового значения выдвинуло идею описания всего словарного состава языка по семиологическим классам и подклассам» [Уфимцева 1974].

Все эти исследования проводятся на данных синхронного среза языков (русского, английского). При этом из поля зрения исследователей ускользает один из подходов, который может быть плодотворным для исторической лексикологии.

Актуальным для исторической лексикологии является изучение процессов, происходящих в языке на протяжении длительного времени, представление о которых может дать изучение лексики в

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00093 «Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI-XVII вв. («у» - «умытник»))» (руководитель М.И. Чернышева).

диахроническом аспекте. В связи с этим встает вопрос о необходимости обращения к определенным группам лексики и соответствующим источникам. Возможно, привлечение лексики, подвергшейся тем или иным изменениям в процессе бытования, определит еще один аспект ее исследования.

Известно, что в истории языка зафиксирован процесс движения семантики слов «от конкретного к абстрактному», когда слово приобретает отвлеченные компоненты значения (например, слова *статья*, *рука*). Изредка такой процесс удается проследить в одном источнике в течение, например, трех лет его существования. Так, в книге дворцового села Измайлова 1689–1691 гг. качество сжатого с полей хлеба характеризовалось сначала как *добрый*, *средний* и *плохой* (*худой*), потом – как *первой*, *второй* и *третьей статьи*, а потом вернулось к первоначальному обозначению.

Другой процесс отразился в ходе формирования терминологической системы сельского хозяйства, когда тематическая группа названий полевых культур (*рожь*, *овес*, *ячмень*, *горох*, *лен*, *конопля* и др.) объединялась словом **хлеб**, а названия градуировались и разделялись только по времени посева на *рожь* (посев осенью) и *яровой хлеб* (посев весной). В связи с формированием терминологии выделились *технические культуры* (лен, конопля), *зерновые* (рожь, ячмень, овес, яровая рожь), *бобовые* (горох), *крупяные* (гречиха, просо). Эволюция произошла на гиперо-гипонимическом уровне – изменилось родовое и видовое соотношение наименований.

В процессе бытования слова нередко меняют свою стилистическую окраску. Обычно в исследованиях указывается на начальную и конечную фиксацию, а сам процесс ускользает от взора исследователя. Так, слово *игра*, воспринимавшееся долгое время с отрицательной коннотацией (*игра*, *забава*, *потеха* – не труд, несерьезное занятие), в трудах митрополита Даниила в XVI в. обретает положительную окраску: душа играет в тех, кто обращается к божественному писанию.

Можно на примере изучения истории одного слова проследить процесс его архаизации и выхода из широкого употребления. Так, в Библии, изданной к 300-летию Дома Романовых в 1913 г., нет слова *персть*, из которой был создан человек. Слово это присутствовало в изданиях XIX в.

Итак, отмечены четыре процесса в истории лексической системы русского языка: движение значений от конкретного к аб-

страктному, от обиходного к терминологическому, переход слов из одного функционального стиля в другой, архаизация слова и выпадение его из активного употребления.

Каждый лексический процесс включает свои механизмы, приводит в движение те или иные особенности человеческого сознания, определенные черты и свойства русского языка.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований : сб. науч. тр. – М., 1980. – С. 156-249.

Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения : монография / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 361 с.

Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 208 с.

Е.Н. Бекасова

*Оренбургский государственный
педагогический университет (Россия)*

«ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ» В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Светлана Григорьевна Шулежкова безусловно относится к плеяде тех ученых, которых Л.С. Ковтун характеризовала как «большой Ученый и большой Человек» в неразрывности и взаимообусловленности понятий. При этом самым пронзительным, на мой взгляд, качеством Светланы Григорьевны является трепетное отношение к Истории – своей семьи, народа, человечества, языка. Знание истоков позволяет Светлане Григорьевне мудро и проницательно оценивать настоящее, в том числе и в языке, поскольку еще А.А. Потебня определял вопрос *откуда* как основной вопрос всякого знания. Отсюда и широкие научные интересы профессора С.Г. Шулежковой, и ее разносторонняя просветительская деятельность. А любимое детище – «крылатая» филология [Шкатова 2010] – отражает суть на-

учной деятельности, поскольку фразеология – это сгусток исторически отчеканенных человеческих ценностей, сохраняемых языком.

В этом плане закономерно обращение С.Г. Шулежковой к Остромирову евангелию – выдающейся древнерусской рукописи, сохранившей «в первозданных формах» те библеизмы, которые занимают достойное место в современном корпусе крылатых единиц русского языка [Шулежкова 2014: 45]. Следует отметить, что подготовленный авторским коллективом «Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия» является фрагментом проспекта фразеологического словаря общелитературного языка славян эпохи Средневековья. И замысел словаря, и его частичная реализация вносят существенный вклад в ту программу изучения истоков славянских литературных языков и собственно русского литературного языка, которую выдвинул еще И.И. Срезневский: «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном ... надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка значения...», а для этого нужны усилия тех, кто посвятит этой работе «свое время, знания и дарования» [Срезневский 2007: 80].

Необходимость разностороннего исследования Остромирова евангелия, о чем пишет С.Г. Шулежкова, обусловлена прежде всего значимостью данного памятника для изучения древнейшего литературно-письменного языка славян, уточнения влияния старославянского языка на формирование русского литературного языка и определения роли кирилло-мефодиевских традиций в церковнославянском языке. В частности, С.Г. Шулежкова отмечает, что «анализ корпуса УСК Остромирова евангелия подтверждает выводы авторитетных отечественных лингвистов о принадлежности памятника к числу старославянских, подвергшихся восточнославянскому влиянию лишь на фонетико-морфологическом уровне» [Шулежкова 2014: 8]. Таким образом, разные подходы к разному языковому материалу усиливают объективность и значимость высказанного еще А.Х. Востоковым вывода о генетических особенностях данной точно датированной рукописи.

Подтверждение значимости Остромирова евангелия как памятника старославянского языка в определенной степени усиливает внимание к слабым звеньям текста, допускающим генетически

близкие элементы. В связи с этим нами был предпринят анализ Остромирова евангелия с точки зрения имеющихся в тексте бесспорных диагностирующих признаков – южнославянского и восточнославянского происхождения – в контексте церковнославянского языка русской редакции.

Следует подчеркнуть, что Евангелие, занимая доминирующее положение среди других церковных текстов, имело особое положение в русской культуре и менее всего подвергалось «русификации». Впервые на эту особенность указал Н.М. Карамзин, который на основании сопоставительного анализа текстов Евангелий XII, XIV вв., Минеи XII с текстами Острожской библии, а также Библий, напечатанных при царе Алексее Михайловиче и императрице Елисавете Петровне (которая «гораздо более исправлена») сделал вывод: «не только Библия, но и другие церковные книги в России XII в. были одного перевода с нынешними» [Карамзин 1880: 139]. Аналогичное впечатление, судя по признанию Святителя митрополита Московского Филарета, производит Остромирово Евангелие (ОЕ): «Евангелие по списку, сделанному Остромиром в одиннадцатом столетии, теперь в печатном издании читается точно так, как за восемьсот лет, и не представляет значительных разностей от изданий славянского текста, сделанных по исправлению оного под смотрением Святейшего Синода» (цит. по: [Верещагин 2009 [http](http://)]). Такая консервация текстов Священного писания, или, как определяет И.И. Срезневский, «необходимая неподвижность языка, освященного церковью», обусловлена самим их назначением – «каким бы изменениям ни должен был подвергнуться язык народа, язык книг богослужебных должен был оставаться тем же самым, чем был сначала», тогда как народный язык «шел все далее по пути изменений в своем составе и строе», однако «жизнь языка в книге возможна только потому, что есть или была жизнь в народе» [Срезневский 2007: 35-38]. И в этом важнейшее отличие живого языка от не имеющего подобной собственной истории языка церковнославянского [Горшков 1987: 28], который «и не язык вовсе: чтобы обосновать его право считаться языком, а не набором текстов, только в конце XIV в. стали переводить грамматики ... и попытались изъяснить его парадигму через греческий образец, как подобие последнего» [Колесов 1989: 263].

Именно поэтому для церковнославянского языка были важны образцы-тексты, где синтагма определяла традиционность и кон-

сервативность языковых явлений. Достаточно показательно в этом плане сопоставление генетически соотносительных рефлексов в ОЕ и Новгородских служебных миней (далее – НМ), в которых в целом преобладают южнославянские по происхождению рефлексy. В частности, в рукописях фиксируются только неполногласные формы типа **градъ**, **врѣмѧ**, **благо**, **дрѣво**, **прѣстолъ** (кроме единственной в ОЕ полногласной формы **перегнѣвъ**) и формы с рефлексом **щ**<*tj, *kt, *gt: **отвѣщавъше**, **възмоуцааше**, **просвѣщенъ**, **зацищенне** и под. Однако «сбой» в гомогенном фоне древнейших точно датированных рукописей демонстрируют рефлексy *tj и особенно *dj.

Наличие форм с восточнославянскими рефлексами *tj (в виде гетерогена **злаченѣ**) и *dj (чаще в виде **ж** (93,25%), реже – **жг**) в НМ – явление не случайное, и может быть объяснено спецификой Миней как произведений, предназначавшихся для чтения вслух, а также принадлежностью анализируемого списка к новгородским памятникам, для которых было характерно более широкое употребление русизмов. Очевидно, эти особенности способствовали проникновению в канонический текст НМ XI в. рефлекса диалектного происхождения **жг**<*dj (1,08%). Лишь незначительная часть образований (5,27%) зафиксирована с рефлексом **жд**. В результате в НМ реализуется чередование /д'–ж–жд–(жг)/, где альтернативный ряд дается в порядке убывания частотности. ОЕ также представляет смешанный тип чередования с рефлексом *dj, но в нем, в отличие от НМ, преобладает альтернант **жд** (89%), а наличие его восточнославянского эквивалента отмечено лишь в девяти образованиях, реализующих полную парадигму морфонологических чередований, которые гораздо строже придерживаются гомогенной огласовки в отличие от группы «отдельных слов» [Бекасова 2005]: **завлоужьшаа** ОЕ 55 об., **завлоужьшихъ** 56, **ноужаахъса** 89, **оутверъжающоу** 250 об., **троужающи** 244, **троужаютсяса** 62 об., **прихожж** 23 об., **рожьшоуца** 251, **роженный** 8.

Данные образования возможно оценить как невольную опisku книжника, однако они входят в список корней, пронизаемых для генетически чуждого исходным церковнославянским текстам восточнославянского по происхождению рефлекса *dj [Бекасова 2008]. Указанные корни на протяжении всей сложной истории становления типов чередований с рефлексами *dj реализуют смешанный тип альтернатици, в том числе и в пределах одного памятника.

Важно подчеркнуть, что генетическое оформление данных корней в некоторых памятниках сопровождается предпочтительностью определенного по происхождению альтернанта: чаще всего **ж** (в НМ, «Изборнике» 1076 г.), реже **жд** (в ОЕ, «Изборнике» 1073 г.). Такое четкое распределение альтернантов в образованиях от корней, характеризующихся высокой степенью гетерогенности не только в церковнославянских, но и древнерусских текстах, в определенных рукописях – при гетерогенности одних корней и четкой гомогенности других, причем в пользу преобладающего в рукописи рефлекса *dj, – весьма показательно, так как свидетельствует, на наш взгляд, об определенном стремлении к гомогенности, которое, безусловно, не могло не сопровождаться разной степенью гетерогенности образований от склонных к этому корней.

Аналогичное ОЕ и НМ соотношение гетерогенности характеризует богослужебные тексты вплоть до реформ XVII в., когда в текстах никоновской печати количество южнославянских по происхождению рефлексов *dj возросло в среднем до 73, 56% [Бекасова 2010: 81-105]. К XVIII–XIX вв. уровень соотношения южнославянских и восточнославянских по происхождению рефлексов *dj устанавливается и колеблется в пределах соотношения 9 : 1, тогда как в более ранних памятниках возможен разброс соответственно от 9,5 : 0,5 до 0,2 : 9,8. Важно подчеркнуть, что однородность реализации рефлексов *dj не была достигнута и в данных текстах, где гомогенность нарушается в традиционно сложившихся «слабых звеньях» многовекового употребления восточнославянского по происхождению **ж**. Однако их количество, судя по изданиям Евангелия XVIII–XIX вв., сужено до некоторых форм 1 лица настоящего (простого будущего) времени (особенно с корнем **-стыд-**), большей части образований с корнем (ү)**тверд-** и вариантных пар типа **вижд-/виж-**, **чүжд-** / **чүж-**, **невежд-** / **невеж-**.

Таким образом, в текстах церковнославянского языка русской редакции восстанавливается идентичность реализации всех групп праславянских рефлексов в южнославянском по происхождению обличии, что приводит к гомогенности текстов и церковнославянского языка в целом. Иными словами, возобладала та кирилло-мефодиевская традиция, которая достаточно четко, с незначительными фонетическими отклонениями, была представлена в самом раннем из дошедших до нас древнерусском списке Евангелия.

Литература

Бекасова, Е.Н. Генетический фон древнерусского текста : монография / Е.Н. Бекасова. – Оренбург : ОГПУ, 2010. – 208 с.

Бекасова, Е.Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка / Е.Н. Бекасова // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42-49.

Бекасова, Е.Н. Статус рефлексов *dj в памятниках церковнославянского языка русского извода / Е.Н. Бекасова // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – М. : МГОУ, 2008. – Вып. 3. – С. 5-11.

Верецагин, Е.М. Кирилло-Мефодиевское переводческое решение по свидетельству Остромирова евангелия [Электронный ресурс] / Е.М. Верецагин // Московские Епархиальные Ведомости. – М., 2009. – № 9-10. – Режим доступа : <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/45/604.pdf>.

Горшков, А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке / А.И. Горшков // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому : сб. ст. – М. : Наука, 1987. – С. 7-30.

Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исследоват. словарная лаб. ; сост. : А.Н. Михин, А.А. Осипова, В.Ф. Хайдарова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 126 с.

Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1880. – Т. 1. – 569 с.

Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Л. : ЛГУ, 1989. – 296 с.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский / вступ. ст. С.Г. Бархударова. – Изд. 3-е стер. – М. : КомКнига, 2007. – 136 с. (История языков народов Европы.)

Шкатова, Л.А. «Крылатая» филология (к юбилею С.Г. Шулежковой) / Л.А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Вып. 34 (215). – Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 49. – С. 179-180.

Шулежкова, С.Г. Устойчивые фразы Остромирова евангелия и их судьба в истории русского литературного языка / С.Г. Шулежкова // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2014. – Вып. 72. – С. 43-46.

М.С. Выхрыстюк

Тобольская комплексная научная станция

Уральского отделения РАН,

Тобольский государственный педагогический институт

им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ (Россия)

А.В. Окмянская

Тобольский государственный педагогический институт

им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ (Россия)

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМИРОВАННОСТИ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В работах по истории русского литературного языка все активнее изучаются проблемы, связанные с теоретическим исследованием и осмыслением языка как феномена. Языковеды пытаются найти ответы на вопрос, что могла представлять собой лексико-грамматическая норма в применении к национальному периоду русского языка и как она фиксировалась. Т.В. Картава считает, что, «несмотря на наличие обширной библиографии по исследуемой теме, следует констатировать, что в целом круг вопросов, связанных с проблемой нормы московского языка XVII в., представляется не до конца изученным, очевидно, из-за недостатка частных исследований, построенных на материале приказного языка» [Картава 1998: 110]. Это заключение в значительной мере относится и ко всему XVIII в. Попытаемся определить сущностные характеристики нормы русской деловой письменности XVIII в., которая представлена многочисленными текстами разных жанров, хранящимися в архивах.

М.Л. Ремнева, автор книги «История русского литературного языка», считает, что в рассматриваемый период нормированными были уже и литературный язык (церковнославянский русской редакции), и деловой язык [Ремнева 2003: 29]. Однако суждение о том, что деловой язык XVIII в. обладал системой норм, не является общепризнанным.

В книге Б.А. Ларина «Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII вв.)» это мнение принимается как исходное положение, не требующее доказательств [Ларин 1975: 227]. Л.Ф. Копосов в монографии, посвященной исследованию ор-

фографии, фонетики, морфологии северорусской деловой письменности XVII–XVIII вв., высказывает предположение, что лишь «... к середине XVI века складывается единая для Московского государства система делопроизводства, и именно в этот период орфографические нормы, сформировавшиеся в московских приказных учреждениях, получают распространение на всей русской территории». Он же обосновывает понятие местной (локальной) нормы, содержащей как обязательный компонент и общерусский вариант нормы [Копосов 2000: 10].

Круг вопросов, связанных с нормированием русской деловой письменности, в силу ряда причин остается в науке не до конца изученным.

Во-первых, не всеми учеными признается правомерность употребления понятия *норма* применительно к русскому языку разных периодов. Так, Ф.П. Филин утверждал: «Норма как объективное явление неотделима от языка на любой стадии его развития, начиная с самых древнейших времен» [Филин 1981: 18-19]. Н.Н. Семенюк, автор статьи «Норма языковая» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», также полагает, что в более широком понимании норма трактуется как «неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития» [ЛЭС 1990: 337]. Данное утверждение находим и в работах В.В. Виноградова [Виноградов 1982: 44], А.А. Алексеева [Алексеева 1994: 34].

Другие исследователи пытаются вычленить в истории развития русского языка определенные периоды, когда правомерно употребление понятия *нормы*. Так, М.В. Каравашкина, описывая язык произведений Зиновия Отенского, одного из крупнейших публицистов XVI в., создававшего свои произведения на церковнославянском языке, пишет, что «уместно было бы говорить о XVI в. как о переходном периоде от узуса к норме, как об этапе осознания узуса. Применительно к русскому литературному языку до XVII в. понятие лексико-грамматической *нормы* является недопустимой модернизацией. Возможно употреблять лишь термин *узус* – *обычай*» [Каравашкина 1999: 110]. Такого же мнения придерживается в последних своих трудах, посвященных анализу памятников письменности Забайкалья, А.П. Майоров [Майоров 2006].

Во-вторых, требует решения вопрос об определении специфики процессов становления грамматической нормы текстов деловой

письменности XVIII в. Л.Ф. Копосов, наряду с общерусской нормой делового письма XVIII в., также выделяет местную (локальную) норму, отличительными особенностями которой были нестабильность, быстрое обновление состава варьирующихся элементов [Копосов 2000: 12]. Т.В. Кортава также считает: «Наряду с устойчивым и обязательным употреблением штампов, в орфографической практике московских приказов допускалось использование различных вариантов написаний как одинаково приемлемых. Это создавало возможность для контролируемого выбора писцом определенных форм в каждом конкретном случае» [Каравашкина 1999: 8]. Вариативность норм приказного языка объясняется отсутствием той организованности, которая свойственна современному русскому литературному языку и которая устанавливается в результате совершенствования делового стиля. В этом случае удобнее вести речь об узусе. В свое время на «диалектно-областные варианты письменно-деловой речи» указывали В.В. Виноградов [Виноградов 1978: 114] и С.И. Котков [Котков 1972: 136]. Эту мысль сегодня развивают Л.Ф. Копосов [Копосов 2000: 48], А.П. Майоров [Майоров 2006: 12, 87]. Проблемами становления нормы на примере лексико-фразеологического состава языка занималась С.Г. Шулежкова [Шулежкова 2009].

В-третьих, дискуссионным является вопрос об определении текстовой нормы как иерархической структуры норм. В рамках документа необходимо различать группы нормообразующих единиц, которые закреплялись прежде всего на уровне формуляра (субтекстовой структуры). Усвоение норм составления делового текста того или иного жанра требовало от писцов сформированных навыков, тем более что исполнители документа часто не переписывали текст, а моделировали его по памяти. Другими словами, можно рассматривать текстовые нормы как иерархическую структуру норм, где каждый вышестоящий уровень включает в себя строевые «единицы» предыдущего уровня.

В-четвертых, требует рассмотрения вопрос о понятиях *норма* и *кодификация*. Не всеми исследователями четко определяется различие между нормой и кодификацией. Большинство из них, как правило, ограничивается констатацией факта, что кодификации деловой письменности старорусского периода не было. «Функцию кодификации выполняли зачастую образцовые литературные произведения, в которых была реализована современная им литературная норма. Они

и стали основой позднейшей кодификации» [Едличка 1976: 19]. Положения работ А. Едлички получили развитие в статье А.А. Алексеева «Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVIII вв.» [Алексеев 1994], в которой утверждается, что «очевидной стабильностью норм обладают тексты, созданные в ту эпоху, когда не существовало кодификации современного типа»: исследователь пытается определить тексты, которые служили образцом, а также заявляет, что «отсутствие кодификации современного типа способствовало колебанию нормы в широких пределах. К этому же приводило рукописное копирование» [Алексеев 1994: 34]. Создавая документы, писцы ориентировались на определенные образцы деловых текстов, прежде всего – центра (Сената и Синода). XVIII в. – время, когда делопроизводство было весьма развито и представлено многообразием жанров деловых текстов. Это было время становления официальной кодификации, т. е. кодификации, закреплённой в документах, актах, исходящих от власти, а именно – в образцовых текстах.

Таким образом, в XVIII в. официальные кодификационные тексты определяют нормирование деловой письменности.

Требует отдельного рассмотрения вопрос о функционировании нормы делового текста, ее часто называют узуальной, то есть сопоставляются и даже сливаются, смешиваются два противопоставленных друг другу понятия: *норма* и *узус* [Копосов 2000: 12]. Писцы, не имея кодифицированных источников, в оформлении формулярных составляющих текста разных жанров пытались следовать определенным языковым традициям, тем самым закрепляли общепринятое как нормированное.

В-пятых, требует углубленного анализа проблема грамматической *вариативности* (*варьирования*). Некоторые исследователи сочетают описание норм деловой письменности с описанием вариативности. «Варьирование, – считает Т.В. Картава, – это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции. Вариативность как свойство языковой системы не исключает обязательности и не противопоставлена норме. Вне проблемы вариативности не существует проблемы нормы» [Картава 1998: 37]. Лексико-грамматическое варьирование – необходимое условие эволюции языка, отражающее становление норм употребления текстовых единиц, начавшуюся кодификацию этих текстов. Процесс отбора текстовых

единиц в XVIII в. не определен и ориентирован на закрепление их в письменной речи как нормированных.

Таким образом, результаты осмысления процессов становления лексико-грамматической нормы текстов русской деловой письменности сводятся к следующему: теоретические материалы по проблемам нормы деловой речи, а также анализ рукописных текстов г. Тобольска конца XVIII в. позволяют говорить о «наличии общерусской нормы делового текста и местной (локальной) нормы, или об общерусском и местном узусе» [Выхрыстюк 2013: 99]. Норма закреплена в правилах употребления, узус – это традиция употребления. При этом местный узус часто соответствует общерусской норме предшествующего периода.

Литература

Алексеев, А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVIII вв. / А.А. Алексеев // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 2. – С. 14–16.

Виноградов, В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XVIII вв. // В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – С. 37–46.

Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 527 с.

Выхрыстюк, М.С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект / М.С. Выхрыстюк. – Тобольск : Полиграфист, 2013. – 368 с.

Едличка, А. Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах / А. Едличка. – М., 1976.

Каравашкина, М.В. Понятия “нормы” и “узуса” и их применение к русскому литературному языку до XVII века / М.В. Каравашкина // Филологические науки. – М., 1999. – № 6. – С. 81–85.

Картава, Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка / Т.В. Картава. – М. : МГУ, 1998. – 110 с.

Копосов, Л.Ф. Северорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) / Л.Ф. Копосов. – М. : МПГУ, 2000. – 287 с.

Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века / С.И. Котков, Н.П. Панкратова. – М. : Наука, 1972. – 318 с.

Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII веков) / Б.А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 212 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 684 с.

Майоров, А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А.П. Майоров. – М. : Азбуковник, 2006. – 263 с.

Ремнева, М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка» / М.Л. Ремнева. – М. : МГУ, 2003. – 336 с.

Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 328 с.

Шулежкова, С.Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62-73.

М.С. Выхрыстюк

Тобольская комплексная научная станция

Уральского отделения РАН,

Тобольский государственный педагогический институт

им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ (Россия)

Е.Ю. Токарева

Тобольский государственный педагогический институт

им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ (Россия)

СИНОНИМИЯ КАК СПОСОБ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА «ЛЕЧЕБНИКА XVII ВЕКА» И «ТРАВНИКА XVIII ВЕКА»

Один из способов семантического осмысления лексического состава текстов лечебников связан с анализом *синонимии*. Известно, что книжно-славянский язык – язык очень высоких синонимических возможностей. Достаточно высокой синонимией характеризовалась уже древнейшая основа его – язык старославянских памят-

ников, что неоднократно было предметом исследования лингвистов Г.И. Белозерцевой [1966], С.П. Замковой [1975], Е.С. Копорской [1988] С.Г. Шулежкова [1989].

В период XVI–XVIII вв. изначальный состав общенародного словаря русского языка многократно умножился и за счет собственных словообразовательных моделей, и за счет контактов с другими языками, и за счет влияния народного языка. Одновременно умножалось и число синонимических рядов.

Показательный пример функционирования синонимов обнаруживается в процессе анализа языка рукописных текстов «Лечебника XVII века» (паспортный номер КП 12092) и «Травника XVIII века» (паспортный номер КП 1287), хранящихся в фондах редкой книги библиотеки при доме наместника г. Tobольска. Анализируемый лексический материал стал основой построения 80-ти синонимических рядов, включающих в себя как маркированные элементы книжно-славянского и разговорного языка, так и стилистически нейтральные единицы.

Синонимия является особым видом междусловных семантических отношений. «Явление синонимии, – по мнению исследователя языка «Тобольского травника XVIII в.» А.П. Урсу-Архиповой, – усложнялось в исследуемую эпоху временным существованием старых и новых лексических элементов. В языке текстов источников синонимические отношения наблюдаются и среди однословных врачебных понятий, и среди апеллятивов, и среди терминологических сочетаний. Проявление синонимических отношений в подсистеме лексики врачевания объясняется тем обстоятельством, что анализируемая лексика не может быть определена как терминологическая в строгом смысле этого слова» [Урсу-Архипова 2005: 101].

Слова, находящиеся в синонимических отношениях, образуют синонимические ряды: *безгласіе – безмолвіе, молчаніе; болѣзнь – нездоровье, недугъ, недомоганіе, немочь; врачваніе – леченіе, врачѣніе; всеневный – постоянный, ежедневный; заболеть – занемочь, ослабеть; исцелиться – поправиться; врачъ – докторъ, докторъ* и др.

В синонимические отношения с однословными апеллятивами и терминами вступает большинство терминологических и даже свободных сочетаний: *болѣсть водяная – оттокъ; водопитіе – питье*

воды; дельный – самостоятельно сделанный; морово поветрие – мор; епелейсиева болѣсть – эпилепсия; жилы – кровеносные сосуды; менструово течение – менструвы; мокрица – мокричная трава; отокъ воточной – водянка; петрушка – петросилева трава.

«В пределах одной тематической группы в синонимические отношения могут вступать и терминологические сочетания, зависимые компоненты которых синонимичны. Иногда такой синонимический ряд включает в себя и синоним-лексему, однако подобные трехчленные и многочленные ряды в рукописном тобольском «Травнике XVIII века» редки: *мадиамъ – мадыяна – медиянна – локтевая вена; менструвы – манстровы – менструово течение; свороборина – свараборина – сварабовина – дикая роза – шиповникъ; уздравить – уздравливать – выздоравливать* и др.» [Урсу-Архипова 2005: 110].

Анализ лексики, наполняющей синонимический ряд, позволяет сделать вывод о том, что она различна по стилистической принадлежности: здесь и книжные варианты, и разговорные, и стилистически нейтральные. Показательны синонимические ряды, включающие в свой состав разностилевую лексику. Отметим, что разговорная лексика в предлагаемом далее перечне выделена курсивом, славянизмы или показатели славянизмов в словах подчеркнуты одной чертой, а нейтральная лексика представлена без выделения: *бранитца, ругатца**; *зачать*, начать; *буде*, если, *ежели*, кабы; *ведать*, знать, *понимать*; *взоити* (на *полокъ*), *взобратъся*, *вскарабкаца*; *дабы*, чтобы; *дать подписку*, подписаться; дома, *строения*, жилые, *хоромины*, *хоромы*, жилые покои, *избы*; *еда*, *кушание*, *пища*; *какое*, *коликое*; *какому*, *каковому*; *нахождение*, *пребывание*; люди, *обыватели*, крестьяне, жители; *неупустително* (*держать*), крепко; *нынѣ*, *нонѣ*, *нонче*; *оные*, они, те; *оборонить*, *защитить*, *заслонить*, *уберечь*; один, *единоличный*, *одинокій*, *единственный*; *одіянiе*, *одежда* // *одежа*; *оттяжить*, *отобрать*, *отнять*; повсягодные, *вселегные*, *всегдашние*; *поелику*, поскольку; *понеже*, *поэтому*; *потребно*, *надобно*; *смирение*, *услужение*; *також*, также, тоже; *правдивый*, *праведный*, *действительный*; *явствовать*, *значиться*, показывать, указывать.

В эпоху Петра I, в период становления делового языка, в России появилось множество коллегий, канцелярий, контор с привлечением к чиновничьей деятельности представителей среднего и низшего сословия. Это способствовало демократизации старого приказного языка. Разговорная речь проникает даже в приказы, ука-

зы, реестры, не говоря уже о текстах неделового характера. Писцы писали на том языке, который слышали вокруг себя, забывая порой о необходимых штампах, формулах, правилах. Понятные, родные слова способствуют пониманию всего текста, а элементы книжности, славянизмы свидетельствуют об официальном, деловом его назначении [Глинкина 2006: 57].

Исходя из содержательного плана памятников, рассмотрим с точки зрения стилистической принадлежности один из приведенных синонимических рядов – *болезнь, болезнь, болячка, боленіе, недомоганіе, недугъ, нездоровье, немощь, слабость*: «...отъ того хлѣбѣнїа творитъ болѣзнь спину» (Травникъ XVIII века, л. 34 об.); «...всякую болячку въ лунѣ уздравливаетъ» (Там же, л. 37 об.); «...кои водянымъ проходомъ мочатся по каплѣ и ту болѣзнь докторы именуютъ бридо-сти станевирія» (Лечебникъ XVII века, л. 37 об.); диагноза «здоров»: «...уздравливаетъ, здравитъ, здравъ будетъ, нечистоту изгонитъ, будетъ здоровъ, поможетъ, будетъ помощь, немощь отидетъ, болѣзнь выведетъ, скорби исцѣляетъ, исцѣляетъ: «уздравливаетъ отъ тоя болѣзни»» (Травникъ XVIII века, л. 37 об.); «навари крапивы съ виномъ на тощее срдцѣ неи, и здравъ будетъ» (Там же, л. 24); «...пить на тощее срдцѣ здравъ будетъ» (Там же, л. 26 об.).

Анализ приведенных синонимических рядов позволяет констатировать, что в большинстве своем они состоят из слов книжно-славянских, народно-разговорных и нейтральных.

Литература

Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 7-е изд., стер. – М. : Рус. словари, 1999. – 431 с.

Белозерцева, Г.И. Соотношение книжно-славянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литературном языке XVI–XVII вв. (на материале образований с *из-* - *вы-* просторечного значения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Белозерцева. – М., 1966. – 22 с.

Глинкина, Л.А. Тобольский список Лечебника XVII – начала XVIII в. в контексте русской традиционной культуры / Л.А. Глинкина, М.С. Выхрыстюк // Традиционная культура. Научный альманах. – 2006. – № 2. – С. 57-64.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 2002.

Замкова, В.В. Славянизм как историческая категория в русском литературном языке XVII века / В.В. Замкова. – Л. : Наука, 1975. – 180 с.

Копорская, Е.С. Семантическое развитие слова и функционально-стилистические сферы языка / Е.С. Копорская // Язык: система и функционирование : сб. – М. : Наука, 1988. – 120 с.

Лечебникъ XVII века: рукопись // Фонд библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска (паспортный номер КП 12092).

Травникъ XVIII века: рукопись // Фонд библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска (паспортный номер КП 1287).

Урсу-Архипова, А.П. Травник XVIII века как лингвистический источник (на материале памятников библиотеки редкой книги при музее-заповеднике г. Тобольска) : дис. ... канд. филол. наук / А.П. Урсу-Архипова. – Челябинск, 2005. – 240 с.

Шулежкова, С.Г. Введение в историю русского языка : метод. рекомендации (из опыта работы каф. рус. яз. МГПИ) / С.Г. Шулежкова, Л.П. Абраменко. – Магнитогорск : МГПИ, 1989. – 240 с.

В.Г. Дидковская

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Россия)*

ПАМЯТЬ СЛОВА

В 60-е годы IX в. произошло величайшее событие в истории славянских народов Центральной и восточной Европы – братья Константин (Кирилл) и Мефодий с группой учеников создали новую письменность и положили начало литературному употреблению славянского языка. С момента своего появления это был «язык высокой христианской культуры <...> способный выразить сложную мысль, тонкое чувство и быть носителем эстетического начала» [Верещагин 1996: 306]. Чтобы выполнять эти задачи, отмечал Н.С. Трубецкой, литературному языку нужны другой словарь, иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народный, бытовой

язык: «св. Кириллу и Мефодию <...> пришлось ввести в солунско-славянский говор много новых слов. Эти слова были частью взяты из говора моравских славян <...> частью заимствованы из греческого, частью же были искусственно созданы из славянских элементов по образцу греческих слов» [Трубецкой 1995: 162 и след.]. Многие из этих образных выражений и лексических единиц, известных во всех литературных славянских языках, благодаря прежде всего текстам Священного писания и произведениям церковно-религиозного характера, имеют тысячелетнюю историю; как пишет С.Г. Шулержкова, их корни кроются в старославянских текстах. Таковы, например, многие слова современного русского языка с корнями *благо-*, *добро-*, *много-* и др., сохранившиеся в составе древнейших устойчивых словесных комплексов, представленных во «Фразеологическом словаре старославянского языка» (ФССЯ): **благодать, благодѣть, божина, божина, благодать, благодѣть, господьна, благодать** [Фразеологический словарь старославянского языка 2011: 45], а также **блага дѣтѣль, добра, блага дѣтѣль; благъ(и) чловѣкъ; благѣжъ часть избѣрати; блажени алчѣщии; блаженъ мѣжъ...** [Там же: 46-48].

Сопоставление словарей, фиксирующих разные синхронные срезы русской лексики, дает вполне ожидаемый результат: количество таких слов в их словниках уменьшается. Так, в «Словаре древнерусского языка» (СДРЯ) XI–XIV вв. представлено около 500 единиц с корнем *благо-*, включая производные в составе словарных статей, тогда как в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (СД) их отмечено значительно меньше (около 200 слов). Интересно отметить, что В.И. Даль находит слова с корнем *благо-* не только в литературном языке, но и в говорах и просторечии: *благать, благовать, благовник, благовница, благу, благошка, благота, благодаруватый*. Кроме того, в словаре подчеркивается разница в значении таких слов в церковнославянском, старинном употреблении и в диалектах русского языка XIX в.: «**Благодать** – црк. дары Духа Святаго, наитие свыше, помощь, ниспосланная свыше, к исполнению воли Божьей, любовь, милость, благодеяние, преимущество, польза <...> Сиб. *Пища, съестное, особенно хлеб*» [Словарь древнерус. яз., т. 1, 1978: 91-92]. Для слова *Благій* или *благой* указано, что оно «выражает два противоположных качества: црк. стар., а часто и ныне: добрый, хороший, путный, полезный, добродетель-

ный, доблестный; в просторечии же *благой* злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный, неугомонный, беспокойный; дурной, тяжелый, неудобный... (От *благой*, добрый – сложилось ныне слово блаженный; от *благой*, дурной – блажной)» [Там же: 90].

Вместе с тем словообразовательное гнездо с корнем *благо-* в СД в значительной части соотносится с соответствующим фрагментом словника СДРЯ; в них присутствуют такие общие единицы, как *благоверие*, *благоверство*, *благоверность*, *благоверный*, *благовещать*, *благогласие*, *благовонный*, *благодушие*, *благodeять*, *благоизволение*, *благоязычие* и др. Некоторые из этих лексем (*благовеститель*, *благовестительный*, *благовещий*, *благовременно*, *благодатно*, *благодушество*, *благосмысленный*, *благоприличие* и др.) были редкими уже в произведениях русской классической литературы XIX в. [Редкие слова... 2000].

В словники современных словарей по разным причинам включены не все слова с корнем *благо-*, однако, например, во втором издании БАС их количество лишь немногим уступает словарю В.И. Даля (123 словарных статьи): *благо*, *благоверный*, *благовест*, *благовестить*, *благовещение*, *благоволение*, *благоговление*, *благодать* и др. Большинство слов этого типа сопровождаются в БАС пометой «устар.»: *благодарение*, *благодравие*, *благопожелание*, *благорасположение*, *благорастворение*, *благостный*, *благостыня*; для других такой пометой сопровождаются отдельные значения: «**Благоверный** 1. Устар. Исповед. истинную веру, благочестивый» [Словарь совр. рус. лит. яз., т. 1, 1991: 593]; «**Благой** 1. Приносящий добро, благо. 2. Устар. Благополучный, счастливый» [Там же: 604]; «**Благочинный** 1. Устар. Добропорядочный, благопристойный (о человеке)» [Там же: 621]. Заметим, что словарная помета «устар.» свидетельствует о «неактивности», неактуальности этих слов и значений в системе современного русского языка и для современного общения, но не исключает их из системы современной русской лексики.

Однако многие из слов с корнем *благо-* не просто перешли в пассивный словарь, но и стали для современных носителей русского языка «словами, которые мы не знаем» – агнонимами. В монографии «Русские агнонимы» В.В. Морковкина и А.В. Морковиной в список слов, неизвестных современникам, включены *благовест*, *благовестить* 1, *благовестить* 2, *благовремение*, *благовременный*,

благодарь 1, благодарь 2, благородие, благостыня, благость, благочиние, благочинный [Морковкин 1997: 114].

Слова-агнонимы интересны и важны тем, что позволяют представить словарный запас личности, а также объем и глубину «генетической памяти», связанной у носителей языка с этой лексикой. Генетическая память – это «семантический довесок» к основному значению единицы языка, «который обеспечивает ему «закадровую глубину» за счет внелингвистических «фоновых» знаний и ассоциативных связей. Объем такого рода «фоновых» знаний и ассоциаций не может быть стабильным. Он зависит от состояния национальной культуры вообще, в том числе от уровня образованности компетентности носителей языка» [Шулежкова 2013: 154]. В качестве инструмента исследования «генетической памяти» может быть использован ассоциативный эксперимент, выявляющий место слова, его синтагматические и парадигматические связи, особенности значения не в лексической системе языка, а в индивидуальном лексиконе его носителей. С этой целью был проведен лингвистический эксперимент, участниками которого стали студенты I и II курсов разных факультетов Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого (филологического, исторического, философского). Он включал два этапа: 1) определение объема участка лексикона, формируемого словами с корнем *благо-*; 2) выявление динамических процессов в содержании этих слов и круга связанных с ними фоновых знаний.

Как показали результаты первого этапа эксперимента, проведенного в форме анкетирования, в языковой памяти молодых носителей языка устойчиво присутствуют 169 слов, среди которых наибольшей частотой «припоминания» характеризуются *благодарность, благотворительность, благодарь, благородство, благодарить, благовест, благоверный, благополучие, благодетель, благость, благо* (слова приведены в порядке убывания частотности). На втором этапе, проведенном в форме ассоциативного эксперимента, в качестве слов-стимулов были выбраны слова, в разной степени связанные с их генетическим источником: *благовест, благовещенье, благоверный, благодарь, благодетель, благотворительность, благочестивый, благоустройство, блаженный*. Анализ полученных ассоциативных полей показал, что их состав мотивирован словообразовательной структурой предложенных лексем, и в первую очередь корнем *благо-*, который для респондентов является носителем

семь *добро*, обуславливающей появление реакций *добро*, *доброта*, *добрый* (например, **благотворительность**: добро, доброта, добрые дела; **благодетель**: добро, добрый человек, добрые дела). Кроме того, эмоционально-оценочная окрашенность корневой лексики *благо* обусловила абсолютное преобладание среди слов-реакций прилагательных с семантикой положительной оценки: *верный*, *добрый*, *надежный*, *непорочный*, *праведный*, *хороший* и др.

Как оказалось, для студентов-гуманитариев слова с корнем *благо-* выступают как носители культурных знаний, связанных с религиозной сферой: реакции такого типа присутствуют в большинстве полученных ассоциативных полей и отличаются достаточно высокой частотностью. Так, они ожидаемо преобладают для стимулов **Благовещение** (церковный праздник; православный праздник; церковное торжество, православие; церковь; служба, собор, праздник церковный; священный праздник, Пресвятой Богородицы; православный христианский праздник) и **Блаженный** (святой, юродивый, не от мира сего, Божий человек, чистая душа (священник), святой человек, добрый, верующий человек, человек, полностью отдающий себя Богу). Однако реакции, раскрывающие «генетическую память» слов, характерны и для других единиц этого словообразовательного гнезда: **Благочестивый**: святой, праведный, непорочный, соблюдающий заповеди, исполняющий волю Божию, соблюдающий религию, христианин, искренне верующий человек; **Благоверный**: благоверный князь, лик православных святых, искренне верующий, верный Богу. В то же время для слова *благоверный* высокочастотными оказались реакции *муж* и *супруг*, *спутник*, *верный супруг*, свидетельствующие об актуальности для современных носителей языка его «некнижного» и достаточно нового значения. Оно было отмечено в «Толковом словаре русского языка» (ТСУ) Д.Н. Ушакова как единственное со следующими пометами: «Только в шутол. выражениях в знач. суш.: **благоверный**, ого, **м.** – муж, и **благоверная**, ой, **ж.** – жена» [Ушаков, т. 1, 1935: 145] (Первонач. церк. эпитет царей в знач. «православный, правоверный»).

В ассоциативном поле стимула *благодать* реакции, отражающие его исконное, религиозно-нравственное значение, являются единичными, отражающими скорее индивидуальное знание респондентов, их практический опыт. Во-первых, часть из них обусловлена словообразовательной моделью слова (*дар*, *одарить*, *доброе* дело),

во-вторых, они актуализируют его общую положительную эмоциональную окрашенность в объяснительных реакциях как семантику хорошего, положительного внутреннего состояния человека и окружающей среды (спокойствие, хорошо, умиротворение, когда все прекрасно, красота, благоприятная внешняя среда, внутреннее качество души, благоприятные внешние обстоятельства), в-третьих, единичные ассоциаты *спасение, умиротворение, состояние души* можно рассматривать как проявление глубинных знаний, обусловленных книжной компетенцией респондентов, а ответ *Божья* – это часть пословицы *Тишь, да гладь, да Божья благодать*.

Ответы, полученные на стимулы *благотворительность, благоустройство, благодетель*, отражают исторически первичную семантику этих лексем: *благодетель* – «тот, кто делает другим добро»; *благотворительность* – «благотворение, добрые дела»; *благое устройство* – «хорошее устройство, добрый порядок». Те же смыслы связаны с ними и у носителей современного языка; так, реакциями на слово *благотворительность* являются *помощь, добро, щедрость, доброта, пожертвование, добрые дела, добрые, бескорыстные дела, помощь окружающим, безвозмездное пожертвование*.

Таким образом, ассоциативный эксперимент показал, что для студентов-гуманитариев «генетическая память» слов-старославянизмов, фоновые знания, связанные с их употреблением в древних текстах, закреплены в языковой памяти, а значит, участвуют в процессах восприятия и порождения речи.

Литература

Верецагин, Е.М. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян. Очерки истории культуры славян: монография / Е.М. Верецагин. – М. : Индрик, 1966. – 464 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978. – Т. 1 : А-З. – 699 с.

Морковкин, В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) : монография / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М. : АО «Астра семь», 1997. – 414 с.

Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник : ок. 3 500 ед. / отв. ред. Р.П. Рогожникова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. словари ; Астрель, 2000. – 576 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р.И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988. – Т. 1. – 526.

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР ; Ин-т русского языка ; гл. ред. К.С. Гобачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1991. – Т. 1: А–Б. – 864 с.

Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык : монография / Н.С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – С. 162–189.

Ушаков, Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д.Н. Ушаков. – М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. – Т. 2. – 1040 стлб.

Фразеологический словарь старославянского языка : св. 500 ед. / А.Н. Михин, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова [и др.] ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 424 с.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений) : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 260 с.

Д.В. Жигулина

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ РОДЪ В СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ X–XI вв.

Общее понятие рода и различного типа родственных отношений основано на природной связи между людьми. В целом, категория родства и основные формы родовой организации у славян обозначаются словом *род*, в этимологическом отношении связанным с семантикой роста и развития. Действительно, П.Я Черных отмечает, что слово **родъ**, общеслав. *rodъ восходит к и.-е. корню *ǵerdh-: *ǵredh- (: *ǵrōdh-) – ‘расти’, ‘разрастаться’, ‘прибывать’, ‘подниматься’ [Черных, т. 2, 1999: 118].

В старославянском языке лексема **родъ** являлась полисемантом. В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)», изданном под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, приво-

дится восемь её значений [СтСл 1994: 583-584]. В славянских текстах X–XI вв. слово **родъ** реализовывало несколько своих основных значений, среди которых ‘род, происхождение’, ‘род, семья, родня’, ‘род, поколение’, ‘народ, племя’ [ССЯ, т. 3, 2006: 644-646]. Кроме того, данная лексема могла входить в качестве компонента в устойчивые словесные комплексы (УСК). Их можно разделить на три группы в зависимости от того, какой из элементов значения слова **родъ** вошёл в семантическую структуру УСК:

1) УСК, обладающие комплексной семой ‘относящийся к происхождению, роду’ (**добра рода, блага рода, славна рода, великъ родомъ, родомъ оукрашенъ, не того рода**);

2) УСК, характеризующие связь с родом, семьёй (**быти родомъ, быти отъ рода**);

3) УСК, имеющие в своей семантической структуре комплексную сему ‘принадлежащий народу, племени’ (**родъ невѣрьнъ (и развращенъ), родъ крѣстианьскъ, родъ чловѣчьскъ / чловѣчьскыи**).

С.М. Толстая утверждает, что «в языке и народной культуре родство, трактуемое в связи с ключевыми понятиями жизненной силы, роста, воспроизводства, относится к высшим ценностям» [Толстая 2009: 15-16]. Неслучайно в славянских памятниках X–XI вв. активно используются языковые единицы, свидетельствующие о значимости благородного происхождения. УСК **добра рода**, обладающий значением ‘знатный, благородный’ [ССЯ, т. 3, 2006: 644], использован в Ассеманиевом евангелии: **12. Чловѣкъ етеръ добра рода иде на странѣ далече приѣти цѣсарство и възвратити сѧ** (Лк 19: 12) Ас 135.

Наиболее продуктивным памятником, в котором употребляются УСК с компонентом **родъ**, является Супрасльская рукопись. Так, в «**Мѣчении свѣтыхъ и славныхъ новонавѣстившихъ сѧ мѣченикъ феодора. константина. феофила. калиста. васога и дружинны ихъ**» и «**Мѣчении свѣтааго савина**», входящем в Супрасльскую рукопись, находим УСК **блага рода** со значением ‘знатный, имеющий благородное происхождение’ [СБР, т. 2, 2009: 622]: **Единъ же отъ нихъ блага рода. отъ дѣдъ славенъ же племенемъ. васои именемъ свѣтелъ сѧ благодѣтели и истинныи христосовъ воинъ** [Супр 62: 24-28]; **Савинъ кто**

именемъ въ то врѣмѣ сѣ. поустѣ града прѣвѣи блага рода сѣ [Там же 145: 8-10].

Синонимичные УСК славѣна рода и великѣ родомѣ в значении ‘человек благородного происхождения’ [СтСл 1994: 583] встречаются в «Житии и дѣянии прѣподобѣнаго аннина», входящем в Супрасльскую рукопись: Тѣ же кѣмѣ хѣлѣ възглаголавѣшѣ о истинѣ раславѣ кѣмѣ лѣкѣ тѣло и прѣдано бѣ прѣвоуѣмѣ оумрѣштѣннѣ послѣжде же попытавѣ ꙗже о палатинѣ и обрѣтѣ кѣ славѣна сѣшѣ и многѣ слоуѣшѣшѣ ꙗ имѣшѣ и женѣ славѣна рода [Супр 563: 22-26]; слышали кѣ сѣ сѣргѣ савранѣтѣскоуѣмѣ племени кнѣзѣ поставѣкѣ великомѣ родомѣ въ еноздронѣхѣ и междоуѣчнѣ областѣ дрѣжавѣ отѣ прѣдѣла сѣракинѣска [Там же 566: 19-22].

В произведении «Мѣжа свѣтааго кодрѣта и нѣ сѣ нимѣ» из Супрасльской рукописи употреблен УСК родомѣ оукрашенѣ в значении ‘принадлежащий знатному роду’: Блаженѣи кодрѣтѣ врѣстоѣ и добротѣи и родомѣ и богатѣствомѣ и кѣе вѣсѣго истинѣнѣкѣ богочѣстикѣмѣ оукрашенѣ [Супр 98: 14-17].

В этом же памятнике в произведении «Іѣванна архіепискоупѣ златоѣустааго слово о блѣднѣи въ великѣхѣ сѣрѣдѣ кѣ пастѣ» используется УСК не того рода, представленный в «Старобългарском речнике» в значении ‘неизвестный, не имеющий знатного происхождения’ [СБР, т. 2, 2009: 622-623]: Помилоуѣ ма господи сѣноуѣ даѣвѣдовѣ ꙗкоже помилова онѣ хѣнанѣи не того родѣ сѣшѣтѣ нѣ вѣрѣнѣ [Там же 392: 18-21].

Немаловажную роль при определении социального статуса славянина Средних веков играло его происхождение. Это доказывают следующие контексты из «Мѣченіѣ свѣтѣи хѣ Павла и Іѣліаніѣ» и «Житіѣ прѣподобѣнаго отѣца нашего исаакіѣ», входящих в Супрасльскую рукопись, где слово родѣ является компонентом УСК бѣти отѣ рода кѣкѣ, обладающего значением ‘принадлежать к какому-л. роду, семье’: Благовѣсти сѣ гауриѣломѣ ар’хѣг’геломѣ дѣвѣ свѣтѣ прѣчистѣ отѣ рода цѣсарѣска сѣшѣти именѣмѣ маріѣ [Супр 10: 20-23]; нарекошѣ нек’таріѣ ꙗ нѣгого мѣжа именіѣта и доброгоѣвіѣна. кротѣка образомѣ отѣ болѣрѣска рода сѣшѣта и дрѣжавѣшѣтѣ тѣгда епар’шѣскѣи сѣнѣ [Там же 202: 12-16]. На наш взгляд, важным критерием для средневековых славян являлось то, что люди благородного происхождения

были приверженцами христианской веры. В период двоеверия они служили своеобразным примером для тех, кто еще не отрекся от языческой религии.

Лексема **родъ** с семантикой ‘род, ряд поколений’ [СтСл 1994: 584] входит в состав сверхсловной языковой единицы **въ родъ и родъ**. В «Материалах к словарю древнерусского языка» данный УСК описан в значении ‘из поколения в поколение’ [Срезневский, т. 3, 1903: 136]. УСК **въ родъ и родъ**, представленный в «Индексе устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X–XI вв.» [Инд. в.-сл. 2012: 19], употреблен в Мариинском евангелии, Синайской и Евгеньевской псалтырях, Пандектах Антиоха: **50. И милость его въ родъ и родъ боыштинимъ сѧ его** (Лк 1: 50) Мар 193; **помянѣтъ имя твоѧ во вѣѣкомъ родѣ и родѣ** [Син пс, 44: 18]; **ѡда въ вѣкы прогнѣваѣши сѧ на ны. ли простѣрѣши гнѣвъ твоѧ отъ рода въ родъ** [Там же, 84: 6]; **и съзиждѣ въ родъ и родъ прѣстолъ твоѧ** [Евг, 2.1а: 19–20]; **щедроты твоѧ въ родъ и родъ прѣвѣваѣтъ на людѣхъ неочаалѣхъ** [Панд. Ант., л. 307].

Активное употребление в древнейших славянских текстах УСК с компонентом **родъ**, связанных интегральной семой ‘родство’, доказывает осознание средневековыми славянами крепкой связи с семьей, со своими корнями. Именно благодаря этому обеспечивалась преемственность поколений.

УСК **родъ невѣрънъ (и развращенъ)** – ‘люди, не уверовавшие в Христа, не принявшие христианскую веру’, отмеченный в «Индексе устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия» [Инд. Остр. ев. 2014: 78] и «Индексе устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий» [Инд. Арх. ев. 2015: 54], находим в тексте самого памятника: **Чловѣкъ нѣкъти <...> глаголаъ господи помилоуи сынъ мой тако на новъ мѣсѧць бѣсноуѣтъ сѧ <...> отъвѣщаѣтъ же нѣсоуѣтъ рече ѡ родѣ невѣрънъ и развращенъ доколѣ съ вами бѣдѣ доколѣ трыплѣ васъ приведите ми и сѣмо и запрѣти к моу нѣсоуѣтъ и изиде из нѣго бѣсъ и исцѣлѣ отрокъ** (Мф 17: 17, 73 аβ) Остр.

УСК **родъ чловѣчьскъ / чловѣчьскыи** со значением ‘человечество, все люди’ [ФССЯ 2011: 308] часто встречается в Супрасльской рукописи. Так, в произведении «Житиѧ іѧковѧ чръноризца» читаем: **Нъ на родъ чловѣчьскыи искони воужаи дѣяволъ**

и анипаче на робѣхъ с'паса нашего христа [Супр 514: 18-20]; въ сьгрѣшенѣхъ попоуштенъ бѣхъ въпасти и въ сьгрѣшенѣхъ вьсѣхъ горшекъ прѣсквернѣхъ бо врагъ родоу чловѣчьскоу [Там же 519: 20-23]; то начало зѣлокъ на чловѣчьскъ родъ отъ отъчаныа иудина обрѣтъ да въставъ отъ зѣмьа оустрьми са въ миръ [Там же: 18-20].

В том же памятнике в «Мѣченіи сватѣхъ Павла и Іуліаніи» используется УСК родъ крѣстіаньскъ, зафиксированный в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» и имеющий значение ‘верующие в Христа, христиане’: И възвѣштено бѣхъ аурілиану отъ приставькѣхъ воиныхъ вьсе то бѣхъше и оустышавъ рече ѡ з'лочѣстномъ бѣшеніи рода крѣстіаньска іако ни оумерѣхъ ихъ могохъ побѣдити [Там же 15: 3-8].

Итак, в славянских рукописях X–XI вв. лексема родъ используется с высокой частотностью и реализует все свои основные значения, нередко входя в состав целого ряда сверхсловных языковых единиц.

Литература

Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий / Науч.-исслед. словарная лаб. ; сост. Д.В. Жигулина, О.С. Климова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, Н.В. Позднякова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова ; вступ. ст. Н.В. Позднякова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – 92 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исследоват. словарная лаб. ; сост.: А.Н. Михин, А.А. Осипова, В.Ф. Хайдарова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 126 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X–XI вв. / Науч.-исследоват. словарная лаб. ; сост. : О.С. Климова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова ; ред. колл. : Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2012. – 69 с.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Изд. отд. рус. яз. и словесности Император. акад. наук, 1903. – Т. 3. – 1684 с.

Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; гл. ред. Д. Иванова-Мирчева. – София : Валентин Траянов, 2009. – Т. 2. – 1325 с.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес [и др.] ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

Толстая, С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – С. 7-22 («Библиотека Института славяноведения РАН. 16».)

Фразеологический словарь старославянского языка : св. 500 ед. / А.Н. Михин, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова [и др.] ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 424 с.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2 (Панцирь – Ящур). – 560 с.

Slovník jazyka staroslověnského / hl. Red. Joz. Kurz: t. 3. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiky, 1982 ; 2-е изд., репринт. : Словарь старославянского языка : в 4 т. – СПб. : СПбГУ, 2006. – Т. 3. – 680 с.

Источники

Евгеньевская псалтырь (БАН, 4.5.7 (Кеппен, № 3 (19)), 2 л., (РНБ, Погод. 9), 18 л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.manuscripts.ru> (дата обращения: 16.08.2015).

Курц, Й. Ассеманиево евангелие. Ватиканский кодекс 3. Славянский. Т. 2 / Й. Курц. – Прага : Изд-во Чехословацкой Академии Наук, 1955. – 322 с.

Остромирово евангелие 1056–1057 гг. по изданию А.Х. Востокова. – М. : Языки славянских культур, 1843 / 2007. – 968 с. – (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия.)

Пандекты Антиоха XI в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.stsl.ru/manuscripts> (дата обращения: 16.08.2015).

Северьянов, С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. / С. Северьянов // Памятники старославянского языка. – Петроград : Российская гос. Акад. Тип., 1922. – Т. IV. – 393 с.

Северьяновъ, С. Супрасльская рукопись / С. Северьянов. – СПб. : Изд. отд. рус. яз. и словесности Император. акад. наук, 1904. – Т. 1. – 570 с.

Ягич, И.В. Мариинское четвероевангелие: памятник глаголической письменности / И.В. Ягич. – СПб. : Тип. Императ. академии наук, 1883. – 607 с.

Список сокращений

Ас: Ассеманиево евангелие

Евг: Евгенъевская псалтырь

Инд. в.-сл.: Индекс УСК памятников в.-слав. происхожд-я X–XI вв.

Инд. Остр. ев.: Индекс УСК Остромирова евангелия

Мар: Мариинское четвероевангелие

Панд. Ант.: Пандекты Антиоха

СБР: Старобългарски речник

Син пс: Синайская псалтырь

ССЯ: Словарь старославянского языка

СтСл: Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.)

Супр: Супрасльская рукопись

ФССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка

Е.И. Зиновьева

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)*

ФОРМУЛЫ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв.

В сферу научных интересов С.Г. Шулежковой наряду с другими вопросами входят историческая фразеология и историческая фразеография [Фразеологический словарь старославянского языка 2011], исследование фрагментов русской языковой картины мира в их динамическом развитии [например, От языковой картины мира... 2007; От языковой картины мира... 2008; Духовные истоки... 2010].

В письменных памятниках русского языка XVI–XVII вв. отражен обиходный, повседневный язык жителей Московского государства, используемый в документах, в быту, в частной переписке, зафиксированный в разговорниках, в произведениях фольклора,

церковных источниках. Формулы деловой письменности составляют отдельный особый разряд фразеологизмов обиходного русского языка XVI–XVII вв. Формулы в своей застывшей языковой форме закрепили традиции, обычаи, сложившийся бытовой уклад людей, живших в Московском государстве XVI–XVII вв., исследование этого пласта фразеологизмов позволяет реконструировать отдельные фрагменты картины мира человека позднего средневековья.

Практически все сферы социальной жизни человека регулировались соответствующими грамотами, юридическими документами, а формулы в их составе служили вербализации устоев общественной жизни. Так, большим количеством фразеологических единиц закреплялись очень важные имущественные отношения, право собственности. Например, для грамот, фиксирующих сделку купли-продажи или дарения, не имеющую обратной силы, характерны такие формулы, как *вдерьнь без выкупа; вдертную безвыкупно, впрок без выкупа* – ‘в вечное владение, без права выкупа’. В данном случае фразеологизм употребляется уже как термин, утратив первоначальное значение, связанное ранее с реальным обрядом клятвы землей (*вдерьнь, вдертную*). Формула *владеть в поместье, в вотчину* означала ‘иметь в собственности на основании вотчинного или поместного права’, а *жить по вотчине* регламентировала жизнь соразмерно доходу с вотчины. В духовных грамотах использовалась особая формула урегулирования имущественных и финансовых отношений – *на ком (у кого) что взять, кому что дать (отдать)*. Специальная формула запрещала вмешательство представителей власти в хозяйствование монастырей, помещиков – *не въезжать (не всылать) ни по что*.

Многочисленные формулы грамот описывали границы земельных участков, угодий, владений: *со всем тем, что потягло; куды сам ловил и владел; с ряду с одного а не в розни и не через землю и не выбором* – формула справедливого отвода земельных участков при пожаловании земли помещикам в южных уездах России. Реальные действия, закрепившиеся затем в абстрактной формуле, лежат в основе следующих выражений: *вести по меже* – ‘устанавливать границу земельных владений’; *с вервью ходить* – ‘измерять участок земли’.

Мирное соглашение завершала формула *великому государю не бить челом (и не искать) никоим (никоторыми) делами (и того) не вчинать*, а в сообщениях о военных победах использовалось выражение *божиею милостию, а государевым (государя) счастьем*.

Служилые люди, присягая, давали обещание *ни к какому воровству не приставать*.

Общеделовыми формулами можно назвать те, что встречаются в составе разных актов, например, *как изстари было* – о сложившейся традиции; *без вывета(-у)*; *без вывода* – ‘без каких-либо условий, ограничений’; *какой (каков, какие) ни буди* – ‘любой, любые’; *кои нас будет в лицах* – о личном присутствии; *где ни есть (ни буди)* – ‘где бы ни находился, в любом месте’; *во всех (кого) место* – ‘за всех остальных’; *учинить (чинить) безволочитно*. Последняя формула была очень актуальна в связи с существовавшей бюрократической процедурой затягивания решения дел, что получило также устойчивое обозначение *Московская волокита* – ведение дел в Приказах на Москве, сопровождающееся потерей времени и убытками для тех, кто по делам обратился в Приказы. Ср. также фразеологизм *без всякого задержанья*.

Особую группу деловых формул составляют формулы челобитных. Это формулы самоуничижения адресанта, например, *горькая вдовица*; *бедная (беспомощная) вдовка* и др. Формулами, описывающими бедственное положение просителя являются, например, следующие: *одолжать (задолжать, должать) великим долгом (великими долги (долгами))*; *загинуть вконец*; *всеконечное разорение*; *нагота и босота*. *Бедный и беспомощный (и беззаступный)*; *бедный и бесприютный* – постоянный этикетный эпитет в челобитных; *скуден и беден (скудны и бедны)*. Просьба передается формульными выражениями [*не дать*] *вконец погинути (погибать, загинути)*; *вступить в чью-либо бедность*; *бить челом и плакаться*.

Вслед за С.С. Волковым, считаем необходимым выделять также особый разряд формул – определенные стандартизованные схемы, твердо фиксированные лексико-синтаксические модели, которые воспроизводились при изложении тех или иных жизненных ситуаций. Их лексическое наполнение могло в определенной степени варьироваться в зависимости от излагаемых обстоятельств, но сама синтаксическая модель сохранялась [Волков 2006: 198].

К данной группе фразеологизмов относятся:

1) сочетания, образованные по одной синтаксической модели – глагол *кормиться (питаться, промышлять)* + существительное (или адъективное словосочетание) в форме творительного падежа, обозначающее конкретный род занятий, например: *кормиться*

портным мастерством; питаться ремеслом сапожным; промышленять сапожным мастерством; промышленять харчом. В первой четверти XVII в. все способы добывания средств к существованию при сохранении личной свободы человека обозначаются словосочетанием *кормиться собою*, а челобитье в холопство обосновывается устойчивым сочетанием-клише *собою прокормится немочно (собою не прокормится)*.

2) Сочетания с общим значением 'работать по договору найма': *ходить по наймом, ходить по казаком (в казаках), ходить по наймом в казаках, быть (побыть) в наймех, погулять в наймех*. Этот разряд сочетаний противопоставлял работу за договорную плату службе в холопах, статусу крепостного крестьянина или бобыля.

3) Другую большую группу клишированных сочетаний составляют устойчивые единицы со значением 'не иметь дома, пристанища'. Они включают в свой состав глаголы перемещения: *жить походя, жить ходя по миру, жить походя меж дворы; волочиться по двором, бродить меж дворы (двор), скитаться меж двор, походя меж дворы бродить, бродить в (по) миру; скитаться по миру; гулящим бытом*.

4) К данному разряду клише примыкает группа сочетаний с общим значением 'нищенствовать, просить подаяние': *кормиться (питаться) Христовым именем, кормиться по миру, жить (кормиться) по христолюбцам, ходить по добрым людям*.

5) Крайнюю степень бедности обозначают клише *взять негде, продать нечего; дать нечего (и) взять негде*.

6) От бедности и безысходности люди часто покидали постоянное место жительства, службы и расходились кто куда в поисках лучшей доли. Данная ситуация передавалась многочисленными выражениями: *разбрестись (брести, побрести) врознь (врозни); брести розно (врознь); разойтись (пойти, сходить) в ходьбу; ходить в ходьбе (в ходьбу); быть в ходьбе*. Если человек при этом бесследно исчезал, то это описывалось такими формулами, как *безвестно нет (не стало) кого; безвестно деть кого; без вести (пропасть, сойти); безвестно побежать, сбежать (сбрести, сойти и др.)*.

7) Ситуация воспитания кого-либо обозначалась такими формулами, как *вскормить и вспоить; поить и кормить и, вскормив, промыслу выучить; кормить (вскормить) и поить (вспоить) и вскормив (вскормя) замуж выдать*.

Межличностные отношения, моральная сторона жизни людей также нашла отражение в соответствующих формулах. Так, например, в судебниках, Уложении 1649 года, наказах и различных грамотах функционировала формула *другу не дружить, а недругу не мстить* – о принятии честного, беспристрастного, справедливого решения, не взирая на лица, при исполнении государственных дел, в судопроизводстве: «А в суде *другу не дружить, а недругу не мстити*» [Судебник царя Феодора 1589: 413]; «Также и приезжих иноземцов... тем же судом судити... а своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни в чем *другу не дружити, а недругу не мстити*... делати всякия государевы дела, не стыдяся лица сильных [Соборное уложение 1649: 77]. В состав завещания включалась формула – распоряжение о вечном поминовении кого-либо – *помянуть ... доколе монастырь... стоит, из списка... не выгладить*.

Очень часто лексикографическая разработка одного полисемантического слова позволяет выявить большое количество формул, отражавших разные стороны жизни, быта и деятельности русских людей в XVI–XVII вв. Например, фразеологизмы-формулы с компонентом *дело* включают следующие единицы, последовательно реализующие значения существительного: значение ‘работа, занятие’: *дело делать* – ‘выполнять трудовую повинность’; *сидеть у дела (дел)* – ‘находиться на службе’; *быть, сидеть, ходить, жить у государева дела (дел)* (*в государевых делах*) – ‘находиться на государственной службе’; *промышлять (промыслить)* (*государским, государевым, великого государя, Божиим делом*) – ‘вести деятельность, обеспечивающую безопасность государства’. Значение ‘нужда, потребность’ реализуется следующими формулами, используемыми в грамотах: *дело есть до чего-л.* – ‘есть имущественные претензии’ и *дела нет до кого-чего-л.* – ‘нет претензий к кому, чему-л.’. Большое количество фразеологизмов, в том числе формул, реализует такое значение слова *дело*, как ‘судебное или административное разбирательство; судебный процесс’. Так, бюрократия в сфере судопроизводства породила формулы, описывающие житейскую ситуацию, требовавшую большой траты времени для получения решения по своему иску: *жить за делом, волочиться за делом, волочить (изволочить) кого в деле и за делом ходить* – ‘хлопотать по каким-л. административным или судебным вопросам’. Наруше-

ние дьяком «за посул» протокола записи на суде описывалось формулой, зафиксированной в Уложении 1649 г., – *записать дело не по делу*. Отметим, что актуальная и сегодня ситуация прекращения судебного разбирательства за тот же «посул», обозначалась вполне современным фразеологизмом *замять дело*.

В формулах широко отражены богатые парадигматические связи. Так, существовало несколько синонимичных формул вкладных грамот в монастырь на помин души: *в наследие вечных благ будущего ради покоя; вечного ради покоя будущих благ; в надеяние будущих благ*. Бедственное положение челобитчика описывали формулы *жить нечем, жить не в мочь, жить не у чего, жить нельзя стало* и др. Функционировали и антонимичные фразеологизмы-формулы, например, фразеологическая единица *другу не дружить, а недругу не мстить* имела антоним *другу дружить, а недругу мстить* – ‘решать что-л. нечестно, несправедливо, пристрастно’: «А будет он [Данила] учнет сыскивати не по правде для своей корысти или учнет в сыску *другу дружити, а недругу мстити*... [а] про то ведомо будет мимо ево, и ему за то от государя быти в великой опале и в казни» [Галиуллин, вып. 2-3, 1658: 64].

Формулы рассматриваемого периода часто полисемантичны, например, *дело делать* может означать не только трудовую повинность, но и иметь такое же значение, как в современном русском языке: ‘работать, заниматься тем, чем положено’. Нужно отметить, что формулы допускают иногда очень широкое варьирование компонентов, например: *дать (отдать, пожаловать, справить, приискать, поимать, написать) в вотчину*.

Изучение формул деловых документов позволяет судить об этимологии некоторых современных фразеологизмов. Так, современная фразеологическая единица *дела нет до кого, чего-л.* – ‘о том, что не интересует кого-л., безразлично кому-л.’ возникла на базе формулы об отсутствии имущественных претензий, а фразеологизм *ни кола, ни двора* возник на базе формул грамот, описывавших участок земли, на котором реально не было обозначено знаков владения или поселения – не был вбит кол, не поставлен был двор. Ср.: *нет (ни) двора ни кола (ни пашни)*: «Пашут деи те пустоши и кося наездом хрестьяне троецкие, а *нет* деи на тех пустоших двора, *ни кола*... и яз [великий князь] его [А. Гладкого] пожаловал: поставит себе на тех пустоших двор» [Акты социально-экономической исто-

рии, т. 1, 1491: 443]; «[Пустошь] лежит деи пуста лет с петдесят и лесом поросла великим, *ни двора деи на ней нету, ни кола, ни паши-ни*» [Там же 1499: 491]. Ср. в современных псковских говорах: *ни кола, ни двора, ни милого живота* [Псковский областной словарь, т. 10, 1994: 226]. Пословицы *Другу не другися, а недругу не мсти; Другу не дружи (не потворствуй), а недругу не груби (не вреди); Другу не дружить, а недругу не мстить, [чтоб души не сгубить]*, зафиксированные в «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко 2010: 304], восходят к рассмотренной выше формуле юридических актов и грамот.

Анализ формул деловой письменности Московской Руси позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой совокупность неоднородных с точки зрения семантической слитности компонентов единиц, находящихся на разных ступенях фразеологизации. Можно также отметить, что некоторые современные фразеологические единицы уже сложились или находились в стадии становления в XVI–XVII вв. – в интереснейший период формирования национального русского языка. Историко-культурный подход к изучению разных типов формул в обиходном языке Московского государства позволяет описать существовавшие обычаи, быт, верования, систему правовых норм и т.п. сквозь призму фразеологии, выяснить этимологию современных фразеологических единиц, сделать вывод об отдельных фрагментах языковой картины мира рассматриваемой эпохи.

Литература

Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVII вв. – М. : АН СССР, 1952. – Т. 1. – 690 с.

Волков, С.С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века. На материале челобитных / С.С. Волков. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 342 с.

Галиуллин, К.Р. Казанский край : словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. / К.Р. Галиуллин, Р.Р. Шакирова. – Казань : Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2009. – 263 с.

Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития : коллективная монография / НИСЛ МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – 257 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллективная монография : в 2 ч. / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. 1. – 241 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллективная монография : в 2 ч. / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – Ч. 2. – 270 с.

Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.А. Ивашко, М.А. Тарасовой. – Т. 10. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 296 с.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. – М. : Госюриздат, 1959. – Вып. 6. – 503 с.

Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. // Памятники русского права. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – Вып. 4. – С. 413-443.

Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова [и др.] ; Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова ; редкол. : М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 415 с.

И.С. Клинова

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ШКОЛЬНИКОВ К ОЛИМПИАДАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

На современном этапе подготовка к олимпиадам по различным наукам – одна из самых распространенных, наиболее массовых форм работы с одаренными детьми. Она предполагает воспитание у школьников любви к русскому языку, пробуждает интерес к его исследованию, развивает языковую интуицию и творческие способно-

сти обучающихся. На церемонии открытия заключительного этапа X Всероссийской олимпиады по русскому языку в Орле Л.И. Скворцов так определил ее цель: «пробудить и поддержать творческую инициативу детей. Они по-настоящему приобщаются к богатствам русского языка, к пониманию того, что это является душой народа, стержнем нации» [Мосягина 2005 [http](#)].

Центральная методическая комиссия по русскому языку Всероссийской олимпиады школьников выработала основные подходы к содержанию и структуре олимпиадных заданий. От участников требуется, помимо прочего, проявить элементарную осведомленность в вопросах происхождения и истории слов, а также понимание закономерностей исторического развития лексического значения слова. У олимпиадника должны быть навыки синхронного и диахронического морфемного и словообразовательного анализа [Русский язык 2008: 4]. Так, выполнение заданий заключительного этапа олимпиады текущего учебного года предполагало поиск этимологически родственных слов, в частности таких, чье родство в современном русском языке почти не ощущается, восстановление этимологического гнезда, а также определение значений слов, которые сегодня употребляются, но либо изменили свое значение, либо расширили его.

Традиционным для заключительного этапа является задание № 10, выполняя которое учащиеся должны перевести текст и дать лексико-словообразовательный комментарий к выделенным словам. «Лексико-словообразовательный комментарий обязательно включает: 1. Исконное значение слова и контекстное (значение, отраженное в тексте, при их несовпадении); 2. Словообразовательный анализ слова с исторической точки зрения (может совпадать или не совпадать с современным морфемным членением слова), с указанием, когда это важно для прояснения значения слова, семантики аффиксов. 3. Доказательство путем подбора родственных слов со сходным значением или морфемным составом с указанием возможных чередований» [Задания и ответы 2015 [http](#)].

Несомненно, справиться с такими заданиями могут только те учащиеся, которые углубленно изучают русский язык вообще и его историю в частности. Однако до сегодняшнего дня остается злободневной для лингвистов и методистов задача «убедить учителя в необходимости исторического подхода к преподаванию русского языка и предоставить ему разнообразные материалы для

реализации этого принципа на разных уровнях» [Лыжова 1992: 4; Клинова 2008: 129].

История русского слова может быть изучена только в контексте памятников славянской письменности разных эпох. Поэтому начинающим лингвистам нужна прежде всего хрестоматия по древним языкам, причем такая, которая способна погружать их «в заволаживающий язык древних славянских памятников, богатый символами, предложениями, заповедями, крылатыми изречениями глубокого общечеловеческого содержания, одновременно предоставляя им возможность видеть истоки слов и выражений современного русского языка, его грамматических форм и синтаксических конструкций» [Шулежкова 2014: 107]. Именно такое учебное пособие создала С.Г. Шулежкова [Шулежкова 2011]. В ее «Хрестоматию по старославянскому языку» включено 66 фрагментов из 26 рукописей X–XI вв., в том числе из тех, что обнаружены в конце XX в. и в учебных книгах еще не описаны. «Цементирующую» роль в хрестоматии играют ранее комплексно никем не использованные а) жанровый принцип расположения текстов; б) историко-лингвистическое и лингвокультурологическое комментирование каждого из них; в) лингво-палеографическое описание памятников; г) отражение связи старославянского языка с современным русским языком; г) разработка и внедрение в практику принципов «светского» чтения старославянских рукописей (фоноприложение). Данная хрестоматия сегодня активно используется не только при подготовке студентов-русистов в высших учебных заведениях нашей страны и за рубежом, но и на занятиях с одаренными детьми в магнитогорской «Школе олимпиадного резерва».

«Хрестоматия по старославянскому языку», составленная С.Г. Шулежковой, может быть использована в различных направлениях изучения древнего языка. При подготовке школьников к олимпиадам на первый план выходит этимологический разбор слов. Учитывая содержание олимпиадных заданий, связанных с историей и этимологией слов русского языка, актуальным видом исследовательской деятельности учащихся является работа со словами, зафиксированными в древних памятниках письменности (как старославянских, так и древнерусских) в своих первичных, ныне утраченных значениях. Названная хрестоматия представляет в этом плане богатое поле для деятельности. Этимологические разыскания следует проводить,

используя «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)», систематизирующий все значения старославянских слов [Старославянский словарь 1999], а также «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского [Срезневский 1989] и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [Сл. рус. яз. XI–XVII], представляющих историю русской лексики. Значительно обогатят знания школьников о происхождении слов этимологические словари русского языка.

В отрывках из старославянских текстов встречается немалое число общеславянских слов, утративших некоторые свои исконные значения в русском языке, что позволяет их отнести к семантическим архаизмам. Рекомендуем обратиться к таким примерам: **бракъ** – «свадьба» (с. 115), **варити** – «обогнать, опередить кого-либо» (с. 202), «ждать» (с. 104, 106), **вълѣсти**, **-лѣзж**, **-лѣзеши** – «войти, взойти» (с. 24, 103), **глаголъ** – «слово, речь» (с. 21, 44), **господинъ** – «хозяин» (с. 38), **гробъ** – «могила, склеп, гробница» (с. 97, 98), **домъ** – «род» (с. 21), **жена** – «женщина» (с. 74), **животъ** – «жизнь» (с. 61, 110), **имѣние** – «имущество, состояние» (с. 89), **ликъ** – «хоровод и хороводное пение» (с. 90), **мжжъ** – «человек» (с. 46), **наказание** – «наставление, поучение» (с. 142), **наказати** – «наставить, научить» (с. 142), **погании** – «язычники» (из латинского *rāgānus* – «сельский, языческий» (с. 100), **подвигъ** – ср. различные определения значения данного слова в следующем контексте: **и бѣвъ въ подвизѣ • прилѣжно моляше сѧ • и бѣ(с) потъ юго • яко и капля крѣви • капающе на землю.** Это «борьба; сильное утомление?» [Срезневский, т. II, ч. 2, 1989: 1032], «большое (религиозное) возбуждение» [Шулежкова 2011: 120], «агония» [Старославянский словарь 1999: 461], **село** – «пашня, поле»; «пастбище» (с. 89), **сжпржгъ** – «парная упряжка» (с. 38), **троудити сѧ** – «утомиться» (с. 74), **часъ** – «время, пора» (с. 120), **цѣлованье** – «приветствие» (с. 21, 63), **цѣловати** – «приветствовать» (с. 94), **цѣлъ** – «непорочный, чистый» (с. 28), **языкъ** – «язычник» (с. 27). На указанных в скобках страницах учащиеся найдут в хрестоматии контекст, в котором использованы данные слова. Возможно, им удастся вывести указанные значения из общего смысла отрывка и контекстуального окружения без помощи словаря, что собственно и требуется от олимпиадников.

Следующая подборка древних славянских слов для анализа представляет собой особый тип архаизмов: в современном русском

языке сохранились их однокоренные родственники. **Година** – «(благоприятное, назначенное) время» (с. 75); «час (единица времени)» (с. 95, 128-129), ср. **годъ**; **градѣте** – «идите» (с. 38), ср. грядущий; **иждити** – «истратить, прожить, растратить» (с. 68), ср. иждивенец; **кратъ** – «раз» (с. 66), ср. трехкратный; **кѹръ** – «петух» (с. 66), ср. курица, куры; **миса** – «блюдо» (с. 46), ср. миска; **мытарь** – «сборщик податей» (с. 70), ср. мытарить – «подвергать мытарствам, мучить, беспокоить, утомлять», мытариться, мытарство; **обинѣти сѧ** – «поступать открыто, сказать прямо» (с. 130), ср. говорить без обиняков; **питомъи** – «упитанный, откормленный» (с. 90), ср. упитанный, питательный; **позоваша** – «склевали» (с. 93), ср. зоб; **притѣжѣ** – «приобрету, выручу, добуду» (с. 70), ср. стяжать, стяжатель; **ротѣти сѧ** – «давать клятву (произнося определенные слова)» (с. 66), ср. рот; **стоуденець** – «водоем, колодец» (с. 115), ср. студеный; **храмина** – «дом, здание» (с. 48), ср. храм, хоромы.

Родство старославянского и древнерусского (с XI в.) слова **сърѣтѣние** с современным русским словом *встреча* требует дополнительной аргументации, которую можно найти, например, в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных. Здесь указано, что *встречать* из **сърѣчати** (*сър-* – префикс; согласный *т* между *с* и *р* – вставочный; ср. прост. *страм* вм. *срам*; см. также *сестра*, *остров*). Начальное *в* (< *въ*) позднее (по памятникам письменности – с XVII в.), сначала, возможно, лишь в выражении «идти *в* *стречу*» [Черных, т. 1, 2001: 171]. Соответственно **въ сърѣтѣние** в старославянском тексте означает «навстречу». Ср. **се женихъ градетъ • исходите въ сърѣтѣние ємоу** (с. 126).

Важную информацию учащимся дает знакомство с историческим процессом *замещения* (замены одной морфемы другой без изменения общего значения слова), наглядно представленным в словах **свьѣдѣтель** – «свидетель, очевидец» (с. 65) и **сѣмѣрити сѧ** – «смириться, покориться» (с. 71). В слове *свидетель* сегодня исконный корень *вед-* (от **вѣдѣти** – «знать») вытеснен корнем *вид-* (*видеть*), а в слове *смириться* произошла замена корня *мер-* (ср. *ст.-сл.* и *др.-р.* **сѣмѣрити** – «умерить, смягчить, подавить») на *мир-*. Сближение корней – это следствие народной этимологии.

В качестве самостоятельного исследовательского задания можно предложить школьникам провести сравнительный анализ синонимов, употребляющихся в старославянских текстах попарно:

пѣтъ и стѣзѣ (с. 142), скръбѣти и тоужити (с. 118), мракъ и тьма (с. 194). Данные наблюдения позволят учащимся сделать вывод о богатстве лексической системы старославянского языка, о риторических приемах старославянской стилистики, об особенностях языковой картины мира древнего человека.

Литература

Задания и ответы для проведения заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2014/2015 учебном году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rosolymp.ru/?action=task&option=com_participant (дата обращения: 13.09.2015).

Клинова, И.С. Исторический подход к преподаванию русского языка / И.С. Клинова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под. ред. О.В. Гневэк, З.М. Уметбаева. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – С. 129-132.

Лыжова, Л.К. Программа курса «Родной язык в реке времени (история языка и история общества)» для IX–XI классов / Л.К. Лыжова // Русский язык в школе. – 1992. – № 5. – С. 3-8.

Мосягина, А. Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку открылась в Орле [Электронный ресурс] / А. Мосягина. – Режим доступа : <http://www.orgol.ru/material.php?id=6648> (дата обращения: 15.09.2015).

Русский язык: всероссийские олимпиады / Л.И. Скворцов, Г.В. Карпюк, С.И. Львова [и др.] / под ред. А.М. Камчатнова. – М. : Просвещение, 2008. – 205 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2011. – Вып. 1–29.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И.И. Срезневский. – Репр. изд. – М. : Книга, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес [и др.] ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

Черных, П.Я. Историко-этимологическом словаре современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001.

Шулежкова, С.Г. К истории рождения жанра хрестоматии по старославянскому языку / С.Г. Шулежкова // Вестник славянских культур. – 2014. – Вып. 2 (32). – С. 101-110.

Шулежкова, С.Г. Хрестоматия по старославянскому языку. Тексты, словарь, фоноприложение : учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учеб. завед. / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2011. – 260 с. (с ил.).

Шулежкова, С.Г. Хрестоматия по старославянскому языку. Тексты, словарь, фоноприложение : учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учеб. завед. / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 280 с. : ил. + CD.

Л.М. Любимова

*Забайкальской государственной
университет (Россия)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В наши дни появляется много работ, в которых исследователи обращаются к языковой личности (далее – ЯЛ). Традиционно к изучению ЯЛ обращалась лингводидактика, которая сформировала особые приемы обучения ЯЛ. Лингводидактическое знание о ЯЛ основано на получении информации о степени владения языком, о речевой способности, о видах языковой компетентности. ЯЛ – явление многомерное и многоаспектное, что объясняет существование в лингвистике разнящихся толкований ее сущности: сформировались разные подходы к ее изучению (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, В.В. Красных, В.А. Маслова и др.)

Среди лингвистических дисциплин антропологического свойства, внесших наибольший вклад в исследование природы ЯЛ, особо следует выделить психолингвистику, социолингвистику, когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. Несмотря на то, что названные области знаний имеют свою предметную специфику и методологию, все исследовательские координаты этих лингвистик так или иначе

сходятся на изучении ЯЛ и языкового сознания человека, в процессе изучения которого рассматриваются лингвистический, когнитивный, психолингвистический и социокультурный аспекты. Однако при всей антропоцентрической общности вышеназванные лингвистики имеют значимые различия в исследовательских подходах. Так, социолингвистика рассматривает ЯЛ в ее социальном окружении, а проблему владения языком квалифицирует как социальную. Социолингвистику интересуют такие вопросы, как уровни владения языком, социальный аспект речевого поведения, в частности, вопросы речевого поведения в социально неоднородной среде, социальная регуляция речевого общения [Беликов 2001]. Психолингвистика изучает ЯЛ «в индивидуально-психологическом аспекте» [Горелов 2001: 5]: она исследует процессы становления ЯЛ в онтогенезе, изучает особенности речевого поведения ЯЛ, выявляет общее и индивидуальное в речевой деятельности человека, «исследует различие в речевом поведении представителей разных культур» [Там же: 122], рассматривает модели порождения речи, которые проявляются в различных ситуациях и в разных речевых жанрах. Когнитивная лингвистика рассматривает речевую деятельность человека как один из видов когнитивной деятельности и занимается изучением организации языкового сознания личности.

Таким образом, ЯЛ не изучается сегодня какой-то специальной наукой, хотя, как показывают современные научные разработки, комплексное ее изучение становится необходимостью. Новые формы подготовки специалистов связаны с изучением человека, его поведения в разных социокультурных условиях, диктуют создание такой области знаний, где бы ЯЛ исследовалась комплексно. С позиции антропологической парадигмы, человек (он же и ЯЛ) познает мир через осознание себя, своей деятельности, определяя в ходе познания действительности иерархию ценностей, которые проявляются в речевой деятельности.

Комплексное же изучение ЯЛ и ее речевой деятельности, речевого поведения предполагает синтез всех лингвоантропологических дисциплин и создание такой области знаний, которая могла бы претендовать на монополию в исследовании ЯЛ, существующей и проявляющейся в нескольких измерениях: на социальном, психологическом и этнокультурном уровнях. Как нам представляется, такое направление в современной гуманитарной науке заявило о себе как лингвоперсонология.

Следует заметить, что в последнее десятилетие исследователи весьма логично перешли к вопросу типологии ЯЛ, определяя разные основания для ее классификации [Пекарская 2010]. Лингвисты полагают, что «одной из актуальных задач теории языковой личности является системное построение типологии языковой личности, в которой каждый тип характеризуется набором признаков, определяющих его речевое поведение» [Кузнецова 2009: 68]. Однако следует констатировать, что современная филологическая наука активно изучает и анализирует современную ЯЛ (языковая личность политика, писателя, «сильная языковая личность», этническая языковая личность, языковая личность билингва, языковая личность продавца, региональная языковая личность и др.), диахронические исследования в этом плане мало заметны.

Традиционно в рамках структурной парадигмы истории языка, анализируя тексты прошлых эпох, связанные с изучением языковой личности, проявляли устойчивый интерес к вербально-семантическому уровню, который отражает степень владения языком и демонстрирует национально-культурный уровень носителя языка определенной эпохи его развития [Шулежкова 1974]. В эпоху антропологической парадигмы изучения языковых явлений появляются работы, направленные на исследование когнитивных структур. Так, исследователь Н.В. Позднякова (Меркулова), анализируя материалы следственного дела Е.М. Пугачева (XVIII в.), предложила подходить к изучению языковой личности через анализ языковых единиц, которые репрезентируют базовые концепты следственного дела и дают богатый материал для понимания языковой личности – «позволяют увидеть в языковой личности Ем. Пугачева типичного представителя казачества последней трети XVIII столетия, вобравшего в себя основные черты народной культуры» [Позднякова (Меркулова) 2014: 123]. Историческая языковая личность, безусловно, может быть оценена с точки зрения разных аспектов и критериев, положенных в основу ее типологизации (например, творческая – нетворческая; стандартная – нестандартная; диалектная – просторечная; конфликтная, центрированная, кооперативная и т.д.).

Исследования исторической ЯЛ представляется возможным на материале деловых памятников прошлых эпох. Объектом нашего наблюдения является языковая личность, представленная в региональных деловых памятниках XVII–XVIII вв. – эпохи форми-

рования национального языка, – которые отражают своеобразную коммуникативную норму своего времени. Источником материала служат челобитные, которые могут быть оценены как документы многофункционального характера.

Челобитные занимают промежуточное положение между актами официально-делового и частно-делового характера. Официально-деловой характер челобитных обусловлен тем, что по законам того времени всякое обращение в правительственные органы адресовалось на имя царя-самодержца и составлялось в земских избах, приказах. Частно-деловыми челобитные являются потому, что в большинстве своем они связаны с интересами определенного лица, касаются взаимоотношений между отдельными членами общества. Содержание челобитных отражает разные стороны русской жизни XVII–XVIII вв., а их социальные функции обусловили массовое использование представителями различных слоев населения (крестьянами, приказчиками, церковнослужителями, служилыми людьми, ремесленниками и др.).

Информационная модель челобитных разноплановая, а структура зачастую стандартна, шаблонна. Особого внимания требует лингвистическое содержание этих документов, разнообразие их лексического фонда. Характер применяемых языковых средств и манера речевой коммуникации исследуемых ЯЛ в челобитных различны в зависимости от уровня просвещенности языковой личности, от ощущения ею реальной действительности, от специфики трудовой деятельности.

Так, в тексте «Челобитная попа Ивана Ивановича о выдаче жалованья» [1681 г., ЦГАДА, ф. 1142, д. 22] зафиксировано речевое поведение исторической ЯЛ, которое сформировалось на базе сложившихся стереотипов. В челобитной представлена ЯЛ, которая демонстрирует мужской тип речевого поведения. Автор данного текста оперирует устойчивыми формулами общения, которые свойственны соответствующему этапу развития национального социума и национального языка. В структуре исторической ЯЛ, представленной в ряде челобитных, обнаруживается культурный компонент, проявляющийся в следовании правилам речевого этикета данного исторического периода. Правила социального поведения требовали применения особых языковых средств при обращении к царю – «великому Государю», что наглядно демонстрирует изучаемая челобитная: «Црю

Гсдрю и великому кнзю Федору Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу». Данные языковые элементы в тексте небольшой челобитной повторяются неоднократно и свидетельствуют о цели их применения – с одной стороны, соблюдения действующий деловой этикет, применяемый на данном этапе развития социума и речевой коммуникации, с другой стороны, способствовать эффективной реализации своего коммуникативного намерения.

Заметим, что в челобитных середины XVIII столетия данное коммуникативное правило речевого этикета выдерживается во всем объеме. Сравн.: «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна саможержица всероссийская государыня всемилостивейшая» («Челобитная священника Нижней Сретенской церкви Андрея Стефанова» (1775 г.); «Челобитная ясажного Жирмудея Яракуева и его сына Ванчука» (1774 г.) [Майоров 2005: 86-88].

Для исторической ЯЛ характерно уничижительное отношение к себе и своим близким, что выражается нередко использованием имен с уничижительными суффиксами: «попадишке моей», «детишкам моим», «поп Иванище Иванов»; «рабь вашъ», «раба вашего». Это свидетельствует о том, что челобитная оформлялась как униженное прошение.

В известном тексте «Челобитная в сибирский приказ служилых людей с жалобой на Протопопа Аввакума» [1656 г., ЦГАДА, ф. 214, стб 508] весьма четко проявляется коллективная языковая личность, коммуникативная стратегия, которой строится на национально-обусловленных особенностях, отличающих коллективное сознание, порожденного опытом поколения XVII-XVIII столетий. Она написана представителями одной из социальных групп русского общества того времени – сибирского казачества, служилых людей. Так, себя служилые люди аттестуют как «холопи ваши государевы». В структуре коллективной ЯЛ проявляется мировоззренческий компонент – те представления, тот образ мира, который лежит в основе национального характера и, соответственно, реализуется в процессе общения. На вербально-семантическом уровне присутствуют лексические пласты, которые демонстрируют негативное отношение служилых людей к протопопу Аввакуму – «вор распоп Аввакум» (в значении «бунтовщик, изменник»), «воровской умысел Аввакума», «письма его воровские», «завотчик» и «ссорщик», «его

воровство», «воровское научение», «писать своею рукой воровскую составную память», «учинил смуту».

Ментальная модель исторической языковой личности весьма стереотипна. В рамках вербальной системы коллективной ЯЛ обнаруживается тенденция к стабильности в отборе форм выражения. Анализ лексикона служилых людей позволяет сделать выводы о преобладании в речи глаголов (*учинить*, *бить*, *чинить*, *ссорить*, *служить*, *велеть* и др.), коррелирующих с фактором эмоциональной напряженности. В целом историческую ЯЛ можно квалифицировать как стандартную.

Таким образом, изучение исторической ЯЛ по памятникам прошлых эпох, носящих деловой характер, анализ арсенала используемых языковых средств и выбора речевых тактик позволяет констатировать, что в структуре исторической ЯЛ отчетливо выделяется культурный компонент, который проявляет себя в следовании правилам речевого этикета данного исторического периода.

Представляется, что необходимо углубленное исследование исторической языковой личности по памятникам письменности разных периодов, которые, безусловно, высветят в содержании языковой личности как культурный компонент, так и специфику языкового сознания человека прошлого.

Литература

Беликов, В.И. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2001. – 439 с.

Горелов, И.Н. Основы психоллингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 303 с.

Кузнецова, А.В. Языковая личность в лингвосоциальном аспекте / А.В. Кузнецова // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты : материалы II Междунар. науч. конф. – Томск : Изд-во Томск. пед. ун-та, 2009. – 384 с.

Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Пекарская, Е.А. Типологизация языковой личности: опыт системного описания / Е.А. Пекарская // Вестник ЧитГУ. – Чита, 2010. – № 1 (58). – С. 74.

Позднякова (Меркулова), Н.В. Тип самозванца XVIII столетия по материалам следственного дела ЕМ. Пугачева / Н.В. Меркуло-

ва // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 122-124.

Шулежкова, С.Г. Именные устойчивые словосочетания в Житии протопопа Аввакума / С.Г. Шулежкова // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1974. – Вып. 6. – С. 51-61.

Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII в. / сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова ; под ред. А.П. Майорова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятск. гос. ун-та. 2005. – 260 с.

А.А. Миронова

*Челябинский государственный педагогический
университет (Россия)*

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ГОРНОЗОВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА НА МАТЕРИАЛЕ ПРИХОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIX ВЕКА*

Богатейшим материалом для характеристики жизни народов Южного Урала и языковой картины их мира являются церковно-приходские летописи XIX в., которым свойственна полипараметричность описаний. Летописи – важнейшие исторические источники, самые значительные памятники общественной мысли и древнерусской культуры. Изучение местного языкового материала – важная задача историко-филологических курсов, зримо иллюстрирующая взаимосвязь языковых и социальных процессов и явлений в диахронии. Подобная работа со студентами-филологами помогает уточнению и расширению знаний по истории русского языка, по древнерусской литературе, позволяет увидеть речевые и стилистические изменения в современном языке, в языковом мышлении.

В XIX в. на Урале складываются традиции церковного краеведения. Благодаря деятельности Уральского общества любителей естествознания была составлена программа сбора сведений, анкета, предоставлено оборудование для метеорологических исследований. Описания горнозаводского населения, присланные Русскому географическому обществу в ответ на анкету 1848 г., практически все принадлежали священнослужителям. Собирались данные по эт-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-34-01256 «Энциклопедия народной жизни: Южный Урал в рукописных памятниках конца XVIII–XIX вв.».

нографии, географии, фольклору, диалектологии. Создание местной периодической печати также проходило при участии священников, сочинения которых сразу же появились на страницах «Губернских ведомостей». В 1873 г. появляется свой печатный орган – «Оренбургские епархиальные ведомости» (Оренбург, 1873–1917). Церковное краеведение соединяло в себе официальную часть, опирающуюся на богословие и постулаты церкви, и народное направление, светское краеведение – историю сел и деревень, заводских селений.

Для исследования языковой картины мира горнозаводского населения Южного Урала, особенностей процветающего в XIX в. летописания в сопоставлении с древними летописными сводами, сибирскими летописями используются следующие оригинальные тексты: «Миасский завод и золотые промыслы в его округе» В.Т. Аманацкого (1856), «Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода (1882–1897)» в 3-х частях (далее «Летопись Миасского завода...») и «Приходская летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Параскевиевской церкви Кундравинской станицы, заведенная въ 1865 году до января 1876 года» (далее «Кундравинская летопись»). Центром мира для писцов и жителей во всех памятниках является завод и церковь, приход. Летописцы – служители церкви, соответственно в сочинениях преломлялся свойственный представителям духовного сословия взгляд на паству.

Этнографический очерк священника Петропавловской церкви В.Т. Аманацкого о жизни Миасского завода в конце XVIII – начале XIX вв. предвещает появление церковно-приходского летописания в России. В ней даются сведения об одежде, пище, суевериях и праздниках местных жителей. Интересно упоминание автора о том, что по совершении венчания новобрачные прикладывались к местным иконам, причем невеста снимала со своей головы ленту и украшала ею венчик Богоматери, а также рассказ о составе запроса и свадебных расходах.

Церковно-приходские летописи велись по строго определенным правилам с 1865 г. В связи с этим исследование «Кундравинской летописи...» представляет собой огромный научный интерес, так как это одна из первых русских подобных летописей XIX века. «Летопись Миасского завода...» демонстрирует эволюцию церковно-приходского летописания к 1900-м гг.: изменения в форме, со-

держании записей, способе оформления материала, выборе языковых средств разных функциональных стилей.

Церковно-приходские летописи состояли из ретроспективной и повременной части, при этом строго соблюдался формуляр отдельных записей. Сами летописи написаны в соответствии с формуляром, что позволяет рассматривать их как один документ. В каждой губернии были опубликованы свои Программы составления летописей, вводились бланки, велась работа над формой сообщений, поэтому изучение памятников, созданных на одной территории в течение второй половины XIX в. позволяет сделать выводы о становлении, изменениях, стандартизации летописей в Оренбургской губернии.

Привлечение текстов в полном объеме, возможность увидеть сам оригинал помогают языковедам выявить особенности текстообразования, влияние узаконенных норм на узуальные нормы языка, пути формирования функциональных стилей и жанров текстов, уточнить лексическое значение слов в контексте, способы выражения мыслей и чувств человека, способы описания окружающего мира, представить феномен славянской культуры и азбуки, код нации.

Важным способом отражения окружающего мира является гармоничное соединение в летописи текстов, относящихся к разным стилям и формам речи (метрические книги, рассказ, поздравительный адрес, публицистическая статья, акт, договор, постановление, манифест, некролог и др.; описание, повествование и рассуждение). Писец пытается дать полипараметрические описания быта и нрава прихожан. Так, о местных обывателях в «Летописи Миасского завода...» говорится уважительно: *«Здешний народ трудолюбив, чисто-плотен и опрятен ... Языкъ Миасскаго населенія – самый чистый, съ произношеніемъ на букву а...»*. Развлечениями служили вечеринки с песнями. Фиксировались и преступления: *«буйство, драки, кражи, похищение золота...»*. Семейный уклад был традиционным для Российского общества: *«тяжесть домашнего труда, весь дом, так сказать, вся семья, здесь (в Миасском заводе) преимущественно возложены на женщин»*. Это присмотр за домом, уход за детьми, изготовление пищи и шитье одежды. *«Добрый отец семейства, если захочет, хлопочет об обуви для семьи, а нет, так жена сама на себя и на семью, где хочешь, добудь наряды»* [Летопись Миасского завода, т. 1, 2009: 43-44], это и заставляет жену участвовать в работах на золотых приисках наравне с мужем...

Используются лексемы различной тематики: слова церковного обихода (*епархия, священник, приход, храм*); различные характеристики людей (по возрасту, полу, социальному положению, внешнему виду, роду занятий, месту жительства); географические термины (наименования населенных пунктов, данные о рельефе, расстояниях); названия явлений природы (*затмение солнца, метеоры, кометы, северное сияние, градобитие, засуха, наводнение*); термины книжного дела (*бумага, скрепа, шнур, печать, чернила*); производственно-ремесленная терминология (*золотоносные россыпи, самородки, промывка песка*); «экономическая» лексика (*жалование, стоимость, денежная помощь*); торговая, земледельческая, пчеловодческая терминология, бытовая лексика – это наиболее частотные лексико-фразеологические единицы текста.

В тексте соединяется живая речь и церковнославянский язык, что отражается в орфографии, синтаксисе, лексике. Это фонетические славянизмы: *равный, хождение, бытие, чрез, середина*; грамматические: *позлащенный, бывающий, ведомый, чинимый, святого*. Часто встречаются диалектизмы, следы аканья и оканья: *не кушал жаркова, розговор, ростписались, роздачею, пастановлен, ярморочная площадь*. Грамматическое варьирование указывает на не до конца сформированную норму формообразования в разных частях речи: Тв.п. мн. ч. имен существительных (*едиными усты*), Р.п. ед. и мн.ч. имен существительных (*сто пуд, до сего дне, до сего дня*), Р.п. ед. ч. имен прилагательных (*волостного, волостного, сухаво*).

Перед нами уникальный источниковедческий материал, отражающий историю больших и малых городов, «заводов», занятия жителей, уровень их жизни, названия орудий труда, продуктов, болезней и т. д.

Любой летописный текст обладает свойством отражать картину мира носителей языка, их этнического самосознания, поэтому в церковно-приходских летописях фиксируется национальность, вероисповедание жителей завода, количество обращенных в христианскую веру, особенности праздников. Тематика же записей церковно-приходских летописей XIX в. намного шире, так как священники стремились зафиксировать все события в жизни своих прихожан. Центром же существования каждого был завод, который определял род занятий, привычки, семейный уклад, положение женщины, выбор книг для чтения, доминирование профессиональных школ, а не приходских, тематику бесед, проповедей. Летописец видит свою за-

дачу не только в последовательной фиксации событий, но и осмыслении их на ином, обобщающем уровне.

Главное, что отмечают все летописцы во всех церковных летописях Миасского селения, независимо от расположения прихода «в заводе» или в селе, – наличие староверов, раскольников, сектантов.

Общее ознакомление с лингвистической содержательностью и лингвистической информационностью проводится на учебных занятиях. Текст может быть рассмотрен как ценный источник как при его традиционном структурно-системном анализе, так и при использовании новых подходов к фактам языка: диахронической стилистики, коммуникативно-прагматического, когнитивно-концептуального. Исследование текстов, относящихся к разным формам речи и стилям, имеющих разную коммуникативную направленность, позволяет определить место летописного стиля в системе русского литературного языка XIX в., выявить специфические черты церковно-приходского летописания и проследить развитие традиций, сложившихся в IX–XV вв., типологические признаки текстов, вариативность норм литературного языка, особенности функционирования старославянизмов и русизмов.

Самостоятельно студенты проводят наблюдения над графикой, культурой письма XVIII в., составом писцов, анализируют языковые факты, прежде всего, вариативность языковых средств в региональных памятниках в соотношении с центром и национальным языком. Итогом работы являются реферативные сообщения, курсовые работы студентов. Приобщение учащихся к текстам, созданным в родном городе в далекие времена, дает уникальную возможность узнать, как жили их предки, о чем думали, беспокоились, мечтали, во что верили, чего боялись, как разговаривали, чем жили.

Литература

Агеева, Е.А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX – начала XX века / Е.А. Агеева // Исторический вестник. – 2000. – № 7-8. – С. 166-195.

Аманацкий, В.Т. Миасский завод и золотые промыслы в его округе / В.Т. Аманацкий. – Миасс, 1856.

Зеленин, Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества : в 3 т. / Д.К. Зеленин. – Петербург, 1914–1916. – Т. 1-3.

Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897) : в 3 т. / науч. ред. А.А. Миронова. – Челябинск : ЧелГУ, 2009-2011. – Т. 1-3.

О церковно-приходских летописях // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1874. – № 10. – С. 350-361.

Программа историко-статистических описаний церквей и приходов Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1986. – № 13-14. – С. 176-178.

Проект церковно-приходских летописей // Владимирские епархиальные ведомости. – 1868. – № 6. – С. 1-8.

Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви (1865–1876) / сост. А.А. Миронова, И.А. Чуносова ; науч. ред. А.А. Миронова. – Челябинск : ООО «Полиграф-Мастер», 2014. – 320 с.

М.В. Пименова

*Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Россия)*

**ОПИСАНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП РЕЧИ
(на материале деловых памятников XVII-XVIII вв.)***

В работе профессора Светланы Григорьевны Шулежковой «Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения» совершенно справедливо отмечается, что «историко-лингвистические дисциплины способствуют формированию у студентов подлинно исторического подхода к явлениям языка, убеждают их в системности языковой структуры, в причинно-следственных связях между фонетическими, грамматическими и семантическими процессами. Эти дисциплины являются важным звеном в профессиональной подготовке специалистов-словесников высшей квалификации» [Шулежкова 2013: 3]. Данное учебно-методическое пособие С.Г. Шулежковой, а также дополняющая его «Хрестоматия по старославянскому языку: тексты, словарь, фоноприложение» [Шулежкова 2015], отличаются высоким научным уровнем и отражением

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м).

новейших достижений современной лингвистики. Особое внимание уделяется стимулированию самостоятельной работы студентов через реальные ориентиры (механизмы) ее выполнения.

Настоящая статья посвящена недостаточно изученному с точки зрения диахронии вопросу – *словесным рядам* функционально-семантических типов речи (на примере *описания*); она может быть предложена студентам как тема для самостоятельного изучения, расширяющая их историко-лингвистический и общекультурный кругозор.

Наш материал показывает, что описание в качестве основного стилеобразующего средства представлено в таких деловых памятниках, как *иконописные подлинники* и *кабальные записи*.

В иконописных подлинниках описание изображения святого строится в соответствии с ритуально-идеологическими задачами иерархии христианских святых по определенной схеме, включающей в себя набор существующих вне времени и пространства дифференциальных признаков, которые в основном совпадают с признаками идеального типа внешности героя древнерусской литературы: 1) возраст; 2) цвет и расположение волос на голове; 3) особенности лица; 4) цвет и форма бороды; 5) форма, цвет и драпировка одежды; 6) положение тела и его частей; 7) атрибуты, усвоенные правилами византийско-русской иконографии каждому лику святых; 8) окружающие предметы [Григоров 1887: 58].

Идеальными образами, символами святости и мудрости являются лики, имеющие бороду [Буслаев 1861: 220], поэтому в описаниях мужских типов особое внимание уделяется этой характерной черте внешности (указывается цвет, форма, длина, расположение и пр.), что относится к отличительным особенностям описания в тексте иконописного подлинника.

Например: «*брада вельми бела, узка, на концы раздвоилась, правая полвина браны доле, а левая короче*» [Григоров 1887: 100]; «*брада руса терховата*» (Подл. I: 26об.); «*брада оуска долга*» (Подл. II: 4об.); «*брада доле пояса, седа*», «*брада велика, широка, на конце раздвоилась и разкинулась*», «*брада подоле риз*», «*брада на конце надвое*» (Подл. III: 1об., 8, 10об., 13); «*брада по персемь тонка*», «*брада кругла, притоупа*» (Подл. IV: 79, 98); «*на концы браны космочки*» (Подл. V: 9); «*брада седа, сохаста, космачки малы, густа*» [Сахаров 1850: 25].

Еще одна особенность описания в тексте иконописного подлинника – уточнение признаков иконописного образа при помощи так называемых образцовых типов, которые служат эталоном при определении той или иной черты внешности описываемого святого, например: «Священномученикъ Фока сѣдъ, **аки Власий**» (Подл. II: 9об.); «Иона пророк сѣдъ, плѣшивъ, **аки Никола**» (Подл. II: 9об.); «Преподобный Кириакъ Отходникъ сѣдъ, брада **Иоанна Богослова**, на концѣ раздвоилася» (Подл. II: 12); «Прохор епископ Ростовский, новый чудотворец, рус, брада **Златоуста**» (Подл. II: 57об.); «Апостол Июда надсед мало, брада **аки Варлаама Хутыньского**» (Филимонов 1876: 32); «Святыи мученик Вакхъ младъ, **аки Димитрии**» (Подл. II : 15); «Святыи мученик Арефа сѣдъ, а власы, **аки Андрея апостола**, бродя проста, **доле Николины**» (Подл. II: 21об; Подл. III: 5.); «Преподобный Андреи сѣдъ, брада **доле Сергиевы**» (Подл. III: 2); «Преподобный отецъ Иларион великий сѣдъ, брада **доле Богословли**, на конце уже» (Подл. III: 3); «Святыи священно мученик Климентъ папа Римский кудреватъ, **аки Егории**, брада, **аки Власьева**» (Подл. III: 16); «Святыи мученик Тимофей рус, **аки Козма**, а подобие все – **Стефана диакона**» (Подл. III: 22); «Иаковъ мученикъ Перский образом и брадою русъ, **аки Борисъ Владитеровичъ**» (Подл. V: 9об.); «Лука евангелистъ русъ, кудреватъ, брадою **аки Флоръ или Козма**» (Подл. V: 17об.).

Описания женских типов, встречающиеся в иконописных подлинниках значительно реже, отличаются, как правило, скупостью и однообразием. Например: «И святых мучениц Агафоклии и Федотии. Аки Пятница» (Подл. I : 28об.); «Святая мученица Клеопатра, аки Пятница» (Подл. II : 19; Подл. VI: 3); «Святая мученица Татьяна, аки Пятница» (Подл. III: 28об.); «Мученица Василиса. Подобие Пятницы» (Подл. III: 106об.); «Святая мученица София, подобием аки Пятница» (Подл. II: 7об.); «И святых мученицы Фивей, аки Пятница. И святых мученицы Раисы такова же» (Подл. I: 23об.); «И святых мучениц Савастияны и Мелетинны, аки Пятница» (Подл. I: 28); «И святых мучениц Агафоклии и Феодотии. Аки Пятница» (Подл. I: 28об.); «Мученица Евлампия, аки Варвара» (Подл. II: 15об.); «Святая Зиновия, аки Варвара» (Подл. II: 23об; Подл. III: 6об.); «Преподобная Домнина, аки Еудокия» (Подл. III: 28об.); «Преподобная Марфа. Все подобие, аки Еудокия» (Подл. III: 106) и т.п.

К особенностям текста иконописного подлинника относится также определение места святого в религиозной иерархии по одежде и священным атрибутам. Например, на ангельский чин указывают ризы, головная повязка, крылья, скипетр; на святительский – шапка, фелонь, саккос, омофор, епитрахиль; на преподобнический – ризы, сандалии, евангелие или свернутый свиток; на воинский – воинские ризы, латы, приволока, ширинка, ноговицы, исподнее платье, сапоги, меч, копье, щит; на царский – венец, багряница, порфира, шуба, ширинка, испод; на простонародный – простые ризы, шапка, шуба, рубашка, порты и т. д. [Григоров 1887: 37-59].

Использование образцовых типов и закрепленных атрибутов подтверждает релевантность стандарта, идеала, а не индивидуальных примет внешности, поэтому, несмотря на то, что описания иконописных подлинников фактически полностью лишены оценочных синтагм, эвалюативность (оценочность) проявляется на уровне текста в целом, поскольку сам факт описания угодника свидетельствует о святости, о мелиоративной оценке.

Следует также отметить, что если идеалом языческой (античной) культуры являются молодость и женские образы как носители внешней физической красоты (*подобие красоте*), то идеалом православной (древнерусской) культуры – зрелость и старость как выражители духовной сущности, подобие внутренней красоты (*красота подобия идеалу*). Именно этим объясняется, как мы полагаем, превалирование женских «словесных портретов» в фольклорных произведениях и мужских – в христиански ориентированных памятниках письменности.

Текст кабальных записей ставит своей целью описание внешности реального человека, причем схема описания, совпадающая в основных чертах с моделью идеального типа, отличается большей детализацией, поскольку для этого делового памятника важны дифференциация и индивидуальные особенности.

Исследователи отмечают, что кабальные записи описывают внешность холопов по следующим приметам: 1) рост; 2) возраст; 3) «каков хто рожеем» (овал лица, посадка глаз, носа, рта, подбородка); 4) цвет бороды, усов, волос, тела; 5) «особые приметы» (физические недостатки, увечья) и т.д. [Ващенко 1974]. Например: «А ростомъ человекъ середней, волосомъ чермень, очи красносеры ... А ростомъ человекъ невеликъ, молодъ, волосомъ русъ, очи серы

... А ростомъ Горяшка невеликъ, волосомъ русъ, очи черны ... А ростомъ Иванко человекъ средней, волосомъ русъ, очи серы. А жена его Иванкова ростомъ середняя, волосомъ черна, лицомъ смугла, очи черны ... А ростомъ человекъ невеликъ, молодъ, очи красносеры, обѣ одномъ глазе, волосомъ русъ ... А ростомъ Иванко, прозвище Козель, средней, волосомъ русъ, очи серы ... А ростомъ человекъ средней, волосомъ русъ, очи серы, круглоликъ, усомъ обниметца ... А ростомъ человекъ среднѣй, волосомъ русъ, очи серы, въ правомъ ухе колечко бывало ... Первушка волосомъ чорнъ, лицомъ смугль, бортка и усъ выседаеть, очи серы, на голове рубецъ ... А мать его ростомъ велика, волосомъ руса, очи велики серы, сестра его ростомъ велика, волосомъ черна, очи велики, вески черны» (Кабальн. кн.: 2, 4, 5, 10, 12, 13, 15, 24, 35, 254).

Характерной особенностью текста кабальных записей является последовательное описание одной детали внешности за другой, а не последовательное соединение синкретом, как в более ранних памятниках. Например: «Дочь Марьица лѣтъ въ пятнадцать, волосомъ руса, лицомъ бела, круглолика, очи черны»; «А ростомъ Ондрюша средней человекъ, волосомъ бѣль, на головѣ знамя, волосы черны на знамени, **очи кари велики**»; «А ростомъ Тарась средней человекъ, тѣломъ смуголь, волосомъ русъ, очи черны, **борода невелика, курчавата** ... Жена его Орина ростомъ середняя, тѣломъ бѣла, волосомъ руса, очи серы, **нось востръ, великъ**» (Кабальн. кн.: 10, 254, 257).

Следует отметить, что в описаниях кабальных записей, как и в иконописных подлинниках, отсутствует оценочная лексика как таковая, однако на уровне текста в целом, который для дифференциации «подлых» лиц выделяет отклоняющиеся от нормы (следовательно, от эстетического идеала) «особые приметы», выражается пейоративная эстетическая оценка.

В заключение хочется пожелать дорогой Светлане Григорьевне дальнейших успехов на пути постижения «неосязаемых тайн» (Ф.И. Буслаев) родного языка.

Литература

Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. / Ф.И. Буслаев. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 2. – 429 с.

Ващенко, Т.Ф. Лексические данные кабальных записей / Т.Ф. Ващенко // Памятники русского языка: вопросы исследования и издания / под ред. Л.П. Жуковской, Н.С. Коткова. – М. : Наука, 1974. – С. 246-257.

Григоров, Д.А. Русский иконописный подлинник / Д.А. Григоров // Русское археологическое общество : уч. зап. – СПб., 1887. – Т. 3. – С. 21-167.

Сахаров, И.П. Исследования о русском иконописании : в 2 кн. / И.П. Сахаров. – СПб. : Тип. Якова Трея, 1849. – Кн. 1. – 64 с.

Шулежкова, С.Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения : учеб.-метод. пособие / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 128 с.

Шулежкова, С.Г. Хрестоматия по старославянскому языку : тексты, словарь, фоноприложение / С.Г. Шулежкова. – 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2015. – 280 с.

Источники

Кабальн. кн. – Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / под ред. А.И. Яковлева. – М. ; Л. : АН СССР, 1938. – 444 с.

Подл. I – Иконописный подлинник XVII в. – РНБ. О. XVII.11. – 252 л.

Подл. II – Иконописный подлинник XVII в. – РНБ. О. XVII.37. – 202 л.

Подл. III – Иконописный подлинник кон. XVII в. - нач. XVIII в. – БАН. 45.9.4/ Сев. – 124 л.

Подл. IV – Иконописный подлинник (алфавитный) первая пол. XVIII в. – РГБ. ф. 212.53. – 134 л.

Подл. V – Иконописный подлинник XVIII в. – РГБ. ф. 310.129. – 36 л.

Подл. VI – Иконописный подлинник XVIII в. – РГБ. ф. 310.132. – 210 л.

**УПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКАМИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
(на материале личной переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина)**

Изучение языковой личности – одно из направлений, которым активно занимаются исследователи под руководством проф. С.Г. Шулежковой. Интерес к данной проблеме обусловлен несколькими причинами. Конечно, это связано с антропоцентризмом – самой характерной чертой современного этапа развития мирового языкознания. Но главная причина кроется в давней любви Светланы Григорьевны к истории, в том числе и к истории языка: она, кстати, как многие известные лингвисты (И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба), закончила историко-филологический факультет Челябинского государственного педагогического института, а в 1991 г. стала одним из основателей историко-филологического отделения на филологическом факультете Магнитогорского государственного педагогического института, выпускниками которого являются девять ее аспирантов.

Большой научный интерес для Магнитогорской школы представляет не изучение обобщенных языковых личностей, а воссоздание языковых портретов исторических фигур, что, в частности, позволяет прояснить некоторые черты неоднозначно оцениваемых деятелей прошлого. Кроме того, объективный лингвистический анализ памятников, отражающих язык конкретной личности, может стать веским аргументом в исторических теориях и гипотезах, ибо в индивидуальных чертах языковой личности кроются черты, характерные для речевого поведения ее современников. Исследования такой направленности крайне редки. На сегодняшний день в Магнитогорске воссоздали языковые портреты Ивана Неронова [Шулежкова 1998; Коротенко 2006], протопопа Аввакума [Шулежкова 1998], княжны Таракановой [Позднякова 1999], Ем. Пугачева [Меркулова 2006, 2014], В.М. Пуришкевича [Меркулова 2010].

Языковая личность Емельяна Ивановича Пугачева, предводителя Крестьянской войны 1773–1775 гг., давно является объектом нашего научного интереса. Создание его языкового портрета проводилось на основе когнитивного анализа допросных речей самозванца и официальных документов, исходивших от правительства и из ставки Пугачева. Проведенный анализ позволил с полным правом назвать Пугачева неординарной языковой личностью последней трети XVIII столетия: «это был человек яркий, решительный, самобытный, проявивший себя как прирожденный лидер, обладающий даром слова, как талантливый полководец и как бунтарь, способный бесстрашно идти к своей цели, часто проявляя жестокость и пренебрегая христианскими этическими нормами» [Меркулова 2006: 201].

Пугачев объединил бунтующие слои населения, организовал свою повстанческую армию и военными действиями создал реальную угрозу законной власти, то есть выступил не просто в роли самозванца, а, прежде всего, как мятежник и предводитель Крестьянской войны. Все это предопределило неподдельный интерес к его фигуре со стороны Екатерины II: она личным повелением санкционировала появление следственного дела, которое было предназначено только для внутреннего пользования Тайной канцелярии. «Следователи руководствовались прямыми указаниями и наставлениями императрицы, которая направляла дознание к выяснению причин восстания, выяснению его “подстрекателей”» [Емельян Пугачев на следствии 1997: 24]. Во время карательных действий и всего следствия Екатерина II не раз указывала ведущим следствие: «Буде никак от злодея самого или сообщников его узнать невозможно, кто выдумал самозванчество Пугачева, то хотя бы и сие из него точно вывести можно было: когда в него мысль сия поселилась, и от которого времени он имя сие на себя принял, и с кем, во-первых, о сем у него речь была» [Емельян Пугачев на следствии 1997: 25].

Интерес к личности Ем. Пугачева в официальных бумагах императрицы понятен: сама будучи захватчицей трона, она больше всего хотела знать, кто есть Ем. Пугачев. А вот упоминание самозванца в личной переписке Екатерины II дает материал для размышления над тем, какую роль сыграл Пугачев в жизни императрицы, как она к нему относилась, считала ли бунтаря и мятежника серьезным противником. Подтверждение серьезности отношения к бунтарю находим в письме императрицы к Вольтеру от 13 августа

1774 г., в котором Екатерина Великая извиняется за долгое молчание, оправдываясь тем, что «маркиз Пугачев наделал мне порядком хлопот... я была принуждена в течение шести недель заниматься этим делом и заниматься непрерывно» [Сборник 1874: 435]. Причем, описывая жестокости мятежников, Екатерина сравнивает Пугачева с Тамерланом (!).

Одним из известнейших и богатейших собраний личной корреспонденции является переписка Екатерины II с графом Г.А. Потемкиным, опубликованная в 1997 году [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997]. В настоящее издание вошли 1162 письма и записки, датированные 1769–1791 гг., из них 830 принадлежат Екатерине II, 332 – Потемкину. Несмотря на то, что данная переписка носит личный, зачастую интимный характер, тематика ее поражает: между рассказами о снах, различными просьбами, разговорами о здоровье решались вопросы внутренней и внешней политики, проблемы ведения Русско-турецкой войны и устройства дел в Крыму, в Малороссии.

При всем многообразии тем личной переписки императрицы с фаворитом, а затем и мужем, более 50 писем и записок так или иначе связаны с именем Пугачева: в них упоминаются события и люди, сыгравшие не последнюю роль в судьбе самозванца. Само же имя «яицкого козака» Пугачева упоминается в переписке 5 раз: 4 раза в корреспонденции Екатерины к Потемкину, 1 – Потемкина к императрице. Все упоминания, кроме потемкинского, датируются 1774–1775 гг. – временем, насыщенным деятельностью Пугачева и его соратников, поэтому нет ничего странного, что императрица беспокоится: *один бешеный колодник показывает, что оне от господина Пугачева отправлены меня с сыном и невесткою убить* (22.05.1774), или: *я сама нисколько не сбережена, но пред всем светом первого врага и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в Империи хвалю и возвышаю* (29.07.1774). В последнем отрывке Екатерина сетует своему фавориту о том, что в трудные для государства минуты, связанные с Пугачевым, она не может решиться предоставить полномочия «панинской партии», за спиной которой стоит наследник Павел Петрович, в любой момент могущий выступить на политическую сцену [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997 [http](http://)].

Письмо Г.А. Потемкина к Екатерине II датируется 10 мая 1788 г., когда в разгаре была Русско-турецкая война 1787–1791 гг.:

Ко мне приехал Пулавский, храбрый человек и столь известный на Волыни. Он противу Пугачева дрался. Спрашивает только, какой мундир надеть, и сюда явится. А люди у него готовы [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997 [http](#)]. После победы над самозванцем прошло 13 лет, но его имя для Потемкина служит лучшей характеристикой, более того, последним аргументом («храбрый человек и столь известный на Волыни. Он противу Пугачева дрался») в представлении человека императрице.

Интереснее же всего для понимания личностей как Екатерины II, так и ее противника Ем. Пугачева письмо и записка императрицы к Потемкину, которые носят интимный характер. В письме, датированном 10 апреля 1774 г., Екатерина предстает любящей женщиной, пребывающей в хорошем настроении: *Ну полно об других говорить. Прикажи говорить про нас. По милости Вашей я встала весела. Vous faites mon bonheur; Dieu donne que je puisse faire le Votre* [Вы делаете мое счастье. Дай Бог, чтобы я могла сделать ваше (фр.)]. И хотя я немножко осердилась было, наказав Вас для образца, сердце отошло и теперь отменно к Вам милостива и отменно вежлива. Примечай, пожалуй, рифму: таково-то с Вами знаться, **Господин казак Яицкий**. Душа моя милая, чрезмерно я к Вам ласкова, и естьли болтливому сердцу дать волю, то намараю целый лист, а Вы долгих писем не жалуετε, и для того принуждена сказать: прощай, **Гаур, москов, казак, сердитый, милый, прекрасный, умный, храбрый, смелый, предприимчивый, веселый** [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997 [http](#)]. В записке 1775 г. запечатлено недовольство своим фаворитом разгневанной императрицы: *Ныне вить не апрель первое число, что прислать бумагу и в ней написать ничего. Знатно сие есть следствие Вашего сновидения, чтоб лишней ласкою не избаловать. Но как я лукавству худо выучилась, то статься может, что иногда и я не догадываюсь, что безмолствие значит. Но, как бы то ни было, как я ласкова, то от Вас зависит платить нас неравной монетою. **Гяур, Москов, козак яицкий, Пугачев, индейский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике*** [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997 [http](#)]. Примечательно, что в обоих случаях обнаруживается почти идентичный набор обращений к Потемкину, который, конечно, не случаен.

Необходимо отметить, что большинство исследователей эпистолярного наследия российской императрицы указывают на бо-

гатство обращений: от нежных, по-женски ласковых (*милиной, батя, милуша, мама, Гришифичечка, скакун, скорохват, парюш* («попугайчик»)) до остроумных, семантически обусловленных. Как пишет В.С. Лопатин: «Нежно-грубоватые обращения к Потемкину характерны для некоторых русских писем Екатерины. Все клички, которыми она награждает своего возлюбленного: “казак Яицкий”, “Гаур” (неверный, в устах мусульман), “Пугачев” – **политически злободневны** [выделено мною – Н.П.]. Кличка “Золотой фазан” намекает на любовь Потемкина к богатой одежде, которую он носил во время официальных приемов. В обыденной жизни он одевался очень просто» [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997 [http](http://)].

На наш взгляд, эти политически злободневные обращения к Потемкину свидетельствуют о многом. Во-первых, хорошо известен тот факт, что Екатерина проявила немало усердия, изучая русскую культуру, быт, традиции и особенно историю, чтобы стать поистине российской императрицей, поэтому вполне возможно, что и лексема *Москов*, употребляемая в обращениях наряду с единицами *казак Яицкий, Пугачев*, имеет исторические корни. Екатерина Великая не могла не знать истории восстания Болотникова 1606–1607 гг., во время которого Москов был одним из руководителей отрядов мордвин, осаждавших Нижний Новгород с осени 1606 г.

Во-вторых, в обоих приведенных отрывках, слишком разных по настроению, встречаются языковые единицы, однозначно обозначающие конкретное историческое лицо: *Господин казак Яицкий, козак яицкий, Пугачев*. Несомненно, что появление данных обращений связано со временем написания записок (1774 и 1775 гг.) – временем пугачевского мятежа, доставившего императрице так много хлопот и неприятностей. Тем более интересным становится тот факт, что подобные обращения к Потемкину Екатерина озвучивает не только при нескрываемом раздражении, но и в благостном настроении: однозначно, «беглый казак», «бездельник», «раскольник», «злодей», «бунтовщик», «вор, возмутитель и самозванец» оставил неизгладимый след в судьбе императрицы, которая, наряду с реальным ощущением угрозы своему царствованию, уважала Пугачева, чувствуя родственную авантюристскую натуру.

Таким образом, изучение упоминаний исторического лица его современниками в различных контекстах, зачастую непосредственно не связанных с самим персонажем (как в случае обращений Ека-

терины II к Г.А. Потемкину), позволяет сделать языковой портрет более объемным, насыщенным и дает богатейший материал для понимания исторической личности, ее характера и поступков, повлиявших на ход истории государства.

Литература

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791) [Электронный ресурс] / сост. В.С. Лопатин. – М. : Наука, 1997. – Режим доступа : http://modernlib.ru/books/vtoraya_ekaterina/ekaterina_vtoraya_i_g_a_potemkin_lichnaya_perepiska_17691791/read (дата обращения: 12.10.2015).

Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 464 с.

Коротенко, М.А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия : дис. ... канд. филол. наук / М.А. Коротенко. – Магнитогорск, 2006. – 200 с.

Меркулова, Н.В. Вербализаторы концептов «Время» и «Мятеж» в следственном деле Емельяна Пугачева как материал для воссоздания языковой личности последней трети XVIII века : дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Меркулова. – Магнитогорск, 2006. – 232 с.

Меркулова, Н.В. Роль фразеологизмов в описании языковой личности / Н.В. Меркулова // И вновь продолжается бой... : сб. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; редколл. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – С. 160-163.

Позднякова, Н.В. Тип самозванца XVIII столетия по материалам следственного дела Ем. Пугачева / Н.В. Позднякова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 122-124.

Позднякова, Н.В. Штрихи к языковому портрету княжны Таракановой / Н.В. Позднякова // «Благословенны первые шаги...» : сб. раб. молодых исслед. – Магнитогорск : МГПИ, 1999. – Вып. 2. – С. 33-41.

Сборник Императорского Русского Исторического общества. – СПб., 1874. – Т. 13. – С. 435-436.

Шулежкова, С.Г. Бием – одолевай! (штрихи к портрету Ивана Неронова) / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры : межвуз. сб. – М. ; Магнитогорск, 1998. – Вып. V. – С. 183-192.

Шулежкова, С.Г. Заметки о языке писателей-старообрядцев (дательный самостоятельный в Житии протопопа Аввакума и старца Епифания) / С.Г. Шулежкова // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1979. – Вып. 9. – С. 27-40.

Эйдельман, Н.Я. Письма Екатерины II Г.А. Потемкину [Электронный ресурс] / Н.Я. Эйдельман // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/EkaterinaII/Voprosy_istorii/1/pred.htm (дата обращения: 14.10.2015).

СЕКЦИЯ IV. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Вся жизнь моя легла в одну модель,
Замкнулся в семантической структуре.
Когнитологии штурмую цитадель,
Готов я испытать её в натуре
Слова народные, выстраданные*

Н.Ф. Алефиренко

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет (Россия)*

ЛОГОЭПИСТЕМА – КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ

Когнитивно-культурологическая информация разными науками форматируется в разные мыслительные «упаковки»: когнитивная лингвистика чаще всего использует два конструкта – прецедентный феномен и концепт, психолингвистика ограничивается концептом, в лингвокультурологии предложено понятие лингвокультуре-мы, а в лингвострановедении – логоэпистемы. При этом восприятие терминов, выражающих эти понятия, нередко осложняется двумя обстоятельствами: (а) тем, что они употребляются как синонимы и (б) тем, что одному и тому же термину в разных исследованиях приписываются разные значения. Столь масштабный диапазон и различные форматы представления ценностно-смыслового пространства побуждают лингвокультурологов к поиску родственных концепту структур. В результате появились родственное концепту понятие «логоэпистема» (*логос* греч. – слово + *эпистема* греч. – знание = знание, хранимое в единице языка). Это билатеральный знак, занимающий пограничное положение между языком и культурой и сохраняющий знание, хранимое языковым знаком, «его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [Верещагин 1999: 7]. Когнитивная сущность логоэпистемы заключается в ее предназначении служить с и м в о л о м информации, с и г н а л о м, заставляющим

вспомнить некоторое фоновое знание или текст. Иными словами, логоэпистема является одной из знаковых единиц лингвострановедческого описания. Как и в любой знаковой единице, в логоэпистеме можно выделить *означающее* – языковую «оболочку» и *означаемое* – представляемые логоэпистемой отраженные в сознании элементы культуры. Означающее логоэпистемы всегда стабильно, а означаемое – мобильно: при помощи ассоциативных импликаций с первоначальной ситуацией оно получает способность относиться к новой денотативной ситуации. Ср.: «*И я там был, мед-пиво пил*» (Конец сказок – конец какого-л. рассказа); «*Карету мне, карету!*» (Конец монолога – конец какого-л. монологического высказывания); «*Народ безмолвствует*» (Конец трагедии – конец какого-л. шокирующего события); «*Как ныне собирается...*» (Начало стихотворения – начало какого-л. повествования); «*Скажи-ка, дядя ...*» (Начало стихотворения – фатическое обращение); «*Ай, Моська, знать, сильна*» (Конец басни – юмористическое отношение к шумной, но ничего не значащей словесной трескотни); «*Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?*» (Конец трагедии – осуждение того, кто гипертрофированно воспринимает слухи, рождаемые светом); *Сальери* – завистник и злодей. Кладезь крылатых слов и выражений, которые отражают этические ценности, художественный вкус, остроумие современных носителей языка и теснейшим образом связаны с культурным канон русской нации, содержит уникальный труд проф. С.Г. Шулежковой «И жизнь, и слезы, и любовь...» [Шулежкова 2011].

Характеризуется логоэпистема одновременно с двух сторон: лингвистической и культурологической. Ее языковая ипостась обладает следующими признаками: а) может быть выраженной в слове, в словосочетании, в предложении и в сверхфразовом единстве; б) относится к конкретному языку; в) указывает на породившие ее текст, ситуацию, знание, информацию, событие; г) обладает воспроизводимостью; д) подвергаясь в речевом акте различным вариациям, но, оставаясь при этом опознаваемой, она способна брать на себя текстообразующую функцию.

Обычно логоэпистемами являются фраземы, афоризмы, цитаты, прецедентные имена, за которыми нередко стоят тексты. Так, за логоэпистемой «*Люблю тебя, Петра творенье!*» стоит текст поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»; за логоэпистемой «Все смеша-

лось в доме Облонских» – текст «Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских». Ср. статью Евгения Высоковского в газете «Аргументы и факты» от 1 октября 2009 г., которая называется «Все смешалось в доме Облонских». Ее суть: Смольный разрешил строительство на территории охраняемого ЮНЕСКО объекта Всемирного наследия небоскреба высотного «Охта центра», как результат – общество раскололось. Интрига обозначена рубриками текста: «Яблочники» пошли в суд, председатель Совета Федерации РФ Сергей Миронов заявил: «это вызов петербуржцам, российскому и мировому общественному мнению»; социологи в раздрае и т.д.

Культурологическую ипостась логоэпистемы покажем на примере «Сальери», которой, как и любой другой эпистеме, в той или иной мере присущи следующие категориальные признаки. *Первый признак* – быть знаковым воплощением не только знаний, мыслей, но и обычаев, примет, традиционных представлений. Восприятие онима *Сальери* практически всегда сопровождается ассоциацией с именем Моцарта, воскрешая при этом давнюю легенду, в которой Сальери называется предполагаемым убийцей Моцарта. Эта связь настолько прочна, что имя Сальери стало нарицательным, обозначающим зависть заурядного человека к талантливому. И это несмотря на многочисленные свидетельства учеников и современников Сальери, утверждавших, что маэстро был заботливым, замечательным педагогом, относившимся к своим ученикам как к детям. Со многими, кстати, он занимался бесплатно. О его достоинствах говорит уже тот факт, что у него учились Шуберт, Черни, Лист. Бетховен перенимал опыт вокального сочинительства, ибо считал себя незрелым в оперном мастерстве. Лучшим признанием личности Сальери и его профессиональных заслуг является то, что сам Моцарт именно к нему отправил на обучение своего сына. Известная «репутация» Сальери в значительной степени базируется не на реальном прототипе, но создана на основе его образа в художественных произведениях: драме Пушкина «Моцарт и Сальери» (1831), поставленной по ней опере Римского-Корсакова (1898), пьесе Питера Шеффера «Амадей» (1979) и основанному на ней одноименному фильму Милоша Формана (1984).

Второй признак – предназначение логоэпистемы хранить и выражать особенности национальной и д е о л о г е м ы. Происхождение легенды о Моцарте и Сальери имеет, скорее, национально-идеологический подтекст. Моцарт был австрийцем; Сальери – итальянцем. Соперничество этих двух наций в музыкальном мире и их борьба за признание высшим светом, как известно, нередко накалялись до предела. На рубеже XVIII–XIX вв. музыкальным критикам и первым биографам Моцарта было важно подчеркнуть верность музыки Моцарта своей, австро-немецкой традиции, противопоставив ее итальянскому влиянию. Олицетворять итальянский вектор в венской музыкальной жизни было суждено Антонио Сальери как наиболее авторитетному композитору романского происхождения. И это несмотря на то, что Сальери жил в Вене с 16-летнего возраста и в музыкальном отношении был больше германцем, чем итальянцем (К.В. Глюк – представитель немецкого классицизма – называл Сальери своим наиболее талантливым последователем). Не случайно на протяжении 36 лет А. Сальери занимал в австрийской столице пост придворного капельмейстера – один из самых важных музыкальных постов в Европе. Сальери был знаменит и уважаем (в том числе императором), ему поклонялась не только вся образованная Вена. Его «Признанной Европой» в свое время открылся новый театр «Ла Скала». Сотни солдат охраняли здание театра, которое «атаковалось» людьми, стремившимися попасть на его оперы. Однако в то время никто и не вспоминал о том, что карьера талантливого Сальери сложилась куда более успешно, чем карьера, вечно мытарствующего безденежного Моцарта. Короче, стоит еще задуматься, кто из них кому мог завидовать. Однако смыслообразующим источником логоэпистемы служит не истина, а идеологема.

Третий признак логоэпистемы – ее семиотичность и символичность. Сама трагедия А.С. Пушкина – символическая. О том, что традиционный смысл рассматриваемой логоэпистемы является ложным, знают почти все. Стереотип настолько укоренился в нашем сознании, что у психиатров даже появился специальный термин *синдром Сальери* в значении «дискредитация чужого успеха и патологическая агрессия в адрес объекта зависти». Кстати, трагедия «Моцарт и Сальери» в рукописи была озаглавлена А.С. Пушкиным как «Зависть». Основанная на легенде об отношениях двух композиторов, она, тем не менее, делает логоэпистему «Сальери» уди-

вительно правдоподобной. Не потому ли до сих пор имя Сальери остается символом чернейшей зависти. Хотя и здесь, благодаря таланту Пушкина, доминирует идеологема. Предполагают, что Пушкин огульно обвинил Сальери в коварном убийстве не только под воздействием мифологемы. Оказывается, его за живое задела опера Сальери, в которой был высмеян Петр I, к личности которого Пушкин относился с большим пиететом. И поэт не избежал соблазна закрепить клеймо «отравителя» за композитором, который посмел опорочить светлое имя Петра.

Четвертый признак – герменевтичность логоэпистемы. Для ее понимания требуется соотнесение с другими текстами. Прежде всего, суть дела проясняет откровение самого Моцарта, сделанное им в письме к отцу. Написано оно было в 1776 году, когда Сальери сочинил ораторию для Венского музыкального общества и сыграл ее с большим успехом. Вот как в письме к отцу среагировал на этот успех Моцарт: «С какой бы радостью я дал здесь публичный концерт! Здесь каждый музыкант получает благосклонность Императора и значительной части публики! Но я получил отказ. О, как я хочу смерти тех, кто мешает мне сделать это...». Предельно откровенно расставлены точки над «i»: именно Моцарт завидовал А. Сальери и желал ему смерти.

В наше время герменевтичность этой логоэпистемы пытается показать известная российская органистка Катя Мельникова, возглавляющая крайне необычную акцию – «Школу Антонио Сальери». Акция призвана полностью реабилитировать прославленного композитора, в чей невиновности и так не сомневается ни один музыкант. На сцене разыгрывается настоящий детектив: приводятся музыкальные «свидетельские показания» Глюка, Россини, Берлиоза, Бетховена, Шуберта, Листа, противоречащие версии А.С. Пушкина.

Пятый признак логоэпистемы – ее дидактическая направленность. Она – одно из средств «врастания в культуру». Логоэпистема «Сальери» возвращает нас к основополагающим вопросам бытия: любви, творчеству, смерти и зависти. Знаменательно, что в 1997 году в главном зале Миланского Дворца юстиции судебный процесс раз и навсегда решил дело Антонио Сальери. Спустя двести лет композитор был полностью оправдан.

Шестой признак – аксиологичность. Логоэпистема «Сальери» способна вызывать самые яркие эмоции, соотносить текст с высшими человеческими ценностями. Векторы аксиологичности

обуславливаются, как правило, дискурсивной средой функционирования логоэпистемы.

Таким образом, логоэпистема – это (а) знание, хранимое в языковом знаке, некий символ, сигнал, знак культурных артефактов [подробнее: Алефиренко 2014: 7]; (б) языковое выражение, символизирующее в культурной памяти народа результаты постижения носителями языка духовных ценностей этноса.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы / Н.Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного национального университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – № 13 (184). Т. 22. – С. 7-13.

Верецагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верецагин, В.Г. Костомаров. – М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 848 с.

М.Л. Бедрикова

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА

Творчество Н. Рубцова (1937–1971) в отечественном литературоведении глубоко проанализировано в трудах Ю. Прокушева, А. Михайлова, Л. Аннинского, Ю. Селезнева, однако в исследованиях последней трети XX – начала XXI в. наметилась проблема в интерпретации его поэтического наследия. Полагаем, вопрос об истоках рубцовского поэтического дара возник закономерно. Для литературных критиков 1970-х гг. главная черта поэтики вологодского автора – народность. Устойчивым в литературоведении является мнение В. Кожина о незавершенности поэтической системы Н. Рубцова: рано ушедший из жизни поэт не успел обрести «той

творческой зрелости, которая была бы достойна его исключительного дара» [Рубцов 1977: 16]. Возникает вопрос: насколько объективна критика 1970-х гг.?

В 1980-1990-е гг. исследователь В. Бараков, проявлявший особое внимание к интонации стихотворений поэта, вопрошает: «Почему столько грусти, отнюдь не светлой, в стихах Н. Рубцова? Почему столько недосказанности?.. Он поэт безвременья. Того духовного безвременья, о котором мы сейчас открыто говорим и пишем» [Бараков 1990: 115-116]. К настоящему времени проанализирована специфика рубцовского стиля, доминирующая интонация охарактеризована как *элегическая* [Лейдерман 2001: 40].

Дар интонационный – отличительная черта лирического таланта. Литературоведы, композиторы, музыканты, исполнители отмечают «песенность» стихов Н. Рубцова. При этом екатеринбургские исследователи предостерегают: «Однако в песенной легкости рубцовского стиля есть опасность некоей тривиальности, заезженности мелодического строя и ритмического рисунка. Поэтика Рубцова – это по преимуществу поэтика стилизаций. Достаточно обратиться к одному из самых известных стихотворений «В горнице», чтобы убедиться в том, что вся поэтическая картина соткана здесь из клишированных образов («ночная звезда», «красные цветы», «ивы кружевная тень») с закреплённой за ними семантикой» [Лейдерман 2001: 41]. Приведённая цитата обнаруживает противоречивость в оценке творчества поэта: с одной стороны, признание его роли в истории русской поэзии XX века, с другой – сомнение в подлинной художественности стихов Н. Рубцова.

Позволим себе не согласиться с приведённой выше трактовкой поэтики Н. Рубцова, а также с интерпретацией стихотворения «В горнице». Сам факт присутствия традиционных образов в поэтическом тексте не есть показатель обеднения художественной палитры.

В новейших исследованиях русского мелоса в XX в. обнаруживаются объективные научные наблюдения, помогающие в решении поставленной проблемы. Мы находим свидетельства искренней заинтересованности в художественных открытиях Н. Рубцова современного композитора В.А. Гаврилина – «почвенника», наследника традиций Г. Свиридова [Бекедин 2009: 79]. Предметом размышлений композитора становится глубина, сложность содержания и художественное совершенство произведений выдающего-

ся поэта. В. Гаврилин, ощущая духовное родство с Н. Рубцовым и родство «звучания» музыки и стихов, испытывал огромное желание писать музыку на стихи вологодского поэта. Он стремился к постижению тайны «песенности» рубцовского стиха, мелодику, но не смог найти «ключа» и с горечью признавал: «Поэт оказался для меня необыкновенно сложен»; «Теперь я очень страдаю оттого, что не могу найти музыкального ключа к раскрытию тайн его поэзии в музыке»; «Его дарование необъяснимо. Это от Бога» [Бекедин 2009: 79, 82, 78]. Как видим, связь с «почвой» (фольклорные образы, мотивы, жанровые влияния и т.п.) не смущала композитора. Его влекла подлинная художественность!

В данной статье анализу лирики Н. Рубцова в избранном аспекте подвергаются два произведения, связанные генетически, – «В звездную ночь» (1963) и ставшее песней стихотворение «В горнице» (1965). Тексты позволяют проникнуть в творческую лабораторию автора, а обращение к истокам традиционных поэтических образов и выражений даст ответ на ключевые вопросы. Было ли использование «широко распространенных в массовой культуре стереотипов» своего рода «демократическим жестом» [Лейдерман 2001: 41] Н. Рубцова? Привело ли использование фольклорных образов «с закреплённой за ними семантикой» к упрощению смысла [Там же]? Нарушил ли Н. Рубцов в стихотворении «В горнице» свой главный художественный принцип: «Органичность выражения, сложность и глубина содержания, совершенство и простота формы...» [Викулов 1982: 17]?

Приведем текст «В звездную ночь» полностью.

В горнице моей светло, –
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.
– Матушка, который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?
– Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.
Сколько же в моей дали

Радостей пропало, бед?
Словно бы при мне прошли
Тысячи безвестных лет.
Словно бы я слышу звон
Вымерших пасхальных сёл.
Сон, сон, сон
Тихо затуманит всё [Рубцов 1990: 327].

Данное стихотворение написано в форме диалога. Воспроизводится сон об умершей матери. Это односторонний диалог: во сне с матерью разговаривает осиротевший сын, она же молчит (*Молча принесет воды*), уходит прочь, а лирический герой остается со своими горькими мыслями. После смерти матери душа сына не находит внутренней гармонии и гармонии в мире – деревенский мир (лад) разрушается. *Словно бы я слышу звон // вымерших пасхальных сёл* – в этих строках просвечивает серьезное содержание, связанное с осмыслением трагедии русской деревни в XX в. Н. Рубцов в стихотворении 1963 г. аллегорически предрекает гибель сельского мира (а ведь это важнейший мотив более поздней «деревенской прозы» 1970–1980-х гг.).

Традиционные образы – это дом (*горница*), звезда (*ночная звезда*), мать (*матушка*), вода, сад (*в садике моем*), ладья (*лодка*), время (*в моей дали, тысячи безвестных лет*), звон, смерть (явление умершей матушки, *вымерших пасхальных сел*), сон, туман (*Сон, сон, сон // Тихо затуманит все*). Учитывая аллегорическую природу картины, созданной в произведении, попытаемся ответить на вопрос: о чем же стихотворение «В звездную ночь»? В словарных статьях, посвященных каждому из этих речисленных образов, при всем различии значений, есть то, что их объединяет – человеческая душа и ее бытие. Пространственно-временные отношения в стихотворении определяются пограничной ситуацией сна. Словарь символов отмечает «уподобление смерти сну», а также фиксирует не менее распространенное: «сон – также и метафора жизни» [Словарь символов 2010: 174–175]. Русские пословицы запечатлевают значение *сна* как равного смерти, подобного ей: *Сон смерти брат. Уснул – помер. Спит человек – не живой* [Даль 1993: 417]. Пограничная ситуация бытия – небытия усиливается в финале стихотворения: *Сон, сон, сон // Тихо затуманит все. Затуманивать* означает «лишать отчетливости мысли, представления, делать неясным сознание».

Необходимо обратить внимание на проникновенную песенную интонацию стихотворения «В звездную ночь». Источником вдохновения, интонационного влияния на поэта могла быть лирическая стихия русской песни, в частности, обрядовой поэзии Русского Севера, Архангельской, Вологодской областей. Многие образы из стихотворений «В звездную ночь», «В горнице» встречаются в свадебной обрядовой песне. Например, горница («горенка», «новая горница») [Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия 1984: 194]. Фольклорное происхождение имеет используемая Н. Рубцовым метафора цветущего сада; ср. например, в свадебной песне Архангельской губернии: «...Да из-за садику зеленого, // Из-за садику зеленого, // Да из-за моря, моря синего // Да поднялася туча грозная» [Там же: 268]. Достаточно традиционная семантика образа увядших цветов: *Красные цветы мои // В садике завяли все*. Так, в свадебном фольклоре безмятежная, счастливая жизнь девушки в родительском доме, «в зеленом садике» противопоставляется неожиданному несчастью – будущей жизни в чужом неласковом доме.

Диалогичность стихотворения «В звездную ночь», психологическое напряжение, драматизм не противоречат фольклорному источнику – обрядовой песне. Не исключено, что развернутая метафора, связанная с образом *лодки* (ладьи), строительством новой лодки («В горнице»), возникла под влиянием свадебного причитания. Интересным примером может послужить записанная на Вологодчине свадебная песня, в которой есть и образ матушки, и образ нового корабля.

Как со вечера рódна матушка

Нов корабль она строила,

Как со полуночи матушка

Нов корабль она грúзила,

Нов корабль спускала.

Осталась родна матушка

На крутом берегу.

[Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия 1984: 306].

Далее в тексте свадебной песни воспроизводится диалог с причитанием матушки и родного дитятки, то есть невесты. В стихотворении Н. Рубцова «В звездную ночь» интонация причитания соотносится напрямую с содержанием всего произведения – это неизбывное чувство сиротства сына, тоскующего по матери даже во сне, и плач по ушедшему счастливому детству в «пасхальной» де-

ревне (интересен использованный оксюморон «вымерших пасхальных сел», соединяющий идею вечной жизни (воскресения) и смерти). В последнем четверостишии образ умирающей русской деревни усиливается ассоциацией с погребальным звоном (*сон – сон – сон*): колокольный звон, как известно, очень часто встречается в русских народных песнях («вечерний звон», «малиновый звон»).

Подводя итоги, попробуем ответить на поставленные в начале статьи вопросы. Обратимся к тексту стихотворения «В горнице». С чем связано значительное сокращение объема текста-первоисточника, отказ от диалогической формы, изменение пафоса? Диалог с матушкой о бренности земного существования Н. Рубцов убирает. Вводится образ ивы: «Дремлет на стене моей // Ивы кружевная тень, // Завтра у меня под ней // Будет хлопотливый день» [Рубцов 1977: 79]. Ива может восприниматься как элемент пейзажа, однако ее присутствие в горнице призрачно («ивы кружевная тень»), ива принадлежит миру грез, сновидений (при обилии символических значений, ива в фольклоре сопровождается эпитетом *плакучая*, то есть это дерево скорби, печали) [Словарь символов 2010: 62]. Перед нами всего четыре четверостишия. Последнее посвящено новому дню и звучит оптимистично: «Буду поливать цветы, // Думать о своей судьбе, // Буду до ночной звезды // Лодку мастерить себе...». Образ лодки уподобляется душе человека [Там же: 89]. Выражение *лодку мастерить себе* в общем контексте (*думать о своей судьбе*) можно истолковать: строить, лечить душу, чтобы заглушить «боль души». Два стихотворения разделены во времени – 1963 и 1965 годы. Мы видим итог лирического переживания, запечатленный в стихах. Драматическое содержание «свернуто», так как внутреннее состояние лирического героя изменилось: он «отпускает» горькие раздумья, учится смотреть на мир не в его «распаде», но в вечном продолжении жизни. То есть герою удается подняться над собой, над всем преходящим, почувствовать вечное. Мудрое отношение к миру, жизненные силы поэт черпает в народной песне, ее интонациях; это позволяет преодолеть безысходность, примириться с судьбой.

Традиционные фольклорные образы позволяют Н. Рубцову в стихотворении «В горнице» достичь особой емкости, цельности мировидения. Подлинная глубина, сложность содержания наблюдается и в других произведениях поэта, например, «Душа хранит», «Зимним вечером», «Дорожная элегия». Факт использования тра-

диционных образов не приводит к упрощению смысла, обеднению «рубцовского слога». Принцип поэтики, сформулированный Н. Рубцовым, не нарушается. Мы воспринимаем стихи в их «органичности», сложности и глубине содержания, в художественном совершенстве (при наблюдаемой простоте формы). Работа над стихом для поэта означала поиск единственно возможного «звучания», интонации, которой Н. Рубцов владел мастерски и которую воспринял в родной речи, в русской песне. Современные исследования лингвистов подтверждают этот огромный художественный потенциал народной песни, с ее «гармоническим единством мелодии и поэтического текста» [Шулежкова 2002: 43].

Литература

Бараков, В.Н. Черты трагического мироощущения народа в поэзии Н. Рубцова / В.Н. Бараков // Проблема характера в литературе (Часть вторая. Русская литература XX в. Советская литература). – Челябинск : ЧГПИ, 1990. – С. 115-116.

Бекедин, П.В. Творчество В.И. Белова и В.Г. Распутина в восприятии композитора В.А. Гаврилина / П.В. Бекедин // Писатели русской традиционной школы второй половины XX в. в контексте современности : сб. ст. / отв. ред. В.П. Муромский, Ю.А. Дворяшин. – Сургут : РИО СурГПУ, 2009. – С. 74- 83.

Викулов, С. Подснежники Николая Рубцова / С. Викулов // Н. Рубцов. Избранное. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 3-22.

Даль, В.И. Пословицы русского народа : в 3 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. кн., 1993. – Т. 2. – 640 с.

Лейдерман, Н. «Тихая лирика» и «деревенская проза» / Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Современная русская литература : в 3 кн. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986). – С. 33-90.

Рубцов, Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма / Н.М. Рубцов. – М. : Сов. Россия, 1990. – 400 с.

Рубцов, Н. М. Стихотворения (1953–1971) / Н.М. Рубцов. – М. : Сов. Россия, 1977. – 240 с.

Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия : сб. / сост. К. Чистов и Б. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с., ил.

Словарь символов / авт.-сост. М.В. Адамчик. – Минск : Харвест, 2010. – 224 с.

А.Н. Безруков

*Бакирский государственный университет,
Бирский филиал (Россия)*

РЕЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Язык есть сфера социальной коммуникации. В языке как системе реализуется главный принцип онтологической природы человека – установление связи между объектами, явлениями жизни и познание их внутренней сути. Знаковый комплекс, которым оперирует человек в ходе своего исторического / социального развития, практически универсален с момента его оформления. Существенным, как для лингвистов, так и литературоведов, становится выявление связи между знаками естественного языка и их семантической структурой. Актуальным методологическим приемом научной рецепции этого процесса является концептуальный анализ.

Фундаментальные исследования концептов и способов их реализации в языке принадлежат С.А. Аскольдову, А.П. Бабушкину, Н.А. Бесединой, Н.Н. Болдыреву, А. Вежбицкой, Р. Водаку, С.Г. Воркачеву, В.И. Карасику, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачеву, Ж.Н. Масловой, И.А. Стернину, Ю.И. Прохорову, Г.Г. Слышкину, Ю.С. Степанову, Т.А. Фесенко, Ч. Филлмору, Л.А. Фурс, Л.В. Цуриковой, А.П. Чудинову, Н.Ю. Шведовой. Традиционно концепт рассматривается в русле когнитивной лингвистики, внимание которой сориентировано на «исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации» [Болдырев 2014: 16]. Языковые формы в контексте такого подхода изучаются не автономно, но с позиций их отражения в человеческом сознании, мировидении, категоризации.

Достаточно полный обзор-анализ исследований концептов в собственно лингвистическом ключе сделан в работах О.А. Алимурдова, Ю.В. Богоявленской, Т.В. Захаровой, Н.В. Крючковой, О.И. Лыткиной, В.П. Нерознака, М.В. Никитина, З.Д. Поповой, А.А. Филатовой, Д.Д. Хайруллиной. В русле же литературоведческого подхода по-

нятие концепта не получило пока должной рецепции, следовательно, целесообразно детально остановиться на этом вопросе.

Язык как система знаков реализуется в различных видах человеческой деятельности. Грани творческой активности человека максимально проявляются в поэтическом, художественном слове, потенциал которого раскрывается как индивидуально (субъективная версия), так и контекстуально (интердискурсивный подход). Художественный текст есть иерархическая система, конструктивная сфера, в которой автор занимает положение имперсональной фигуры. Объективация реальности происходит не только буквальным названием предметов, явлений и процессов, но и дискурсивной оценкой читателя. Художественный дискурс близок по параметрическим свойствам процессу рождения мысли, в рецептивной эстетике – смысла целого. Ускользание значения, его удвоение, редуцирование конструкта, переживание момента эстетической игры со знаком – вот обязательный стандарт рецепции художественного слова. Читателем, безусловно с подачи автора, моделируется литературный текст / произведение, как нечто новое, но с апелляцией к культурно-эстетическому опыту.

Рецептивно-коммуникативный аспект анализа языковой системы позволяет предположить, что литературный (поэтический) язык, да и авторский художественный дискурс открывает реальную действительность, преодолевая социальный статус знака, понятия. Концепты помогают начально приобщить читателя к объективной картине мира, затем ступенчато наметить новые точки созерцания – образа, пространства, детали, далее – сюжета, художественной коллизии, идейного центра. В литературе дистанция между концептом и спектром значений языковых единиц нивелируется потенциальной потребностью предвосхитить мысль, корректируя ее читательским мышлением, воображением, памятью. Искусство слова является вневременной формой обретения, как настоящего, так и прошлого, принятия для себя эстетического абсолюта.

Спектровую раскладку рецепции языковых концептов в художественном дискурсе – «процессе рождения текста» [Безруков 2015: 32] – функционально можно представить следующим образом: первичное схватывание, овладение собственно наличной системой языка; художественный (образный) способ реализации концепта / понятия; определение (переживание) его функций; ре-

цепция художественного текста в пределах ситуативного чтения. Дискурсивная практика связана с эстетическим познанием мира. Читатель относительно свободен в выборе смысловых координат концептосферы. Замещение основной функции языка – коммуникации, на эстетическое, образное познание реалий и будет доминантой воображаемого. Поэтические ландшафты симулятивно-образно моделируют горизонт ожидания, читательскую реакцию на происходящее, настраивают, предвосхищают событийный, предметный ряд. Текстовая наличная структура становится сферой утверждения и закрепления концепта; понятийный аппарат трансформируется в образно-зримую картину бытия. Целостное видение художественного произведения, думается, не столько в иерархии его уровней – языковой, сюжетный, образный, – сколько в установлении связей между ними. Автор склонен приближаться к «имплицитности текста» [Карасик 2004: 243], вербально это не озвучив, тем самым сбивая дистанцию до смысловой точки; путь же реципиента имманентно более сложен – декодировать реальность концепта и расширить эстетико-мировоззренческое поле художественного конструкта.

Таким образом, языковые концепты, имеющие ряд традиционных значений естественного порядка, в процессе формирования «парадигмально и синтагматически» [Шулежкова 2006: 197] дополняются интердискурсивной культурно-исторической матрицей читательских аксиологических ориентиров.

Литература

Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267-279.

Безруков, А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход : монография / А.Н. Безруков. – СПб. : Гиперион, 2015. – 298 с.

Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. – 314 с.

Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 175 с.

Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.

Степанов, Ю.С. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 2004. – 838 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 408 с.

Шулежкова, С.Г. Проблема смерти автора в условиях «тотальной цитатности» / С.Г. Шулежкова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – С. 38-45.

Х. Вальтер

*Институт славистики Грайфсвальдского университета
им. Эрнста Морица Арндта (Германия)*

В.М. Мокиенко

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Институт славистики
Грайфсвальдского университета
им. Эрнста Морица Арндта (Россия, Германия)*

СТРУКТУРА ЛОЗУНГА И ЕГО ДЕФИНИЦИИ*

При всей широте научных интересов Светланы Григорьевны Шулежковой их доминанта – «одна, но пламенная страсть» высвечивается особенно ярко. Всем известно, что этой филологической страстью от молодых ногтей для Магнитогорского Профессора стала крылатология. От первых этюдов по отдельным крылатым выражениям из песенного творчества, написанных в соавторстве с О.Г. Сальниковой [Сальникова 1982, 1984 и др.], до монументальной монографии, защищенной в качестве докторской диссертации [Шулежкова 1995а; Шулежкова 1995б; Шулежкова 2002], и серии фундаментальных словарей [Берков, т. 1, 2008, Берков, т. 2, 2009; Шулежкова 2003; Шулежкова 2011; Шулежкова 2013 и др.] – такова

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного научного проекта “Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz” (DFG WA 1689/5-1).

«крылатологическая биография» нашего Юбилера. Это не просто биография под девизом «ни дня без строчки», но движение к все более глубокому погружению в тайны Слова, в закономерности его развития и употребления в тексте.

В орбиту крылатологии при таком широком подходе втягиваются все новые и новые языковые единицы. Все они связаны маркированностью своего происхождения, т. е. «авторством» в широком смысле, когда автором может быть Библия или коллективное творчество. Лингвистически, как показывает словарная практика и языковой анализ, между собственно авторскими и авторскими в широком смысле слова единицами различия нет. Особенно это видно при исследовании семантически специализированных крылатых единиц.

Таковы, в частности, крылатые слова и выражения, выступающие в функции лозунгов. С.Г. Шулежкова, предложив идею совместного российско-немецкого проекта «*Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz*», поддержанный Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Немецким Научным Обществом, дала инновативный импульс для такого специализированного исследования. В самом деле: на лозунг изначально смотрели как на инструмент пропагандистского воздействия на адресата, что отражено в общепринятой дефиниции этого термина: «Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачи или требования партии в определенный исторический момент» [Ушаков, т. 2, 1938: 85]. Отсюда – недостаточное внимание к собственно лингвистическим характеристикам лозунгов. Научный проект, инициированный С.Г. Шулежковой, заставил авторов этой статьи обратиться именно к лингвистической ипостаси лозунга как особой языковой единицы, частично пересекающейся с крылатыми словами и выражениями, частично отличной от них по некоторым своим показателям. Мы уже рассмотрели классификацию лозунгов, описанных в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» под ред. С.Г. Шулежковой, взяв за исходную точку отсчета их направленность на адресата [Вальтер 2015].

Цель настоящей статьи – показать зависимость предлагаемых в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» дефиниций лозунгов от их структуры.

Известно, что синтаксическая структура языковых единиц интертекста во многом диктует тип их дефиниции при лексико-графическом описании. Собственно лингвистическая ипостась интертекстом заставляет дифференцированно оценивать и описывать их функционально-семантические параметры. Так, при общности источника, функциональный статус крылатых слов и выражений весьма различен в зависимости от того, к какой уровневой группе относится конкретная единица. В ракурсе интересующей нас проблемы функционирования интертекстом можно, например, распределить библеизмы на 3 основные группы по типам их дефиниций [Mokienko 2003]:

1) интертекстемы-лексемы (*Адам, Ева, Ирод, Иуда, Каин, Мафусаил* и т. п.);

2) интертекстемы-фразеологизмы (*агнец Божий, гроздья гнева, за семью печатями, зарыть талант в землю, тридцать серебряников, юдоль плача* и т. п.);

3) интертекстемы-паремии в широком смысле слова (*Не рой другому яму, сам в нее попадешь; Не сотвори себе кумира; Запретный плод сладок* и т. п.

Каждая из этих групп демонстрирует в тексте именно те лингвистические качества, которые характерны для соответствующего языкового уровня и уже поэтому требуют особого типа дефиниций. В наш словарь [Берков 2000; Берков, т. 1, 2008, Берков, т. 2, 2009] вошло 133 крылатых выражения лозунгового типа. При их сопоставлении с общим массивом крылатики (около 5 000 ед.) оказалось, что они имеют ярко выраженную структурно-семантическую специфику. Во-первых, ни один из 133 «крылатых» лозунгов не входит в первую группу интертекстом, т. е. лексемную. Разумеется, в массе лозунговых единиц за пределами «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» можно найти и однословные лозунги. Таков, напр., лозунг *«Обогащайтесь!»*, который накануне революции 1848 г. стал ответом французского министра Гизо оппозиционной буржуазии, требовавшей всеобщего избирательного права (этим лозунгом он призывал буржуазию обогащаться и тем самым приобретать избирательные права), или знаменитый контрреволюционный лозунг этого же французского министра – *«Порядок!»* [Лит. энциклопедия, т. 6, 1932: 546]. Условно к однословным лозун-

гам можно было бы причислить и «зачины» лозунговых «сериалов» типа *Долой...!, Да...!, За...!*

Но даже если признать потенциальную возможность наличия первой структурной группы интертекстом и в числе лозунгов, все равно бросится в глаза их функционально-семантическое различие: если у других типов интертекстом – таких, например, как библеизмы, эта группа обладает в своем большинстве номинативной семантикой (ср. *Адам, Иуда, Каин, Мафусаил* или *Вавилон, Содом* и т.п.), то у однословных лозунгов типа *Обогащайтесь!* или *Порядок!* она предикативна. Это вытекает из основной функции лозунга – быть лаконичным обращением к адресату, выражая руководящую идею, требование того, кто призывает к чему-либо. Показательно, что предикативность имплицитруется и у лозунгов формально номинативного типа, но семантически предполагающего глагольность. Таков, например, лозунг Демократической партии труда Литвы (ДПТЛ) «Демократия, труд, порядочность». В сущности, он является имплицитным призывом к членам партии блюсти три выдвинутые в лозунге положительные линии поведения.

Такая функциональная доминанта объясняет и еще одно структурное своеобразие лозунгов в сравнении с крылатыми выражениями двух интертекстемных типов. Интертекстемы-фразеологизмы здесь гораздо менее представлены, чем интертекстемы-паремии в широком смысле слова. Ведь обращение к адресату лозунга должно обладать семантической замкнутостью, предикативной законченностью, а это уже одно из главных свойств именно паремий – дидактичность.

Высказанные соображения заставляют *ad hoc* при классификации лозунгов отказаться от чисто структурного принципа, применимого к крылатым словам в целом, и, ориентируясь на их доминантную (паремиологическую в широком смысле) структуру, выделить такие их группы, которые соответствуют общей «призывной» семантике. Оговаривая сразу же относительность такого распределения, мы предлагаем следующую классификацию:

- 1) лозунги-призывы,
- 2) лозунги-пожелания,
- 3) лозунги-констатации,
- 4) лозунги-патетизмы.

Рассмотрим эти группы на материале 133 лозунгов, описанных в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка».

1. Лозунги-призывы.

Понятно, что если «призывность» – доминирующая функция лозунгов, то у каждой из выделенных нами четырех групп в какой-то мере это свойство эксплицитно или имплицитно выражается. Тем не менее, как кажется, первая и многочисленная группа это свойство эксплицирует самой своей формой, что отражено и в дефинициях, предлагаемых в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка».

Приведем лозунги, относящиеся к этой группе, отвлекаясь (как и в описании других групп) от справок о происхождении, контекстных иллюстраций и других параметров соответствующих словарных статей.

Летите, голуби, летите! 1. Один из лозунгов борцов за мир; напутственные слова, обычно обращенные к вестникам мира – голубям. 2. Формула «дарования» свободы или выражения удовлетворения по поводу чьей-л. свободы.

Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем. Публ. Один из лозунгов революционного рабочего движения первой трети XX в., ставившего своей целью совершение мировой революции.

Ни шагу назад! Публ. высок. Призыв к соратникам, участникам каких-л. действий в тяжелых условиях (в том числе – в боевых) твердо удерживать позиции, не отступать ни при каких обстоятельствах.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Публ. Лозунг международного рабочего движения, призывающий к сплочению работников наемного труда в борьбе за свои права.

Света, больше света! Публ. Призыв ориентироваться на светлое, позитивное, на то, что поднимает дух, вселяет надежду, ведет к прогрессу, просвещению.

Товарищ, верь: взойдет она, / звезда пленительного счастья. Жизнеутверждающий лозунг.

Хлеба и зрелищ! Публ. О потребностях невежественных, недалеких людей, жаждущих лишь пропитания и низкопробных развлечений.

Вставай, подымайся, рабочий народ! Публ. или разг. 1. Призыв к революционной борьбе, лозунг пролетарского движения. 2. Разг. Просыпайтесь; принимайтесь за дело!

Грaбь нaгрaблeннoe! Публ. 1. Рeвoлюциoннoй призыв к вoсстaнoвлeнию сoциaльнoй спрaвeдливoсти силoвым путeм, нaрoднaя фoрмулирoвкa бoльшeвистскoгo лoзунгa «Экспрoприaция экспрoприaтoрoв». 2. Oсужд. В пoстсoветскoe врeмя принцип бeзнaкaзнoгo oбoгaщeния, захвaт чужoй сoбствeннoсти любыми дoступными срeдствaми, фaктичeски сaнкциoнирoвaнный нoвoй влaстью пoд лoзунгoм привaтизaции и пeрeхoдa к свoбoднoму рынку.

Дaдим шaр зeмнoй дeтям. Публ. устaр. Oдин из лoзунгoв бoрцoв зa мир в СССР.

2. Лoзунги-пoжелaния.

Этa грuppа стpуктурнo и сeмaнтичeски диффузнa и, кoнeчнo, тaкжe вырaжaeт «призывнoсть» рaзнoгo рoдa. Сюдa мoжнo oтнeсти кaк лoзунги этикетнoгo и «блaгoдaрствeннoгo» типa, тaк и прoсьбы, и кoнстaтирующe пoжелaния.

Мир дoму твoeму! Высoк. Пoжелaниe пoкoя и блaгoпoлучия. Oдин из лoзунгoв бoрцoв зa мир.

Мир хижинaм, вoйнa двoрцaм! Публ. Лoзунг любoгo нaрoднoгo выступлeния, нaпрaвлeннoгo прoтив влaстeй прeдeржaщих.

Бaбe – цвeты, дeтям – мoрoжeнoe. Дeтям – мoрoжeнoe, Бaбe – цвeты. Рaзг. шутл. Шутливoe «этикетнoe» нaстaвлeниe чeлoвeкy, кoтoрoму прeдстoит прoвeсти дoсуг в кpугу сeмьи или с выхoдoм в гoсти. Ислeдуeтся тaкжe кaк ирoничeскaя сaмooцeнкa сoбствeннoй дeйствий в aнaлoгичных ситуaциях.

3. Лoзунги-кoнстaтaции.

Пo сущe нaимeнoвaния лoзунги этoй грuppы в идeaлe дoлжны сoдeржaть нeкoтoрую oбъeктивaцию дeйствитeльнoсти. Oднaкo и здeсь имплицитруeмaя ими «призывнoсть» дeлaeт пpактичeски кaждую кoнстaтaцию, зaключeнную в них, глoбaлизирoвaннoй, a слeдoвaтeльнo субъективнoй. Тaк, лoзунг *Автoмoбиль – нe рoскoшь, a срeдствo пeрeдвигeния* нe прoстo утвeрджaeт в цeлoм вeрную идeю пpагмaтичнoсти ислeдoвaния aвтoтpaнспoртa, нo нaдeлaeт чистo пpагмaтичeским свoйствoм **вce** aвтoмoбиля, чтo, eстeствeннo, являeтся лoзунгoвым (гeсп. рeклaмным) прeувeличeниeм. Лoзунг *Пaртия – ум, чeсть и сoвeсть [нaшeй эпoхи]*, пoдчeркивaвший этичeскую и интeллeктуaльную знaчимoсть КПСС в жизни сoветскoгo oбщeствa, субъективeн нa фoнe вceм извeстных мнoгoчислeнных злoупoтрeблeний члeнoв пaртии. Дeмaгoгичeский лoзунг *Экoнoмикa дoлжнa быть экoнoмнoй* oбъeктивнaя и привлeкaтeльнaя, нa

первый взгляд, констатация. Но уже сама тавтологическая субъективность его конструкции и модальное слово *должна* в какой-то мере эту констатацию делает призывом, а не утверждением реального факта, подобно как и известный лозунг, выдвинутый некогда Н.С. Хрущевым: *Догнать и перегнать Америку!*

Имплицитированная в лозунгах-констатациях «призывность» объясняет факт, что количественно они не уступают первой группе лозунгов, прямо призывающих адресата совершить что-либо. Приведем лозунги этой группы.

Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения. Один из лозунгов, которым восторженные зеваки приветствовали машину «Антилопа гну» с Остапом Бендером и его компаньонами – жуликами, случайно оказавшимися на трассе автопробега «Москва – Харьков – Москва». Сентенция, которой подчеркивают необходимость владения легковым автомобилем.

Америка для американцев. Публ. Послужило основой для возникновения фразеологической серии, где компоненты «Америка» и «американцев» являются переменными. Все единицы этой серии представляют собой националистический призыв очистить свою страну от иностранцев.

Воспрянет род людской. Публ. торж. Один из лозунгов международного рабочего движения.

Встанем как один. Публ. Поднимемся все вместе, все без исключения, дружно (на защиту чего-л.). Используется и как призыв к защите мира, как лозунг борцов за мир.

Если бы парни всей земли. Публ. патет. Один из лозунгов международного молодежного движения. Призыв к интернациональной солидарности в борьбе за мир. Используется как заголовок к разнообразным материалам, посвященным проблемам интернациональной солидарности молодежи, выступающей против войны.

И вновь продолжается бой. Публ. Один из лозунгов молодежных организаций, призыв к активной общественной, трудовой, полит. деятельности. Используется в качестве газетных и журнальных заголовков к материалам о жизни совр. общества. Со 2-й половины 1980-х гг. нередко используется с иронией.

Кадры решают все. Публ. О важности человеческого фактора в решении производственных задач, задач в сфере бизнеса.

Мир победит войну. Публ. Выражение уверенности в том, что милитаризм можно одолеть. Один из лозунгов борцов за мир.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами. Публ. 1. В годы Великой Отечественной войны – один из патриотических лозунгов, выражавших уверенность в победе над фашизмом. 2. Формула оптимизма, выражение уверенности в успехе какого-л. дела, которое его исполнителями признается справедливым.

Неважно, как проголосовали, – важно, как подсчитали. Публ. Употребляется в качестве характеристики сфальсифицированных выборов.

Партия – ум, честь и совесть [нашей эпохи]. Публ. 1. Устар. Лозунг сов. времени, подчеркивавший этическую и интеллектуальную значимость КПСС в жизни сов. общества. 2. Со второй половины 1980-х гг. – формула ирон. оценки деятельности и нравственных качеств не только КПСС, ее преемницы РКП, но и других общественно-полит. организаций.

Родина или смерть! Публ. Клятва верности родине, готовности отдать за нее жизнь.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Шутл. Ирон. характеристика ситуаций, когда людям приходится решать какие-то проблемы, находить выход из сложного положения самостоятельно, не ожидая помощи от тех, кто по долгу службы обязан это делать.

Труд наш есть дело чести, / Есть дело доблести и подвиг славы. Публ. Один из соц. лозунгов, прославляющих созидательную работу на благо общества как важнейший принцип существования справедливого общества.

Экономика должна быть экономной. Публ. Демагогический лозунг времен застоя (1970-1980-е гг.), прозвучавший в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1905–1982), возглавлявшего СССР с 1966 по 1982 гг. О необходимости экономить, рационально хозяйствовать.

4. Лозунги-патетизмы.

Надо признать, что лозунги этой группы выделены по несколько иному признаку, чем три предыдущие. Ведь патетическая окраска в какой-то мере равноположена «призывности», хотя и не тождественна ей. Вот почему мы включили в эту группу как «призывные» (но при этом гиперболизированно «призывные») лозунги,

так и лозунги-констатации (но при этом гиперполизовано мелиоративные, идеологически перенасыщенные) лозунги. К таковым относятся, как кажется, следующие языковые единицы:

За детство счастливое наше / спасибо, родная страна! Публ. Один из лозунгов сов. эпохи. В постперестроечное время часто используется иронически.

И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить. Высок. устар. Один из лозунгов сов. средств пропаганды. Со 2-й половины 1980-х гг. используется с иронией.

Мы покоряем пространство и время. Публ. высок. Один из лозунгов сов. эпохи, выражавший чувство гордости за великие достижения страны Советов и за большие дела ее граждан.

Партия велела <сказала> – комсомол ответил: есть! Публ. устар. Один из лозунгов сов. средств массовой информации, предназначенный для молодежи, которым выражалась готовность следовать курсом КПСС, выполнить любое задание правящей партии.

Славься, отечество наше свободное. Публ. высок. Один из лозунгов граждан СССР, затем – граждан Российской Федерации.

Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек. Патет. До сер. 1980-х гг. – сов. патриотический лозунг. В совр. рус. языке может использоваться ирон.

Все выше, и выше, и выше. Публ. 1. О достижениях в каком-л. деле (производстве, спорте, искусстве и т. п.). 2. Вообще о каких-л. показателях, характеризующих не всегда позитивные явления.

Я люблю свою землю. Патет. Патриотический лозунг.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть некоторую относительность, взаимопереходность признаков, положенных в основу предлагаемой классификации. Так, лозунги *И, как один, умрем [в борьбе за это]* и *Красная армия всех сильнее* «колеблются» между группой лозунгов-призывов и лозунгов-констатаций. Эта относительность порождена общей функциональной «призывностью» лозунга, которая, тем не менее, не стирает их дифференцированности, ставшей основой нашей классификации.

Обзор и группировка 133 лозунгов, лексикографически описанных в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка», по четырем указанным параметрам показывает, что по форме они в целом относятся к третьему классу интертекстем – интертекстем-паремиям в широком смысле слова, что накладывает

свой отпечаток на тип их дефиниций. Как видим, во многих из них составители словаря прямо подчеркивают принадлежность той или иной интертекстемы к лозунговому жанру. Нередко даже такая квалификация как бы освобождает составителей словаря от развернутой дефиниции, но зато читателю предлагаются пространственные и хронологические квалификаторы, помогающие воссоздать семантику лозунга. Ср.:

Заземлю, заволю [залучшую долю]. Публ. устар. Революционный лозунг, призыв.

Пусть нам / общим памятником будет [построенный / в боях / социализм!] Публ. 1. До 1991 г. – один из лозунгов сов. эпохи, призывающий к строительству социализма.

Пусть всегда будет солнце! [Пусть всегда будет небо! / Пусть всегда будет мама! / Пусть всегда буду я!]. Международный лозунг борцов за мир.

Весь мир насилия мы разрушим. Публ. высок. 1. Один из лозунгов пролетарского движения.

Мы – молодая гвардия / Рабочих и крестьян. Публ. Один из лозунгов комсомольцев до сер. 1980-х гг.

Такой подход к дефинициям лозунгов оправдан самой спецификой жанра этих крылатых единиц. При необходимости и возможности составители «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка», однако, предлагают и развернутые толкования включенных в него лозунгов. При этом, как мы видели, дефиниционная матрица здесь соответствует системе толкований, разработанных для интертекстем-паремий вообще. Главным принципом толкования при этом является его синтаксическая законченность, равенство структуры предложения. Это качество дефиниций лозунгов в корне отличает их от дефиниций для интертекстем-лексем и интертекстем-фразеологизмов. Семантически же их спецификой является «призывность», заложенная в саму «программную» функцию лозунга.

Совместный российско-немецкий научный Проект, инициатором которого была Светлана Григорьевна Шулежкова, ставит своей целью исследование вербальных средств публицистического арсенала современной России и Германии в решении конфликтных ситуаций и достижении толерантности. Ядром такого арсенала, безусловно, являются интертекстемы-лозунги. Нет сомнения, что цель проекта будет успешно достигнута, ибо работает над ним плеяда

опытных лексикологов и лексикографов, возвращенная Юбиларом в созданном ею Магнитогорском лексикографическом центре, – коллектив, самым своим существованием доказавший реальную возможность решения конфликтных ситуаций и достижения толерантности и единomyслия в многотрудной деятельности его членов.

Литература

Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : «Русские словари», ООО «Изд-во “Астрель”», ООО «Изд-во “АСТ”», 2000. – 624 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Вальтер, Х. Языклозунга: социолингвистическая стратификация / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015 (в печати).

Литературная энциклопедия : в 11 т. – М. : ОГИЗ РСФСР ; Сов. энцикл., 1932. – Т. 6. – С. 546-551.

Сальникова, О.Г. Освоение крылатых выражений современной публицистикой и художественной литературой / О.Г. Сальникова, С.Г. Шулежкова // Функционирование фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск : ЧГПИ, 1984. – С. 44-63.

Сальникова, О.Г. Песня как источник русской фразеологии / О.Г. Сальникова, С.Г. Шулежкова // Культура речи в различных сферах общения : тезисы докл. – Челябинск : ЧГПИ, 1982. – С. 135-136.

Ушаков, Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д.Н. Ушаков. – М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. – Т. 2. – 1040 стлб.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 848 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. / С.Г. Шулежкова. – СПб., 1995а. – 43 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1995б. – 222 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений) / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 260 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник ; Рус. словари, 2003. – 429 с.

Mokienko, V. Intertexteme und Text in slavischen Sprachen / V. Mokienko // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana / hrsg. T. Berger, K. Gutschmidt. – München : Verlag Otto Sagner, 2003. – S. 162-186.

Г.А. Воеводина

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина (Россия)*

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА РОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение именования лица со значением родства получило развитие в современной лингвистике благодаря вниманию отечественных ученых. Ф.П. Филин подробно охарактеризовал термины родства в древнерусском языке [Филин 1948: 329]. О.Н. Трубачев, описывая группу славянских терминов кровного родства и юридического родства, свойственного отношениям в браке, отметил, что номинации, «выражающие приравливание неродственных людей к кровнородственным, т. е. названия *отчима, мачехи, пасынка,*

падчерицы» [Трубачев 1959: 18], включаются в термины родства. А.И. Моисеев в изучении терминов кровного родства рассмотрел отношения «между родителями и детьми, между предками и потомками и между людьми, имеющими общих родителей или общих предков» [Моисеев 1963: 120].

В последнее десятилетие изучение лексики родства в русском языкознании привлекает особое внимание лингвистов. Вместе с тем лишь немногие из известных нам исследований посвящены вопросу о функциональной специфике оценочного именования лица родства, что осложняет рассмотрение современных тенденций в номинации.

Часть лексики родства была освоена древнерусским языком, о чем свидетельствует употребление слова *сирота* в номинативном значении ‘человек, лишенный поддержки, опоры, заботы’ как отражение изменений, происходивших в «концептосфере славян Средневековья после принятия христианства» [Шулежкова 2014: 162]. «Слово *сирота* первоначально значило ‘сиротство’, ‘состояние сирого человека’» [Шведова 1999: 1004]. В результате языковой номинации современное понятийное значение существительного общего рода *сирота* стало включать компонент оценки, получающий развитие в семантике фразеологизма *казанская сирота* ‘о том, кто лишь прикидывается несчастным, жалким, стремясь вызвать сочувствие’ – со значением иронии.

Как показывают исследования, имена родства нередко дифференцируются на основе словообразовательной категории. В обозначении лица родства, кроме номинативного значения, иногда включающего коннотативные компоненты, используются словообразовательно мотивированные слова, указывающие на словообразовательную деривацию. Семантическая сущность лексем со значением лица родства заключается в том, что в номинации лица по отношению к родству актуализируются лишь важные и существенные для жизни и функционирования современного родственного сообщества семьи. Среди отдельных значений в системе мотивационных отношений в формировании словообразовательной семантики определяется внутренняя форма у производных слов с семемами ‘неродной’, ‘пол’ в тематических группах «родство по супружеству»: *отч-им*, *мач-ех-а*; «юридическое родство»: *опек-ун*, *па-сын-ок*, *па-дчер-иц-а*; «пол родства»: *кум* – *кум-а*, *свояк* – *свояч-ениц-а*, *супруг* – *супруг-а*. В.В. Колесов отметил исконное значение слова *супруги* ‘пара в од-

ной упряжке», учитывая, что «в современном русском языке это слово обозначает семейную пару, мужа и жену» [Колесов 1982: 89].

В качестве признака, мотивирующего значения лица родства, могут выступать словообразовательные различия номинаций. Выстраивание семантики с учетом системных связей слова позволяет добиться непосредственного мотивационного описания, выраженного в тематических группах «прямая линия родства»: *род-и-тел-и*; «боковая линия родства»: *плем-ян-ник*; «поколение родства»: *пред-ок, потом-ок*.

По данным «Современного толкового словаря русского языка» [2001], состав существительных, именующих родственников, включает стилистически нейтральные, экспрессивные и оценочные слова. В обозначении родственных отношений между людьми в языке всегда употреблялись стилистически нейтральные слова *бабушка, дедушка, племянница, свекровь*. Слова *крестник, крестница, кума*, называющие родственников по религиозному обряду крещения, отличаются частотой употребления в повседневной жизни. Другие слова: *шурин, деверь, свояк, свояченица, золовка, сват* – тоже получают распространение в современной речи.

Некоторые экспрессивные, т.е. стилистически окрашенные слова *баба* – trad.-нар., ‘жена’, *батя* – trad.-нар., ‘отец’, *чадо* – устар., ‘ребенок’, не входящие в ядерную лексико-семантическую группу «именования родства», в основном относятся к пассивному составу узуса языка. Заимствованные слова *кузен, кузина*, сохранившие иноязычную окрашенность, не выражают семантических изменений в функционально-стилистической семе, связанной с компонентом, отмеченным в современных толковых словарях как «употреблявшиеся в буржуазно-дворянском быту», так как тоже не отличаются активным употреблением в современной разговорной речи.

Стилистическая модификация именования лица родства характеризуется продуктивностью в разговорной речи. В стилистическом плане представляет интерес префиксация существительных со значением родства и оценки, которая фиксируется в слове *прабабка* – со значением пренебрежения. Среди слов с суффиксами стилистического значения разговорности, неформального общения определяются значения, которые сочетаются со значением положительной (в словах *сирот-к-а, сирот-ин-а*) или отрицательной оценки (в словах *тет-к-а, баб-к-а*), выражающей фамильярную, частично сниженную оценку. Кроме того, могут дифференцироваться

изменения в значении в случае, когда номинации лица родства представляют собой единицы прагматической функции: экспрессивное значение слова *дет-к-а*, разг., как форма обращения к ребенку.

Словообразовательно мотивированные оценочные слова включают в себя, в основном, номинативные единицы, выступающие производящей основой: производное слово *кумушка* «сплетница» – со значением качественной оценки лица. Слова *братик*, ласк. ‘обычно о ребенке’, *внучонок*, ласк., ‘малолетний’, *своячок* ‘близкий’, разг., ласк. выражают оценочное значение суффиксальным способом.

Оценочные значения иногда обусловлены не номинативными свойствами слов, а функциональными, так как эмоциональная окрашенность в моделях стилистической модификации выражается суффиксами. Названия лица родства с суффиксами оценки являются в современной речи наиболее употребительными. Одни и те же номинации могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку в зависимости от речевой ситуации или контекста. Значение иронии проявляется в некоторых словах с суффиксами, служащими оценочными средствами: *-ок*: *внучок*, *дедок*, *деверек*, *женишок*, *зятёк*, *сваток*, *шурячок*; *-еньк-*: *тещенька*; *-юшк-*: *зятюшка*, *сватюшка*, *тестюшка*. Слова с суффиксами субъективной оценки, называющие родственников, используются как средство иронии: *-анек*: *куманек*; *-ятк*: *дитяtko*; *-ек*: *племянничек*; *-енек*: *муженек*; *-еньк*: *сношенька*; *-иц*, *-ичк*: *сестрица*, *сестричка*; *-ушк*: *женушка*, *невестушка*, *сватушка*, *свекровушка*, *тетушка*.

Оценочные суффиксы придают словам различные оттенки: иронии, пренебрежения, презрения, сочувствия, уничижения. Так, слово *золов-к-а* нейтрально. Можно предположить, что экспрессивное слово *золов-иц-а* ‘о тонкой, скрытой насмешке человека к родственнице’ передает иронию. Оценочный момент, выраженный суффиксами, получающими стилистическую закрепленность, имеет и другие проявления: в словах *внуч-еньк-а*, *сестр-енк-а*, *доч-ур-а* – разг., ласк.; *мам-аш-а*, *пап-ан-я* – фамильярное. Определенное место занимают в стилистической системе языка пренебрежительные оценочные слова *бабка*, *сношка*, *свекровка*. Слабое распространение в современной речи получают стилистически маркированные оценочные слова *племяннич-ек*, *супруж-ник*, *дядь-к-а*, *мам-к-а*, *свекров-к-а*, *тет-к-а* – с просторечным, разговорным значением. В сфере экспрессивного словообразования встречаются слова с

суффиксом -ух, специфическим «для разговорной речи» [Земская 2006: 125], имеющие сниженную стилистическую окраску, которая отчетливо проявляется в женских именовании *свекруха*, *сеструха* – со значением пренебрежения, а в мужской номинации *братуха* меняется на противоположную, одобрительную.

Синонимия суффиксов способствует созданию вариативности, особенно развитой в области экспрессивного словообразования в разговорной речи, что свойственно и оценочной лексике лица родства: -ан: *братан*, прост., -ен: *братеня*, -ик: *братеник*, -ельник: *брательник*, ласк.-фамильярное.

Разнообразие суффиксов указывает на то, что в целом стилистическая и эмоциональная окрашенность именования лица родства может создаваться присоединением суффиксов оценки. Здесь отмечаются как достаточно продуктивные в словообразовательной системе языка суффиксы -ак в слове *родаки* ‘родители’ – шутовое, -ошк- в слове *свекр-ешк-а* – со значением пренебрежительное, так и уникальные в словах *жен-орк-а*, *матурик*, *пап-ундер* – шутовое. Эти суффиксы являются проявлением языковой игры в современной русской речи.

В целом представление оценочного именования лица родства можно квалифицировать как языковую номинацию, в которой создаются словообразовательно мотивированные слова со значением качественной оценки лица, эксплицитно выраженной словообразовательными средствами. В оценочном суффиксальном именовании лица родства, возникающем в речи, с определенной частотностью используются оценочные суффиксы. Кроме того, встречаются оценочные номинации лица родства, образованные путем семантической деривации, и оценочные слова с прагматической функцией.

Литература

Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов ; отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 1138 с.

Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения / Е.А. Земская. – 4-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 240 с.

Колесов, В.В. История русского языка в рассказах / В.В. Колесов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1982. – 191 с.

Моисеев, А.И. Термины родства в современном русском языке / А.И. Моисеев // Филологические науки. – 1963. – № 3. – С. 120-132.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 960 с.

Трубачев, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – М. : АН СССР, 1959. – 212 с.

Филин, Ф.П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. / Ф.П. Филин. – М.-Л. : АН СССР, 1948. – Т. XI. – С. 329-346.

Шулежкова, С.Г. Остромирово евангелие как лингвокультурологический источник и проблемы старославянской фразеологии / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры / ред. выпуска С.Г. Шулежкова, А.Н. Михин, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 160-162.

Ю.Г. Гладких

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

Пермский институт экономики и финансов (Россия)

ТЕКСТЫ-В-ТЕКСТАХ В «ЗАТЕСЯХ» В.П. АСТАФЬЕВА: ИНВАРИАНТНОЕ И ВАРИАНТНОЕ

Когда речь заходит об идиостилевой манере В.П. Астафьева, первые и абсолютно справедливые замечания касаются авторской ориентации на народную эстетику и поэтику, что проявляется в любви писателя к сибирскому диалектному слову [Жукова 1990; Самотик 1994, 2005, 2009; Падерина 2009], фразеологизму [Емельянова 1998; Осипова 2005; Осипова 2012б] и фольклорным реминисценциям, органично вписанным в текстовую ткань [Чередникова 1998]. В то же время В.П. Астафьева отличает апелляция к текстам разных культурных страт – от текстов традиционной культуры до текстов культуры элитарной. Так, например, материалы С.Г. Шулежковой, собранные в качестве иллюстраций для «Большого словаря крылатых слов и выражений» [Берков 2008–2009], свидетельствуют о том, что текстами предшествующей культуры для В.П. Астафьева становятся Библия, произведения А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова,

И. Ильфа и Е. Петрова и других авторов, фрагменты песен, романсов, оперных либретто и многие-многие другие (подробнее об этом см. [Шулежкова 2013а, 2013б, 2014]).

В нашей статье речь пойдет о некоторых текстах В.П. Астафьева, в которых запечатлены фрагменты культурной памяти и которые, проявляя свою интертекстуальную природу в цикле «Затеси», становятся текстами-в-тексте [Лотман 2010] и одновременно выступают как один из авторских способов выражения акватических представлений, или концепта. Отметим, что в системе актуализаторов концепта ведущая роль принадлежит слову с ядерной или периферийной семантикой, в его прямом или переносном значении, а также фразеологизму, что, в частности, убедительно доказано в работах А.А. Осиповой, где анализируются системы вербализаторов таких разноплановых концептов, как «Жизнь» – «Смерть» [2012], «Война» [2014], «Дело» [2005], «Рыбалка» [2013]. Однако система актуализаторов концепта формируется нерядоположенными единицами, среди которых, наряду со словами и фразеологизмами, могут быть и текстовые фрагменты, имеющие в своей основе целостный метафорический дискурс или восходящие к предшествующим текстам культуры.

В.П. Астафьев сохраняет прецедентные фрагменты в разном объеме – от строчки до целого текста. По-видимому, объем цитации находится в прямой зависимости от степени известности текста. Фрагменты песенных текстов, как и следовало ожидать, относятся к широко известным: «Из-за острова на стрежень...», «Сидел рыбак веселый...», «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды...», «Благословляю вас, леса, долины, нивы, горы, воды...», «Не жалею, не зову, не плачу» и др.

Тексты предшествующей культуры, ставшие компонентами астафьевских текстов, различаются и по принадлежности к индивидуальному или коллективному творчеству. Наш материал показывает, что в «Затесях» все тексты предшествующей вербальной культуры имеют своих авторов. При этом стихотворения осмысливаются В.П. Астафьевым как авторские; песни – и как авторские, и как народные.

Тексты предшествующей культуры, к которым апеллирует В.П. Астафьев в своих «Затесях», делятся на вербальные (например, полнообъемное воспроизведение стихотворения С. Орлова в тексте «Роковые часы “Победа”»), акциональные (например, описание обрядовых действий в произведении «Родные березы») и предметные (например, описание предмета народного искусства, кружевной

снежинки, в тексте «Кружево»). В этой классификации мы следуем за одним из базовых положений этнолингвистики, согласно которому любые формы культуры – естественный язык, вербальное и невербальное искусство, обряды и мифы – это системы, структурированные и организованные единым «языком культуры» [Толстой 1995], а тексты могут быть организованы знаками любой семиотической природы.

Остановимся на некоторых текстах В.П. Астафьева, несущих в себе культурную память, и попытаемся выявить в них инвариантное и вариантное по отношению к концепту «Вода». С точки зрения формальной и семантической сохранности все тексты-в-текстах могут быть охарактеризованы как: 1) инвариантные по форме и содержанию; 2) инвариантные по форме и варианты по содержанию; 3) инвариантно-вариативные по содержанию и варианты по форме.

1. Инвариантными по форме и содержанию являются тексты-в-текстах, сохраняющие и форму, и содержание. К этому типу тяготеет, например, воспроизведение обрядового текста традиционной культуры: в произведении «Вербное воскресенье» В.П. Астафьев точно воссоздает ритуальный плач-причет: *Неоплаканные, неоцелованные вы, сыночки, и жестка-то вам могила сиротская. Где же это ваши матери-страдалицы? – Она замолкла на минуту, и по лицу ее сыпанули слезы. – Ведают ли, знают ли они, где ваш приют последний? Могила моего Степанушки в болгарской стороне. Пусть матери тамошние умягчат ему землю слезою своею, а я вас, милые, оболью, омою слезами вдовымими... <...> Где ты, где ты похоронен, сокол ненаглядный, Пантелей ты мой Иванович? Есть ли у тебя могила, у любезного? Мягка ли тебе мать-земля?..* (Астафьев 2003, с. 415-417).

Трагизм, большая эмоциональная напряженность (основное отличительное качество причета) достигается постоянным тяготением к вопросительным и восклицательным интонациям и усиливается благодаря приемам повторения-нагнетания синтаксически, интонационно и семантически сходных фольклорно-формульных конструкций *неоплаканные – оболью, омою слезами вдовымими; жестка могила – пусть умягчат <...> землю – мягка ли тебе мать-земля; могила сиротская – могила – приют последний; сокол ненаглядный – улетел* и др. Писатель сохраняет и традиционную для культуры синкрету слова и дела: *слезы* как действие в авторской

речи соответствуют *слезам* в прямой речи. Это позволяет писателю передать сложный комплекс эмоциональных ощущений русских женщин, переживших своих сыновей и мужей. Мелодическая и семантическая ритмичность причитаний приводят к возбуждающему действию плача и отражают такое горе, которое, пробившись слезами, не желает утешения, которое надрывает сердце и раздражает душевную рану. Но причитания, слезы как слово и слезы как действие есть способ эмоциональной разрядки, душевного очищения через наивысшую степень переживания, через коллективный катарсис связанных общим горем людей.

2. Примером инвариантного по форме и вариантного по содержанию текста-в-тексте (сохраняющего форму при трансформации содержания) может служить фрагмент произведения «Горсть спелых вишен», имеющий риторическое построение, когда астафьевское слово является словом-откликом на строчку из поэмы Т.Г. Шевченко: *Я <...> взял в комнате у патрулей толстую книгу «Кобзарь» <...> и стал читать: Рэвэ тай стогнэ Днипр широкий, / Сэрдытый витер завыва... Днепр широкий. Ветер сердитый. Как это все знакомо. Как это все еще близко. Закроешь глаза, и вот оно, продырявленное висячими фонарями черное небо, и внизу распоротая очередями трассирующих пуль черная вода, и крики, крики, крики. Десятки тысяч людей кричали разом. Им надо было добраться до другого берега, а плавать умели не все, и добирались совсем немногие... Ревет и стонет Днепр широкий! Широкий, очень широкий Днепр, особенно когда переплываешь его под пулями и минами, в одежде и с автоматом. Нет тогда на свете шире реки! Не переплыли эту реку, в ночи кажущуюся без берегов, мои друзья Ванька Мансуров, Костя Выгонов, Венька Крюк. Мы вместе росли, вместе учились. И чьих только друзей нет в этой реке!.. Неужели всегда? Устал. К черту Днепр! К черту самолеты! К черту фонари!.. <...> «Рэвэ тай стогнэ Днипр широкий!.. Рэвэ тай стогнэ...». Никак не могу уйти дальше этой строчки (Астафьев 2003, с. 420-421).*

Днепр в стихах Т.Г. Шевченко – символ и признак всего характерно малорусского, как *Vater Rhein* в немецкой поэзии или Волга в великорусских песнях и преданиях. В астафьевском тексте шевченковские ассоциации, вызываемые словом *Днепр*, нивелируются, поскольку строка оказывается вырванной из текста поэмы: *Никак не могу уйти дальше этой строчки*. Каждое последующее слово,

каждая метафора вербализуют астафьевское представление о войне. Писатель предлагает свое видение ширины Днепра – *Широкий, очень широкий Днепр, особенно когда переплываешь его под пулями и минами, в одежде и с автоматом. Нет тогда на свете шире реки!* Стонущий и ревущий Днепр, по В.П. Астафьеву, – это не метафоры разбушевавшейся водной стихии, а метонимии: ревут люди, тонущие в Днепре: *и внизу распоротая очередями трассирующих пуль черная вода, и крики, крики, крики. Десятки тысяч людей кричали разом.* И эта метонимия является астафьевским символом трагедии.

3. В тексте «Эх ты, Ваня, разудала голова», напротив, В.П. Астафьев старается сохранить инвариантное содержание, актуализировать вариантное при полном разрушении формы предшествующего текста культуры: *Ничто не могло удержать Ивана в военной казарме. Под пекущим солнцем, встреч секущим ветрам, зимою, довольно холодной, Иван напролом рвался к своей персиянке, познал такое блаженство любви и пламенной страсти, которые во всей полноте мог оценить разве что атаман Разин, да вот взял и зачем-то утопил персидскую княжну в Волге. Может, и не топил, наплели на человека хитромудрые историки, сластолюбцы-поэты в песню вставили и живет века черный навет на атамана, народ наш веселый по пьянке радостно горланит о том, как погубил живу душу бессердечный разбойник. Иван лелеял свою персиянку и не то, чтобы топить, по правде говоря, и топить-то местность не позволяла, повысить голос на нее не смел. Обалдел он, рассудком ослабел, в самоволки начал бегать, устав нарушать и до беды чуть дело не дошло* (Астафьев 2003, с. 590).

Слова с аквасемантикой, помещенные в подчеркнуто ироничный контекст, приобретают способность дать оценку эмоциональных, нравственных и деловых качеств русского мужчины, присущего ему «дионисийского начала». В частности, лексема *топить* как единица языка имеет два значения: 1) «Заставлять тонуть»; 2) «перен. То же, что погубить» [Ожегов, Шведова 1996: 791]. Слово *топить* и его производные в астафьевском тексте обнаруживают контаминацию обоих значений. Они получают и коннотативные приращения, обусловленные стремлением автора передать традиционные для русской культуры размытость ценностных установок и отсутствие единого критерия справедливости (этические оценки *правильно – неправильно* находятся в абсолютной зависимости от принадлежности

к своим или чужим). Переоформленный и переосмысленный текст-в-тексте позволяет В.П. Астафьеву проявить, как сказали бы Ж. Делез и Ф. Гваттари, «авторскую подпись» в концепте [1999].

Таким образом, тексты-в-текстах В.П. Астафьева могут быть рассмотрены не только как знаки интертекстуальности, но и как самостоятельные показатели картины мира В.П. Астафьева. Источники предшествующих текстов культуры для творчества – это классическая и современная автору поэзия, собственно фольклорные (вербальные, акциональные, предметные) или ставшие фольклорными произведения. Как явление языка и одновременно сознания и культуры, эти тексты использованы В.П. Астафьевым для выражения сложных мировоззренческих смыслов. Формы использования текстов-в-текстах у писателя разнообразны, все рассмотренные интертекстуальные включения В.П. Астафьевым интегрированы в авторский текст как средство актуализации концепта «Вода».

Литература

Астафьев, В.П. Затеси / В.П. Астафьев. – Красноярск : Вся Сибирь ; Красноярское книжное изд-во, 2003. – 688 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. и послесл. С.Н. Зенкина. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.

Емельянова, О.Н. Устойчивые обороты в прозе Виктора Астафьева / О.Н. Емельянова // Русский язык в школе. – 1998. – № 3. – С. 72-74.

Жукова, М. Ю. Диалектная лексика в художественном произведении (на материале автобиографического цикла В. Аста-

фьева «Последний поклон»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Жукова. – Л., 1990. – 18 с.

И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; чл. редколл. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – 311 с.

Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.

Осипова, А.А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева : монография / А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012а. – 200 с.

Осипова, А.А. Пословицы и поговорки как вербализаторы концепта «Война» в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А.А. Осипова // Вестник Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 193-195.

Осипова, А.А. Репрезентация индивидуально-авторского концепта «Дело» в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. (на примере функционирования фразеологических единиц) / А.А. Осипова // «Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – Вып. 6. – С. 46-59.

Осипова, А.А. Этот свет и тот свет в картине мира В.П. Астафьева (к образным вербализаторам концептов «жизнь» и «смерть») / А.А. Осипова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова : науч.-метод. журнал. – 2012б. – Т. 18. – № 1. – С. 260-263.

Осипова, А.А. Языковые репрезентанты концепта «Рыбалка» в художественной картине мира В.П. Астафьева / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2013. – № 4 (42). – С. 363-372.

Падерина, Л.Н. Функции диалектизмов в повествовании В.П. Астафьева «Царь-рыба» / Л.Н. Падерина // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». – Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009. – С. 177-200.

Самотик, Л.Г. Внелитературная лексика в произведениях В.П. Астафьева / Л.Г. Самотик // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. мате-

риалов I Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск : КГУ, 2005. – С. 186-196.

Самотик, Л.Г. Диалектизмы в построении художественного пространства / Л.Г. Самотик // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». – Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009. – С. 162-176.

Самотик, Л.Г. Слово русское, простое... : Заметки диалектолога / Л.Г. Самотик // Енисей. – 1994. – № 208. – С. 77-80.

Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.

Чередникова, М.П. Поэтика фольклорных ассоциаций в «Оде русскому огороду» В. Астафьева / М.П. Чередникова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1988. – № 1. – С. 3-8.

Шулежкова, С.Г. Музыкальные мотивы в фонде русских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова // Frazeologické štúdie VI. Hudobne motívy vo frazeológii. 26-27 september 2014 / Editorka M. Dobriková ; Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. – S. 317-327.

Шулежкова, С. Г. От земли обетованной к небесам обетованным: Очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013а. – 260 с.

Шулежкова, С.Г. Пушкинские крылатые единицы как объект авторской лексикографии / С.Г. Шулежкова // Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. IX, part 2. Edited by N. N. Kazansky. – St. Petersburg : Nauka, 2013б. – P. 565-581.

А.Г. Жукова

*Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (Россия)*

Г.М. Мандрикова

*Новосибирский государственный
технический университет (Россия)*

ЖИЗНЬ «ДОБРА» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Поздравляя Светлану Григорьевну Шулежкову с юбилеем, мы не можем не говорить о *добре*. По мнению Т.И. Вендиной, в основе формирования лексем с корнем *-добр-* в русской культуре лежит

христианское представление о добре, которое ассоциируется прежде всего с Богом (как писал Дионисий Ареопагит: «Само Божество есть Добро по существу, и все сущее причастно Добру, как творения солнцу» [Вендина 2003: 431]), причем христианское представление о добре в русской культуре синтезировано с народным видением добра [Хоанг 2008]. Этот синтез дает различные семантические вариации лексем с корнем *-добр-*, более всего воплощенные в прилагательных.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, в котором представлены 28 прилагательных с корнем *-добр-*, см.:

Добробесѣдный – дливый речистый и скромный, пріятный въ бесѣдѣ.

Добровольный, произвольный, соизвольный, сдѣланный кѣмъ по своей волѣ, непринужденный, невынужденный, неизнудный; по свободѣ своей. *Приказано сдѣлать добровольное пожертвованіе, требованіе полиціи.*

Добровѣдливый, благоводе, благоводевый.

Добровѣтливый, привѣтливый, доброжелательный.

Добродушный, челов. этихъ свойствъ.

Добродѣтельный, добродѣтели свойственный, съ нею согласный.

Доброжелательный, доброхотный, благонамѣренный.

Доброласковый, доброласковость ласковый в большей степени.

Добролицный, добролиціи, красивый лицомъ, пригожій.

Добромужественный, разумно стойкій, весьма храбрый.

Добронравный, скромный, кроткій, послушный.

Добропамятный, у кого хорошая, острая память.

Добропечный, заботливый, усердный.

Добропорядочный, о челов. и поведеніи его, похвальный, одобрительный.

Добропослушный, весьма послушный.

Доброразсудный, разсудительный, разсужій.

Доброразумный, у кого основательный разумъ.

Добророслый, хорошего роста, высокій.

Доброродный црк. Красивый, врачный, изящный.

Добросерддый, добросердечный, добродушный челов.

Доброславный, славны, славимый по добру.

Добросовѣстный, правдивый, праводушный, честный. Въ вѣдѣ сщ. родъ старшины, избираемаго крестьянами для разбора споровъ.

Добросовѣтный, доброжелательный, благонамѣренный, о совѣтѣ, наставленіи и пр.

Доброумный прл. **Доброумъ** м. **доброумка** ж. кто не пускает въ дурную жизнь, въ безразсудная предпріятія, а живетъ скромно и разумно, добрый и разсудительный челов.

Доброхотный прл. **доброходъ** м. **доброхотка** ж. доброжелательный, доброжелатель, радѣтель, радушникъ, что нынѣ благоклонный; встарь, въ предисловіяхъ обращались къ доброхотному читателю. Доброхотомъ привѣтливо зовутъ гостепріимнаго члв., также всякого встрѣчнаго, спрашивая его о чемъ, а въ кстр. Честятъ такъ икону, образъ, какъ покровителя. Подать доброхотно, по своей волѣ желанію, без нужды. Доброхотна дателя любить Богъ. Съ доброхотомъ всякому въ охоту. Была бы охота, найдем доброхота.

Доброчестивый, благочестивый, искренне богочтителный.

Доброхрабрый, весьма храбрый, добромужественный.

Доброчестный, почтенный, заслуженный, уважаемый; честной жизни.

Мы посчитали важным «обнародовать» этот список полностью, с тем чтобы привести в известность слова с корнем *-добр-*, навсегда утраченные русским языком. Глядя на этот внушительный «столбик» слов, мы понимаем, что многие слова-прилагательные с корнем *-добр-* фактически потеряли свою актуальность, либо устарев и заменившись синонимом (напр., *добропечный* – *заботливый*), либо «утеряв» первый компонент (*доброхрабрый*, *доброчестный*, *добро-разумный*), либо заменившись в речевой практике носителей языка универсальной лексемой *добрый*. По данным М. Эпштейна, словообразовательное гнездо корня *-добр-* сократилось с 200 слов до 56. Автор делает вывод об огромном убытке лексического запаса русского языка, и о том, что мы постепенно теряем свои славянские корни.

В связи с утратой целого корпуса слов, выражавших «специализированные» признаки, прилагательное *добрый* настолько расширило свое значение, что понимание данного слова вне контекста стало не таким уж простым делом. Так, например, в программе «Давай поженимся» одна из героинь, отвечая на вопрос, чем именно понравился ей один из претендентов в женихи, ответила: «Он

добрый!». На просьбу пояснить, как она смогла это определить и что именно имеется в виду под добротой, героиня ответила в том смысле, что кандидат в женихи выглядит приятным и порядочным человеком, т. е., очевидно, *доброжелательным*, возможно, *добродушным* и *добропорядочным*.

Ровно в 2 раза (до 14-ти единиц) сократилось количество прилагательных с корнем *-добр-* в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова), в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой их осталось 11, и, наконец, «Толковый словарь русского языка» в 4-х тт. (под ред. А.П. Евгеньевой) включает всего 8 слов: *добросердечный*, *доброхотный*, *добродушный*, *доброжелательный*, *доброкачественный*, *добронравный*, *добропорядочный*, *добрососедский*. Удивительным образом в этом ряду все еще сохраняются явно устаревшие лексемы *доброхотный* (с затемненной внутренней формой) и *добронравный* (не отличающийся, по мнению, носителей языка, от всех остальных слов ряда, за исключением *доброкачественного* и *добрососедского*). Судя по всему (в первую очередь – по языковой практике), в реальном употреблении (при явном преимуществе лексемы *добрый*) имеют хождение *добродушный*, *доброжелательный*, *доброкачественный* и *добрососедский* ввиду прозрачной внутренней форме, позволяющей носителям языка видеть разницу в семантике данных слов, *добропорядочный* выглядит старомодным, поэтому малоупотребительным, носители языка при опросах обычно затрудняются с контекстами и ситуациями его употребления, хотя само слово им понятно.

Единственным относительно новым прилагательным, образованным по той же модели, является лексема *добропартнерский*, которая, как выяснилось, не зафиксирована в словарях. Не фиксирует ее и Национальный корпус русского языка. Однако лексема эта, как показывает поиск в Интернете, весьма востребована, в основном в сочетании *добропартнерские отношения* (значительно реже – *добропартнерские взаимоотношения*, *связи*, единичные употребления – *добропартнерская основа*, *позиция*, *добропартнерский проект*).

На наш взгляд, было бы неправомерным утверждать, что словообразовательный потенциал корня *-добр-* как «строительного материала» для создания новых единиц исчерпан. Незаурядные возможности обнаруживает в этом смысле сфера нейминга. Отметим, что современная ситуация актуализирует употребление слов с корнем

-*добр*- в социальной, благотворительной сфере, соответствующий аспект семантики корня активно продвигается СМИ. Стали привычными телевизионные благотворительные акции, например, акция 1 канала, в ходе которой предлагается выслать SMS со словом *добро* на один из коротких номеров, или акция 5 канала «День добрых дел».

Сфера добровольчества и благотворительности стала одной из «площадок» для образования имен собственных – сложных существительных с корнем -*добр*-. Как показывают наблюдения, этот корень активно используется для образования названий благотворительных фондов, социальных проектов, публичных мероприятий и интернет-ресурсов благотворительного и социально ориентированного характера, ср.: «*Добродел*» (социальная сеть, объединяющая тех, кто хочет помогать нуждающимся), «*Добропесик.ру*» (интернет-сайт для тех, кто хочет оказывать поддержку бездомным животным), «*Доброцентр*» (добровольческая организация); «*Добросвет*» и «*Добродар*» (благотворительные фонды); «*Добросаммит*» – добровольческий форум; «*Доброфон*» – сервис бесплатных телефонных консультаций и т. д.

Еще большее количество имен собственных с указанным корнем встречается в коммерческой сфере: это названия коммерческих, производственных и торговых предприятий и фирм, ср.: «*Доброфлот*» (рыболовецкое и рыбоперерабатывающее предприятие, производитель консервов); «*Добромастер*» (клининговое агентство); «*Добрострой*» – гипермаркет товаров для строительства и ремонта и газета, рекламирующая такие товары; «*Добропес*» – зоомагазин; «*Добромед*» – сеть медицинских клиник; «*Доброфарм*» – интернет-аптека; «*Добротех*» – интернет-магазин техники; «*Добробанк*» – коммерческий банк; «*Доброход*» – фирма по производству и продаже обуви специального назначения, «*Добропек*» – пекарня и т. д.; названия торговых марок: «*Доброцвет*» – торговая марка удобрений; «*Добробук*» – торговая марка специальных многоцветных тетрадей; «*Доброкотя*» – препарат для животных и т. д.

Как видим, указанные слова являются сложными существительными преимущественно мужского рода 1-го склонения (хотя в нашем материале встретились и «*Добропочта*») с интерфиксом. Обратившись к «Грамматике-80», мы можем обнаружить, что анализируемые единицы относятся к нескольким словообразовательным вариациям: а) сложения с нулевым суффиксом и опорным компо-

нентом глагольной основой («Доброход», «Добрострой»), б) сложения с опорным компонентом, равным самостоятельному слову («Добробанк»), в) сложения со связанными опорными (последними) компонентами интернационального характера («Доброфарм», «Добротех») [Русская грамматика 1980]. Вспомним в этой связи, что подобные модели (сложения с нулевым суффиксом и опорными компонентами – глагольной основой либо основой существительного) были характерны для древних славянских имен, таких как *Доброслав, Добролюб, Добромир, Доброгост, Доброгор, Доброжир, Доброход* (нет оснований говорить об использовании древнего имени для наименования обувной фирмы, очевидно, что название обувной фирмы «Доброход» было просто создано номинатором по известной модели: ср. *пешиход, скороход*).

Обращает на себя внимание и то, что корень *-добр-* в подобных образованиях сочетается как с исконно русскими или давно освоенными, так и со сравнительно недавно заимствованными словами и корнями («Доброшоп», «Добросаммит»), а иногда и с собственно иноязычными словами и корнями в латинском написании, что особенно характерно для названий интернет-ресурсов, ср.: *Dobrodoors.ru* (интернет-магазин дверей) (примечательно, что владельцы магазина на самом сайте используют транслиттерированное кириллическое написание: *Добродорз.ру, Dobrodog.ru* (название сайта интернет-магазина игрушек и детских товаров «Добрый пес»); *Dobro-toy.ru* (название сайта магазина детских товаров).

В результате даже поверхностного мониторинга интернет-ресурсов нам удалось обнаружить более сотни подобных единиц. Такая востребованность изучаемого корня объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами:

- во-первых, сфера нейминга вообще является одной из самых «плодоносных» в смысле создания новых единиц,
- во-вторых, она нуждается в элементах, передающих безусловно положительную семантику,
- в-третьих, экстралингвистические обстоятельства задают актуальность «социальной» компоненты семантики корня,
- в-четвертых, используемые словообразовательные модели отличаются простотой и продуктивностью.

Возвращаясь к мысли М. Эпштейна об огромном убытке русских слов и потере славянских корней, хочется сказать, что в случае с **добром** эта потеря не кажется такой уж безусловной.

Литература

Вендина, Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепты Добро и Зло) / Т.И. Вендина // Славянский альманах. – М., 2003. – С. 430-474.

Русская грамматика : в 2 т. [Электронный ресурс]. – М. : Наука, 1980. – Т.1. – Режим доступа : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5315&0a0=1779> (дата обращения: 02.09.2015).

Хоанг, Ван Тоан. Слова *добро, добрый* в русской языковой картине мира / Хоан Ван Тоан // Русский язык в школе. – 2008. – № 5. – С. 82-84.

Р. Левушкина

*Институт сербского языка Сербской
академии наук и искусств (Сербия)*

СОВРЕМЕННЫЕ СЕРБСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВОСЛАВИЯ

Известно, что православие и язык связаны с самого начала существования Христовой Церкви и даже раньше – со дня смешения языков. Лингвистика не может объяснить тайну этого события, как и события дня Пятидесятницы, но с самого начала распространения христианства язык был необходимым помощником апостольской проповеди. И так до сегодняшнего дня. Не представляет исключения и сербский язык. Настоящая статья является попыткой представить православную лингвистику современной Сербии. Речь пойдет о последних исследованиях в этой области.

В Сербии, по причине распространения коммунистической идеологии, лингвисты долго не касались вопросов, связанных с Православием. Только специалисты, занимавшиеся сербско-славянским языком, в силу специфики самого исследовательского материала, составляли исключение, равно как и исследователи церковнославянского языка, истории сербского литературного языка и классических языков.

Времена изменились, и сегодня появляются новые труды, к числу которых можно отнести монографию профессора Ксении Кончаревич «*Језик и православна духовност*» [Кончаревич 2006а]. Можно сказать, что содержание первой части монографии знаменует формирование новой отрасли лингвистики – *теолингвистики*. В текущем году из печати должна выйти следующая монография доктора Кончаревич под названием «*Поглед у теолингвистику*». Как сам автор отвечает на вопрос о предмете исследования православной теолингвистики?

Духовност – онтологическое явление, которое выражается в практической сфере. Последнее (т. е. практическая сфера) и может быть предметом научного исследования, в том числе и лингвистического. Так, на язык можно смотреть как на «тело» теологии, богослужения и христианской культуры. Кроме того, язык в православной антропологии тесно связывается с разумом, так что, *духовный ум* – явление, присущее и человеку, и обществу, общине. *Духовный ум* – это ум вдохновленный Духом Святым [подробнее см. Кончаревич 2006б: 16]. Язык отдельного человека и социальной группы может быть предметом исследования православной теолингвистики. Разумеется, как православие вообще, так и проблемы языка и православной духовности – неисчерпаемый объект исследования.

Что из этого неисчерпаемого богатства становится предметом исследования сербских лингвистов? Прежде всего, как уже отмечалось, это исследование языка в диахронии, поскольку подобного рода проекты реализуются, как правило, на материале священных и богослужебных книг (в нашем случае – на сербско-славянском языке). Что касается обращений к исследованию языка в обозначенном аспекте на синхроническом уровне, то таковые становятся интересными только в последнее время. Остановимся на них подробнее.

Вопросы богослужебного языка Сербской Православной Церкви изучались в рамках социолингвистики. Так, в 2007 г. вышла из печати монография *Богослужбени језик Српске Православне Цркве* (прошлое, современное состояние, перспективы) [Баич 2007].

Наибольший интерес у исследователей вызывают проблемы перевода богослужебных и священных книг. Возможно, на этом уровне и обнаруживает себя самая тесная связь лингвистики с Православием. В Сербии сегодня актуальны проблемы перевода не только богослужебных и священных, но и вообще книг, связанных со сфе-

рой православной духовности. Этой области православной теолингвистики посвящены две монографии профессоров Православного богословского факультета [Кнежевић 2010; Симич 2011]. Некоторым проблемам устного перевода с русского на сербский язык посвящена работа [Баич 2008]; примечательно, что исследование проводится на материале устных разговоров, записанных в паломнической поездке сербов по русским святыням. Следует в этой связи упомянуть и учебник «Руски језик у теологији: обликовање теолошког текста, техника превођења» [Кончаревич 2011]. Автор учебника, русист, профессор Ксения Кончаревич занимается, в первую очередь, вопросами методики обучения языку, но многие ее работы посвящены изучению православной духовности, причем как при изучении русского, так и сербского, и церковно-славянского языков.

Особое место в рамках рассматриваемой проблемы отводится лексикографическому аспекту. Внимания заслуживают двуязычные словари: «Богословский словарь» [Кончаревич 2012], «Словарь Православия» [Вукичевич 2004] и теологические словари [Добрич 2004; Яндроквич 2007].

Вопросы из области лексикологии и лексикографии стали предметом ряда исследований. Так, М. Гочанин [Гочанин 2007: 76] реконструировала лексическо-семантическое гнездо имени существительного *Бог* и показала, что в сербском языке от этого имени произошло 220 существительных, 121 имя прилагательное, 19 глаголов и 22 наречия. Словообразовательную продуктивность лексемы *Бог* в современном сербском языке подтверждает и анализ сложных имен существительных с этой лексемой как одной из составляющих, основанный на материале произведения Святителя Николая Сербского (Велимировича) «Омилије» [Драгин 2007].

Анализу подвергалась лексика, тематически объединенная названием *светославле*, под которым подразумевается «православное христианство сербского стиля и опыта». Кроме собственно православного сербского ономастикона, в число анализируемых единиц включена лексика, обозначающая реалии, связанные с православием, но не встречающиеся в культурах, а соответственно и в языках, других православных стран и народов (в основном речь идет о безэквивалентных лексемах, связанных со *славой*, *Рождеством Христовым* и под.) [Баич 2012].

Несколько особняком стоят работы сербских лингвистов, связанные с выявлением и анализом ошибок, допущенных в толковых

и двуязычных словарях (русско-сербских и сербско-русских) при подаче лексем из сферы православной духовности [Кончаревич 1999; Баич 2012]. Особенно тщательно рассмотрены способы лексикографического описания сербских эортонимов – названий православных праздников [Баич 2011].

Исследовались и избранные в лексикографических источниках способы подачи значений таких слов современного сербского языка, как *анђео*, *ангел*, *демон* и *бес*: на материале трех толковых словарей современного сербского языка выявлен уровень соответствия предлагаемых толкований православному мировоззрению и православной культуре в целом (православно-культурная информация) [Вулович 2009].

Материалом исследований сербских лингвистов в последнее время становятся и произведения самых известных сербских богословов и святых – Николая Велимировича и Иустина Поповича [Никитович 2009; Драгин 2007]. О русском языке XIX в. Г. Флоровский говорит как о языке святоотеческом, прежде всего потому, что на этом языке создавалась обширная богословская литература (речь шла о творениях свв. Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского и других). То же можно сказать и о сербском языке XX в.; основанием подобного утверждения является обширная богословская литература, созданная свт. Николаем Сербским и преп. Иустином Челийским.

Рассмотренные исследования сербских лингвистов стали основой для защиты трех докторских диссертаций. Несколько лет на Православном богословском факультете Университета в Белграде в рамках Научного симпозиума *Сербская теология сегодня* работала секция *Теология и филология*. В работе секции участвовали разные сербские лингвисты, что свидетельствует о растущем интересе к этой теме. Интерес к этой области исследования недавно подтвердила и Сербская академия наук и искусств: в рамках серии *Сербский язык в свете современных лингвистических теорий* опубликован международный сборник по теолингвистической проблематике [Гркович-Мейджор 2013]. Кроме того, издательством Православного богословского факультета и Института богословских исследований был выпущен международный сборник статей *Теолингвистика*, объединивший 45 научных статей исследователей из восьми славянских стран [см. Гадамски 2012].

Мы представили далеко не все современные исследования сербских лингвистов в области Православия. К печати готовится обширная библиография сербской теолингвистики, которая даст возможность познакомиться со всеми имеющимися публикациями.

Литература

Баич, Р. Богослужбени језик у Српској православној цркви. Прошлост, савременостање, перспективе / Р. Бајић. – Београд : Манастир Бањска, Институт за српски језик САНУ, 2007. – 415 с.

Баич, Р. Неки проблеми лексикографске обраде појединих лексема из области православне духовности у савременом српском језику / Р. Бајић // Српска теологија данас. – Београд, 2012. – С. 729-733.

Баич, Р. О проблеми мапревођења неких лексичких јединица из области православне духовности са руског на српски језик / Р. Бајић // Наш језик. – Београд, 2008. – XXXIX/1-4. – С. 35-42.

Баич, Р. Эортонимы в сербской лексикографии / Р. Баич // Крымско-польский сборник научных работ = Krymsko-polskie zeszyty naukowe = Кримсько-польський збірник наукових праць. – Симферополь, 2011. – Т. 9. – С. 201-204.

Вукичевич, Б. Речник православља: енглеско-српски: српско-енглески : 50 000 термилошких јединица = Dictionary of Orthodoxy: English-Serbian: Serbian-English: more than 50 000 entries / Б. Вукичевић. – Београд : Језикословац (Београд : Compact druck), 2004. – 1111 с.

Вулович, Н. Семантичко-фразеолошка анализа неких лексема са сакралним значењима у српском језику (анђео, ангел / демон, бес) / Н. Вуловић, Р. Бајић // Црквене студије. – Ниш, 2009. – Бр. 6. – С. 271-279.

Гадомски, А. Теолингвистика : међунар. тематски зб. радова = Теолингвистика : међунар. тематическиј сб. ст. / ур. А.К. Гадомски, К. Кончаревић. – Београд : Православни богословски факултет Универзитета, Институт за теолошка истраживања, 2012. – 496 с.

Гочанин, М. Семантическо-деривационно гнездо лексеми Бог в сербском языке / М. Гочанин // Церковь и проблемы современной коммуникации : сб. ст. по материалам међунар. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород, 2007. – С. 65-76.

Гркович-Мейдџор, Ј. Теолингвистичка проучавања словенских језика = Theolinguistic studies of slavic languages / ур. Ј. Грковић-

Мејџор, К. Кончаревић // Српска академија наука и уметности, Одбор за српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија. – Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија. – Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности. – Београд, 2013. – Књ. 5. – 535 с.

Добрич, А. Српско-енглески и енглеско-српски теолошки речник = Serbian-englishand, English-serbian Dictionary of Theology / А. Добрић. – Београд : Хришћански културни центар, 2004. – 268 с.

Драгин, Н. Лексеме мотивисане именицом бог у омилијама св. Николаја Српског (синхроно-дијахрони приступ) / Н. Драгин // Probleme de filologie slavă. – Timisoara 2007. – XV. – С. 521-532.

Кнежевич, И. Теолошки дискурс енглеског и српског језика. Лексичко-семантички и стилистички проблеми превођења / И. Кнежевич. – Београд : Православни Богословски факултет, Институт за теолошка истраживања, 2010. – 125 с.

Кончаревић, К. Руска лексика из религијско-црквене сфере и ње на лексикографска обрада (социолингвистички и лингвокултуролошки приступ) / К. Кончаревић // Творбена и лексичка семантика у српском и другим словенским језицима. – Подгорица, 1999. – С. 205-218.

Кончаревић, К. Рускиј език у теологији: обликовање теолошког текста, техника превођења. – Београд : Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања, 2011. – 214 с.

Кончаревић, К. Руско-српски и српско-руски теолошки речник / К. Кончаревић, М. Радовановић. – Београд : Службени гласник, 2012. – 358 с.

Кончаревић, К. Језик и православна духовност. Студије из лингвистике и теологије језика / К. Кончаревић. – Крагујевац : Каленић, 2006. – 463 с.

Кончаревић, К. Језик и православна духовност: теоријске основе и правц и истраживања / К. Кончаревић // Језик и православна духовност. Студије из лингвистике и теологије језика. – Крагујевац : Каленић, 2006. – С. 15-40.

Никитовић, З. Сложенице у „Философски мурвинама“ оца Јустина (Поповића) / З. Никитовић // Српски језик. – Београд, 2009. – XIV/1-2. – С. 557-583.

Симић, К. Песникиња Касија: литургијска поезија песникиње Касијеи њенсловенски превод / К. Симић. – Нови Сад : Академска

књига, Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања, 2011. – 245 с.

Јандроковић, М. Немачко-српски и српско-немачки теолошки речник = Deutsch-Serbisches und Serbisch-Deutsches theologisches Wörterbuch / М. Јандроковић. – Београд : Хришћански културни центар, 2007. – 301 с.

О.В. Петренко

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

РОЛЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В РАЗВИТИИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ г. МАГНИТОГОРСКА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Изучая различные аспекты русской культуры и науки, мы часто сталкиваемся с именами исследователей, писателей, поэтов, музыкантов, художников и артистов, имеющих немецкие корни. Так, сложно представить освоение лексикографии без «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Многие из нас читали стихотворение «Участь русских поэтов», написанное русским поэтом, писателем и общественным деятелем, другом А.С. Пушкина Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером. Филологи по фразам разбирают его лекции о русском языке, прочитанные в Париже, где Вильгельм Карлович как истинный ценитель языка говорил: «История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма...» [Кюхельбекер [http](http://)]. Отто Юльевич Шмидт, Борис Викторович Раушенбах, Святослав Теофилович Рихтер, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и многие другие представители российских немцев внесли неоценимый вклад в развитие экономики, науки, культуры, искусства, образования, медицины нашей страны.

В России, пожалуй, нет ни одного города, где бы не гордились и не восхищались достижениями людей, которые в своем генеалогическом древе имеют германские корни, и г. Магнитогорск не является исключением.

Среди выдающихся деятелей культуры и науки рубежа XX–XXI вв. можно выделить следующих представителей магнитогорских немцев.

Терезия Оскаровна Тротно (Роза Константиновна Кузьмина), заслуженная артистка России. За успешную работу в области культуры была награждена медалью «За трудовое отличие», знаком «Отличник военно-шефской работы», отмечена множеством Почетных грамот правительственного и местного уровней. Терезия Оскаровна более тридцати лет оставалась одной из ведущих актрис драматического театра имени А.С. Пушкина. Она сыграла около трехсот ролей, ставших любимыми для разных поколений зрителей г. Магнитогорска. Среди них юная и доверчивая дворянка Офелия из трагедии Вильяма Шекспира «Гамлет», и неприступная красавица Хуана из комедии Лопе де Вега «Чудеса пренебрежения», и вульгарная Бьюла Биннингс из драмы Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад», и расчетливая Варвара из пьесы Александра Островского «Гроза», и целомудренная девушка Лиза из романа Ивана Тургенева «Дворянское гнездо». В годы работы Тротно магнитогорский зритель шел в театр, чтобы только посмотреть на ее игру. В народе было популярно выражение «сходить на Кузьмину» [Кузьмина <http>].

Виктор Александрович Гринимаер, магнитогорский писатель-краевед, публицист. Является членом общественной организации «Союз писателей России», председателем Магнитогорского регионального отделения Союза писателей России. Виктор Александрович опубликовал более трехсот статей в российских и зарубежных журналах и газетах по вопросам патриотического воспитания, спорта, дружбы народов, проблемам российских немцев, краеведения. Он подготовил и издал тринадцать книг, посвященных исторической судьбе российских немцев: «От Кия до Магнитки», «Жребий», «Шел трамвай», «Магнитогория», «Всеми вопреки», «Немцы на Урале и в Приуралье», «Вот моя деревня», «Моя кулинария», «Немцы в восточной Европе», «Солнце светит всем. Выбор», «Солнце светит всем. На периферии потока турбулентности», «Солнце светит всем. Обновление. XXI в.», «История российских немцев».

В 2003 г. за книгу очерков «Магнитогория» Виктор Гринимаер был награжден дипломом лауреата международного литературного конкурса им. К. М. Нефедьева в номинации «Социальный заказ». В 2012 г. книга «Всеми вопреки» была отмечена дипломом конкурса

на соискание премии Бориса Ручьева в номинации «Проза». Вместе с тем Виктор Александрович выступает одним из редакторов-составителей «Краткой энциклопедии Магнитогорска», а также редактором сборников «Магнитка – наш общий дом», «Магнитогорская оборонная», «Медаль за бой, медаль за труд» и автором энциклопедического справочника «Рукопожатие» [Гринимаер 2014: 63].

Людмила Францевна Левченко (Фрезе), хормейстер Магнитогорского театра оперы и балета, педагог Магнитогорской государственной консерватории, создатель и руководитель до 2004 г. фольклорного ансамбля отдела немецкой культуры «Nachtigall», представленного к званию Народного коллектива. С 1995 г. и до сегодняшнего дня ансамбль активно участвует в жизни г. Магнитогорска. Он выступает на многих мероприятиях магнитогорского Дома дружбы народов, Местной немецкой национально-культурной автономии, участвует в городских и областных праздниках, фестивалях, конкурсах. «Nachtigall» является дипломантом и лауреатом областных фестивалей немецкой национальной культуры в Златоусте (2001 г., 2003 г.), лауреатом 7-го Российского фестиваля национальных культур «Дружба» в Аше (2003 г.), Бажовского фестиваля (2005 г.), 8-го городского фестиваля самодеятельных хоров и ансамблей «Я люблю тебя жизнь» (2014 г.). Ансамбль отмечен многочисленными дипломами, благодарственными письмами местного и регионального уровня [Гринимаер 2014: 99].

Эвальд Карлович Риб, магнитогорский поэт, прозаик, музыкальный педагог-скрипач, выдающийся популяризатор музыки и литературы среди детей и юношества. Работая в детских музыкальных школах города и области, Эвальд Карлович создал свою методику преподавания и общения с маленькими музыкантами, изложив ее в работе «Не засушить цветок». За свою педагогическую карьеру Э.К. Риб раскрыл таланты многих будущих скрипачей и поэтов города. Будучи музыкантом, он вступил в литературное объединение Магнитогорска и стал активным участником литературной жизни города. В 1959 г. вместе с композитором Иваном Шутовым Эвальд Карлович написал «Песню о Магнитке», которую исполнила знаменитая на весь мир Магнитогорская капелла под управлением С.Г. Эйдинова.

Стихи и рассказы Эвальда Риб широко известны как в Челябинской области, так и за ее пределами. Помимо местных газет «Магнитогорский металл», «Магнитогорский рабочий», «Карта-

линская новь», он сотрудничал с немецкоязычными изданиями Поволжья. Его детские рассказы были переведены на немецкий язык и напечатаны в альманахах московского издательства «Прогресс». Он написал не один десяток стихов о природе уральского края, о любви к Магнитогорску. В дальнейшем многие из этих стихов были положены на музыку местными композиторами, в результате чего родились популярные на Южном Урале песни. В 2002 г. Эвальд Карлович был награжден дипломом I конкурса авторов песни о металлургах Магнитки за песню «Сегодня я скажу тебе одной» [Гринмаер 2014: 142].

Анна Алексеевна Кузина (Дипершмидт), кандидат филологических наук, профессор. За высококвалифицированную педагогическую и научную деятельность Анна Алексеевна была награждена знаком отличия «Отличник народного просвещения» РСФСР, ей присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы РФ». А.А. Кузина пятьдесят лет проработала в Магнитогорском государственном университете, тридцать из которых являлась заведующей кафедрой германской филологии и перевода. Она внесла огромный вклад в распространение и приобщение магнитогорской молодежи к немецкому языку и культуре. Анна Алексеевна первой выступила с инициативой привлечения студентов к участию в конкурсах на получение гранта для прохождения стажировки в ФРГ. Под ее руководством проводятся Дни немецкой культуры в Магнитогорске. Анна Алексеевна Кузина является автором более сорока работ, в том числе учебных пособий для студентов по изучению немецкого языка [Люди, дела, традиции 2012: 244].

Венчает этот список доктор филологических наук, Почетный профессор Магнитогорского государственного университета, ученый-фразеолог и лексикограф с мировым именем, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов **Светлана Григорьевна Шулешкова** (бабушка которой была немкой). Благодаря ее активной деятельности Магнитогорск каждые два года становится центром съезда филологов всей Европы.

За активное привлечение студентов и аспирантов к плодотворной научно-практической деятельности, а также воспитание и подготовку квалифицированных научных и научно-педагогических кадров Светлана Григорьевна была удостоена звания «Заслуженный работник высшей школы РФ». Под ее руководством защищено око-

ло 100 дипломных проектов и 15 кандидатских диссертаций. Ежегодно под редакцией Светланы Григорьевны выходит сборник «Благословенны первые шаги ...» (см., напр., [Благословенны...1997, 2000, 2005, 2014, 2015], где молодые исследователи имеют возможность апробировать результаты своих научных изысканий.

Светлана Григорьевна основала кафедру общего языкознания и истории языка, ставшую в городе центром изучения и распространения славянских языков и культуры. Ежегодно на городских площадках коллектив кафедры организует фестиваль, посвященный Дню славянской письменности и культуры. Кроме того, по ее инициативе в университете была открыта Научно-исследовательская словарная лаборатория, на базе которой готовятся к изданию словари, энциклопедии и сборники научных трудов, среди них: «Люди, дела, традиции: энциклопедия МаГУ» [2003, 2007, 2012], «Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова Евангелия» [2014], «Фразеологический словарь старославянского языка» [2011].

Светлана Григорьевна является автором и редактором более 400 трудов, в том числе словарей-справочников, среди них: «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» [Берков 2000; Берков 2008–2009], «Словарь крылатых выражений из области искусства» [Шулежкова 2003], «Русско-польский словарь крылатых слов» [Хлебда 2003], «И жизнь, и слезы, и любовь ...» [Шулежкова 2011]; монографий: «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» [Шулежкова 2002]; «От земли обетованной к небесам обетованным» [Шулежкова 2013а]; учебно-методических пособий: «Происхождение вторичных согласных» [Шулежкова 2013б]; «Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения» [Шулежкова 2013в]; «История лингвистических учений» [Шулежкова 2008]. Ее работы известны как в России, так и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

Впечатляющие достижения и исключительное трудолюбие российских немцев способствуют как приобщению жителей провинциальных городов, таких, как Магнитогорск, к просветительской и творческой деятельности, так и укреплению культурного и научного потенциала нашей страны.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

«Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 1997. – Вып. 1. – 105 с.

«Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Вып. 3. – 100 с.

«Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – Вып. 6. – 139 с.

«Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. С.Г. Шулежковой, А.А. Осиповой. – Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2014. – Вып. 8. – 198 с.

«Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исслед. / под ред. С.Г. Шулежковой, А.Н. Михина, Н.В. Поздняковой (Меркуловой), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – Вып. 9. – 173 с.

Гринимаер, В.А. Немцы на Урале и в Приуралье : энциклопедический справочник / В. А. Гринимаер. – 4-е изд., доп. – Магнитогорск : ООО ПКФ «Статус», 2014. – 262 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исслед. словарная лаб. ; сост. : А.Н. Михин, А.А. Осипова, В.Ф. Хайдарова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 126 с.

Кузьмина Роза Константиновна: биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/w/ros/324046/bio/> (дата обращения: 01.09.2015).

Кюхельбекер, В.К. Лекция о русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://aktinoya.ru/index.php?catid=91:2013-05-22-06-22-24&id=394:2013-11-07-12-59-05&option=com_content&view=article (дата обращения: 01.09.2015).

Люди, дела, традиции : энциклопедия МаГУ (1932–2002) / сост. С.Г. Шулежкова, А.А.Осипова, О.С.Климова [и др.] ; под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – 336 с.

Люди, дела, традиции : энциклопедия МаГУ (1932–2007) / сост. С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова [и др.] ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – 430 с.

Люди, дела, традиции: энциклопедия МаГУ (1932–2012) / Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова ; сост. : Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Магнитогорск : МаГУ, 2012. – 546 с.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: 1500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 848 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 408 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованым: очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 260 с.

Шулежкова, С.Г. Происхождение вторичных согласных : учеб.-метод. пособие для студ. филол. фак-тов высших учеб. заведений / С.Г. Шулежкова, Н.В. Меркулова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2013. – 76 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник ; Рус. словари, 2003. – 430 с.

Шулежкова, С.Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения : учеб.-метод. пособие / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 128 с.

Фразеологический словарь старославянского языка : св. 500 ед. / А.Н. Михин, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова [и др.] ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 424 с.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szulezkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

Л.Д. Пономарева

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

РАЗВИТИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЕТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Речетворческая стратегия, предполагающая подготовку выпускника, владеющего в полной мере устной и письменной речью, является генеральной в языковом образовании. Формирование художественной речетворческой личности учащегося в процессе художественной речетворческой деятельности, понимаемой как деятельность по восприятию и продуцированию художественных текстов, представляет собой одно из направлений речетворческой стратегии.

Художественную речетворческую личность следует рассматривать как языковую личность с готовностями к сопереживанию, к эмоциональному самовыражению, к метафорическому видению мира, к отражению окружающей действительности в конкретно-чувственной форме, к образной речевой реализации художественного замысла.

Основными качествами художественной речетворческой личности считаются эстетическое отношение к жизни, развитое воображение, наблюдательность, чуткость к слову и оттенкам его значений, готовности для «эстетизации речевых поступков», впечатлительность, эмоциональная чувственная отзывчивость, метафорическое видение мира.

Художественная речетворческая личность обладает ассоциативным, построенным на образной аналогии мышлением, способностями рефлексирования и речевого прогнозирования, включающего антиципацию.

Художественная речетворческая личность учащегося рассматривается нами как языковая личность, структурно совпадающая с художественной речетворческой личностью писателя, поэта. Содержательно же художественная речетворческая личность учащегося отличается от личности писателя, поэта объемом и качеством субъектного (жизненного и речетворческого) опыта; уровнем развития художественных речетворческих способностей.

Художественная речетворческая личность обладает особым мироощущением, которое определяется высоким уровнем развития сенсорного интеллекта. Художественная речетворческая личность способна чувствовать глубоко, тонко, по-особенному. Художника слова отличает особое мироощущение и индивидуализированная его реализация.

Процесс формирования человека как художника происходит «одновременно с формированием его человеческой индивидуальности, со своим собственным отношением к ценностям культуры и человеческим взаимоотношениям, со своим собственным подходом к окружающим явлениям жизни. Так создается индивидуальное видение мира» [Якобсон 1971: 13]. Наблюдательность художника связана с высокой культурой восприятия мира. Специфическая наблюдательность «вырабатывается в процессе жизненного опыта художника. А иногда даже делается предметом его специальных упражнений» [Там же: 15]. Об этом говорит И.С. Тургенев, рассказывая о том, как в молодые годы он занимался воспитанием своего восприятия, своего умения различать тонкие оттенки явлений: «Прежде чем лечь спать, я каждый вечер делаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился и начал прислушиваться. Вот различные звуки, услышанные мною:

Шум крови в ушах и дыхание.

Шорох — немолкаемый лепет — листьев.

Треск кузнечиков; их было четыре в деревьях на дворе.

Рыбы производили на поверхности воды легкий шум, походивший на звуки поцелуя.

От времени до времени падала капля с легким серебристым звуком.

Ломалась какая-то ветка; кто сломал ее?

Вот глухой звук ... что это? Шаги на дороге? Или шепот человеческого голоса?

И вдруг тончайшее сопрано комара, которое раздаётся над вашим ухом».

Развитие художественной речетворческой личности – «это не просто усвоение, присвоение, послушание, это саморазвитие, самостроительство, творчество себя» [Зинченко 1991: 144].

Процесс формирования художественной речетворческой личности учащегося предполагает сложную и длительную совместную работу учителя и учащегося по развитию метафорических способностей, которые представляют собой *способности интерпретировать метафоры, применять существующие метафорические выражения в зависимости от контекста ситуации, самостоятельно создавать метафоры*. При этом метафора рассматривается нами как любое языковое значение (слово, словосочетание, предложение) с переносным смыслом.

Способность *интерпретировать метафорические выражения* формируется и развивается в процессе выполнения следующих речетворческих тренингов:

Перевести с языка образного, метафорического на язык быденной речи – понять, расшифровать метафору:

(о звезде)

Ты светишь августом и рожью

И наполняешь тишь полей

Такой рыдалистою дрожью

Неотлелевших журавлей (С. Есенин).

Реконструируя есенинские метафоры, учащиеся выделяют обозначаемое (*свет звезды*) и образный компонент (*август и рожь*); обозначаемое (*крик журавлей*) и образный компонент (*дрожь рыданий*).

Образный компонент (*август и рожь*) делает обозначаемое (*звезду*) осенней (*август*), ярко-желтой (*спелая рожь*), а обозначаемое (*крик еще не улетевших на юг журавлей*) приобретает, благодаря образному компоненту, характер дрожащих рыданий, наполняющих тишь осенних полей.

Ученический перевод есенинских строк с языка метафорического, образного на быденный язык звучит примерно так: *Осень. Ярко светит звезда в ночном небе. Близится час прощания с журавлями.*

Продолжая переводить с языка метафорического на язык обыденной речи, предлагаем реконструировать метафоры в следующих поэтических текстах:

*В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры (С. Есенин).*

*Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь,
Время – мельница с крылом (С. Есенин).*

*Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин
Вмерзшие бутылки голых черных льдин.
Булки фонарей, и на трубе, как филин,
Потонувший в перьях, нелюдимый дым (Б. Пастернак).*

*Еще о восходах молодых
Весенний грунт мечтать не смеет.
Из снега выкатив кадык,
Он берегом речным чернеет (Б. Пастернак).*

*Капель до половины дня,
Потом, морозом землю скомкав,
Гремит плавающих льдин резня
И поножовщина обломков (Б. Пастернак).*

*В вечерний час переставала двигаться
Жемчужных луж и речек акварель (Б. Пастернак).*

*Густо покрытый усышкой листвы,
С солью из низко нависших градирен!
Видишь, полозьев чернеются швы,
Мерзлый нарыв мостовых расковырян (Б. Пастернак).*

*Он (луч солнца) стынет вытекшею жижей
Яйца в разбитой скорлупе,
И синей линией лыжи
Его срезают на тропе (Б. Пастернак).*

*Блуждая по заброшенному саду,
Я видел, в полдень, в воздухе слепом,
Двух бабочек глазастых, до упаду
Хохочущих над бархатным пупом
Подсолнуха (В. Набоков).*

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге (А. Блок).*

*и улица вдалеке сужается в букву «у»,
как лицо к подбородку, и лающая собака
вылетает из подворотни, как скомканная бумага
(И. Бродский).*

*Объяснить, как родились следующие образные средства – о
снеге: ковер, одеяло, пелена, покрывало, саван, скатерть; гладь, пу-
стыня, равнина и т.д.) [Иванова 2004: 518-521].*

Способность использовать метафорические выражения в собственной речи формируется и развивается в процессе выполнения тренингов:

Ввести в собственные тексты следующие образные средства:

- убеленные карнизы (А. Блок);
- несуществующие шаги (А. Блок);
- взбалмошная луна (С. Есенин);
- обосененная тишина (С. Есенин);
- журавлиная тоска сентября (С. Есенин);
- грязи рыжий шоколад (Б. Пастернак);
- слепого полдня желатин (Б. Пастернак);
- жгучий взгляд подснежников (Б. Пастернак);
- сиротка ель, как черная звезда (В. Набоков);
- листья, словно птиц испуганная стая (И. Бунин);

- ветер хлестал по лицам, как плетью (А. Чехов);
- месяц тающий – совсем лимона ломтик в чашке чаю (В. Набоков);
- луна скользит блином в сметане (Б. Пастернак);
- в реке мурлычет кошкою вода (Н. Рубцов);
- стрекочущий снег (И. Бунин);
- порыжевшие берега (И. Бунин);
- траурные сороки (И. Бунин);
- глазастые бабочки (В. Набоков);
- перелетные слова (А. Блок);
- угрюмый след (А. Блок);
- разноцветная ложь (А. Блок);
- задумчивая дверь (А. Блок);
- любопытное солнце (А. Блок);
- чуток сон дрожащего стебля (М. Волошин);
- всклоченная капуста туч (И. Бродский);
- и льется мед огней вечерних (И. Бродский).

Наряду с образными средствами ввести в собственные тексты следующие крылатые выражения, которые помогут учащимся определиться с замыслом:

- Вам и не снилось...
- Да, были люди в наше время.
- Мгновения, мгновения, мгновения...
- Песня остается с человеком.
- С чего начинается родина?
- Чужой среди своих [Шулежкова 2003: 35, 84, 164, 248, 311, 356].

Способность *создавать метафоры* проявляется в метафорическом видении окружающего. Суть метафорического видения действительности заключается «в особом переносе, возникающем в результате перевода означаемого посредством означающего из практического плана (денотация) в «мифический» (коннотация) план при помощи эксплицитного или имплицитного сравнения. Следовательно, в смысловой структуре метафорического видения сосуществуют два плана: переносное значение и прямое значение. Переносное значение образует скрытый, внутренний, иносказательный план художественного сознания, прямое представляет собой его обычный смысл. При объединении, точнее – сопряжении этих двух планов происходит «самозарождение» художественной

микромоделю индивидуально-авторского видения мира» [Крупник 1988: 91].

Способность создавать метафоры предполагает умение выделять признаки предмета, явления, соотносить их с признаками других предметов и явлений, выявляя сходство, наделять исследуемый предмет, явление новыми признаками, добытыми в процессе соотнесения (ученическое: *назойливые люди* создано по модели *назойливые мухи* – надоедливые; *приторные лучи* создано по модели *приторные сладости* – очень сладкие и др.).

Метафорическое видение действительности определяется прежде всего уровнем развития метафорических способностей человека. В процессе метафоризации участвуют эмоции, экстралингвистические знания, субъектный опыт носителей языка, а иногда и случайные впечатления, наблюдения, оценки.

Литература

Зинченко, В.П. Проблемы психологии развития (читая О. Мандельштама) / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 139-151.

Иванова, Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М. : ООО «Изд-во “АСТ”» : ООО «Изд-во “Астрель”» : ООО «Изд-во “Русские словари”» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 666 с.

Крупник, Е.П. Психологические механизмы воздействия искусства на личность / Е.П. Крупник // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 4. – С. 89-99.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник ; Рус. словари, 2003. – 430 с.

Якобсон, П.М. Психология художественного творчества / П.М. Якобсон. – М. : Знание, 1971. – 47 с.

**«ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА» В.Т. ШАЛАМОВА
КАК ОБРАЗЕЦ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛАГЕРНОЙ РЕЧИ И
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

В русской литературе второй половины XX в. возникает такое явление, как «лагерная проза». Сам термин сформировался в 1980-е гг., когда были опубликованы многочисленные воспоминания и художественные произведения о ГУЛАГе. «Лагерная проза» – это «самостоятельный словесный архипелаг в океане российской прозы. Гигантские, соизмеримые с континентами острова, помельче островки, островушки, банки да отмели судьбой соединены в единый художественно-тематический массив» [Емцев 1992: 82]. «Открыл» «лагерную» тему «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына (первая публикация в 1962 г.), в 1988 году увидел свет «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского. Среди произведений «лагерной прозы» следует назвать романы «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Погружение во тьму» О. Волкова, «История одной зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек» Е. Матвеевой, повести Е. Федорова «Жареный петух» и «Одиссея», «Непридуманное» Л. Разгона.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) завоевал известность шестью циклами очерков «Колымские рассказы», написанных между 1954 и 1973 годами. «Колымские рассказы» занимают в «лагерной прозе» особое место. И.В. Некрасова в исследовании «В. Шаламов-прозаик» пишет, что проза В.Т. Шаламова – «абсолютно отдельно стоящий остров в архипелаге «лагерной прозы». Неповторимое писательское видение, постоянное ощущение края жизни, за которым – лишь безумие, особые художественные приемы, отрицание классических реалистических традиций – все вобрала эта проза» [Некрасова 1995: 181]. Опыт описания идиостиля В.Т. Шаламова посредством комплексного лексикографического и фразеографического изучения индивидуальной языковой системы представлен в ряде научных исследований [Халитова 2009, 2014].

«Колымские рассказы» – это не просто воспоминания человека, прошедшего через ужасы советских лагерей, – это литерату-

ра особого рода – «новая проза», как называл ее сам писатель. В письме к Ю. Шрейдеру В.Т. Шаламов писал: «Новая проза – само событие, бой, а не его описание. То есть документ, прямое участие автора в событиях жизни. Проза переживается как документ» [Шаламовский сборник 1994: 205]. Писатель неоднократно подчеркивал документальность своей прозы: «писатель должен уступить место документу и сам быть документальным» [Там же: 82].

Художественным принципом В.Т. Шаламова стало достижение «достоверности бытовой и психологической» [Емцев 1992: 327-328]. Формулируя свои задачи как прозаика, В.Т. Шаламов пишет: «Отражать жизнь? Я ничего не хочу отражать, не имею права говорить за кого-то (кроме мертвецов колымских, может быть)» [Шаламовский сборник 1994: 204]. В следовании данному принципу В.Т. Шаламов был не одинок. Такой же позиции, например, придерживался видный прозаик В.П. Астафьев в романе о Великой Отечественной войне «Прокляты и убиты». Многие читатели восхищались «достоверностью и психологической убедительностью изображенного в романе бытия солдат на войне» [Осипова 2012: 73].

Многие исследователи творчества В.Т. Шаламова отмечают документальность, правдивость шаламовской прозы, ее автобиографичность. Вот типичные характеристики со страниц работ о В.Т. Шаламове: «Колымские рассказы» – прежде всего свидетельство» [Шаламовский сборник 1994: 217], «Его рассказы – типичный слепок места и времени» [Там же: 238], «Шаламов мечтал достичь достоверности протокола, наделенного статусом высшей художественности» [Там же: 176]. Помимо этого, отмечается аскетичность, сжатость его прозы, минимальная художественность, сдержанность в использовании художественных приемов.

Исследователи творчества В.Т. Шаламова еще не дали окончательного ответа на вопрос, чем является проза В.Т. Шаламова. Психологическо-физиологическим очерком? Этнографическим исследованием? Остросюжетной романтической новеллой или чем-то еще?

В «Воспоминаниях о Колыме» писатель, определяя особенности своего художественного языка, пишет: «На каком языке говорить с читателем? Если стремиться к подлинности, правде – язык будет беден, скуден. Метафоричность, усложненность речи возникает на какой-то ступени развития и исчезает, когда эту ступень перешагнуть в обратной дороге <...> Обогащение языка –

это обеднение рассказа в смысле фактичности, правдивости. Я вынужден писать тем языком, которым я пишу сейчас и, конечно же, у него очень мало общего с языком, достаточным для передачи тех примитивных чувств и мыслей, которыми я жил в те годы» [Шаламовский сборник 1994: 38-39]. Вот что пишет о языке «тех лет» В.Т. Шаламов в рассказе «Сентенция»: «Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, еще живущие около костей. Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить – двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами» (Шаламов, кн. 1, с. 346).

А. Синявский в статье «Срез материала» написал: «Героев в рассказах Шаламова нет. Характеры отсутствуют: не до психологии. Есть более или менее равномерные отрезки “человеко-времени” – сами рассказы» [Шаламовский сборник 1994: 227]. Сам автор «колымской эпопеи» особенностями жизни человека в лагере объяснял примитивность психологии своих героев: «... писатели с удручающей настойчивостью начинают своих героев психологией, далекой от действительности, гораздо более усложненной. В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам. Он много примитивнее, чем нам кажется. И даже в тех случаях, когда он образован, он использует это оружие для защиты своих примитивных чувств. В обстановке же, когда тысячелетняя цивилизация слетает, как шелуха, и звериное биологическое начало выступает в полном обнажении, остатки культуры используются для реальной и грубой борьбы за жизнь в ее непосредственной, примитивной форме» [Там же: 63].

Произведения В.Т. Шаламова открыли читателю неизвестную жизнь, познакомили с новыми героями – людьми, у которых вывернутое сознание. Для их изображения нельзя было использовать традиционные художественные приемы, и В.Т. Шаламов всем своим творчеством «восстал против литературных уроков гуманизма. «Русские писатели второй половины 19-го века, – писал В.Т. Шаламов, – несут в душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в 20-м веке. Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики – ученики русских гуманистов. Этот грех им не замолишь...» Отсюда и шаламовская нетерпимость к про-

поведи, указующему персту, к иллюзиям, что искусство может облагородить или научить человека добру и счастью. Отсюда поиски лаконизма, устранение всего лишнего, всего канонизированного в форме литературного письма...» [Шаламовский сборник 1994: 172].

Все произведения так называемой «гулаговской литературы» [Емцев 1992: 82] отличаются использованием элементов лагерной речи. Однако приемы «вживления» этой речи у каждого автора свои. Для художественной манеры Е. Гинзбург в романе «Крутой маршрут» характерна некая стиливая рафинированность, естественное отторжение единиц «блатной фени» и, одновременно, подчеркнутая небрежность в использовании официальных наименований (так, например, в тексте «Крутого маршрута» не представлен широкий спектр наименований, называющих представителей лагерной охраны, надзорсостава и конвоя – всех их Е. Гинзбург называет «вохровцами»). Напротив, «блатная феня», как и остальные составляющие лагерной речи, органично входят в художественную ткань романа «История одной зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек» Е. Матвеевой (уже в заголовке романа в одном ряду наименований лагерного населения употреблены обще-тюремно-лагерное «зечка», официальное сокращение «з/к» и блатное «вольняшка»). А. Солженицын графически точен в использовании единиц «блатной фени», к которым он обычно относится как к естественной реалии лагерной жизни.

В.Т. Шаламов – единственный из писателей лагерной прозы, кто стоял на твердых эстетических позициях в отношении к лагерной речи. В первую очередь, в использовании единиц «блатной фени». Если единицы «блатной фени» появляются в авторской речи, то в большинстве случаев за этим следует замечание, которым В. Шаламов маркирует данные единицы («как говорят блатные», «так говорят блатные», «по-блатному» и т. п.). Исследователи творчества В.Т. Шаламова (те немногие, кто обращает внимание на язык его произведений) отмечают, что в «Колымских рассказах» повествователь «отмежевывается от абсурдного языка абсурдного мира», что «к языку Колымы, к циничному лагерному жаргону Шаламов относится с откровенной брезгливостью» [Лейдерман 1992: 179]. «Блатное слово в «Колымских рассказах» появляется лишь как отголосок “чужой речи”. Причем повествователь чисто плотно отделяет его кавычками и тут же переводит <...> на нормальный

язык» [Там же]. Используя традиционные единицы лагерной речи, В.Т. Шаламов добивается той документальности, правдивости, к которой он стремился; он «рисует достоверную картину лагерной жизни, чьими приметами становятся фрагменты “блатной фени”, официального новояза, языка следственной практики и делопроизводства в СССР – лагерной речи в целом» [Халитова 2000: 20].

«Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, занимающие особое место среди произведений лагерной прозы, являют собой образец «вживления» лагерной речи в художественную ткань произведения с целью максимально достоверно описать пережитое им и миллионными ему подобных, создать правдивую картину жизни людей, вместе с В.Т. Шаламовым переживших непростую эпоху сталинизма.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Емцев, М. Больно ли клюется жареный петух? / М. Емцев // Литературное обозрение. – 1992. – № 2. – С. 79-82.

Лейдерман, Н. «... В метельный, ледящий век»: О «Колымских рассказах» В. Шаламова / Н. Лейдерман // Урал. – 1992. – № 3. – С. 171-182.

Некрасова, И.В. В. Шаламов-прозаик (проблематика и поэтика) : дис. ... канд. филол. наук / И.В. Некрасова. – Самара, 1995. – 202 с.

Осипова, А.А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева : монография / А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 200 с.

Халитова, Н.Р. К проблеме создания словаря языка В.Т. Шаламова / Н.Р. Халитова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 357-359.

Халитова, Н.Р. Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова (особенности структурно-семантической организации) : дис. ... канд. филол. наук / Н.Р. Халитова. – Магнитогорск, 2000. – 194 с.

Халитова, Н.Р. Фрагмент словаря языка «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова / Н.Р. Халитова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – № 3 (24). – С. 550-555.

Шаламов, В. Колымские рассказы : в 2 кн. / В.Т. Шаламов. – М. : Рус. книга, 1992.

Шаламовский сборник / сост. В.В. Есипов. – Вологда : Изд-во ин-та повыш. квалификации и переподготовки пед. кадров, 1994. – Вып. 1. – 248 с.

О.Е. Чернова

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

НОВОИДЕОЛОГЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Современная действительность показала, что языковая политика государственной системы стала формировать новые идеологемы. Особенно активно этот процесс начал протекать в 2009 г., когда на XI Съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» была провозглашена новая идеология – «российский консерватизм».

Несмотря на то, что идеология современной России только зарождается, и корпус идеологем еще не сформирован окончательно, представляется интересным проследить, каким образом созданные в русле идеологического учения правящей партии тексты не только транслируют убеждения, ценности, идеи и установки практического политического поведения, но и консолидируют общество вокруг идеологического учения. Источником для исследования явились тексты, размещенные на сайтах «Единой России». Для анализа идеологических представлений советского времени использовалась га-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

зета «Магнитогорский рабочий» периода активной идеологизации лексики: с 1933 г. (первый год архивного хранения газеты) по 1990 г. Это первая официальная ежедневная городская общеполитическая газета, которая выходит с 1 января 1930 г.

Идеологи российского консерватизма, определяя дальнейшие перспективы развития России, приоритетной национальной стратегией выбирают внедрение высоких технологий. По их мнению, модернизационный прорыв улучшит качество жизни россиян. В данном процессе основополагающим является повышение производительности труда в различных областях промышленности. Труд, как и десятки лет назад, снова становится главной идеологически значимой ценностью (об этом, например, свидетельствуют лозунги, актуальные и по сей день: *Владыкой мира будет труд!*; *От каждого – по способностям, каждому – по труду*; *Труд наш есть дело чести, есть дело доблести и подвиг славы* и др. [Берков 2008-2009]). Положительная идеологическая оценка присутствует практически во всех программных документах партии.

Анализ современных высказываний позволяет выделить основные контекстные партнеры слов *труд* и его синонима *работа*. Перечислим: *ежедневный*; *самоотверженный*; *достойный уровень жизни своей семьи за счет своего труда*; *упорный*; *созидательный*; *достойное гордости за свою страну будущее*; *люди, создающие будущее*; *жизненный успех должен стать прямым следствием честного труда*; *ценность*; *понятие труда ключевое в определении нашей национальной, культурной идентичности*; *свободный*; *производительный*; *качественный*; *мотивация к труду*; *психология рабочего класса*; *народ не привык работать*; *больше нравится зарабатывать, добывать где-то деньги*; *звание «рабочий»*; *практически исчез рабочий класс со своей рабочей гордостью*; *нормальный*; *современный труд*, *труд рабочего*; *рабочая профессия*. В контексте они способствуют формированию смыслов, специфика которых обусловлена идеологическим оцениванием явлений, стоящих за данными лингвосоциальными словами. Рассмотрим некоторые из них.

Для идеологии, особенно формирующейся, очень важно найти своего адресата и закрепить связь с ним. Наиболее продуктивным способом установления контакта с аудиторией и обозначения «своего адресата», как показали тексты советского прошлого, является отбор лексики, имеющей стилистическую и социальную окраску, поскольку

ку при описании процесса понимания нельзя игнорировать те выводы, которые при этом делает адресат на основании самого сообщения, средств его передачи, знаний об авторе. При таком подходе на первый план выходит коннотативный компонент значения лексемы, большую роль играет учет экспрессивных особенностей текста.

Во времена существования СССР контактоустанавливающую функцию выполняла лексема *трудящиеся*, содержащая компонент совместности и имеющая коннотацию «я свой». Денотативное значение этого слова «живущий своим трудом» говорит о том, что труд – дело почетное и благородное: *Горячий братский привет всем пролетариям, всем колхозникам и всем труженикам городов и деревень СССР, всем трудящимся и угнетенным во всем мире!* (МР, 1933, № 47). Как видно, лексема *трудящиеся* несет положительные коннотации, она же имплицитно отделяет от трудящихся людей другого лагеря («эксплуататоров», «капиталистов», «богачей»), закрепляет за последними резко отрицательную оценку.

В текстах единокороссов контактоустанавливающую функцию также выполняет лексема *трудящиеся*. Причем параллели между советской действительностью и настоящим проводят и сами создатели текстов: *Первомай в нашей истории всегда объединял трудящихся. Единными колоннами мы выходили на парады и шествия. Праздновали День труда и наступившей весны. Сейчас эти добрые традиции возвращаются. Мы снова чувствуем созидание и людей настоящих рабочих профессий. Ведь только труд дает человеку чувство собственной значимости, наполняет его жизнь смыслом* («Единая Россия» поздравляет жителей Чукотки с Первомаем», 01.05.15. Режим доступа: <https://er.ru/news/130868/>). В этом высказывании люди труда получают положительную оценку, о чем свидетельствуют контекстные партнеры, называющие ценности общества.

В текстах «Единой России» активно функционирует новоидеологема *достойный труд*. Она получила жизнь благодаря одноименному национальному проекту единокороссов «Достойный труд», направленному на снятие остроты демографического кризиса. *Цели проекта: Создание достойных и безопасных условий труда – при этом под определением «достойный труд» понимается достойная заработная плата и соблюдение трудовых прав граждан, а «безопасный труд» означает что, высшая ценность труда – это человеческая жизнь* (Достойный труд, 09.08.11. Режим доступа: <http://>

er.ru/projects/2011/8/9/dostojnyij-trud/). Цели проекта делают частный интерес при получении продуктов трудовой деятельности приоритетным. Лексическое значение слова *труд*, помимо семы 'труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, предоставляет материальные блага для субъекта', благодаря контекстным партнерам *достойный* («справедливый, заслуженный» [Ожегов 2003: 177]) и *безопасный* («не угрожающий опасностью, защищающий от опасности» [Ожегов 2003: 41]) получает приращения 'справедливый', 'не угрожающий жизни'. Залогом адекватной затраченным усилиям заработной платы и сохранения жизни становится принадлежность труда к ценностям новой идеологии.

Характеризуя труд в морально-этическом ключе, единороссы расширяют лексическое значение самого слова за счет актуальной семы 'альтруистичный': *Партийный проект «Майский вальс» успешно действует в Екатеринбурге 9 лет. Его цель – привлечь внимание к общечеловеческим ценностям: супружескому долголетию, примерам любви, верности и родительского долга, патриотизма и самоотверженного труда* (В День пожилых людей на Урале чествовали «железных» юбиляров, 01.10.2015. Режим доступа: <https://er.ru/news/135511/>). Успешность реализации семантического компонента 'альтруистичный' обеспечивает слово *самоотверженный* («жертвующий своими интересами ради других, ради общего блага» [Ожегов 2003: 695]) – основной контекстный партнер лексемы *труд*. Направленный на принесение пользы обществу труд в данных высказываниях получает положительную идеологическую оценку, поскольку он осуществляется в соответствии с интересами правящей партии.

Единороссы, размышляя о том, каким должен быть человек труда, делают попытку решить еще одну немаловажную проблему – проблему низкой мотивации к труду. Анализ текстов газеты «Магнитогорский рабочий» 1980-х годов показал, что равнодушие и незаинтересованность в результатах труда на благо государства, царившие в то время, породили у слова «труд» 'несправедливость в распределении результатов труда', 'материальная уравниловка' и т. д. (см. [Чернова 2004]). Эти настроения, как показывают контексты, живы и сейчас, поскольку социальная политика за эти годы так и не стала совершенной. Многие люди просто не видят смысла активно проявлять себя в стране, не имеющей так называемых «социальных лифтов». В высказываниях единороссов видна серьезная

озабоченность данной проблемой: *А у самих молодых людей низкая мотивация к труду, нет стремления к профессиональному росту* («Волонтеры Сахалина помогут в работе с детьми-сиротами», 30.04.2013. Режим доступа: <https://er.ru/news/100497/>). В данном контексте выражение *низкая мотивация к труду* демонстрирует смысловую составляющую 'пассивность субъекта труда'. По мнению авторов подобных высказываний, причина отсутствия интереса – в отсутствии налаженной социальной политики, обеспечивающей трудящимся повышение уровня заработной платы, увеличение связи результата и оплаты труда, что, соответственно, может сделать возможным переход в «средний класс» или выше. В роли Результатива трудовой деятельности выступают существительные *блага, деньги*. Имплицитно высказывания предполагают следующую логику поведения Субъекта: «качественный и производительный труд → плоды труда». Однако если в текстах советского времени это преподносилось адресату как данность, например: **Высокая производительность – богатые заработки, честный труд – высокая оплата. Таков непреложный закон социализма** (МР, 1937, № 231), – то в современных текстах представляется как желаемое положение дел, осуществимое в будущем. Это иллюстрирует лозунг *Росту цен – удвоение зарплат!*

Современная демократическая действительность отрицает эксплуатацию, тем не менее, в текстах партии «Единая Россия» косвенное указание на нее присутствует: *Самое опасное, что производители не получают от этого больше денег, то есть идет обогащение именно торговых сетей, что в корне неправильно. Нужно отстаивать интересы сельскохозяйственных производителей* («Панков: в обществе есть спрос на российские продукты», 03.02.2015. Режим доступа: <https://er.ru/news/127432/>). В выражении имплицитно содержится идеологема *эксплуатация*. Внутренняя семантическая структура лексемы *эксплуатация* отражает ущемление морального принципа трудовых устремлений на личную пользу. Воспроизведение идеологического смысла советской эпохи 'эксплуатация препятствует реализации принципа социального равенства', вероятно, направлено на то, чтобы утвердить как нужный ведущий принцип новой идеологии – **справедливое отношение ко всем своим гражданам**. Он активно используется членами «Единой России» при демонстрации новых идеологических представлений.

Обобщая сказанное, следует отметить, что анализ современных идеологических контекстов позволил выделить новоидеологемы *достойный труд, справедливый труд, самоотверженный труд, безопасный труд, люди настоящих рабочих профессий, честный труд, мотивация к труду*, которые формируют отношение общества к правящей партии.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Михин, А.Н. От старославянских устойчивых словесных комплексов до современных политических лозунгов (к истории формирования концепции Магнитогорской фразеологической школы) / А.Н. Михин, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова // Устойчивые фразы в парадигмах науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула : Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2015 ; Изд-во С-Принт (Омск). – С. 479-484.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

Осипова, А.А. Формирование и развитие лексического значения ключевого слова концепта «дело» в русской языковой картине мира / А.А. Осипова // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы : материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. Е.В. Брысина. – Волгоград : ВГИПКиПРО, 2007. – С. 32-39.

Чернова, О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Чернова. – Екатеринбург, 2004. – 163 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в последнее время остро стоит проблема культурной идентичности, которая связана с вопросами глобализации культуры, культурной самобытности, межнациональных отношений. «Культурная диффузия» современного дискурса грозит утратой культурной идентичности. Цель исследования – выявить прецедентные феномены, связанные с ментефактами локальной территории (Пермь и Пермский край), в структуре научного знания старшеклассников.

Прецедентные феномены, в том числе и крылатые слова и выражения, отражают этические ценности, художественный вкус, остроумие современных носителей языка и теснейшим образом связаны с культурным канонм русской нации [Шулежкова 2011]. «Культурный канон нации» отражен в том числе и в системе ментефактов, в которую входят четыре класса феноменов, являющихся таксонами лингвокультуры: 1) знания (культурнонезависимые и культурномаркированные); 2) понятия; 3) концепты; 4) представления (прецедентные феномены, духи, артефакты вторичного мира, стереотипы) [Красных 2008: 336].

Нами был проведен эксперимент с целью установить, являются ли памятники и арт-объекты Перми носителями культурно-исторической информации, которая осознается молодыми пермяками. В анкетировании приняли участие 47 респондентов – ученики старших классов (10–11 кл.). Средний возраст – 17 лет. Респондентам поочередно были показаны 25 слайдов с изображением пермских памятников и арт-объектов. Старшеклассники получили задание назвать объекты, указать, кому или чему они посвящены. В результате было получено 47 анкет, в которых зафиксировано 1024 реакции.

Стимульный материал включал 25 памятников и арт-объектов Перми следующих групп: 1) памятники, связанные с историей и мифологией Перми; 2) памятники, связанные с историей и культурой Перми и России; 3) исторические деятели советской России;

- 4) исторические деятели Прикамья; 5) литературные памятники; 6) современные арт-объекты.

Наше исследование выявило, что наиболее высокая степень узнаваемости у арт-объектов (80,9 %), а также у памятников, связанных с пермской мифологией (в среднем 52 %): *Пермяк, солены уши* (100%), *Пермский медведь* (81,5 %). Низкая степень узнаваемости у памятников, связанных с историей Прикамья (в среднем 16,7 %): *Памятный знак Мурчисону* (2 %), *Сибирская застава* (12,8 %); слабо опознаются и исторические деятели Прикамья (19,7 %). Количественные результаты исследования представлены на рис. 1.

Рисунок 1. Опознаваемость памятников и арт-объектов

Эксперимент показал, что узнавание памятников и арт-объектов не означает осознания и знания культурно-исторической информации, которую они несут. Большинство реакций имеет обыденно-практический характер: респонденты называют памятник по внешней форме или приписывают ему ложные исторические коннотации.

Сибирская застава — стена, обозначающая границу города в XIX в.; здесь торжественно въехал Александр I во время своего посещения Перми — обозначалась респондентами как *Двуглавый орел, памятник сосланному в Сибирь, Пермский обелиск, орел на камне, памятник, посвященный Второй Мировой, остаток от ворот, вышка при орле, мемориал*.

Памятный знак Мурчисону с надписью «Родерику Импи Мэрчисону (R.I.Murchison), шотландскому геологу, исследователю Пермского края, назвавшему последний период палеозойской эры пермским (perm)» респонденты называли: *Камень, булыжник у 9-й*

школы, гранит науки, враждебная земля, камень А.С. Пушкина, очень важный камень, камень фундамента школы № 9, камешек, осколок пермской горы, малахит.

Мемориал *Скорбящая* узнали лишь 48,9 %. Культурно-историческая информация также опознавалась слабо: *Мать, плачущая мать, слезы матери, мать солдата, Иисус на кладбище, печальная дива.*

Ученики узнают памятники, даже знают, где они стоят, но смысл памятника, событие или лицо, которому памятник посвящен, остается для старшеклассников неизвестным. Скульптурная композиция «Ленин и Горький» была опознана 25,6 % респондентов; остальные квалифицировали их как *Деятели наук, Минин и Пожарский, серебряные мужики, Silver Surfers, стальные люди, Ленин с кем-то, Ленин и его друг, Ленин и Сталин, влюбленная пара, памятник двум мужикам.*

Мало кто узнал Татищева (10,6 %) – основателя Перми; его называли *Петр I, полководец, Д'Артаньян, мушкетер, Джек-воробей* (по виду головного убора). Изобретателя сварки Славянова узнали лишь 10,5 % респондентов; остальные называли его *Лермонтов, Пушкин, «Не Пушкин», мужик в кустах, Витас, Базаров, маленький человек* (по месту расположения и одежде). Ни один из респондентов не узнал знаменитого директора завода «Пермские моторы» Солдатова, которого называли *Голова, Гагарин, четвертованный мужчина, Пушкин, военный памятник, Кутузов, Николай I.*

Среди литературных памятников высокая степень опознавания *Памятника Пушкину* (87,2 %). *Памятник Пастернаку* узнали лишь 2 % респондентов, называя его *Пушкин, непонятная штука, памятник в цветах; мужик, смотрящий влево, казак. Памятник Мамину-Сибиряку* не узнал никто. Он получил названия: *Чехов, дядя, усач, суровый с бородой, большеголовик, доктор, Чайковский, Павлов.*

Лучше всего опознаются современные арт-объекты: степень узнавания в среднем – 80,9 %.

В реакциях респондентов преобладают локально культурно-независимые знания (*уральский мишка, камень А.С. Пушкина, Второй Мировой, Двуглавый орел*), т. е. те, которые напрямую не связаны с территорией.

Данные эксперимента указывают на низкую степень информационной освоенности пространства культуры Пермского края его молодыми жителями.

Характер знаний, выявленный из анализа реакций, указывает на низкую степень освоенности локального культурного пространства (рис. 2).

Рисунок 2. Информационная освоенность культурного пространства Перми

Локально культурнонезависимые знания составляют 97,1 % реакций: *Сталинградская битва, Вторая Мировая, Война с Турцией, Иисус, Минин и Пожарский, Петр I, Никон, Николай Петр I, Кутузов, Линкольн, Сергей Радонежский* и пр. Данные реакции указывают на то, что респонденты достаточно свободно оперируют знанием, которое относится в культуре и истории России в целом. Локально культурномаркированные знания, которые отражают культурное пространство территории, составляют лишь 2,8 % реакций: *Дягилев, Татищев*.

Обращает на себя внимание и характер знания, эксплицированный в реакциях (рис. 3). Обыденно-практические (не связанные с культурой) знания, которые представляют элементарные сведения о природе и окружающей действительности составляют 53,1 % реакций. Научные (связанные с культурой и историей) знания составляют в целом 46,9 % реакций.

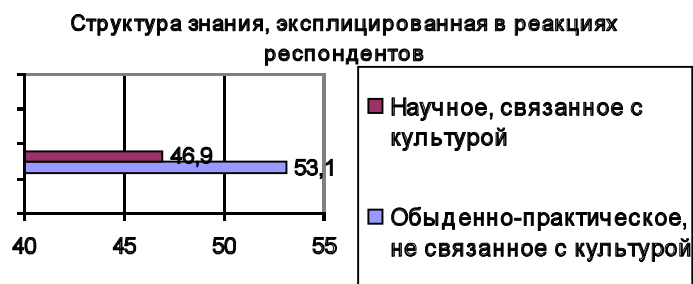

Рисунок 3. Структура знания, эксплицированная в реакциях респондентов

Источники знаний, эксплицированных в реакциях старшеклассников на предложенные им стимулы, связаны с различными сферами культуры (см. таблицу).

Источники знаний, эксплицированных в реакциях

Сфера культуры	Названия памятников	%
Фольклор, мифология	<i>три богатыря, Сердцу не прикажешь (поговорка), Вовочка (герой анекдотов)</i>	1,9
Античная мифология	<i>яблоко познания, яблоко раздора</i>	1,3
Зарубежная история	<i>Линкольн</i>	0,64
Российская история	<i>двуглавый орел, памятник сосланным в Сибирь, Минин и Пожарский, памятник войне с Турцией, Татищев, Петр I, памятник полководцу, Кутузов, Николай I</i>	5,8
Советская история	<i>памятник, посвященный Второй Мировой, слава трудящимся, Родина мать, Памятник революции, революционная штука, серп и молот, Танк, вечный огонь, вечная слава, Сталинградская битва, Т-34, пионер, Ленин в театре, мистер Ленин, Бюст Ленина, Ленин с кем-то, Ленин и его друг, Ленин и Сталин, Гагарин, Серп и молот</i>	12,8
Духовно-религиозная сфера	<i>врата рая, Никон, памятник Сергею Радонежскому, Василий Блаженный, патриарх Ий, Иисус, Святой Петр, Святоша, апостол, святой чувак, Иисус на кладбище</i>	7

Русские искусство, литература и наука	камень А.С. Пушкина, Семен Семенов, Лермонтов, Пушкин, "Не Пушкин", Даль, Пушкин, ЛомоносовПермский обелиск, мемориал, памятная голова Дягилева, Базаров, маленький человек, Пушкин, Пушкин, Чехов, Чайковский, Павлов	12,2
Зарубежные искусство, литература и наука	восстание машин, Д'Артаньян, мушкетер	1,9
Массовая культура	Silver Surfers, Джек-воробей, Витас	2,6
География, топография	медведь из Перми, Уральский мишка, булыжник у 9-й школы, камень фундамента школы №9	2,6
Устойчивые сочетания, метафоры	гранит науки, враждебная земля, сердце народа, памятник голосующему таксисту, олимпийский огонь, ворота города, территория бобра, триумфальная арка Перми, домик бобра, пластмассовая безголовая власть, символ власти, Каменное/гранитное сердце, сердце жизни	10,2
Житейско-бытовая сфера	П у драма, Фотограф и уши Медведь, бурый медведь, камень, очень важный камень, камешек, осколок пермской горы, малахит, дяденька в мантии, Влюбленным; орел на камне, остаток от ворот, вышка при орле, воинственные дяденьки, чуваки идут драться, Мать, плачущая мать, слезы матери, мать солдата, печальная дива, Памятник человеку, человек – флаг, ракета, вышка, муравей, голова великого человека, бюст писателя / дяденьки, деятели наук, серебряные мужики, стальные люди, влюбленная пара, памятник двум мужикам, мужик в кустах, Голова, четвертованный мужчина, военный памятник, школоты, спиночес, ученик, пьяный пермский мальчик, непонятная штука, памятник в цветах; мужик, смотрящий влево, казак, дядя, усач, суровый с бородой, большеголовик, доктор, надкусанное яблоко, Пермская табуретка, деревянная Пермь, дрова, табуретка, пермский эпл, Красный безголовый монстр, пермский человечек, человечек на стуле, красный чел, безголовый ученик, 67 Пермский обелиск, мемориал	53,1
	Итого:	100

Структура научного знания пермских школьников старших классов (рис. 4, табл. 1), эксплицированная в реакциях, показыва-

ет, что информационной доминантой являются знания по советской истории (29,4 %) и русской литературе (27,9 %).

Структура научного знания школьников (10-11 классы)

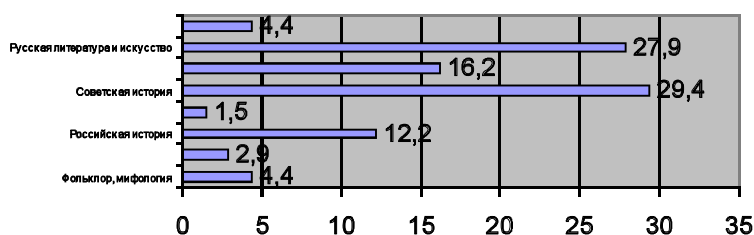

Рисунок 4. Структура научного знания школьников

Среди прецедентных феноменов, эксплицированных в реакциях респондентов (рис. 5, табл. 1), выделяются прецедентные ситуации: *Вторая Мировая война, путь на каторгу в Сибирь, Сталинградская битва, революция, олимпиада* (8,7 %); прецедентные имена: *Иисус, Минин и Пожарский, Сергей Радонежский, Никон, Василий Блаженный, Ленин, Сталин, Пушкин, Лермонтов, Петр I, Пушкин, Кутузов, Николай I, Лермонтов, Гагарин, Витас, Базаров, Д'Артаньян, Джек-воробей* (58 %); прецедентные тексты: *три богатыря, Базаров, Д'Артаньян, Джек-воробей* (8,6 %); прецедентные высказывания: *вечный огонь, вечная слава, восстание машин, слава трудящимся, серп и молот* (16 %). Лишь единичные прецедентные феномены связаны с культурным пространством Пермского края (*Дягилев, Татищев*). Наиболее частотные (повторяемые от 3 до 9 раз) прецедентные имена – *Пушкин, Ленин, Иисус, Минин и Пожарский*.

Прецедентные феномены, эксплицированные в реакциях респондентов

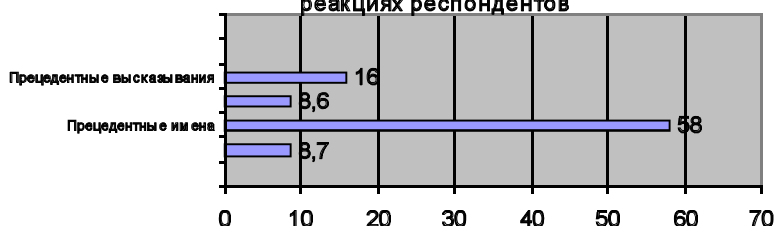

Рисунок 5. Прецедентные феномены, эксплицированные в реакциях респондентов

Анализ результатов проведенного эксперимента показал относительную информационную освоенность школьниками культурного пространства России в целом, а не локальной территории Пермского края. Анализ вербальных реакций позволяет говорить о том, что «культурный канон нации» в той или иной степени освоен молодым поколением россиян.

Литература

Красных, В.В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов / В.В. Красных // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России : сб. ст. – СПб. : МИРС, 2008. – С. 333-344.

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: 1500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 848 с.

И.А. Юрьева

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ТЕРМИН «КАРТИНА МИРА»: К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В процессе познания окружающей действительности субъект осознанно или неосознанно совершает когнитивные операции различного рода. Конечным результатом, «продуктом» процессов мировосприятия и мироосмысления является некий субъективный образ мира, за которым в современной лингвистике закрепилось метафорическое обозначение **картина мира**. Основу метафоры составляет представление о том, что картина мира не есть «зеркальное отображение мира и не открытое “окно” в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания <...> она зависит от призмы, через которую совершается мировидение» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 29].

Наука располагает сегодня весьма разнообразными классификациями «картин мира»; выделение того или иного *типа*

картины мира ставится в зависимость от избираемого аспекта исследования феномена. Так, на основе учета фактора индивидуальности мышления, с одной стороны, и коллективного закрепления результатов осмысления действительности, с другой стороны, выделяются **индивидуальная (групповая)** и **национальная** картины мира (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Г.В. Колшанский, В.А. Пищальникова и др.). Оппозиция «индивидуальная vs. национальная» не является жесткой, поскольку результат познавательной деятельности субъекта, *индивидуальная* картина мира, имеет обязательные *национальные* черты: познание мира есть процесс «врастания» в культуру, действительность «пропускается» через призму национального мировидения и миропонимания. Если индивидуальная картина мира всегда национальна, то национальная картина мира есть исследовательская попытка абстрагирования от некоторой совокупности индивидуальных картин мира.

Такой аспект анализа картины мира, как *характер познавательной деятельности* позволяет различать **научную** и **наивную** картины мира. Познание объекта действительности через установление всех его значимостных понятийных характеристик, а также стремление к систематизации полученных знаний с учетом причинно-следственных связей формируют *научную* картину мира. *Наивная* картина мира является результатом эмоционально-образного восприятия действительности, когда средством познания становится личностный опыт субъекта, приобретаемый независимо от его научных знаний в той или иной области. Наивность не предполагает примитивности: «...наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. <...> Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий» [Апресян 1995: 351]. При этом наивный взгляд на мир более универсален и национально специфичен. Различие между научным и наивным взглядом на мир В.Б. Касевич определяет как функциональное: «сколько бы ни вбирала в себя последняя (наивная картина мира – *И.Ю.*) элементы научного знания, ее задача заключается в том, чтобы служить своего рода базой данных и базой знаний, без которой невозможно принятие любых повседневных решений, как текущего, так и долговременного характера» [Касевич 2004: 78]. Наивная картина мира складывается в результате адаптации человека к миру. Научная же картина мира,

«имея принципиально те же истоки, является результатом действия внутренней логики развития науки, которая <...> стремится всегда к полноте и точности знания одновременно» [Там же].

В ходе лингвистического анализа принято разграничивать **концептуальную** и **языковую** картины мира. В создании концептуальной картины мира задействованы разные способы мышления, в том числе и невербальные, следовательно, на этом основании утверждается, что она не может быть полностью объективирована языковыми средствами. Но самая «востребованная» часть концептуальной картины мира, которая отражает результаты коллективного мышления, имеет «привязку» к языку и преломляется через языковые формы, что позволяет определить ее как **языковую** картину мира (Г.В. Колшанский). Еще один возможный тип картины мира, значимый в ходе лингвистического исследования, обозначается как **текстовая** картина мира (В.Б. Касевич). Текстовая картина мира представляет собой знания энциклопедического характера, закодированные не в словаре и грамматике (языковой системе), но «в совокупности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком» [Касевич 2004: 184]. Таким образом, *наивная* и *научная* картины мира в совокупности представляют *текстовую* картину мира, поскольку объективируются в процессе речевой деятельности субъектов и в ее «продуктах» – текстах.

Национальная картина мира соотносима с *языковой* картиной мира, потому что выработанные и проверенные социальной практикой субъективные образы объективного мира, ставшие общественным достоянием, обязательно должны быть зафиксированы единицами языка как системы с общенациональным статусом [Бабушкин 1996, Шулежкова 2010]. Это утверждение будет справедливым и в отношении *индивидуальной* картины мира. Мысль о национальной специфике языковой картины мира восходит к идее В. фон Гумбольдта о том, что существует национальное мировидение и миропонимание и язык национален по способам выражения. В. фон Гумбольдт подчеркивал, что каждый отдельно взятый язык есть «лишь продукт языкового сознания нации» и что «среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык способен выразить самые своеобразные черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [Гумбольдт 1984: 69].

Варианты решения вопроса о типологизации картин мира (образов сознания) свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь четких границ между выделяемыми исследовательскими объектами. Будучи безусловно различными, обладающие специфическими признаками картины мира представляют собой целостность. Речь должна идти о некоем континуальном единстве, которое делится на «зоны» только в целях описания. Функцию интеграции «картин мира» может выполнять **концептуальная картина мира** как наиболее общее, универсальное когнитивное образование.

Концепт – ментальная единица, являющаяся частью целостного образования – картины мира (индивидуальной или национальной). Основная цель нашей работы состоит в определении структуры концепта РОССИЯ как варианта национальной картины мира, которую в исследовательских целях возможно подвергнуть дефрагментации на такие отдельные «зоны», как: **научная, наивная и текстовая**.

Результаты исследования позволяют говорить о следующих отличиях в реконструируемых моделях искомого концепта. Так, концепт РОССИЯ как фрагмент **научной** картины мира отражает представление о «предмете» в совокупности всех объективно значимых характеристик без учета возможных личностно-субъективных оценок. В структуре концептуальной модели безусловно доминирует понятийный сегмент («государство» / «общество»). Основу концепта РОССИЯ как фрагмента **наивной** картины мира также составляют объективные представления о «предмете» («государство» / «общество» / «территория»), однако существенно дополненные эмоционально-образными характеристиками и представлениями («положительные и негативные оценки происходящих процессов»), роль доминирующего в данном случае выполняет образный сегмент модели.

Наивное восприятие мира, на которое значительное влияние оказывает субъективный фактор, формирует национальное мировоззрение. Поэтому можно говорить о том, что «научная» модель концепта РОССИЯ в большей степени интернациональна, а «наивная» – национальна.

Соединение всех форм и способов познания действительности обеспечивает **текстовая** картина мира, что находит отражение в соответствующем варианте модели концепта РОССИЯ: и понятийный, и образный сегменты этой модели оказываются значительно более объемными, в том числе и за счет включения в концептуаль-

ное пространство частных характеристик – объективаторов, например, таких концептов, как ВРЕМЯ, СМЕРТЬ, РЕЛИГИЯ, ВОЙНА, ЭКОНОМИКА.

Литература

Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.

Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян Избранные труды, Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – С. 348-351.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 103 (1) с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1996. – 411 с.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития: коллективная монография / Науч.-исслед. слов. лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – 257 с.

Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. – 2-е изд. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 282 с.

Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский ; отв. ред. А.М. Шахнарович. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 128 с. (Лингвистическое наследие 20 в.)

Пищальникова, В.А. Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке / В.А. Пищальникова // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тезисы докл. – М., 2000. – С. 189.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

СЕКЦИЯ V. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*Наука требует всего человека, без задних
мыслей, с готовностью все отдать и в награду
получить тяжелый крест трезвого знания.*
А.И. Герцен

Т.В. Дорфман

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКА

Для современного этапа развития науки о языке характерна установка на переход от позитивного знания к постижению языка в широком теоретико-методологическом контексте. Богатство лингвистического, философского, культурологического материала в исследовании онтологии языка является, с одной стороны, плодородной почвой для дальнейшего изучения происхождения, сущности и культурно-исторической динамики человеческих языков; с другой стороны, многообразие в научных трактовках языка свидетельствует об отсутствии единых концептуально-методологических оснований, касающихся онтологии языка и способных заложить синтетическую программу его дальнейших междисциплинарных исследований.

На данный момент критический анализ разнообразных дискурсивных стратегий языка представлен работами Р. Барта, Т.А. Ван Дейка, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Хабермаса, многочисленными современными зарубежными исследователями, работающими в русле постструктуралистской парадигмы. Разработка логических аспектов проблемы понимания языковых выражений проведена в рамках аналитической философии языка такими ее представителями, как З. Вендлер, Л. Витгенштейн, П. Грайс, М. Даммит, Д. Дэвидсон, У.В.О. Куайн, Р. Монтегю, Дж.Э. Мур, П.Х. Ноуэлл-Смит, Дж. Остин, Б. Рассел, Э. Сааринен, Д. Серль, Ч. Стивенсон, Дж.О. Урмсон, Г. Фреге и др. Ценнейший вклад в понимание сущности языка – его онтологического статуса, познавательных и цен-

ностных возможностей – внесли русские философы С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня, П.А. Флоренский, А.С. Хомяков, Г.Г. Шпет и др. Существенный вклад в разработку философских оснований языкознания внесли такие современные русскоязычные философы и лингвисты, как В.М. Алпатов, А.С. Ахиезер, В.В. Биbihин, В.С. Библер, П.П. Гайденко, Б. Гаспаров, Г.Д. Гачев, А.Ф. Грязнов, В.З. Демьянков, К.К. Жоль, О.В. Звегинцева, В. Г. Кузнецов, РИ. Павиленис, В.А. Подорога, А.Н. Портнов, Д.И. Руденко, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, С.С. Хоружий и др.

В процессе интерпретации язык выступает не пассивной системой знаков, а как активный инструмент познания, обладающий относительной самостоятельностью в отношении как объективной реальности, так и субъекта, применяющего язык. Возникает проблема смысла языка: является ли язык носителем смысла сам по себе (и смысл выступает лишь выражением объективного содержания в слове) или вносится в язык субъектом. Решение данной проблемы зависит от понимания сущности языка и его предмета. В концепции номиналистически-инструменталистского подхода язык выступает как:

1) знаковая система (с устойчивым набором значений), созданная людьми в социальном контексте практики и коммуникации, т. е. тогда, когда в нем возникла внеязыковая по своему существу потребность;

2) как носитель (хранитель, передатчик) информации, необходимой людям в процессе их совместной общественной жизни;

3) как знаковая структура, в которой нет никакой особой трансцендентной смысловой реальности. Язык – это всего лишь отражение или субъективное смысловое конструирование образа реальности в знаковой форме.

Следовательно, язык в инструменталистской концепции языка уподобляется орудию коммуникации между усредненными и взаимозаменяемыми субъектами, которые будто бы обмениваются информацией о некоторой заранее расчлененной и заранее структурированной реальности.

В таком понимании язык выступает как материальное явление, а его значение лежит не в самом слове, а в понятии, которому это слово соответствует как знак. Некоторые авторы считают, что в качестве значения слова выступает какая-то особая, специфически языковая форма отражения действительности, которая также входит

в состав самого слова. Понятия же служат значениями только научных терминов, а не слов обыденного разговорного языка. Научные термины рассматриваются как не имеющие лексического значения.

Еще В. Гумбольдт отмечал, что «в самой сущности языка заключен неизменный дуализм», «двоичность», присущая языку и занимающая в нем важное место. Слово как материально-звуковой комплекс занимает определенное место в исторически сложившейся структуре языка [Шулежкова 2008: 68-69]. Но само оно не содержит действительности и не является выражением значения объективного мира действительности, слово как материально-звуковой комплекс лишь обозначает объект и фиксирует понятие о нем, а само это обозначение совершается через и посредством значения слова как идеального образа объекта [Дорфман 2002: 41].

В лингвистическом позитивизме исследуется логика языка как основание логики мысли. Л. Витгенштейн и его последователи приходят к выводу о том, что значение языка не исходно и не может быть соотнесено с объектом, смысл возникает в языке в процессе контекстного словоупотребления («языковой игры»). Смысл языковых конструкторов носит ситуационный характер, поэтому необходимо отказаться от «терапии языка», от генерализирующих словоупотреблений. Тем самым обостряется проблема интерпретации и понимание сводится к «переводу»: знание об объекте может быть объективировано в языке соответствующей теории, а перевод на язык реальности (т. е. понимание мира вне субъекта) принципиально невозможен в силу многозначности и ситуативности языкового смысла, который имеет основание в неязыковых стимулах.

«Значение слова – это только его употребление» [Витгенштейн 1994: 193]. Более глубокое изучение языка заставило позднего Л. Витгенштейна вообще отказаться от понятия идеального языка, было снято и требование сводить значение слова к объекту. Ученый занялся анализом естественного языка. Говорить о значении слова или выражения – значит говорить о способе его употребления в языке, который философ называл своего рода игрой, лингвистической игрой. Л. Витгенштейн имел в виду определенный тип употребления слов, подчиняющийся некоторым общепризнанным правилам той или иной игры: слова имеют значения только тогда, когда они находятся в контексте игры. Каждая игра представляет некоторую форму жизни, особый способ человеческой деятельно-

сти и коммуникации: она имеет свои правила, которые и определяют значения слова.

Конечно, язык, сохраняя свой объективный характер, в «употреблении» обрывает многочисленными оттенками, нюансами, создавая у «носителей языка» впечатление о своей «языковой» субъективности и относительности. Но мысль о том, что слово вне контекста ничего не выражает и ничего не обозначает, с нашей точки зрения, — мысль ошибочная, ибо каждое слово соотнесено с определенным, только ему присущим значением, и вне контекста данное значение слова, в некотором роде, сохраняет свою жизнь. Другое дело, что эти же слова обрывают новыми смысловыми оттенками в определенном контексте и передают, доносят до нас определенный смысл какого-то сообщения о чем-либо, ибо слово само по себе, вне предложения, ничего не высказывает о реальных фактах и не сообщает нам о чем-то конкретно. Такое сообщение несет нам само высказывание, само предложение, в котором слова обрывают свою полноту. «Называя предмет и признаки предметов, мы лишь намекаем на некоторые факты, но не отображаем их» [Кацнельсон 1972: 140], отображают их слова.

М. Хайдеггером язык рассматривается как дом бытия. Язык — это не условие понимания, но понимание как таковое, ибо смысл есть артикулированное в речи бытие. Устами говорящего вещает само бытие. Язык включает в себе силу творчества смысла (хотя и совместно с автором), поэтому произведение — это со-бытие, это место, где со-устраивается смысл в совместном творчестве с автором [Дорфман 2002: 46].

В концепциях структуралистов поиски смыслового характера языка связаны с выходом к «до-языку», со стремлением выявить тот первоначальный слой дискурсивности, на основе которого далее раскрывается богатство смысловых возможностей человеческой культуры. Стремясь обосновать смысл языка его собственным бытием, структуралисты заявляют, что структурированность языка делает его носителем смысла.

Язык, выступающий уже не как «продукт» и не как «код», но как исходное условие возможности последующей рационализации и упорядочения, является одним из важных искомым в концепциях обоснования знания.

М. Фуко, основываясь на онтологических посылах, объясняет взаимоисключенность проблемы языка и проблемы человека

выявлением в современной культуре самостоятельной роли бытия языка, освобожденного от того непосредственного замыкания на мышление, которое было характерно для эпохи классического рационализма.

Представляя язык как условие возможности познания, постструктуралисты трактуют его не в лингвистическом плане. М. Фуко неоднократно предупреждает, что речь в его концепции – это не система лингвистических знаков и не совокупность психологических или логических разграничений. Выступая как условие возможности речевой и познавательной деятельности, речевая практика в исходном смысле находится на дознаковом, допонятийном, долингвистическом, допсихологическом уровне. Предупреждая о том, что речь не объект, а условие объективирования, М. Фуко и обозначает ее не как предмет, но как функцию, как модальность существования знаков. Таким образом, речь понимается как условие последующих, накладывающихся на нее типов дискурсивности, как модальность существования знаков. Речь имеет одно принципиальное отличие: она призвана функционировать не только в пространстве познания и выступать как условие его возможности, но и выступать в пространстве «реальности высказываний» именно как модальность их существования.

Развивая идею дискурсивности языка, постструктурализм наделяет язык новой функцией: язык – это не средство интерпретации, но творец смысла. Однако (в отличие от концепции М. Хайдеггера) представители постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида, У. Эко) считают, что смысл становится в процессе функционирования языка. «Смысл – это *выражаемое*, то есть выражаемое предложением, и атрибут положения вещей... смысл и есть событие...», но «...событие по своей сути принадлежит языку» [Делез 1998: 42].

Коммуникация функционирует не презумпцией понимания, а процессуальностью дискурсивных процедур, в которой субъект теряет свою определенность и целиком зависит от характера дискурса. По словам Р. Барта, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа», как символическая деятельность, не имеющая конечной цели.

Таким образом, язык, который предстал в качестве границы, пролегающей между человеком и миром вещей, обнаружил двойственную онтологическую природу. С одной точки зрения, язык субъективен, ибо не может существовать без контекста и говоряще-

го субъекта, с другой стороны, он объективен, ибо существует еще и в качестве текста вне субъекта.

У языка обнаруживаются одновременно полярные атрибуты бытия:

- материальное и идеальное, поскольку включает в себе физиологическую (артикуляцию) и физическую (акустическое и зрительное восприятие звуков речи и знаков письма) стороны, которые реализуют идеально-смысловую составляющую знаковых образований;

- потенциальное и актуальное, поскольку до конкретного акта произнесения язык потенциально содержит на всех своих уровнях (знаковом, лексико-семантическом и грамматическом) все возможные формы выражения значимого смысла, актуализируемого лишь конкретным мыслиеизъявляющим усилием говорящего;

- непосредственное (речь) и символически опосредованное (текст);

- индивидуальное и социальное (у П. Рикера в «Конфликте интерпретаций» эта антиномия детально развернута в контексте противопоставления дискурса как способа актуального осуществления языка (изречения) и системы – «конечной, закрытой описи знаков», носящей принудительный характер [Рикер 1995: 134-136], ибо, несмотря на то что в рамках социального взаимодействия задаются принятые в данном коммуникативном сообществе нормы и стандарты речевой коммуникации, определяющие, например, произношение, преимущественные лексические и грамматические единицы, допустимую и необходимую мимику, жестикуляцию, интонацию и т. д., все же проявления всех вышеперечисленных факторов в индивидуальной речи различны, часто весьма существенно. В эту дихотомию входит также разграничение официального языка и различных жаргонов и речевых стилей, принятых в различных социальных группах и сообществах;

- сознательное и бессознательное, с точки зрения интенции, на выбор лексических и стилистических средств выражения.

Налицо та множественная природа слова и языка в целом, заключающая в себе потенциально-смысловое наполнение (определенные значения слова) и конкретно-выраженное на письме или воспроизведенное звуком в речи.

В результате, поскольку само понятие слова как «логос» используется в значении «условия», «договора», постольку это дает

возможность полагать в качестве основания языка не внешнюю причину, а внутреннюю. Язык оказывается условием самого себя или «внутри» себя, что дает представление о языке как слова-у-слова, ибо он находится в состоянии «до»-говoreния и договоренности, в согласии с самим собой, в самопонимании, и точкой самопонимания выступает категория «смысл».

Литература

Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – 440 с.

Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.

Дорфман, Т.В. Язык как способ интерпретации художественного текста : дис. ... канд. филос. наук / Т.В. Дорфман. – Магнитогорск, 2002. – 154 с.

Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.

Рикер, П. Конфликт интерпретаций / П. Рикер. – М. : Медиум, 1995. – 415 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 408 с.

Г.А. Шиганова

*Челябинский государственный
педагогический университет (Россия)*

РЕЛЯТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФСКОМ И СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В настоящее время созрела насущная необходимость более точно квалифицировать понятие семантической категории релятивности в современном русском языке. Семантическая категория – это объединение типовых языковых значений с определенным денотативно-понятийным содержанием. Семантические категории лежат в основе языковой картины мира. Они представляют собой базу для объединения содержательно сходных языковых средств разных уровней в классы, группы, подгруппы, поля и обеспечивают системное их

исследование. Как пишет проф. С.Г. Шулежкова, «система образует «ложе», по которому поток языка катится из одного века в другой» [Шулежкова 2004: 62]. Семантические категории различаются между собой степенью абстрактности, распространенности и т.п. Категория отношения свойственна всем языкам без исключения, так как природа, человеческое общество, субъективный мир человека, мышление, язык – все пронизано отношениями, базируется на отношениях. Результаты познания находят свое отражение в языке. Категория релятивности охватывает весь язык, пронизывает все уровни, приобретает статус межуровневой семантической категории.

Релятивность – это абсолютное свойство синтаксических и морфологических единиц. Для синтаксиса проблема синтаксических отношений является фундаментальной. Релятивность составляет также и основу любой морфологической категории, то есть весь грамматический строй характеризуется как система отношений. Что касается лексики, то и здесь «сема отношения» обнаруживает свое присутствие в абсолютном большинстве лексических единиц. В одних единицах, таких как предлоги и союзы, сема отношения является категориальной, ведущей. Их объединяют под общим названием «релятивов». В других единицах релятивное значение выполняет сопроводительную функцию, соединяясь с другими типами значений, например, релятивное значение свойственно объектным глаголам и относительным прилагательным, а Р.М. Гайсина называет еще и большую группу существительных. «Релятивные слова – это слова, в значения которых включается одна из разновидностей лексических релятивных сем» [Гайсина 1997: 12]. Слова и фразеологизмы с релятивной семой обязательно указывают на отношение процесса или признака, или предмета к какому-либо объекту, процессу. Например, *простить кого-либо, за что-либо, предать кого-либо*. В монографии Р.М. Гайсиной «Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке», в которой представлена классификация глаголов отношения и глагольно-именных сочетаний, дана комплексная характеристика их как единиц, составляющих центр лексико-семантического поля отношения, описаны их значения, парадигматика и синтагматика [Гайсина 1981]. В книге «Русский глагол» А.М. Чепасова и И.Г. Казачук наряду с другими семантическими группами глаголов выделяют группу глаголов отношения и характеризуют ее с точки зрения семантики и грамма-

тики [Чепасова 2002]. Процессуальным фразеологизмам категории бытия и отношения посвящена также монография И.Г. Казачук «Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения)». В 2004 г. была защищена кандидатская диссертация А.А. Соколовой «Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке» (г. Курган).

Категория отношения – глобальная логико-философская проблема, которая является составляющей онтологической триады: вещь – свойство – отношение. В «Философском энциклопедическом словаре» взаимосвязь этих категорий трактуется следующим образом: «В мире существуют вещи, их свойства и отношения, которые находятся в бесконечных связях с другими вещами и свойствами. Вещь, взятая в разных отношениях, выявляет различные свойства, свойства определяются отношением, последнее включает в себя проявление свойств. Таким образом, отношение – это философская категория, характеризующая взаимозависимость элементов определенной системы» [Философский энциклопедический словарь 1989: 470]. В современной науке изучение устойчивых или повторяющихся взаимосвязей и отношений между различными вещами, явлениями и процессами все больше доминирует над описанием, классификацией и сопоставлением отдельных свойств, следовательно, и значение категории отношения существенно возрастает.

Релятивность представляет собой бинарную оппозицию понятию «абсолютность». С философской точки зрения важно подчеркнуть, что категории «относительное» и «абсолютное» необходимы в познании, в моделировании любых систем и процессов (в том числе и языковых), хотя само разделение характеристик предметов на относительные и абсолютные всегда является условным. Под относительностью имеют в виду изменяемость значения какого-либо свойства, состояния, характеристики в зависимости от определенных обстоятельств. В приложении к языку эта категория рассматривается как категория релятивности в языке. В последнее время к этой категории привлечено внимание многих ученых-лингвистов, так как язык пронизан отношениями, исследование его не может не сопровождаться появлением и изучением внутриязыковых отношений. Понятие отношения является исходным при описании грамматических категорий, без этого понятия невозможно описать структуру предложения, на этом понятии основано описание се-

мантики служебных слов – предлогов, союзов и некоторых частиц, семантики относительных прилагательных, объектных глаголов, некоторых существительных и т.д. Ученые-лингвисты обычно выделяют четыре «взаимосвязанных аспекта рассмотрения категории отношения – онтологический, гносеологический, ономаσιологический и семаσιологический.

Лексико-семантическое поле слов и фразеологизмов со значением отношения включает в себя те слова и ФЕ, в значении которых сема отношения является доминирующей, выражающей идею отношения вообще. В составе этого поля могут быть слова с разным категориальным значением: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, ФЕ, предлоги, союзы: *соответствовать, соответствие, соответственно, соответственный, соответственно (чему-либо), в соответствии с (чем-либо), в соответствии с тем что. Относиться, отношение, относительный, относительно, относительно (кого-чего), относительно того что.*

В свою очередь, это семантическое поле включается в себя объединения, группы и подгруппы слов и ФЕ, отображающие конкретные качественные типы отношений, например: сравнение, отличие, подобие, соответствие, обусловленность, принадлежность, родство, чувство, поведение, речь, действие и т.д.

Значение отношения является ведущим в значении предлогов и союзов. Категориальным значением этих единиц является значение релятивности. В других случаях релятивное значение выполняет сопроводительную функцию, соединяясь с другими типами значений. В лингвистике на современном этапе ее развития созрела потребность осмыслить понятие этих морфолого-синтаксических единиц, с помощью которых строятся другие, более сложные конструкции и которые способны недвусмысленно передавать различные синтаксические отношения «между зависимыми и главными членами словосочетания» и осуществлять «подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения».

Литература

Гайсина, Р.М. Категория отношения в языке / Р.М. Гайсина, И.А. Захарова, Л.И. Иванова, А.Е. Родионова, Л.А. Самохина. – Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 1997. – 174 с.

Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов : Саратовск. гос. ун-т, 1981. – 195 с.

Краткая русская грамматика. – М. : Наука, 1989. – 631 с.

Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 814 с.

Чепасова, А.М. Русский глагол : учеб. пособие / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – 2-е изд. – Челябинск : ЧГПУ, 2002. – 387 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие для студ. филол. фак-тов / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 400 с.

Л.П. Юздова

*Челябинский государственный
педагогический университет (Россия)*

СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КВАЛИТАТИВНОСТИ

«Языкознание прошло долгий, полный противоречий путь развития... История каждой научной дисциплины знает два способа изучения своего объекта»: от теории к практике, ее подтверждающей и, наоборот, от «тщательного собирания фактов, скрупулезного их описания» [Шулежкова 2008: 6-7] до систематизации. Изучение языка в системе – исследование двустороннее, в связи с этим продуктивное.

Система языка состоит из единиц, изучающихся не столько отдельно, сколько в отношениях как между подобными себе, так и с более объемными единицами, в состав которых входят. Система языка является системой систем, она состоит из подсистем. Во фразеологии в последнее время изучению подвергаются фразео-семантические поля (ФСП). ФСП – это форма *систематизации* значений, *системное* образование. Система может называться таковой в случае наличия так называемых системообразующих факторов. Система представляет собой членимое на компоненты целое. Целое при членении порождает элементы системы, а элементы составляют целое. Рассматривая семантическое поле в качестве системы, отметим, что целое первично относительно составляющих его компонентов. Для существования ФСП квалитативности необходимы определенные систе-

мообразующие признаки. Основным системообразующим признаком является внутренняя и внешняя целостность. Внутренняя целостность заключается в том, что свойства системы зависят от свойств ее элементов и взаимосвязей между ними, она проявляется во взаимозависимости фразеологизмов ФСП квалитативности, которые активно вступают в семантические отношения синонимии и антонимии.

Одним из основных системообразующих признаков ФСП квалитативности являются отношения синонимии. Синонимы – это «слова одной и той же части речи (а также в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции), имеющие частично или полностью совпадающие значения» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 447]. Один из критериев определения синонимов – совпадение сочетаемости. На основании этого критерия синонимичными будут единицы *грубо, в три шеи, как извозчик, последними словами*. Лексема *грубо* сочетается с лексемами *выгнать, схватить, сделать* и т. д., ее сочетаемостные способности довольно широки, единица вступает в заявленные синонимические отношения в одном из значений: ‘невежливо, неделикатно, неучтиво, не соблюдая правил этикета’ (*В присутствии дам грубо ругаться недопустимо*. Из речи). Основанием отнесения этой единицы к данному синонимическому ряду выступает ее сочетаемость с лексемой *ругаться*. Фразеологизмы *как извозчик, последними словами* также сочетаются с лексемой *ругаться*: *как извозчик (ругаться и т. п.)* – ‘грубо’ (*Конечно, лестница была узкая, грязная, крутая, никогда не освещенная, но таких ругательств, какие начались в третьем этаже, я бы никак не мог приписать князю: взбравшийся господин ругался, как извозчик*. Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные); *как сапожник (ругаться и т. п.)* – ‘грубо’ (*Из зала задали вопрос: А вы дух товарища Сталина вызывали? – Вызывала, – хриплым басом ответила Дора. – Но он только ругается, как сапожник*. Г. Климов. Князь Мира Сего); *по матушке (ругаться и т. п.)* – ‘грубо’ (*И Тимофей Родионыч начал нахально ругать Сеньку по матушке... И. Бабель. Конармия*); *последними словами (ругаться и т. п.)* – ‘грубо, зло’ (*Агобер... в душе обругал канцлера последними словами*. А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции). Все члены синонимического ряда являются синонимами на основании совпадающей сочетаемости. Если сочетаемость единицы не совпадает с сочетаемостью других членов

синонимического ряда, то эта единица не является синонимичной. Основанием для синонимичности может быть критерий взаимозаменяемости синонимов в контекстах, близких по смыслу, причем при замене не должен измениться смысл высказывания. Конечно, следует уточнить, что речь может идти только о широком контексте, об общем смысле высказывания. Однако замены не всегда возможны: синонимы *бесплатно*, *за здорово живешь*, *за спасибо* сочетаются с лексемами *помочь*, *отдать*, *получить*, однако замена в контексте возможна только теоретически. *Бесплатно* – ‘без оплаты, не требуя оплаты’ (*Конфеты, мороженое, соки и кино парнишка получал бесплатно* [например, фразеологизм *за здорово живешь* в данном контексте неуместен – Л. Ю.], *кругом все свои, все его отлично знали*. Н. Леонов. Еще не вечер). *За здорово живешь* – ‘просто так, бесплатно; («Как же это, – спрашиваю, – он **за здорово живешь** [здесь замена фразеологизма *за здорово живешь* на лексему *бесплатно* вполне уместна – Л. Ю.], что ли, помогает?» Н. Лесков. Воительница). *За спасибо* – ‘даром, без всякой выгоды’ (*Она останавливала кровь, заговаривала зубную боль – причем зачастую успешно, знала толк в болезнях животных, чирьи же сводила с любого места, и все это бесплатно, помогала **за спасибо*** [в данном контексте невозможна замена фразеологизма *за спасибо* на фразеологизм *за здорово живешь* – Л. Ю.]. В. Белов. Плотнические рассказы). Критерий взаимозаменяемости синонимов условный: контекст определяет, какое из значений имеется в виду. В широком контексте синонимы заменимы, но, с другой стороны, возможность замены далеко не всегда свидетельствует о том, что мы имеем дело с синонимами, – возможно, речь идет о тематическом ряде.

Внутренняя целостность ФСП качественности обеспечивается и отношениями антонимии. Антонимические отношения представляют собой отношения полярности, полюсности. Полюсы нераздельны, они находятся в корреляции и исключают один другой. «Оппозиция предполагает бинарное противопоставление, строящееся на едином основании. Обязательным условием для определения такого предмета анализа, как оппозиция, является наличие определенного отношения к каждому признаку у обоих членов оппозиции» [Бондарко 2003: 22]. Примером антонимии может служить антонимия адвербиальных фразеологизмов *в глаза* – *за глаза*. Фразеологизм *в глаза* имеет значение ‘открыто, в присутствии кого-либо или

прямо обращаясь к кому-либо', а фразеологизм *за глаза* – противоположное значение 'заочно, в отсутствии кого-либо'; именно этот факт и позволяет данным единицам вступать в отношения антонимии. Эти фразеологизмы воспринимаются как антонимы абсолютным большинством носителей языка (*Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут*. А. Островский. Гроза; *Ну, кто-то льстил в глаза, ну, кто-то говорил гадость за глаза*, – ай, привыкать ли к банкетам. М. Веллер. Долги; *Рудин называл его рыцарем, превозносил его в глаза и за глаза; но Волынец не мог полюбить его и всякий раз чувствовал невольное нетерпение и досаду, когда тот принимался в его же присутствии разбирать его достоинства*. И. Тургенев. Рудин; *И так не любят его, жмотом в глаза и за глаза обзывают, скопидомом*. В. Санин. Семьдесят два градуса ниже нуля).

Несмотря на то, что в антонимические отношения вступают далеко не все фразеологизмы русского языка, антонимические пары среди фразеологизмов со значением квалитативности образуются довольно активно. Причем их образование характеризует в первую очередь ядро ФСП квалитативности и в меньшей степени – его периферию.

Внешняя целостность представляет собой относительную обособленность от других систем. Внешняя целостность ФСП квалитативности обусловлена единой семантикой квалитативности, а также общими функциональными и структурными характеристиками единиц.

Системообразующим признаком является и концентрическое строение поля, имеющего ядро и периферию. В зоне ядра признаки поля представлены ярче. Системообразующим признаком является иерархичность поля: с одной стороны, ФСП квалитативности как системное образование входит, наряду с лексико-семантическим полем квалитативности, в семантическое поле квалитативности, с другой стороны, во ФСП квалитативности можно выделить различные подсистемы: микрополя образа действия и меры признака, которые, в свою очередь, включают в свой состав семантические группы и подгруппы.

Таким образом, ФСП является системой и компонентом другой системы, «кирпичиком» в создании языковой картины мира (концептуального содержания языка с учетом национальной специфики). Языковая картина мира тоже представляет собой систему,

имеющую структуру, которую можно анализировать с помощью полевого подхода.

Семантическая категория квалитативности, таким образом, представляет собой *системное* образование. Считаем такой подход к изучению семантических категорий наиболее продуктивным.

Литература

Бондарко, А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности / А.В. Бондарко // Русский язык в научном освещении. – 2003. – № 1. – С. 5-22.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Общее языкознание : учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 408 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 408 с.

СЕКЦИЯ VI. ЛЕКСИКОГРАФИЯ – ИСКУССТВО СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО НАСЛЕДИЯ

*А, право, не худо бы взяться за
Лексикон или хоть за критику лексикона!*
А.С. Пушкин

Г.Т. Безкоровайная
*Московский государственный
университет печати им. Ивана Федорова (Россия)*

ОПИСАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *СТАТУС* / *STATUS* В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Говоря о современном этапе развития языкознания, С.Г. Шулежкова подчеркивает необходимость его интеграции со смежными науками – психологией, социологией, философией, этнографией, культурологией, информатикой [Шулежкова 2004: 12]. Такая интеграция позволяет наиболее точно и адекватно отобразить в словарях особенности осмысления окружающего мира различными народами.

Идеография является на сегодняшний день одним из быстро развивающихся направлений лингвистики, что проявляется при создании тезаурусов и словарей. Принцип комплексного подхода к анализу и отбору единиц языка с учетом положений смежных наук соблюдается их авторами-составителями. Стоит отметить, что в развитие этой науки начиная с 70-х гг. XX в. внесли вклад такие языковеды, как Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Л.П. Ступин, Н.Ю. Шведова. Особенности составления идеографических и ассоциативных словарей нередко становились предметом научных исследований и в последние десятилетия (М.К. Артына, Л.А. Гаитова, Т.М. Софронова, В.Д. Табанакова. и др.).

К числу основных функций языка, по общепринятому представлению, относится способность «выражать связанность, сочлененность всего существующего», словарь же «служит воспроизведению существующих в этом мире отношений и зависимостей» [Шведова 1988: 6].

Задача данной статьи – рассмотреть, как представлены в словарях-тезаурусах идеографического типа русская лексема *статус* и английская *status* с учетом этимологических и культурологических данных.

Лексикография Великобритании, появление которой в XVIII в. связано с публикацией словарей Сэмюэля Джонсона (1709–1784), накопила опыт составления идеографических словарей. Одним из самых известных и признанных пользователями является изданный в 1852 году Тезаурус Роже (Roget's Thesaurus of English Words & Phrases). В отечественной лексикографии к словарям этого типа относятся: «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (1990), «Русский ассоциативный словарь» (1994), «Тематический словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина (2000).

«Идеографический словарь» под редакцией О.С. Баранова, который неоднократно переиздавался, на сегодняшний день – наиболее полный и объемный лексикографический источник такого рода. Автор словаря определяет его, как продолжение тезауруса Роже, что позволяет сопоставить представление в них отобранной для анализа лексемы.

Выбор слова, вошедшего в русский и английский языки из латинского, продиктован желанием проследить, каким образом в каждом из языков фиксируется заимствованная лексема.

Обратимся к словарным статьям *статус* / *status*. *Status* (1665–75); *Latin: the condition of standing, stature, status, equivalent to status (variant stem of stare to stand) + -tus suffix of v. action*) [Roget 1973 [http](http://)]. Согласно предлагаемому толкованию, в русском языке «СТАТУС, -а; м. [лат. *status*] 1. Офиц. Совокупность прав и обязанностей гражданина или юридического лица. С. зоны свободного предпринимательства. Дипломатический с. С. независимости государства. 2. Положение, состояние. Его с. в коллективе достаточно высок. Иметь с. доктора наук. Прошу уважать мой с. Социальный с. [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Сопоставление статей *статус* / *status* позволяет уже при первом приближении выявить различия в ранжировании значений. В словаре Роже первым синонимом предстает ассоциация с положением человека по отношению к другим членам общества: *the position of an individual in relation to another or others, especially in regard to social or professional standing*. *Состояние* как синоним зафиксировано во втором значении: 2. *state or condition of affairs*. При этом актуализиру-

ется представление о правовом положении субъекта: *Law: the standing of a person before the law*. В качестве имени прилагательного лексема номинирует особенность, непохожесть, высшее качество: *conferring or believed to confer elevated status: a status car; a status job*.

Классовая иерархия, принадлежность к высшим слоям общества были важны для англичан на протяжении многих веков. Об этом свидетельствует, в частности, следующее утверждение В. Харрисона в «Описании Англии» (1577): «We in England divide our people commonly into four sorts, as gentlemen, citizens or burgesses, yeomen, and artificers, or labourers. Of gentlemen the first and chief (next the king) be the prince, dukes, marquesses, earls, vicounts, and barons: and these are called gentlemen of the greater sort, or (as our common usage of speech is) lords and noblemen: and next into them be knights, esquires, and last of all the that are simply called gentlemen...» [Harrison 2005 [http](#)].

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова положение субъекта в соответствии с правовой составляющей представлено как первое значение лексемы *статус*. Первая ассоциация русскоговорящего человека связывает ее с юридической терминологией: «В категории – положение – определяющий (собою) право (кого-л.) статус – правовое положение; правовая роль...» [Баранов 1993 [http](#)]. При этом сема 'ранг' не включается в первое значение, хотя и относится к категории *положение*. В отличие от полисемантического характера *status*, русская лексема *статус* фиксируется в терминологическом пласте как моносемант. Однако синонимический ряд демонстрирует, что в процессе функционирования лексема может употребляться как часть разговорно-бытовой лексики (*обстановка, обстояние, обстоятельства* и др.), в значении *афоризм*, часто использующая в языке пользователей компьютером как *цитата* [Баранов 1993 [http](#)]. Доказывают принадлежность лексемы *статус* к терминам и материалы ассоциативного словаря, где данная лексема-стимул фиксируется со следующими реакциями-прилагательными: *социальный, немиграционный, правовой, постоянный, легальный, рабочий, гостевой, новый* и т.д. [Леонтьев 1973 [http](#)].

Как представляется, выявленное различие можно объяснить исторически – более ранним проникновением и заимствованием латинизмов английским языком (некоторые слова вошли в него в период римского завоевания), обостренным вниманием английско-

го общества к социальной иерархии, а также, вероятно, временем создания тезауруса Роже (конец XIX в. – время расцвета Британской империи). Известно, что «латинские слова, или латинизмы, проникали в русский язык разными путями и в разное время: в X–XV вв. – через греческий язык, в XV–XVI вв. – через польский и украинский языки, а с XVII вв. – как непосредственно из латинского, так и через западноевропейские языки (немецкий, французский). Основная масса латинизмов пришла к нам в XVII–XVIII вв. [Бородина 2015: 899]. Русский язык заимствовал из латинского языка по преимуществу научные, юридические и общественно-политические термины.

Таким образом, исторически в английский язык латинизмы входят раньше, проникая не только в научный или терминологический слой языка, тогда как в русском, наряду с латинским заимствованием *статус*, широко используется лексема *положение*, более распространенная в качестве средства обозначения места того или иного человека в социуме. В словаре О.С. Баранова лексема *статус* входит в статью *положение*: *определяющий (что), право (кого-л) статус – правовое положение; правовая роль; положение субъекта в системе социальных отношений, определяющее его права, обязанности, престиж. Статут – устав, положение о статусе. | в ранге кого- чего. на правах (наследника). Исключительность (расовая). Иммуни́тет (дипломатический) официальный, ПРЕСТИЖ вступать в силу, отмена см. значение (для чего)* [Баранов 1993 [http](http://)]. Связь двух лексем подтверждает, в частности, и тот факт, что в национальном корпусе русского языка найдено 1952 документа, демонстрирующих 2879 вхождений лексемы *статус*, в то время как лексема *положение* отмечается в 9950 документах в 32687 вхождениях. В корпусе британского английского (BNC) лексема *status* зафиксирована в 38931 вхождении.

Разница наблюдается и в приводимых словарями синонимах к лексемам. Синонимические ряды, зафиксированные в словарях, отличаются. В английском языке лексема *status* связана с *рангом*, *происхождением*, *благородством* и т.п., что не характерно для русского языка. В словаре русского языка зафиксированы такие синонимы, как: *авантаж*, *авторитет*, *амбушюр*, *асана*, *аут*, *афоризм*, *взаимоположение*, *видоположение*, *вис*, *висяк*, *вопрос*, *дела*, *дело*, *дистопия*, *довод*, *догмат*, *замет*, *заповедь*, *идея*, *канон*, *картина*, *климат*, *контрапозиция*, *концепция*, *конъюнктура*, *координаты*,

кренкование, левентик, левентих, макроположение, материя, место, местонахождение, местоположение, мысль, начало, обкладка, обкладывание, обстановка, etc. [Баранов 1993 [http](#)].

Первым синонимом в тезаурусе Роже является лексема *rank*, которая, в свою очередь, связана синонимическими отношениями с лексемами, соотносимыми с представлением о местоположении, качестве, известности и т.п.: *rank, condition, dignity, place, position, prestige, prominence, quality, rating, situation, stature, cachet, caliber, capacity, character* [Roget 1973 [http](#)]. Синонимический ряд состоит из 32 элементов, среди которых значительное место занимают лексемы со значением, отражающим принадлежность к высшему классу, обладание особым происхождением и благородством: *background, caste, class, clan, dignity, cachet, estate, standing, prestige, identity, level, individuality, excellence, nobility* и т.д. Кроме того, зафиксированы синонимы, связанные со значением 'положение, расположение': *circumstances, environment, locality, station*; условие *condition, mode*; состояние *consequence, degree, distinction, eminence, footing, grade, merit* и т.п. [Roget 1973 [http](#)].

Таким образом, в английском тезаурусе принадлежность лексемы *status* к терминологическому слою не выражена: основные ассоциаты стимула относятся к общеупотребительной лексике.

Анализ статей *статус* / *status* в словарях Роже и Баранова показал, что даже слова общего происхождения фиксируются с учетом национального рейтинга того или иного значения и ассоциативных связей лексемы. При этом основные ассоциативные представления не изменяют, что позволяет говорить об их универсальности.

Более широкая представленность лексемы *status* в английском идеографическом словаре объясняется отсутствием в русской лексикографии словаря, аналогичного тезаурусу Роже.

В идеографических словарях, основным принципом создания которых является разделение лексики по тематическому признаку в соответствии с местом лексемы в языковой картине мира русских и англичан, находят отражение данные этимологии, культурологии, психологии народа. Универсальные понятия в сознании русских и англичан могут занимать разные позиции, а следовательно, могут отличаться и соответствующие ассоциативные ряды.

Проведенное сопоставление подтверждает справедливость слов одного из отечественных теоретиков идеографии В.В. Морков-

кина, что «мышление имеет общечеловеческую природу. Смысловой континуум общ для всех языков. Однако каждый конкретный язык членит его специфично и особенно» [Морковкин 1970: 8].

Литература

Артына, М.К. Идеографическая группа «Речевой акт» как референт фразеологической номинации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.К. Артына. – СПб., 2010 – 23 с.

Баранов, О.С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс] / О.С. Баранов. – М. : ЭТС, 1995. – 814 с. – Режим доступа : <http://www.thesaurus1.narod.ru/24.htm#287> (дата обращения: 10.08.2015).

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

Бородин, М.А. Латинский язык в современном мире / М.А. Бородин, В.С. Горбунова // Молодой ученый. – 2015. – № 12. – С. 898-906.

Гаитова, Л.А. Структурная и идеографическая характеристика односложных корней в тюркских языках Урало-Поволжья : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Гаитова. – Уфа, 2011. – 22 с.

Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1973. – Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 12.08.2015).

Марус, М.Л. Отражение системных связей лексики в идеографических словарях английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Л. Марус. – Омск, 2007. – 18 с.

Морковкин, В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – М. : МГУ, 1970. – 69 с.

Москвин, В.П. Идеографический словарь сочетаемости / В.П. Москвин. – Киев, 1993. – 255 с.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – 992 с.

Саяхова, Л.Г. Тематический словарь русского языка : ок. 25 000 слов / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин ; под ред. В.В. Морковкина. – М., 2000. – 816 с.

Софронова, Т.М. Лексикографическое моделирование русской и английской пирологической терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.М. Софронова. – Красноярск, 2013. – 24 с.

Табанаква, В.Д. Функциональная модель переводного специального словаря / В.Д. Табанаква, М.А. Ковязина // Вестник ТюмГУ. – Тюмень : ТюмГУ, 2006. – № 4. – С. 158-165.

Федосов, Ю.В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка / Ю.В. Федосов. – Волгоград : Перемена, 2001. – 102 с.

Шведова, Н.Ю. Парадоксы словарной статьи / Н.Ю. Шведова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 6-11.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта. Наука, 2004. – 390 с.

Harisson, W. Description of England [Электронный ресурс] / W. Harisson. – 2005. – Режим доступа : <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html> (дата обращения: 14.08.2015).

Roget's Thesaurus of English Words & Phrases. 7 th impression with corrections. New Edition Completely Revised and Modernized by R.A. Dutch O.B.E. [Электронный ресурс]. – USA : Longman, 1973. – 1309 p. – Режим доступа : <http://www.thesaurus.com/browse/status> (дата обращения: 17.08.2015).

Е.И. Зыкова

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕАЛИЙ НЕОРГАНИЧЕСКОГО МИРА В РУССКИХ КОМПАРАТИВАХ

**(из опыта составления «Идеографического словаря
ключевых концептов русских народных сравнений»)***

Общеизвестно, что одним из древнейших способов познания окружающего мира является сравнение, которое человек использует

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)» (№ 14-04-00090/14; шифр ИАС 31.16.571.2014).

для передачи своих чувств, точного описания увиденного и услышанного, краткой характеристики того или иного предмета или лица.

Устойчивые сравнения (далее – УС) большинством их исследователей относятся к фразеологии и занимают особое место во фразеологической системе русского языка. Структурно-семантическая особенность УС обнаруживается в их тесной смысловой связи, с одной стороны, с ФЕ-идиомами, а с другой – с индивидуально-авторскими сравнениями, образованными на основе сравнений устойчивых, а также «крылатых» УС в художественных текстах и в живой речи [Берков 2008-2009].

Теоретические интерпретации семантических полей устойчивых сравнений русского языка во многом опираются на словарные материалы разных языков и диалектов. Подобные попытки нашли отражение в работах А.В. Кунина, А.С. Аксамитова, Р.И. Яранцева, Л.А. Лебедевой, В.М. Мокиенко, Е.К. Николаевой, Н.М. Кабановой [Яранцев 2001; Лебедева 1999; Мокиенко 1982; Николаева 1989].

Идеографическое описание лексики было воплощено в словарях В.В. Морковкина, А.Г. Бабенко, О.С. Баранова [Морковкин 1984; Бабенко 1999, 2005; Баранов 2005].

Во фразеографии, к сожалению, не так много трудов, где бы систематизация данного материала была последовательно внедрена. Для русской фразеологии это в определенной мере сделано в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой [Козлова 2001], в «Кратком тематическом словаре устойчивых сравнений русского языка» Л.А. Лебедевой [Лебедева 2003], а также в «Словаре фразеологических синонимов» [Бирих 2009].

В европейской фразеографии подобным опытом идеографической систематизации является четырехтомный «Словарь чешской фразеологии и идиоматики» под редакцией проф. Фр. Чермака [Slovník české frazeologie 2009]. Один том словаря, построенный по вокабульно-алфавитному принципу, сопровождается компактным приложением, где уже описанный в основной части материал систематизирован и идеографически.

Задачей создаваемого «Словаря ключевых концептов русских народных сравнений», является обобщение опыта идеографической обработки УС, и описание русской языковой картины мира в зеркале народных сравнений. Над Идеографическим словарем работает группа под руководством В.М. Мокиенко – И.В. Кузнецова,

Е.К. Николаева и автор этой статьи. Работа выполняется при поддержке РГНФ в рамках проекта «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)».

Идеографическое описание нами рассматривается не только как лингвистически обоснованный принцип словарной организации материала, но и как способ описания содержания данного фразеологического корпуса УС.

В нашем исследовании анализ семантики фразеологических сочетаний был произведен с помощью описания семантических полей, где идеографическая классификация основывалась на группировке слов, объединенных общим инвариантным значением.

Источником фразеологического материала послужил корпус устойчивых сравнений, представленный в словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной «Большой словарь русских сравнений» [Мокиенко 2008]. Весь материал упорядочен по смысловому принципу, т.е. по фразеологическому значению устойчивого сравнения.

На основе предложенных в науке принципов идеографического описания, предложенных Р. Халлигом и В. Вартбургом [Hallig 1963], было произведено последовательное членение массива устойчивых сравнений русского языка на три макроконцепта (resp. макрополя) – «Вселенная», «Человек», «Человек и Вселенная». В основу дальнейшего деления была положена классификация Т.В. Козловой [Козлова 2001], в результате которой в состав трех макроконцептов были включены 6 концептов (resp. тематических классов) – «Неорганический мир», «Органический мир», «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек как общественное существо», «Абстрактные категории и понятия».

Дальнейшее дробление семантического поля устойчивых сравнений русского языка позволило выделить в каждом тематическом классе группы ключевых концептов (resp. семантических групп), которые на сегодняшнем этапе работы составили 54 концепта.

В свою очередь, внутри ключевых концептов были выделены семантические подгруппы, которые авторы называли микроконцептами. Статистическая картина наполняемости микроконцептов очень разнообразна. Самым малочисленным оказался ключевой концепт «Природные ископаемые», который содержит только 3 группы – «глина», «руда», «известняк». А самым многочисленным ключевым

концептом по предварительным исчислениям является «Действия», включающий в себя 15 групп.

Конечным пунктом членения семантического поля русских устойчивых сравнений стало выделение внутри каждого микроконцепта синонимических рядов.

Идеографическое поле, включающее в себя устойчивые сравнения, обозначающие реалии неживой природы, также подвергалось лингвистическому исследованию, однако весьма разрозненно. Представим результаты идеографической систематизации концепта «Неорганический мир».

Как показали исследования, концепт «Неорганический мир» не самый многочисленный. Тематическая классификация фразеологических рядов более компактна и целостна, чем группировка лексики. В.М. Мокиенко причину этого видит в том, что «у фразеологизмов как “избыточных” языковых единиц в определенной степени теряется номинативно-информативная функция и усиливается функция экспрессивная, в результате некоторые идеографические темы почти не заполняются ими – таковы, например, “Космос”» [Мокиенко 1982: 114].

Предварительные результаты проводимого исследования позволяют сделать вывод о том, что концепт «Неорганический мир» включает в себя 8 ключевых концептов (resp. семантических групп): «Космос, небесные тела»; «Погода, климат»; «Природные явления»; «Земля»; «Водоемы»; «Минералы»; «Вещества»; «Природные ископаемые» (см. таблицу).

Макро- концепт	Концепт	Ключевой концепт	Микро-кон- цепт	Синонимиче- ский ряд
ВСЕЛЕННАЯ	Неорганиче- ский мир	Погода, климат	21	77
		Земля	8	83
		Космос	7	35
		Вещества	14	70
		Природные яв- ления	11	33
		Природные ис- копаемые	3	8
		Водоемы	7	29
		Минералы	10	17

Внутри этих ключевых концептов, в свою очередь, был выделен 81 микроконцепт и 352 синонимических ряда (см. таблицу).

По предварительным статистическим данным самой мало-численной группой является «Природные ископаемые», которая включает в себя 3 микроконцепта (resp. подгруппы) – «глина», «известняк», «руда», в которых возможно выделить 8 синонимических рядов устойчивых сравнений.

Самым многочисленным ключевым концептом тематический группы «Неорганический мир» является концепт «Погода, климат». Он включает в себя 21 микроконцепт, к числу которых относятся такие, как: «ветер», «воздух», «вихрь», «вьюга», «град», «гроза», «буря», «гром», «дождь», «изморозь», «иней», «молния», «погода», «снег», «туман», «штиль», «шторм», «жара», «мороз / холод».

Наиболее многочисленной оказалась подгруппа «Снег», включающая в себя 19 синонимических рядов и 76 единиц. Микроконцепт «Снег» представлен такими рядами, как: «мягкий», «плотный», «мелкий», «крупный», «вихреобразный», «яркий, ослепительный», «белый», «шуршащий», «высокий», «ломкий», твердый», «сухой», «густой», «мелкий» «легкий», «вязкий», «гладкий», «жидкий».

В количественном отношении не уступает микроконцепту «Снег» подгруппа «Дождь», включающая в себя 10 синонимических рядов («длительный», «кратковременный», «крупный», «мелкий», «сильный, ливень», «холодный», «теплый», «прямой», «приятный», «сверкающий»).

К самым не наполненным микроконцептам, как показывает материал, можно отнести подгруппы «гроза», «гром», «штиль», «шторм», «жара», «холод», которые включают в себя лишь по одному синонимическому ряду. Например, в подгруппу «штиль» входит только 1 УС (*(погода) как будто черти воду мутят*), в подгруппы «гроза» и «гром» включены по 2 УС (*ровно (как) Боженька упал, грядой идти/ пройти*), и (*гром гремит*) *будто бы Бог на телеге едет, ворчать как медведь (в своем логове)*, а в подгруппу «штиль» – 5 УС (*(озеро, река) как бумага; тцхо как в лукошке где; (море) точно умерло; гладкий как ладошь; (погода) как будто черти воду мутят*).

В ключевой концепт «Земля» нами включено всего 8 микроконцептов – «горы», «ущелье, пропасть, овраг», «земля (почва)», «равнина, поле, степь, поляна», «холм, пригорок», «местность, место», «дорога, тропа», «остров». Однако наполняемость этих подгрупп весьма высока и составляет примерно 83 синонимических ряда. Так, например, в подгруппе «земля, почва» выделяются

следующие синонимичные ряды: «высохшая, сухая» – 24 УС (за-сохн^уть как ляба^стра; высохн^уть как зола; крепкий как деб; как дубелый; земля [жестока] как желамустинная (желамустинная); как каменный; земля (почва) как камень; (земля) как пень; земля как пол; (земля) как скорда; (земля) зола золой; сухой как перец; земля как прысок; земля сухая как крем^ень; засохн^уть (высохн^уть) как каменный; клемом взя^ться (ста^ть); сухой как перец; земля сухая как уголь; потрескаться как пори на человеке; земля высохшая (рассохшая) как в пустыне; (земля, хлеб, корка) сухой как камень; (земля) сухой как крем^ень; (земля) сухой как уголь; сухой как перец); «рыхлая, мягкая» – 10 УС (земля [рохленькая] как грядка; земля как мураховник; (земля) рыхлен^ь как опара взошла; земля рыхла как мел; мелкий как земля; мягкий как мох; земля (рохлая) как подушка; (земля [мягкая]) как пух; земля как пушочек; (земля) как песок); «ровная, гладкая» – 4 УС (гладкая как дорога; земля гладкая как камень; голый как камень; земля гладкая как обглоданная кость); «нетвердая» – 1 УС (земля хлопает как дышит); «неплодородная» – 1 УС (выработаться как зола); «твердая» – 13 УС (земля как крица; (земля) как плитка; земля точно чугунная; (грунт, земля, почва, глина) твердый (тверда, твердая) как камень; тверд (твердый, крепок, крепкий) как камень; (земля) твердый как железо; (почва) твердый как сталь; земля [жестока] как желамустинная (желамустинная); (земля) как пень; крепкий как деб; как дубелый; как каменный; вый^ти (сест^ь) крицей); «плодородная» – 4 УС ((земля) как мак; земля жирная как масло; земля жирная словно политая маслом; земля сочная как творог); «черная» – 3 УС ((черный и рассыпчатый) как мак; земля черна как пропасть; земля черная как уголь); «раскаленная» – 1 УС ((земля) точно недавно вытопленная печь); «мокрая, влажная» – 1 УС ((земля, дрегва) як роцина); «необработанная, невспаханная» – 1 УС (как сковородником проехать); «покрытая чем-л» – 2 УС (земля будто в снегу; земля как солью посыпана); «неровная» – 1 УС (как черт из лукошка сеял); «обработанная, хорошо вспаханная» – 5 УС (мягкий как мох; (земля [мягкая, рыхлая]) как пух; земля мягкая как пух; (земля) рыхла как мел; (мягкий) как пух).

Несмотря на обобщенность денотативного значения, следует заметить, что в концепт «Неорганический мир» входят УС с различ-

ной стилистической маркировкой – от нейтральных и мелиоративных до вульгарных и пейоративных.

Как видно из приведенного материала, идеографическая систематизация концепта «Неорганический мир» помогает целенаправленному анализу внутренней формы таких УС и более точному определению их семантики.

Литература

Бабенко, А.Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание / А.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 698 с.

Бабенко, А.Г. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Л.Г. Бабенко, Н.А. Дьячкова, Ю.В. Казарин [и др.] ; под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2005. – 864 с.

Баранов, О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – М. : ЭТС, 2005. – 820 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова ; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Бирих, А.К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2009. – 448 с.

Козлова, Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т.В. Козлова. – М. : Дело и сервис, 2001. – 207 с.

Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 34 с.

Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. – Краснодар : Кубанск. гос. ун-т, 2003. – 300 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

Мокиенко, В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов / В.М. Мокиенко // Словари и лингвострановедение : сб. ст. – М. : Рус. яз., 1982. – С. 108-121.

Морковкин, В.В. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / В.В. Морковкин. – М. : Рус. яз., 1984. – 1168 с.

Николаева, Е.К. Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка : дис. ... канд. филол. наук / Е.К. Николаева. – Л., 1989. – 219 с.

Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник / Р.И. Яранцев. – М. : Рус. яз., 2001. – 845 с.

Hallig, R. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie / R. Hallig, W. von Wartburg. – Berlin : Akademie-Verlag, 1963. – 140 s.

Slovník české frazeologie a idiomatiky / Fr. Čermák a kolektiv. – Praha : LEDA, 2009. – Díl 1-4.

Л.Я. Костючук

Псковский государственный университет (Россия)

НЕОБХОДИМОСТЬ «ПОЙМАТЬ» И СОХРАНИТЬ НАРОДНОЕ СЛОВО

(об исследовании псковского материала в прошлом и настоящем)

Известна история русского литературного языка, тесно связанная с историей славянской письменности, с судьбой старославянского языка – первого книжного письменного языка славян, особого по своему возникновению: искусственный язык, созданный Константином (Кириллом) и Мефодием как письменный язык с определенной сакральной целью для перевода церковных книг и для богослужения на основе естественного языка древних южных славян (македонцев), живших в Греции. Известно своеобразное развитие этого языка как церковнославянского у разных славянских изводов, в частности и русского, Убедительно звучат слова Н.И. Толстого: «Без церковнославянского, бытовавшего на Руси, трудно себе представить развитие русского литературного языка во все эпохи его истории. Церковный язык, подобно латыни в западных романских странах, был всегда

опорой, гарантией чистоты и источником обогащения русского нормированного языка» [Толстой 2013: 3]. Знакомство со специальной литературой, отражающей глубокие и значимые для понимания сути, специфики этих родственных, но разновременных языков, обязательно для общепилологического, лингвокультурного кругозора любого славянина. Восточные славяне, принявшие в X веке христианство и наследие славянской письменности вместе с кириллической азбукой, независимо от своей деятельности, носители и пользователи языка и культуры, несут ответственность за сохранение и развитие 1) родного языка, 2) его литературной формы, 3) собственно народного языка и народной культуры.

Диалектологам и историкам языка, особенно занимающимся не только исследованиями, но и практической научной работой по созданию словарей и атласов (прежде всего диалектных и исторических), важно постоянно заботиться о пополнении источников для соответствующих материалов, содержащих сведения о быте, культуре, истории и, конечно, языке народа. Очень важны источники, свидетельствующие о разных временных пластах жизни народа (при этом учитывается синхрония и диахрония).

Филологическая наука, особенно со второй половины XX в., представляя «содружество гуманитарных дисциплин» [Аверинцев 1990: 544-545], дает возможность обращаться к смежным наукам (в частности, к истории, археологии, текстологии и прочим), даже к точным (например, к дендрохронологии, приемам определения элементного состава сплавов, из которых в прошлом были изготовлены металлические предметы (например, нательные кресты с текстами), чтобы известные по некоторым данным временные сведения соотнести с исследуемой реальностью, учитывая состав ее материала: есть шкала распространения некоторых комбинаций сплавов прошлого). При этом лингвистические данные поддерживаются данными других наук.

Период второй половины XX в. и начало XXI в. наиболее отчетливо показывает и позволяет лингвистам и вообще неравнодушным носителям языка оценить справедливость положения Ф. де Соссюра о «внешней и внутренней лингвистике» [Соссюр 1977: 59-61]. И за как будто практическим описанием соответствующих научных наблюдений свершились настоящие научные открытия, которые привели к теоретическим обоснованиям частных наблюдений и открыли новые, перспективные пути для эффективного, убедительно-

го по результатам исследования подобных фактов, а также и к новым поискам.

Напомним, не вдаваясь в подробности, некоторые открытия, связанные прежде всего с теми проблемами, которые занимают нас в связи с изучением псковских говоров и памятников псковской письменности. С.М. Глушкина в материалах псковских говоров при работе над «Псковским областным словарем с историческими данными» (ПОС) обнаружила в корнях типа *кеп-, кев-, кед-* отсутствие общеславянского звука [ц] на месте звука [к] перед древним звуком *ѣ дифтонгического происхождения, что привело, при поддержке со стороны археологических трудов, к теории отсутствия второй палатализации заднеязычных согласных в языке предков древних псковичей (кривичей), обосновавшихся вокруг псковских озер [Глушкина 1968: 20-43]. А.А. Зализняк в материалах новгородских грамот гораздо позже обнаружил подобные факты независимо от С.М. Глушкиной (но признал ее приоритет). Эти и другие уникальные особенности псковских говоров (на которые обращали внимание и описывали и псковичи, работающие с Картотекой «Псковского областного словаря») позволили ученому обосновать теорию древнего псковско-новгородского диалекта [Зализняк 1995]. Б.А. Ларин, уже задумываясь над «Псковским областным словарем» и создавая подробную Инструкцию к нему, в которой предусматривались все крупные и мелкие условия научного преподнесения данных [Ларин 1961], обосновал диахронный подход к русской фразеологии с учетом не только литературного языка [Ларин 1977: 125-149].

К ярким достижениям XX в. в области славистики следует отнести следующие:

- создание словарей старославянского языка: а) подвиг чешской науки – в течение многих десятилетий подготовка и издание огромного «Словаря старославянского языка», который в 2006 г. был репринтно переиздан в С.-Петербургском университете; б) создание однотомного словаря старославянского языка в отечественной науке с участием представителей чешской науки; в) глубокие, с опорой на теорию языковой картины мира исследования Т.И. Вендиной на материале лексики старославянских памятников, зафиксированной в словарях этого языка [Вендина 2002];

- тоже подвиг ученых, продемонстрировавших значимость содружества представителей гуманитарных и точных наук в рас-

шифровке, исследовании и публикации так называемого «Новгородского кодекса» первой четверти XI в. [Зализняк 2001: 3-25; Зализняк 2003: 190-212];

- замечательный исследовательский проект под руководством С.Г. Шулежковой по созданию «Фразеологического словаря старославянского языка»: выявление идиоматики из огромного количества изданий, копий изданий памятников старославянской письменности, фразеографическая обработка с введением энциклопедических сведений [Фразеологический словарь старославянского языка 2006].

Учет достижений в ряде направлений отечественной науки и понимание того подхода к материалу псковских говоров, который был обоснован Б.А. Лариным, позволяет подчеркнуть необходимость внимания к псковскому слову прошлого и настоящего в особых условиях территориального расположения псковских говоров. Это соседство в настоящем и прошлом, во-первых, с эстонским языком и вообще с рядом финно-угорских племен в прошлом; во-вторых, соседство и близость с балтийскими языками (латышским, литовским); в-третьих, с белорусским, который в свое время испытал влияние польского. Поэтому история носителей языка, история самого народного языка отражается на современном состоянии псковских говоров. Напутственные слова Б.А. Ларина при начале работы над «Псковским областным словарем» не потеряли своей актуальности и сейчас: «Народная речь Псковской области <...> отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами» [Ларин 1967: 3]. Они-то во многом и определили научные поиски и находки как результаты непрерывной работы над материалом. Так же актуальны и соображения А.А. Шахматова о русской диалектологии, подготовленные в свое время к печати усилиями Б.А. Ларина и опубликованные его учениками [Шахматов 2010]. Не случайно лексикографов «Псковского областного словаря» интересуют исследования, посвященные и тем псковским говорам, которые оказались за рубежом, поскольку столетия свой язык сохраняют староверы (старообрядцы) – выходцы с псковской территории [Мурникова 1962: 345-363; Семенова 1973: 23-29; Сивицкене 1959: 112-116; Grek-Pabisowa., Maguniakowa 1960; Staroobrzędowce 2010]. Даже норвежский ученый Я. Бернфлатен в содружестве с В.Н. Чекмонасом несколько се-

зонов исследовал староверческие псковские говоры на Псковской земле [Бернфлатен 1997: 5-30; Чекмонас 1997: 182-208] и явился организатором международной конференции в Осло, посвященной псковским говорам в прошлом и настоящем.

В связи с такой ситуацией, когда сведения заинтересованных близких и далеких исследователей могут помочь в решении той или иной задачи, волнующей тебя в данный момент, обратим внимание на книгу Н. Морозовой и Ю. Новикова «Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии», изданную недавно в Тарту [Морозова 2007]. Это одна из ряда серьезных работ-исследований, призванных сохранить и развить язык и культуру русских староверов Причудья.

Почему именно это издание заинтересовало нас? Во-первых, в связи с диалектной лексикографией Б.А. Ларин подчеркивал значимость фиксации и фольклорных цитат, если они подтверждают местные особенности речи и народных традиций [Ларин 1961]. Во-вторых, староверы Эстонии – носители псковских говоров, бережно сохраняющие материнскую диалектную речь. В-третьих, вместе с историком-археологом Ю.В. Колпаковой не первый год занимаюсь исследованием религиозных надписей на псковских нательных крестах (гогофской тематики) XIV–XVIII вв. [Костючук 2013: 146-152]. Это требует расшифровки, прочтения обычно плохо сохранившихся текстов, поисков аналогий текстам религиозных произведений. И недавно нам неожиданно удалось найти отправную точку в поиске аналога редкого текста на немногих крестах благодаря тоже неожиданной «встрече» с текстом из одного заговора, записанного еще в 20-е гг. XX в. в псковских говорах около Опочки.

Итак, мы постепенно получили вдруг фразу со словами **крестъ** (оно встречается на многих крестах, поскольку входит в ряд фраз из «Тропаря кресту»), **Господь** (неизбежное использование слова в текстах указанной тематики), **оружие** (не сразу даже осознанное по сохранившимся фрагментам букв и по содержанию слово, так как не было до тех пор известно нам и по литературе о надписях на крестах других регионов), **диавол** (совсем неожиданное при исследовании): «**Господи, крестъ Твои оружие на диавола даль еси намъ**». Не сразу удалось найти аналогию тексту, поэтому на время переключились на другие кресты.

А в это время шло у меня исследование и рукописного труда «Религиозное состояние Опочецкого района» А.И. Белинско-

го – ученого, учителя русского языка и литературы, прекрасного краеведа, знатока псковских (опочецких) говоров [Белинский рук.]. В чтении материалов подошла к наблюдениям и выводам автора о заговорах, в которых, по его наблюдениям, параллельно идут две стихии: одна – от народного врачевания, знахарства, колдовства, а другая – религиозная, поэтому-то почти в каждом заговоре встречаются имена Иисуса Христа, Богородицы, святых (подобное отмечают и [Морозова 2007]). Записи заговоров у А.И. Белинского очень подробные, поскольку местные жители (ученики, их родители, просто местное население) хорошо знали, любили замечательного человека, доверяли ему, в частности и план содержания, и план выражения даже заговоров, что обычно получить исследователям бывает очень трудно. Поэтому и в книге о фольклоре русских в Эстонии заговоры обычно только называются (в записи экспедиции 2006 г., поскольку собиратели были «со стороны»), а тексты довоенных и последующих десятилетий из государственных архивов или из некоторых частных тетрадей тоже полные.

И вдруг у А.И. Белинского читаю: «В заговоре против неприятельского войска говорится: *“Господи! Оружие на дьявола – крест твой дал сеи нам* [выделенные слова были обнаружены нами на крестах; подчеркнутое по созвучию, но с нарушением смысла заменило, видимо, уже не очень понятную форму *еси* в составе церковнославянского перфекта. – Л.К.]; *трепещет бо и трясется не могий взирати на силу его. Яко мертвые восставляешь, и смерть упраздни, сего ради кланяемся кресту твоему. Аминь”*». Была радость подтверждения бытия обнаруженного текста. Но откуда? Поиски привели к опознанию (с разночтениями по сравнению с текстом заговора) одной стихиры из «Восьмого гласа» «Октоиха» (части воскресной службы). Полный текст стихир такой: «Гсди, оружие на диавола крестъ твои даъ еси намъ: трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его: яко мертвыя возставляетъ, и смерть упраздни, сего ради покланяемся погребению твоему и востанию». В народном заговоре допускались изменения, связанные с упрощением текста и попыткой сделать его якобы понятнее.

В томе, посвященном фольклору староверов Эстонии, конечно, обнаружили типично псковские слова: *баркайн* ‘морковь’, *ка́левка* ‘брюква’, *жураві́на* ‘клюква’, *с(т)икля́ха* ‘муравей’, *гни́ла* ‘глина’ (с метатезой); слово *лянушка* ‘печь’ в контексте с

проявлением морфологической псковской особенности – совпадения формы творительного падежа с формой дательного: «*Своим рукам складена лянушка*» и др. Огорчило диалектолога сознательное устранение авторами ударения и передачи специфики произношения: так во имя облегчения чтения теряется научная ценность драгоценного народного материала (к сожалению, в последнее время подобные издания часты). В этом случае могла бы помочь разработанная Б.А. Лариным система упрощенной транскрипции для «Псковского областного словаря» [см. Ларин 1961; Псковский областной словарь].

Но каждый, кто соприкоснулся с народным словом и его окружением в системе говоров (в частности, псковских), не может не зафиксировать его как одно из главных проявлений культуры и познания мира. Поэтому и тартуское издание 2007 года вызывает большой интерес.

Литература

Аверинцев, С.С. Филология / С.С. Аверинцев // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 544-545.

Белинский, А.И. Религиозное состояние Опочецкого района [20-х годов XX века] // Архив Опочецкого музея Псковской области (рукопись).

Бьернфлатен, Я.-И. Опыт лингвогеографии Псковской области / Я.-И. Бьернфлатен // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. – Oslo : Solum Forlag, 1997. – С. 5-30.

Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.

Глушкина, С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на примере северо-западных говоров) / С.М. Глушкина // Псковские говоры. II. – Псков : ПГПИ, 1968. – С. 20-43.

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – 720 с.

Зализняк, А.А. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга / А.А. Зализняк, В.Л. Янин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 3-25.

Зализняк, А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. / А.А. Зализняк // Славянское языкоз-

вание : XIII Междунар. съезд славистов. – Любляна, 2003 г. : докл. российской делегации. – М. : Индрик, 2003. – С. 190-212.

Костючук, Л.Я. К изучению надписей на нательных крестах из Изборска / Л.Я. Костючук, Ю.В. Колпакова // Вестник Псковского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – Псков : ПсковГУ, 2013. – Вып. 2. – С. 146-152, с илл.

Ларин, Б.А. Введение / Б.А. Ларин // Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. : ЛГУ, 1967. – Вып. 1. – С. 3.

Ларин, Б.А. Инструкция Псковского областного словаря / Б.А. Ларин. – Л. : ЛГУ, 1961. – 50 с.

Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Б.А. Лари. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Б.А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – С. 125-149.

Морозова, Н. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии / Н. Морозова, Ю. Новиков. – Тарту : НИМА, 2007. – 336 с.

Мурникова, Т.Ф. Описание русского говора острова Пийрисаара / Т.Ф. Мурникова // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту : ТГУ, 1962. – Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии-V. – С. 345-363.

Паликова, О.Н. Словарь говоров староверов Эстонии : кн. для уч-ся / О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова. – Тарту : Sata, 2008. – 160 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. / СПб. : ЛГУ / СПбГУ, 1967-2014... – Вып. 1-25...

Семенова, М.Ф. О русских старожильческих говорах в Латвии / М.Ф. Семенова // Русский фольклор в Латвии : сб. ст. – Рига : Латвийск. ун-т, 1973. – С. 23-29.

Сивицкене, М.К. Об особенностях проявления некоторых морфологических черт в русских говорах Литвы / М.К. Сивицкене // Диалектологический сборник : материалы IV Диалектологической конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике. – Рига : Латвийск. ун-т, 1969. – С. 112-116.

Словарь старославянского языка: Репринтное издание с чешского языка. – СПб. : СПбГУ, 2006. – Т. I-IV.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 59-61.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]. – М. : Рус. яз., 1994.

Толстой, Н.И. Предисловие к первому изданию / Н.И. Толстой // А.А. Плетнева, А.Г. Кравецкий. Церковнославянский язык. – 5-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2013. – С. 3.

Фразеологический словарь старославянского языка : более 4 000 ед. (проспект) / под ред. С.Г. Шулежковой. – М. ; Магнитогорск, 2006. – 340 с.

Чекмонас, В.Н. Особенности реализации согласных [ц] и [ч] в говорах Псковской области / В.Н. Чекмонас // Псковские говоры. История и диалектология русского языка : сб. науч. ст. – Oslo : Solum Forlag, 1997. – С. 182-208.

Шахматов, А.А. Русская диалектология : лекции / А.А. Шахматов ; под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 264 с.

Greĳ-Pabisowa, I. Słownik starowierców mieszkających w Polsce / I. Greĳ-Pabisowa, I. Maryniakowa. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : PAN, 1960.

Staroobrzędowce za granicą (Старообрядцы в зарубежье). – Toruń, 2010. – 320 s.

Н.А. Лиханова

*Забайкальский государственный
университет (Россия)*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Как известно многим специалистам, которые занимаются проблемами языка, в результате интегрирования языкознания с этнографией, культурологией, этнологией, появилась новая отрасль лингвистической антропологии – этнолингвистика. Она трактуется как «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. В работе С.Г. Шулежковой отмечено, что интерес ученых к народной

духовной культуре «обусловлен, во-первых, изменением политической ситуации в стране, во-вторых – антропоцентризмом, характерной чертой не только современного языкознания и фольклористики, но и в целом современной науки» [Шулежкова 2013: 76]. Автор монографии отмечает, что без учета народной духовной культуры «русская языковая картина мира, русская концептосфера не могут быть описаны адекватно» [Там же]. В целом под *лексикой духовной культуры* следует понимать слова, которые направлены на обслуживание всей сферы духовной жизнедеятельности языковой личности.

Сегодня существует достаточно этнолингвистических зарубежных и отечественных школ, которые занимаются проблемами языка и культуры в рамках диахронного подхода. С.М. Толстая отмечает в своих работах, что таких исследователей в первую очередь привлекает в качестве объекта описания «так называемая культурная лексика, т. е. имена культурных реалий – специальных обрядовых терминов (таких, как коровай, свадебная красота, обрядовое деревце май), названия обрядов и праздников (Семик, Купала, Радуница и т. п.) и т. п. [Толстой 2013: 69].

В качестве источника описания духовной (культурной) лексики могут выступать региональные словари, которые сохраняют уникальный лингвистический материал, дают возможность языковым артефактам приобрести новое осмысление. Отметим лишь часть работ, где репрезентирована духовная региональная лексика. Так, например, народная речевая культуры в диалектных словарях содержится в работах томских лексикографов [Блинова 2006]; фрагменты духовной ангарской лингвокультуры выявлены О.В. Фельде [Фельде 2014]; картина мира среды старожилов и староверов Восточной Сибири отражена в словарном труде Г.В. Афанасьевой-Медведевой [Афанасьева-Медведева 2007]; лексика духовного фольклора на Южном Урале собрана в работах магнитогорских ученых [Шулежкова 2005] и др. Представлены и принципы описания «Словаря лексики духовной культуры кольских саами» [Иванищева 2012]; построение этнокультурного словаря русских говоров Карелии [Михайлова 2014] и т. д.

Изучение забайкальских говоров сквозь призму духовной культуры также вызывает особый интерес, т. к. это может способствовать реконструкции обрядовых действий, способов видения праздников и застолий, представляет все многообразие на-

родного творчества жителей Восточного Забайкалья. Восточное Забайкалье представляет собой уникальный этнолингвокультурный феномен. Специфика заключается в том, что на данной территории столкнулись представители разных этносов. Южная часть современного Восточного Забайкалья осваивалась различными бурятскими племенами, северную часть территории занимали эвенки. Особым жизненным укладом, социальным положением, спецификой военной службы, своеобразными традициями отличались казаки – первые поселенцы в регионе. Важную роль в заселении Забайкалья сыграли и старообрядцы (семейские), которые поселились в Забайкалье при колонизации края в середине XVIII в. из западных районов страны. Данные факты оказали особое влияние на формирование языковой среды в регионе. Вот как описывали специфические особенности своей речи жители Забайкалья «Чевотокма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучше, когда на своем поговре сказку слушать или другой какой рассказ, про старое или про новое. Вот когда от дома далеко, да земляка встретишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слышал с детства, ну адали домой на побывку съездил. Вот что значит, родное слово услышать» [Элиасов 1980: 26]. Достаточный пласт лексики духовной культуры региона отражен в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова, где автор замечает, что «по местным словам... совершенно ясно видно, в какие периоды исторического процесса взаимоотношений людей возникает необходимость духовного обогащения» [Там же: 17]. Среди всего многообразия диалектного материала выделим ряд лексических групп, отражающих самобытность духовной культуры региона:

– наименования демонических существ: *абаси'н* 1. Черт, дьявол, леший. 3. О священнике; *гая'р* – бес, черт, дьявол, нечистая сила; *манга'с* – черт, нечистая сила; *мангатха'й* – 1. Фольк. Громадное многоголовое прожорливое чудовище, которое может проглотить целое царство и пр.;

– наименования колдунов/знахарей: *волхи'дка* – колдунья; *ма'нтус* – колдун; *обозна'ха* – знахарь; *музга'н* – человек, который, по суеверным представлениям, способен сглазить что-либо или кого-либо и пр.;

– наименования из группы свадебной лексики: *переря'д* – переодевание невесты; *перплетчица* – сватья, выполняющая свое дело

за деньги (бранно); *косники'* – 2. участник свадебного обряда, продающий косу невесты и пр.;

– наименование из группы церковной лексики: *погу'л* – обход вокруг церкви во время моления у староверов поповского толка; *отба'жничать* – отказываться от бога, становиться безбожником; *обмоло'читься, обмоло'чниться* – съесть в пост скоромную пищу, оскормиться; *оксти'ться* – креститься и пр.;

– наименование игр: *ввюн* – детская игра в прятки, в которой водящий не обязательно должен разыскивать прячущегося, а последний может сам появиться и «застукать»; *налхи'* – игра в щелчки; *обо'бки* – игра в палочки и пр.

Рассмотрим региональные лексемы *оку'р* и *подку'р*. Автор словаря описывает лексему *оку'р* следующим образом: 1. окуривание вымени новотельной коровы. *Подку'р* – дезинфекция вымени коровы после отела путем окуривания. Контекстный комментарий следующий: «Седне окур вечером будет, теперь с молоком будем». Проведение подобного обряда было направлено на возможность (разрешение) употреблять в пищу молоко дойной коровы после отела. Следующий контекст: «Когда окур коровы пройдет, тогда от нее начинают молоко пить, а до окура теленок все сосет». Для проведения действия использовалась богородская трава – «На окур принес богородской травы». Процесс обрядового действия описан так: «со старины так завелось, осенью богородскую траву заготавливают, чтоб в подкур делать. А подкур делается так: возьмут траву в мисочку, подожгут и дымом подкур делают. После подкура начинают от коровы пить молоко, а до подкура теленок высасывал, что оставалось скоту шло: свиньям, телятам» [Элиасов 1980: 263, 307]. Общеизвестно, что богородская трава (тимьян) активно использовалась как во врачевании, так и в ряде очищающих ритуальных действиях. До проведения обряда не разрешалось употреблять в пищу первое молоко, т. к. оно считалось нечистым.

В «Словаре русских народных говоров» представлена лексема *обку'ривать коро'ву* – «старинный обычай перед началом употребления в пищу молока отелившейся коровы – обдавать ее дымом сжигаемого ладана или лыка с целью очищения молока», выявлено в вологодских говорах [Словарь рус. нар. говоров, вып. 22, 1987: 78]. Зафиксированы лексемы *о'кур/оку'р* 1. Окуривание дымом кого-, чего-либо [Там же, вып. 23, 1987: 175]. Слово же *подку'р* обо-

значает «окуривание вымени коровы после отела» [Там же, вып. 28, 1994: 51]. Распространены анализируемые лексемы, по данным лексикографического источника, в забайкальских говорах.

В труде В.И. Даля выявлена лексема *подку'ривать*, что значит «окурить сысподу, пускать дым подо что», один из контекстных примеров следующий: «Загурбелое вымя дойной коровы подкуривают ладаномъ». *Подку'рь* – самое снадобье, коимъ подкуриваютъ [Даль, т. 3, 1978: 184]. *Окуръ* от глагола о(б)куривать, о(б)курить – «покурить кругомъ, закурить, прокурить, обдымить, надушить что-либо куреномъ» [Даль, т. 2, 1978: 609].

В этнолингвистической работе А.Ф. Журавлева подробно описывается обряд, преследующий своей целью очищение отелившейся коровы, и прежде всего ее окуривание. Ритуальное окуривание обычно предваряется обмыванием, часто сопровождается окроплением коровы святой водой. Автор отмечает, что в Новгородской и Вологодской губерниях данное явление носит название «*корову (святить)*». Процесс окуривания описан следующим образом «После двенадцати удоев корову “светят” ... Перед 13-м удоем хозяйка моет корову теплой водой, шаркая ее при этом горсть. Чистой ржаной соломы; потом берет горшок с горячими угольями, кладет туда немного болотного моху и богородской травы и с дымящимся сосудом обходит корову три раза с чтением молитвы “Богородице Дево”». На разных территориях известен обрядовый термин-фразеологизм *подмыть корову* «окурить ладаном через две недели после отела» в белорусских говорах, *курить у'роки*, в составе которого существительное у'роки означает прежде всего «сглаз, порча, обуроченье». В Брестской области ритуальное окуривание отелившейся коровы носит наименование *у'рокы ски'дати*, в Костромской губернии этот обряд называют *корову обойти* [Журавлев 1994: 50-52].

Лексемы *окур* и *подкур* представляют собой фрагмент духовной культуры забайкальского региона. Для защиты скота от порчи использовались разные действия, в том числе и окуривание вымени, это способствовало началу употребления одного из основных видов пищи – молока. В обряде использовалась богородская трава, ладан; читались специальные тексты заговора или молитва. Сам обряд был распространен у многих славянских народов, в том числе и полиэтническом Забайкалье.

Региональные словари выступают определенным фрагментом изучения духовной культуры. Лексикографирование духовной культуры по словарю Л.Е. Элиасова помогает выявить ряд групп, которые способствуют описанию региональной картины мира Восточного Забайкалья, познанию менталитета, уклада жизни региональной личности.

Литература

Афанасьева-Медведева, Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Г.В. Афанасьева-Медведева ; отв. науч. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 2007. – 640 с.

Блинова, О.И. Народная речевая культура и диалектный словарь / О.И. Блинова // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия : сб. сер. «Научные доклады». – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2006. – С. 378-383.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978. – Т. 2. – 809 с. ; Т. 3. – 577 с.

Журавлев, А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки / А.Ф. Журавлев. – М. : Индрик, 1994. – 256 с.

Иванищева, О.Н. Принципы лексикографирования слов в словаре лексики духовной культуры кольских саами / О.Н. Иванищева // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2012. – № 9 (17). – С. 80-85.

Михайлова, Л.П. Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии / Л.П. Михайлова, Т.Е. Рутт // Севернорусские говоры. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2014. – № 13. – С. 3-16

Словарь русских народных говоров : в 48 т. / под общ. ред. Ф.П. Филина. – Л. : Наука, 1987. – Т. 22 (Обвивень–Одалблывать). – 368 с. ; Т. 23 (Одале–Осеть). – 376 с. ; СПб. : Наука, 1991. – Т. 28 (Подель–Покороче). – 400 с.

Толстой Н.И. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Н.И. Толстой, С.М. Толстая. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. – 240 с.

Толстой, Н.И. Язык и культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 262 с.

Фельде, О.В. Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении / О.В. Фельде // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – №. 3. – С. 190-192.

Шулежкова, С.Г. Духовный фольклор на Южном Урале / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, А.Г. Серов. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – 192 с.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражениях) / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 260 с.

Элиасов, Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. – М. : Наука, 1980. – 472 с.

Е.И. Роголёва, Т.Г. Никитина
Псковский государственный
университет (Россия)

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ*

Проект «Лингвокраеведение на Южном Урале» (науч. рук. проф. Л.А. Глинкина), над которым с 1998 г. вместе с группой ученых работает С.Г. Шулежкова [Шулежкова 2010], явился своего рода «эстафетной палочкой» для сотрудников Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, реализующих масштабный проект «История и культура Псковского региона в лингвокраеведческих словарях» [О чем рассказывают городские названия 2012; Варламова 2011; Никитина 2006; Никитина 2011].

В настоящее время серию лингвокраеведческих словарных разработок продолжает проект «Фразеология для маленьких псковичей», замысел которого заключается в репрезентации фразеологического значения и происхождения фразеологизма через особую организацию историко-этимологического, лингвокультурологического и краеведческого материала, что гарантирует успешность понимания ребенком механизма фразеомообразования.

Согласно дискурсивному подходу к конструированию словарной статьи [Роголева 2014], лексикографической моделью процесса фразеомообразования служит этимологическая парафраза. Этимоло-

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-16-60001, а (р), 2015 г.

гическая парафраза является результатом интерпретации научной этимологической версии применительно к условиям учебной коммуникации с помощью интерпретационных, или собственно этимологизирующих, и текстоорганизующих приемов.

Интерпретационные (собственно этимологизирующие) приемы парафразирования закреплены за определенным тропеическим типом фразеологических единиц (ФЕ). Таким образом, этимологическая репрезентация ФЕ алгоритмизируется, алгоритмы строятся с учетом конкретных механизмов фразеомообразования и этнокультурной специфики образности.

Как отмечает С.Г. Шулежкова, «при создании фразеографических справочников составители неизменно сталкиваются с трудностями, когда дело касается устойчивых сравнений» [Шулежкова 2011: 265].

Так, приступая к раскрытию особенностей словарной репрезентации компаративных фразеологизмов-оксюморонов комплементарного (бинарного) типа (*чист как трубочист*), необходимо учитывать специфику логической противоположности комплементарного типа, где антонимические пары представлены двумя противоположными по значению членами, дополняющими друг друга до целого, так что отрицание одного дает значение другого: *чистый – грязный* (*нечистый* значит ‘грязный’ и наоборот). В такие антонимические отношения вступают компаративная часть сравнения и основание сравнения, а отрицательная модальность создается без каких-либо формальных средств негации [Кузнецова 1995: 7]. Т.Г. Бочина также отмечает наличие у оксюморона «внутреннего отрицания» [Бочина 2003: 21]. В этой связи можно говорить и об ироническом сближении противопоставляемых слов, характерном для устойчивых сравнений-оксюморонов (УС-оксюморонов).

Данные предпосылки обусловили использование интерпретационного приема **«реконструкции внутреннего отрицания в оксюмороне»** для этимологической лексикографической разработки бинарных компаративных ФЕ-оксюморонов.

Модель декодирования образа таких ФЕ-оксюморонов мы представим на материале интерактивного лексикографического текста, сконструированного с помощью игрового текстоорганизующего приема **«поисковых запросов на «фразеологическом компьютере»** с использованием лингвокраеведческого материала.

На первом этапе этимологизации УС-оксюморона *чист как трубочист* в режиме «компьютерного поиска» читатель знакомится с фрагментами статьи «С ядром и метелкой» («Псковская губерния», 2001, № 2), расширяя запас фоновых знаний, необходимых для осмысления механизма фразеомообразования и культурного компонента семантики УС:

<...> Старожилы Пскова хорошо помнят колоритного Мишу Лебедева – бригадира артели трубочистов довоенного времени. Он жил в Никольском переулке, был огромного роста, с большими усами. Кроме усов и роста, воспоминания о Мише Лебедеве связывают с собакой и металлическим ядром и метелкой – неизменными атрибутами его профессиональной экипировки, кстати, одинаковыми для трубочистов всего мира, как и сама технология чистки труб <...>

<...> Люди этой профессии подвергают свою жизнь опасности, ежедневно поднимаясь в дождь, жару и мороз на самые разные крыши – скользкие, крутые, а то и просто прохудившиеся, то, как и в любом деле, есть здесь свои особенности. Например, все нужно делать тщательно. Сажка, впитывая влагу, со временем прессуется и превращается в смолу. Очистить от нее дымоход достаточно сложно <...>

В полной мере раскрыть лингвокультурологический потенциал газетной статьи помогают комментарии к отдельным лингвокультуремам – лексическим элементам текста: *ядро, метелка, дымоход* и др.

О забавных случаях, которые происходили при чистке труб, маленький читатель узнает из рассказа современного главного псковского трубочиста Николая Андреевича Петрова:

<...> Пригласили нас на прочистку дымохода в квартиру в поселке Белый Мох, где готовилась свадьба. Столы были уже накрыты. Мы все подготовили к работе, как положено, и стали чистить трубу. А заслонку вырвало в месте, где перекрывается труба, и сажка хлынула в комнату. На накрытые столы. На все... Хорошо, что успели привести квартиру в порядок до приезда молодых <...>

Далее, с опорой на текст адресат-ребенок получает словообразовательную семантизацию слова *трубочист* (тот, кто чистит трубы) и значимую для фразеомообразования информацию о профессии трубочиста (*из-за копоти и дыма трубы очень грязные, поэтому трубочист, проверяя и очищая их, не может не запачкаться*). «Компьютер выдает» и выражение *грязный как трубочист*, что

представляется читателю весьма логичным – так мы доносим до адресата информацию о том, что некоторые УС-оксюмороны могут рассматриваться как эвфемизмы к синонимичным выражениям, «представляющимся говорящему грубыми и нетактичными» [Кузнецова 1995: 7].

С учетом этого стилистического нюанса, мы ставим перед читателем вопрос: *Можно ли о грязном человеке, сравнивая его с трубочистом, сказать не так жестко, открыто, а с шуткой, легкой насмешкой?* В ходе поисков ответа в Интернете, читатель натывается на логическую игру.

На данном шаге этимологизации целесообразно обратиться к логическому «обратному закону двойного отрицания», согласно которому утверждение влечет свое второе отрицание. Например: «Если Шекспир писал сонеты, то неверно, что он не писал сонеты». Символически: $A \rightarrow \sim \sim A$, если A , то неверно что не- A [Ивин 2002 <http>].

Итак, в ходе «компьютерной игры» читатель получает цепочку суждений: $\langle \dots \rangle$ – *Если трубочист грязный, то неверно, что он **не-грязный***. $\langle \dots \rangle$ – *Если трубочист грязный, то неверно, что он **чистый***. $\langle \dots \rangle$ – *Если трубочист грязен, то неверно, что он чист* $\langle \dots \rangle$ – **Чист как трубочист**. – *Неверно*. («Программа» выдает ошибку).

Таким образом, через определенную последовательность шагов, интерпретирующих обратный закон двойного отрицания, принятый в логике, реализуется прием **«реконструкции внутреннего отрицания в оксюморе»**, который приводит читателя к логическому выводу о развитии фразеологического значения:

$\langle \dots \rangle$ – **Чист как трубочист**. – *Неверно*. («Программа» выдает ошибку). – *Постой-постой! Так ведь нам как раз и нужна ошибка! Ведь **чист как трубочист** – это и есть наш фразеологизм. И раз **чист как трубочист** – это неверно, то, значит, так говорят о ком-то очень грязном! А это и есть значение нашего выражения* $\langle \dots \rangle$

Комплексный подход к репрезентации происхождения фразеологизма в учебном словаре позволяет решать и лингвокраеведческие задачи. Историко-культурный контекст этимологической парафразы, как было показано выше, может строиться на региональном материале, отражающем природные реалии, элементы материальной и духовной культуры, исторические факты, связанные с конкретной областью России. Использование такого словаря в учебном процессе будет способствовать формированию не только

фразеологической, но и социокультурной компетенции школьника, в том числе изучающего русский язык как неродной.

Литература

Варламова, М.П. Русское путешествие для англоязычных студентов. Пособие по чтению / М.П. Варламова. – Псков : Логос, 2011. – 150 с.

Ивин, А.А. Словарь по логике [Электронный ресурс] / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/97> (дата обращения: 25.05.2013).

Кузнецова, И.В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Кузнецова. – СПб., 1995. – 14 с.

Никитина, Т.Г. Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева. – Псков : Логос, 2011. – 204 с.

Никитина, Т.Г. Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева. – М. : ЭЛПИС, 2006. – 380 с.

О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина [и др.]. – Псков : Логос, 2012. – 144 с.

Рогалева, Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика / Е.И. Рогалева. – Псков : ООО ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.

Шулежкова Светлана Григорьевна // Энциклопедия «Известные ученые» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.famous-scientists.ru/5382> (дата обращения: 07.08.2015).

Шулежкова, С.Г. Старославянские устойчивые компаративы как объект фразеографического описания / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 264-271.

СОЗДАНИЕ КОНКОРДАНСА ЖАНРА «ПИСЬМА ВЛАСТИТЕЛЮ»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Основная тема наших исследований – «письмо властителю», представленное двумя вариантами – «письмом царю» (XIX в. – начало XX в.) и «письмом вождю» (XX в.). Нами анализируются письма русских писателей во властные структуры и доказывается мысль о том, что эти тексты можно считать особым жанром, особой разновидностью эпистолярной литературы с присущими ей отличительными чертами и поджанровыми типами [Суровцева 2008; Суровцева 2010; Суровцева 2011; Суровцева 2013а].

В настоящий момент нами ведется работа по составлению сборников писем (всего должны быть подготовлены три сборника по периодам – XIX в., первая половина XX в., вторая половина XX в.). Мы располагаем следующим составом писем (разумеется, в ходе работы над темой количество писем будет увеличено).

В рамках анализа жанра «письма царю» в XIX – начале XX в. нами рассматриваются письма А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Герцена, А. Грина, Ф. Достоевского, В. Короленко, Ф. Тютчева, Л. Н. Толстого, Н. Чернышевского, А. Чехова Александру I, Александру III (в том числе – в его бытность наследным цесаревичем), А. Булыгину, И. Горемыкину, М. Дондукову-Корсакову, Е. Ковалевскому, Д. Набокову, Николаю I, Николаю II, Н. М. Романову, императрице Марии Александровне, В. Муравьеву, В. Олсуфьеву, А. Орлову, К. Победоносцеву, К.К. Романову, П. Столыпину, Д. Толстому, С. Уварову, Ф. Филоннову, а также в III Отделение. Общее количество писем – около 50.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы первой половины XX в. анализируются письма А. Аверченко, А. Ахматовой, А. Богданова, М. Булгакова, Е. Замiatина, М. Зощенко, Я. Ларри, В. Маяковского, А. Корнейчука, В. Короленко, Б. Пастернака, Ф. Раскольникова, А. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова таким представителям власти, как В. Ленин, Х. Раковский, А. Луначарский, И. Сталин, Н. Бухарин, Ф. Дзержинский, А. Енукидзе, Е. Маленков, Е. Ярославский, а

также Правительству СССР, ЦК КПСС. В общей сложности нами проанализировано около 70 писем.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы второй половины XX в. рассматриваются письма Г. Владимова, В. Войновича, В. Высоцкого, С. Злобина, В. Некрасова, Б. Пастернака, А. Солженицына, А. Твардовского, М. Шолохова, а также коллективное письмо 62 писателей таким представителям власти, как Н. Хрущев, Л. Брежнев, Е. Фурцева, Г. Воронов, В. Степаков, П. Демичев, Ю. Андропов, А. Косыгин, Н. Щелоков, а также ЦК КПСС, ССП, «вождям Советского Союза» – в общей сложности около 30 писем.

На наш взгляд, на основе этих сборников должен быть составлен конкорданс писем. В лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова уже есть опыт создания электронных конкордансов [Кукушкина 2006а; 2006б; 2012а; 2012б], и предлагаемый нами конкорданс писем послужит продолжением данной работы. Отметим, что аналогичный научный продукт предложен нами и на основании обработки и анализа писем М. Горького большевистским и советским вождям [Суровцева 2014].

Тексты мы планируем разметить следующими типами информации: автор, адресат, другой адресат (в том случае, если адресат – не один), обращение, подпись (отметим, что обращения и подписи уже привлекли внимание исследователей [Куварова 2011, 2013, 2014; Черняева 2008]), тип текста (письмо, официальная бумага), жанр («письмо царю», «письмо вождю»), поджанр (письмо-просьба / жалоба / оправдание, письмо-инвектива, письмо-декларация, письмо-памфлет), период (XIX в., первая половина XX в., вторая половина XX в.), дата, место написания, тема (результаты работы тематической разметки художественной прозы А.П. Чехова были представлены в электронном корпусе чеховской прозы [Кукушкина 2012]; теоретическое обоснование и принципы проведения данной работы представлены в [Суровцева 2013б]).

Разработанная в ЛОКЛЛ система КИИСа позволяет пересекать разные типы информации. Например, можно отобрать все письма-декларации и составить словарь этих писем; письма-жалобы, адресованные царям, и т.д. В рамках стилистического анализа текста и истории развития эпистолярного жанра необходимо проследить, как менялась лексика писем, в том числе (что очень важно

для анализа эпистолярного жанра) – этикетные формулы (обращения и подписи). Собрать все данные для подобного рода исследований и поможет предлагаемый нами конкорданс.

Предлагаемая нами работа, думается, будет полезна не только историкам и литературоведам, но и лингвистам, изучающим особенности русского языка различных жанров и эпох.

Литература

Куварова, Е.К. Поливокатив в тексте письма / Е.К. Куварова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : материалы IV Междунар. науч. конф. – Дніпропетровськ : Нова Ідеологія, 2013. – С. 153-155.

Куварова, Е.К. Структурно-семантические типы обращения и подписи в русских эпистолярных текстах / Е.К. Куварова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. Ч. 1. – С. 124-129.

Куварова, Е.К. Эпистолярный поливокатив как конструктивный и функциональный параметр письма / Е.К. Куварова // Русский язык: исторические судьбы и современность : V Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / Е.К. Куварова. – М. : МГУ, 2014. – С. 345-346.

Кукушкина, О.В. Диск CD-ROM: КИИСа. Корпусная информационно-исследовательская система / О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, В.В. Федотов. – М. : МГУ, 2006б. – Вып. 1. «Поэзия и драматургия Пушкина» и «Путеводитель по Пушкину».

Кукушкина, О.В. Читаем и исследуем. Работа с корпусами текстов с помощью информационно-исследовательской системы КИИСа / О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, В.В. Федотов. – М. : МГУ, 2006а. – 48 с.

Кукушкина, О.В. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П.Чехова (с электронным приложением) / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Д.Ю. Рюдигер, Л.В. Лапонина ; под общ. ред. А.А.Поликарпова. – М. : МАКС Пресс, 2012а. – 571 с.

Кукушкина, О.В. Электронный корпус А.П. Чехова / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Д.Ю. Рюдигер, Л.В. Лапонина. – М. : МАКС Пресс, 2012б.

Суровцева, Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.) / Е.В. Суровцева. – М. : АИРО, 2010. – 128 с.

Суровцева, Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е годы) / Е.В. Суровцева. – М. : АИРО, 2008. – 168 с.

Суровцева, Е.В. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века / Е.В. Суровцева. – М. : АИРО, 2011. – 164 с.

Суровцева, Е.В. Писатели и властители: на материале их переписки / Е.В. Суровцева. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2013a. – 123 с.

Суровцева, Е.В. Словарь тем писателя в контексте идеографических словарей и авторской лексикографии. На материале художественной прозы и драматургии А.П.Чехова (К постановке проблемы) / Е.В. Суровцева // Язык. Сознание. Коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2013б. – Вып. 47 : сб. науч. ст., посвящ. юбилею заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. – С. 494-507.

Суровцева, Е.В. Создание конкорданса переписки М. Горького с советскими вождями: постановка проблемы / Е.В. Суровцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2014. – Вып. 3 (июль – август – сентябрь). – С. 356-357.

Черняева, А.Б. Функционирование обращения в дружеском письме русской интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Черняева. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 187 с.

М.А. Фокина

*Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова (Россия)*

«СЛОВАРЬ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОГО КРАЯ»: НАЗНАЧЕНИЕ – СТРУКТУРА – СОДЕРЖАНИЕ

Русская классическая литература является одним из главных источников крылатых единиц литературного языка. Крылатые выражения, возникшие на базе художественных произведений, «придают русскому языку своеобразный национальный колорит и являются неотъемлемой частью нашей духовной культуры» [Шу-

лежкова 2002: 87]. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» (2005) отражено значительное количество крылатизмов из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других известных русских писателей.

С Костромским краем связаны жизнь и творчество драматурга Александра Николаевича Островского, поэтов Петра Андреевича Вяземского, Алексея Николаевича Плещеева, Николая Алексеевича Некрасова. Эти авторы обогатили русский литературный язык различными крылатыми единицами (КЕ). Среди них большее количество крылатизмов принадлежит Николаю Алексеевичу Некрасову, имя которого носит Костромской государственный университет. В 2013 г., когда вуз отмечал свой 95-летний юбилей, возникла идея создать учебный словарь крылатых выражений писателей Костромского края. Назначение словаря – дать представление о фонде КЕ костромских писателей, их источниках, значении, структуре и особенностях употребления в современной речи, в том числе в региональных текстах. Словарь адресован учащейся молодежи, старшеклассникам и студентам, он может быть использован на занятиях по русскому языку и литературе, на уроках развития речи, будет востребован в процессе реализации региональных программ филологической направленности в школе и вузе.

Словарь состоит из четырех разделов (по именам писателей), в которых последовательно представлены КЕ конкретных авторов с учетом их количественного состава. Первый раздел посвящен творчеству Н.А. Некрасова (свыше 50 КЕ); второй – А.Н. Островского (более 10 КЕ); третий – Вяземского (6 КЕ); четвертый – А.Н. Плещеева (4 КЕ). Внутри каждой части расположение словарных статей – по алфавитному принципу. Всего словарь включает около 70 словарных статей.

Структура словарной статьи: 1) заголовочная крылатая единица; 2) источник КЕ (приводятся цитаты с указанием названия произведения автора и даты его создания/публикации); 3) толкование значения; 4) иллюстрации (употребление в речи).

В конце словаря приводится общий алфавитный список всех КЕ с указанием автора и страницы словаря, где расположена соответствующая словарная статья.

В иллюстративной части словаря отражены региональные публицистические тексты, в которых активно функционируют крылатизмы, представленные в словаре. Материал для иллюстраций отбирался по костромским изданиям: «Северная правда» (областная газета); «Что делать?» (газета костромских коммунистов); «Волжская новь», «Вохомская правда» (районные газеты) и др.

В костромских печатных СМИ, как и в центральных изданиях, частотно употребление некрасовской крылатой фразы *Есть женщины в русских селеньях* 'о храбрых, решительных и самоотверженных женщинах' [Берков 2005: 160]. В 2011 г. в газете «Северная правда» была опубликована заметка Галины Ивановой «Хозяйка усадьбы»: *Традиционный районный конкурс <...> завершился в Судиславле. Участницы показали свое мастерство в кулинарном и оформительском искусстве, в рукоделии и умении вести домашнее хозяйство. Победительницей признана Валентина Зимина из села Александрово. Работает наша героиня художественным руководителем Жваловского дома культуры. На конкурс Валентина представила вкусный салат и маринованные белые грибы. А еще она любит вязать, водит машину и на своем подворье ухаживает за буренкой. Так и хочется сказать о ней словами поэта: «Есть женщины в русских селеньях»* (Иванова, с. 2). В результате использования костромских топонимов и тематической лексики, относящейся к деревенскому быту, актуализируется семантика компонентов КЕ в русских селеньях: в Судиславле (название районного центра); из села Александрово; Жваловский дом культуры; на подворье; буренка. Крылатая фраза завершает текст и обобщает его содержание.

Крылатое выражение А.Н. Островского *таланты и поклонники* характеризует костромских артистов и театралов в статье «Без царя в монастыре»: *«Исторический день» впервые прошел по новому сценарию. Точнее, даже по трем: в минувшую среду священнослужители и прихожане чествовали главную костромскую святыню – чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери, таланты и поклонники* отмечали любимый ежегодный праздник – Международный день театра, краеведы и патриоты вспоминали важную историческую дату – 400-летие возрождения российской государственности. Таким многоторжественным 27 марта в Костроме не было, похоже, уже давно. Настолько малошумным, впрочем, тоже (газета «Северная правда»). Выражение таланты

и поклонники ‘об отношениях между людьми искусства и их почитателями’ [Берков 2005: 489] участвует здесь в создании параллельных синтаксических конструкций: *священнослужители и прихожане чествовали – таланты и поклонники отмечали – краеведы и патриоты вспоминали*.

Использование костромских публицистических текстов в качестве словарных иллюстраций усиливает краеведческую значимость учебного издания, наглядно демонстрирует, как живут крылатые единицы известных писателей XIX в. в современной речи, как с их помощью отражаются национально-культурные представления русского народа, а также создается неповторимый региональный колорит в изображении людей и событий древней севернорусской земли.

Учебный «Словарь крылатых выражений писателей Костромского края» способствует углублению знаний в области крылатологии, совершенствованию речевых и коммуникативных навыков, воспитанию гражданственности и патриотизма, любви к родному языку, развитию филологических интересов и способностей обучающихся.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 ед. / В.П.Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005. – 623, [1] с.

Иванова, Г. Хозяйка усадьбы / Г. Иванова // Северная правда, 27.09.2011.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Я К ВАМ ПИШУ... (поздравительные слова юбиляру).....	4
---	----------

СЕКЦИЯ I. КРЫЛАТОЕ СЛОВО В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Акимов Е.Г. (Тула) О некоторых крылатых единицах в романах Александра Проханова.....</i>	<i>22</i>
---	-----------

<i>Анохина С.А. (Магнитогорск) Акакий Акакиевич Башмачкин как номинация чиновника (к вопросу об актуальности крылатой единицы).....</i>	<i>27</i>
---	-----------

<i>Гневэк О.В. (Магнитогорск) Инсайт как явление крылатологии.....</i>	<i>33</i>
--	-----------

<i>Голованова Е.И., Скрипичникова Н.С. (Челябинск) Особенности употребления крылатых выражений в профессиональном лексиконе сотрудников правоохранительных органов.....</i>	<i>44</i>
---	-----------

<i>Дядечко Л.П., Салахатдинова Э.Ш. (Киев, Украина) Характер номинации крылатых выражений-предложений и сверхфразовых образований.....</i>	<i>49</i>
--	-----------

<i>Ломакина О.В. (Москва) Функциональный потенциал крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: монофункциональность и полифункциональность.....</i>	<i>55</i>
---	-----------

<i>Макарова А.С. (Москва) Особенности интерпретации крылатых выражений в русском и французском языкознании.....</i>	<i>61</i>
---	-----------

<i>Мишина Л.Н. (Магнитогорск) Функционирование песенных крылатых выражений в произведении М. Кононенко «Владимир Владимирович™».....</i>	<i>66</i>
--	-----------

<i>Осипова А.А. (Магнитогорск) Стоит! И стоять будет! (особенности употребления исторических крылатых единиц в творчестве В.П. Астафьева).....</i>	<i>73</i>
--	-----------

<i>Сидоренко К.П. (Санкт-Петербург) Объединение цитат: крылатая контаминация (на примере выражений, восходящих к басням И.А. Крылова).....</i>	<i>82</i>
--	-----------

Соколова Е.П. (Магнитогорск) Периферийная зона морфологического поля имени числительного в крылатых выражениях русского языка.....90

Тарса Я. (Ополе, Польша) Skrzydlate słowa w przestrzeni internetu.....96

Хлебда В. (Ополе, Польша) Czy skrzydlate słowa są prototypowymi obiektami frazeografii? Jeszcze raz o statusie skrzydlatych słów.....102

Чурилина Л.Н. (Магнитогорск) Реминисцентные реакции в ассоциативном эксперименте, или о месте крылом в языковом сознании.....108

СЕКЦИЯ II. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

Андреева С.Л. (Магнитогорск) Фразеологические образы и вариантность: к вопросу об идентификации фразеологической полисемии (на примере оборота *хрустальный дворец*).....115

Антонякова Д. (Прецов, Словакия) Выражение кровных и родственных отношений в русско-словацкой культуре и их отражение в паремиях (на материале русских и словацких паремий).....124

Бочина Т.Г. (Казань) Отгадка – в загадках: пословицы образной дезидентификации и загадки.....131

Василенко А.П. (Брянск) Варьирование фразеологизмов в поэзии Б. Пастернака.....137

Ершова Н.И. (Саранск) Фразеологические синонимы в русских говорах Мордовии.....140

Лоскутова Е.Н. (Тюмень) Прецедентные поэтонимы в составе паремий, включенных в произведения М.А. Шолохова....143

Мухина И.К. (Екатеринбург) Фразеологизмы в составе денотативно-идеографической группы «Названия наций, народов».....147

Огольцева Е.В. (Москва) Взаимодействие устойчивых сравнений и компаративно-производных слов в языке и тексте.....153

Прокофьева А.В. (Магнитогорск) Фразеологические единицы как средство выражения континуума в поэзии В.С. Высоцкого.....161

Савенкова Л.Б. (Ростов-на-Дону) Афоризм, крылатая фраза, паремия: векторы взаимодействия.....167

Соколова А.А., Фатеева Н.А. (Тюмень) Фразеографическая разработка милитарионимов с компонентом «КОТЕЛ».....172

Суровцева С.И. (Челябинск) Фразеопредлоги в свете лингвистических исследований.....180

Фесенко О.П., Воробьева Н.В., Богатова С.М. (Омск) Проблемы освоения фразеологического фонда русского языка учащимися начальной школы.....185

Финк Ж. (Загреб, Хорватия) Стол в хорватской фразеологии: от питания до переговоров.....189

Хайдарова В.Ф. (Магнитогорск) Оборот *холодные сердца* в песнях русских протестантов.....196

Чунослова И.А. (Челябинск) Фразеологические единицы и стереотипные выражения в церковно-приходских летописях XVIII – XIX вв.200

Швидченко А.Ю. (Магнитогорск) Библеизмы с ономастическим компонентом в русском и немецком языках.....204

СЕКЦИЯ III. РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЙ ТЕКСТ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Астахина Л.Ю. (Москва) Об изменениях лексической системы в истории русского языка.....208

Бекасова Е.Н. (Оренбург) «Остромирово евангелие» в контексте церковнославянского языка русской редакции.....210

<i>Выхрыстюк М.С., Окмянская А.В. (Тобольск)</i> Специфика процесса становления лексико-грамматической нормированности текстов русской деловой письменности.....	216
<i>Выхрыстюк М.С., Токарева Е.Ю. (Тобольск)</i> Синонимия как способ функционального осмысления лексического состава «Лечебника XVII в.» и «Травника XVIII в.».....	221
<i>Дидковская В.Г. (Великий Новгород)</i> Память слова.....	225
<i>Жигулина Д.В. (Магнитогорск)</i> Языковые единицы с компонентом родъ в славянских памятниках X–XI вв.	231
<i>Зиновьева Е.И. (Санкт-Петербург)</i> Формулы деловой письменности в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв.	237
<i>Клинкова И.С. (Магнитогорск)</i> Этимологический анализ слов при подготовке школьников к олимпиадам по русскому языку.....	244
<i>Любимова Л.М. (Чита)</i> Историческая языковая личность как объект изучения: постановка проблемы.....	250
<i>Миронова А.А. (Челябинск)</i> Изучение языковой картины мира горнозаводского населения Урала на материале приходских летописей XIX в.	256
<i>Пименова М.В. (Владимир)</i> Описание как функционально-семантический тип речи (на материале деловых памятников XVII–XVIII вв.).....	261
<i>Позднякова Н.В. (Магнитогорск)</i> Упоминания современниками как источник для воссоздания языкового портрета исторической личности (на материале личной переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина).....	267

СЕКЦИЯ IV. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Алефиренко Н.Ф. (Белгород)</i> Логоэпистема – категория когнитивной лингвопоэтики.....	274
---	-----

<i>Бедрикова М.Л. (Магнитогорск)</i> Интерпретация традиционных фольклорных образов и выражений в лирике Н. Рубцова.....	279
<i>Безруков А.Н. (Бирск)</i> Рецепция языковых концептов в авторском художественном дискурсе.....	286
<i>Вальтер Х. (Грайфсвальд, Германия), Мокиенко В.М. (Санкт-Петербург)</i> Структура лозунга и его дефиниции.....	289
<i>Воеводина Г.А. (Елец)</i> Оценочная лексика родства в современном русском языке.....	300
<i>Гладких Ю.Г. (Пермь)</i> Тексты – в – текстах в «Затесях» В.П. Астафьева: инвариантное и вариантное.....	305
<i>Жукова А.Г. (Москва), Мандрикова Г.М. (Новосибирск)</i> Жизнь «Добра» в прошлом и настоящем.....	312
<i>Левушкина Р. (Белград, Сербия)</i> Современные сербские лингвистические исследования в области православия.....	318
<i>Петренко О.В. (Магнитогорск)</i> Роль российских немцев в развитии науки и культуры г. Магнитогорска на рубеже XX–XXI вв.	324
<i>Пономарева Л.Д. (Магнитогорск)</i> Развитие метафорических способностей учащихся в процессе художественной речетворческой деятельности.....	331
<i>Халитова Н.Р. (Магнитогорск)</i> «Лагерная проза» В.Т. Шаламова как образец взаимоотношения лагерной речи и литературного языка советской эпохи.....	338
<i>Чернова О.Е. (Магнитогорск)</i> Новоидеологемы современной политической коммуникации.....	343
<i>Шляхова С.С. (Пермь)</i> Прецедентные феномены в структуре научного знания молодежи.....	349
<i>Юрьева И.А. (Магнитогорск)</i> Термин «картина мира»: к вопросу о лингвистической типологии.....	356

СЕКЦИЯ V. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Дорфман Т.В. (Магнитогорск) Онтологический статус языка.....361

Шиганова Г.А. (Челябинск) Релятивные единицы русского языка
в философском и семантико-грамматическом аспектах.....367

Юздова Л.П. (Челябинск) Системность языка на примере
анализа семантической категории квалитативности.....371

СЕКЦИЯ VI. ЛЕКСИКОГРАФИЯ – ИСКУССТВО СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО НАСЛЕДИЯ

Безкорвайная Г.Т. (Москва) Описание лексемы статус / status
в русских и английских идеографических словарях:
универсальное и национальное.....376

Зыкова Е.И. (Санкт-Петербург) Проблемы фразеографичес-
кого описания реалий неорганического мира в русских компа-
ративах (из опыта составления «Идеографического словаря
ключевых концептов русских народных сравнений»).....382

Костючук Л.Я. (Псков) Необходимость «поймать» и сохранить
народное слово (об исследовании псковского материала
в прошлом и настоящем).....389

Лиханова Н.А. (Чита) Региональные словари как источник
изучения духовной культуры.....397

Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. (Псков) Компаративные
фразеологизмы в лингвокраеведческом учебном словаре.....403

Суровцева Е.В. (Москва) Создание конкорданса жанра
«письма властителю»: постановка проблемы.....408

Фокина М.А. (Кострома) «Словарь крылатых выражений
писателей костромского края»: назначение – структура –
содержание.....411